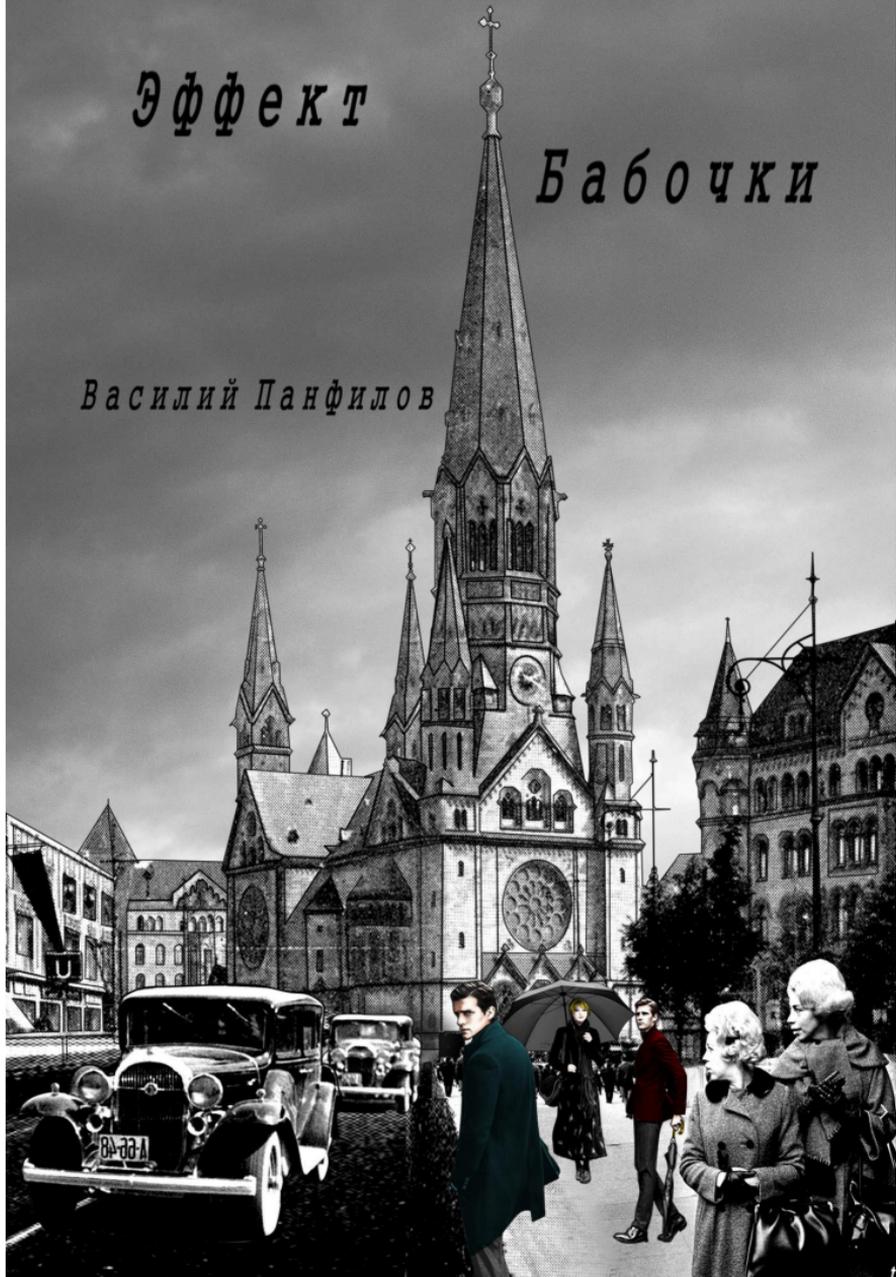

Эффект

Бабочки

Василий Панфилов

Василий Сергеевич Панфилов

Эффект бабочки

Серия «Великая Депрессия», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67279692*

В. С. Панфилов. Эффект бабочки:

Аннотация

Веймарская республика, три человека разного возраста и жизненного опыта, случайно оказавшиеся вместе. Наши современники в Германии 1927 года.

Российский бизнесмен, бывший чиновник немаленького ранга, мечтает встать наравне с Ротшильдами, Морганями и Рокфеллерами. Любой ценой!

Русский бандит с канонической биографией "спортсмен-армия-зона" сам толком не знает, чего хочет, но рассказы о героическом дедушке-коминтерновце не дают покоя.

Русский студент... а вот тут сложнее. "Русский немец" без капли русской крови, стажёр немецкой БФФ, федерального ведомства по охране конституции. Его долг – вывести Германию из надвигающейся мировой бойни... а вот как, вопрос не самый простой. Недоучившийся студент, мальчишка-стажёр... У каждого свои интересы, своё виденье будущего, и ни малейшего повода доверять друг другу.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	24
Глава 3	41
Глава 4	51
Глава 5	66
Глава 6	79
Глава 7	92
Глава 8	104
Глава 9	117
Глава 10	132
Глава 11	144
Глава 12	155
Глава 13	167
Глава 14	179
Глава 15	193
Глава 16	205
Глава 17	216
Глава 18	226
Глава 19	236
Глава 20	246
Глава 21	258
Глава 22	269
Глава 23	280

Глава 24	292
Глава 25	302
Глава 26	314
Глава 27	327
Глава 28	338
Глава 29	349
Глава 30	359
Глава 31	369
Глава 32	380
Глава 33	393
Глава 34	404
Глава 35	416
Глава 36	428
Глава 37	440
Глава 38	452
Глава 39	465
Глава 40	477
Глава 41	489
Глава 42	500
Эпилог	512

Василий Панфилов

Эффект бабочки

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Глава 1

Пытаюсь удержаться на ногах посреди перепуганной толпы и самому не сорваться в панику. Мечущиеся во все стороны люди то и дело сталкиваются, а масса у некоторых более чем солидная! Упавшим не помогают и часто не дают возможности подняться, втапывая в плитку.

Добавляют проблем многочисленные уличные кафе с вынесенными на тротуары пластиковыми столиками и стульями, да валяющиеся под ногами потерянные предметы одежды, женские сумочки и зонтики.

– Баррикады! – Заорал истошно, срывая голос, спортивного вида мужчина лет пятидесяти впереди, – мы должны остановить шахидов!

Подавая пример, он кинул на дорогу урну, о которую тут же споткнулась толстая немолодая женщина и упала, обдирая ладони и лицо. У мужчины тут же нашлись последователи, под ноги бегущим полетела пластиковая мебель, урны, велосипеды и пакеты с покупками.

Пока что лёгкая, но громоздкая пластиковая мебель задерживала только бегущих от грузовика людей... Сам же метатель, в котором я опознал популярного ведущего одного из немецких телеканалов, убежал вперёд, с силой расталкивая людей и вопя о необходимости сопротивления.

– Съездил, блять, в Германию, сука! – Заорал непода-

лёку спортивный темноволосый мужчина под сорок, с лёгкость перепрыгивая баррикаду, но врезаясь в дебелую немку, неожиданно шарахнувшись в сторону. С трудом удержавшись на ногах, мужчина ещё раз выругался, без замаха ткнул немку кулаком в бок и принялся пробираться вперёд, оглядываясь на виляющий из стороны в сторону грузовик.

– Фрицы сраные! К вам, блядям, только на танке надо!

Через несколько секунд из толпы на звук русской речи к черноволосому пробился крепкий белоголовый мужчина под пятьдесят.

– Вбок надо! – Возбуждённо закричал он, – так всё равно затопчут, не успеем уйти!

Черноволосый кивнул, и русские начали вдвоём пробираться в нужном направлении. Задумавшись на секунду и глянув на мечущихся людей, присоединяюсь к ним. Втроём мы быстро пробились к краю человеческой реки.

– Переулок, – выдыхаю прерывисто, – метров через двадцать... можно.

Дойти до переулка не успели, огненная вспышка накрыла улицу.

* * *

– Не понял, – осторожно сказал черноволосый несколько секунд спустя, открывая глаза, – что за хуйня?!

– Присоединяюсь, – нервно сказал белоголовый, протирая

запотевшие очки полой грязной майки, – мы вроде как от грузовика убежали? Убежали, только вот куда?

Вопрос оказался к месту, мы сидели в узком просвете междоумов и никаких следов толпы не наблюдалось. Нервно смеясь, темноволосый прошёл к выходу из переулка.

– Ноги не держат, – пожаловался мне второй.

– Аналогично, – сажусь рядом, не обращая внимания на чистоту переулка, – Да и не стоит дёргаться, в такой ситуации мы могли не заметить рану, адреналина-то хватанули с избытком.

– Бывало! – С видом знатока согласился немолодой мужчина, – у нас в ВДВ...

– Парни, – прервал их разговор вернувшийся спутник, – пойдёмте со мной, понять не могу.

– Не понял, – высказал я полминуты спустя общую мысль, – это какой-то неправильный Берлин.

– Правильный, – с тоской сказал белоголовый, снова протирая снятые очки дрожащими руками, – просто не наш. Не наше время.

Тряхнув головой, взгляделся, будто от этого могло что-то измениться. Всё те же старинные автомобили, изредка проезжающие по ночной улице, тускловатые фонари непривычного образца и прохожие в одеждах, будто вышедшие из гангстерских фильмов о Великой Депрессии.

– Фильм? – С надеждой спросил сам себя старший из попаданцев.

– Хуильм, – нервно отозвался черноволосый, – грузовик помнишь? Что тогда хуйню несешь? Бля... извини братка, на взводе.

– Ничего.

– Пройдусь немного, – роняю сквозь зубы, пытаюсь удержать нервную дрожь, – разужнаю.

Мельком оглядев явно неподобающую для такого времени одежду, делаю первые шаги из переуллка. Пятнадцать минут спустя вернулся, пребывая в сильном замешательстве.

Не первый год проживаю в Германии и третий год как в Берлине. Судя по характерным строениям, мы в Шарлоттенбурге, а многочисленные русские вывески с характерными Ятями подтверждают выводы – Германия двадцатых годов двадцатого века.

– Попали, – тоскливо сообщаю, заходя в переулок, – вот уж попали, так попали.

– Блять, не томи! – Взорвался черноволосый, – ясно что попали, конкретику можешь или так и будешь сопли жевать?!

Несколько секунд померявшись взглядами с хамом, отвожу глаза.

– Всё тот же Берлин, но примерно двадцатые годы двадцатого века. Стоп! Договорить дайте! Если это не какой-то во все уж параллельный мир, то да – отвечаю! Одежда, машины, здания, отсутствие рекламы и вот... Май тысяча девятьсот двадцать седьмого.

Старая газета, украдкой вытащенная из урны, изучена досконально.

– Кроме даты, ни хера не могу прочитать, – с досадой сказал черноволосый.

– Я немецкий в школе учил, – но потом подзабыл основательно, по жизни больше английский нужен был, – развёл руками белоголовый, – ты как, разбираешься?

Кивнул, начав читать малотиражную берлинскую газетёнку явно жёлтой направленности, на ходу переводя статьи.

– Продам, куплю... херота, а не информация, – бухтел черноволосый, грызя ногти.

– Кстати, мы до сих пор не представились, – нервно хихикнул старейший из попаданцев, – Постников Аркадий Валерьевич.

– Максим Парахин, – отозвался черноволосый, – Сергеевич. Но лучше Максом или Максимом.

– Саша... Александр Викторович Сушков.

– Так что, Александр Викторович, – светски осведомился Аркадий Валерьевич, – вы немецкий неплохо знаете, как я погляжу?

– Просто Саша, – поправляю его, – и давайте хотя бы наедине по именам, – долго иначе. Немецкий свободно, английский чуть похуже. Иняз, плюс по Европе много мотался.

Старший мужчины переглянулись...

– Так, братиш, нам похоже вместе держаться нужно, – начал Макс, – ты вот языки знаешь, я по жизни вертеться умею.

Ну... служил, воевал, сидел. Потом вопросы всякие решать приходилось.

– Бандит? – Спрашиваю без обиняков, отслеживая реакцию.

– Не совсем, – уклончиво ответил Макс, доброжелательно скалясь, – скорее решала. Наркотиками не торговал сроду, и квартиры у бабушек не вымогал. Самое жёсткое, так это долги выбивал из одних мутных личностей в пользу других мутных личностей. Но это уже после отсидки поумнел, до неё... ох, каким же дураком я был! А после всё больше головой и в рамках закона.

– Полезное дело, – покивал Аркадий важно, забирая внимание, – я вот по первому образованию инженер, потом в администрации города работал, юридическое получил. Потом уже бизнесмен.

– Нас сама судьба свела, – хохотнул натужно Максим, – Без Сашки мы в Берлине пропадём на первых порах, без моих талантов с голоду подохнём или чернорабочими работать пойдём.

– Ну а я знаю, как функционирует чиновничий аппарат, – блеснул очками Аркадий Валерьевич, – и как инженер могу немало подсказать. Хотя бы в части долгосрочных инвестиций.

– Согласен, – поддерживаю новых товарищей, – держимся вместе. Прошу слушаться меня хотя бы поначалу. Не только язык знаю, но и немного историю Берлина, нравы горожан и

прочую хрень.

– Работал? – Поинтересовался Максим.

– К брату двоюродному в гости часто приезжал.

Слово за слово и не бандит вытянул мою официальную биографию.

– ... КМС по дзюдо, потом бросил – сетчатка в глазах начала отходить, так что завязал с контактными видами спорта. Физическая работа тоже пока противопоказана – тяжёлая, по крайней мере. Дворником могу с оговорками, а вот грузчиком – пардоньте.

Старшие товарищи переглянулись с кислым видом – немного нарочито, как на мой взгляд. Простейший, но действенный психологический трюк – нагнуть оппонента, а потом милостиво допустить к себе, но уже не на равных, а как нижестоящего. На всякий случай сделал вид, что психологический пресс действует.

– Хреново, – протянул Аркадий Валерьевич, снова протирая очки, – вживаться тяжеловато будет, тем более мы явно выделяться будем.

– Нормально, – отвечаю уверенно, – будем, конечно, но тут русских много.

– Всё легче, – перебил его Валерьевич.

– Не те это русские, не наши. А... долго рассказывать, потом напомните. Давайте-ка из проулка выбираться, а то нами скоро не полицаи, так бандиты заинтересуются.

– Космонавтом себя чувствую, – негромко сказал своим

резким голосом Максим, – как на Марс впервые вступил.

Мы пошли вдоль полутёмной улицы, комментируя виденное.

– Вывесок-то русских сколько! – Возбуждённо сказал Валерьевич, – а русские своих не бросают! Прорвёмся!

Мы с Максимом дружно поморщились, и старший из нашей компании понятливо заткнулся.

– Много наших... русских в смысле? – Поинтересовался Максим.

– Если я правильно помню, то чуть ли не триста тысяч только в Берлине сидело¹, – отвечаю чуточку неуверенно, – но давайте потом, ладно? Нас на ночлег нужно устроить, а учитывая отсутствие у нас документов...

– Документы у нас есть, – перебил его Максим, – и денег до хрена! А если на карточке, то и вовсе... бля, какие бабки пропали... Только вот как я понял, светить ими – хуже некуда, так?

– Так, – отозвался Аркадий Валерьевич, – на запчасти разберут, просто на всякий случай. Ну или как хороший вариант – сидеть нам в подвале до тех пор, пока всё нужно не вытащат. А потом лежать, но уже в земле.

Не особо вслушиваясь в разговор, подгоняемый начавшимся весенним дождиком, вглядываюсь в попадавшие

¹ К тому времени русских эмигрантов в Берлине осталось не больше тридцати тысяч, очень уж неласково относились к ним власти Германии и очень тяжёлой была экономическая ситуация в стране.

вывески, пытаюсь определиться. Наконец, Бильярдная капитана Мацевича, также ночлег и еда показалась подходящей, и я решительно завернул спутников в неприметный подвальныйчик.

– Кольцо, – шиплю Аркадию Валерьевичу, – да не перстень, обручальное давайте!

– Пропади моя телега, все четыре колеса, – пробормотал тот, с трудом стягивая с пальца массивный золотой ободок белого золота.

– И молчите, бога ради – молчите!

* * *

Подвальное помещение встретило запахами скверного табака и затхлого воздуха. За одним из бильярдных столов, покрытых вытертым сукном, вяло играли несколько нетрезвых немолодых мужчин, обсуждая что-то на русском.

– Свободная комната имеется? – В лоб интересуюсь у подскочившего хозяина заведения, выцветшего рыхлого живчика среднего роста, с жидкими пегими волосами, расчёсанными на пробор.

– Имеется, сударь, – выпрямился тот, – и очень недурные!

– Нам комнату на троих и... что из еды? Дежурного, нам не до изысков, – для большей убедительности постучал по ладони обручальным кольцом. В эмигрантской среде такими вещами никого не удивить, господу белогвардейцы посте-

пенно пропивали и проедали даже нательные крестики, что уж там обручальное кольцо...

– Третью цены скину, – бросил взгляд на кольцо капитан Мацевич, – больше всё равно нигде не получите, у меня ещё по божески.

– По божески, – соглашаюсь с ним, забирая марки, – что из еды?

– Щи суточные будете? И лафитничек явно не лишним покажется.

– Несите.

Быстро поев, удалились в предоставленную комнату, посетив перед этим уборную в конце коридора.

– Держи, – высыпаю оставшиеся марки в ладонь Валерьевичу и ложусь на постель не раздеваясь. Настроение у всей компании откровенно похоронное, разговаривать не хотелось никому.

* * *

Проснулся от перебежек Максима, затеявшего с раннего утра зарядку. Мужчина отжимался с хлопками, демонстрируя завидную физическую форму и прекрасное телосложение человека, знакомого с кроссфитом² не понаслышке. Су-

² Кроссфит представляет собой программу тренировок, направленных на развитие таких качеств, как сила и выносливость, которая состоит из упражнений преимущественно аэробного характера. Кроссфит ставит своей задачей выпол-

хощавый, с хорошо проработанными мышцами профессионального бойца.

Аркадий Валерьевич отсутствовал в комнате, но смятая постель не заправлена.

– В сортире наш старпёр-десантник, – не прекращая отжиматься, доложил Максим, – тебе бы тоже не мешало его посетить, пока утренняя очередь не образовалась.

Посетив замызганный кабинет задумчивости, вернулся в комнату, трогая языком нечищенные зубы. Почему-то именно невозможность нормальной гигиены раздражает сильнее всего.

Дома у меня возникли такие проблемы, что помимо вполне понятного страха от попаданства, в наличии ещё и облегчение. Здесь появятся... да собственно, уже появились, новые проблемы.

Я не оптимист и считаю нашу ситуацию достаточно скверной. Просто... дома было опасней, много опасней. Здесь имеется вполне реальный шанс не просто выкрутиться, но и устроиться относительно комфортно.

– Ну, что будем делать? – Прервал размышления Аркадий Валерьевич.

– Вы – сидеть здесь и не отсвечивать, – видя готового вспыхнуть Максима добавляю: – отсутствие документов и

нение систематично чередующихся функциональных движений высокой интенсивности, взятых из тяжелой атлетики, пауэрлифтинга, стронгмэна, плиометрики, акробатики, гребли, бега и плавания.

незнание немецкого никуда не делось.

Бандит сдувается и начинает нервно стучать пальцами по коленке.

– А ты? – Спрашивает он негромко, не глядя на меня.

– Пройдусь, присмотрюсь к городу.

– Одежда как, аутентичная?

– Не слишком, но деваться некуда. Плюсом то, что она потёртая, в секунде³ брал.

– Потёртая – плюсом? – не поверил Валерьевич, вскинув голову и скептически изогнув бровь, – Всегда полагал, что лучше новая.

– В нашем случае – плюсом. Всегда можно пожать плечами и сказать, что дёшево досталось, с рук у кого-то по случаю купил. Экономика сейчас по всему миру не самая здоровая, так что многие ещё и позавидуют. Тем более, никаких слишком ярких деталей в моём облике нет, обычное городское милитари.

Вижу, что невольные сокомандники нервничают – не брошу ли я их одних? Но утешать нет желания, да и... всё может быть.

³ Сёкконд-хэнд (от англ. second hand – вторая рука) – современный термин, обозначающий: бывшее в употреблении движимое имущество (синонимы: бывший в употреблении (сокр. б/у), подержанный).

Побродив по улицам, поймал наконец ритм города и слился с толпой. Самый внимательный полицейский не задержит на мне взгляд. Иду чуть ссутулив плечи и засунув руки в карманы – типичный молодой парень из рабочих кварталов, не слишком воспитанный и не пытающийся казаться кем-то другим.

Берлин двадцатых годов завораживает лаконичной красотой, а среди прохожих почти не попадаются понаехавшие. Нет-нет да послышится чужая речь, но лица все европейские. Приятно...

Я не наци, но... вы никогда не жили по соседству с турецким кварталом? Не советую даже пробовать, вряд ли такой опыт можно будет назвать приятным. А уж если школа с преобладающими среди учеников национальными меньшинствами... врагу не пожелаешь.

Стряхнув с себя очарование города, начинаю работать. Всё тот же устало-равнодушный вид человека, отчаявшегося найти работу. Подставляюсь под спешащего полного господина в котелке, с гордо торчащими нафабранными⁴ усами под Вильгельма⁵, и тот закономерно толкает меня к выбран-

⁴ Крашенными в чёрный цвет.

⁵ Кончики усов, смазанных воскообразными веществами, закручивались вверх. Не просто мода, но и некая фронда, демонстративный знак приязни к свергну-

ной цели.

– Простите, молодой человек, ради бога простите, – на ходу извиняется толстяк, прервав на пару секунд движение. Молча киваю и так же ссутулившись иду дальше, постепенно замедляя шаг и сворачивая в сторону. Зайдя в подворотню, исследую добытое портмоне. Негусто... меньше двадцати марок.

Снова отправляюсь на охоту, и наконец везёт. Наркоманистого вида девица под руку с папиком лет пятидесяти порадовала толстой пачкой банкнот. Сворачиваю деятельность и срочно удаляюсь.

Нужно переодеться и купить подержанную одежду товарищам по несчастью. Кто лучше всего знает такие места? Правильно, местные евреи... всегда найдётся какой-нибудь кузен Шломо, к которому можно направить покупателя.

– До Вимельдорфа и там во дворах... – многословно описывал путь вышедший на улицу владелец парикмахерской, для убедительности щёлкая ножницами и гримасничая.

Пятнадцать минут спустя я уже познакомился с кузеном парикмахера и закопался в грудe вещей. Ломбард... немного непривычно после нормального секунд-хэнда, но приличный костюм немного на вырост нашёлся почти сразу.

– Чутьочку потёртый, – суетился вокруг владелец – типичная белокурая бестия внешне, но обладатель гордого имени

Иуда⁶, – но ничего... кто сейчас новое носит? Я вам скажу – это люди по-настоящему богатые и те, кто хочет казаться таким. И вторые – это глупые люди, скажу я вам. Времена нынче такие, что кичиться богатством, которого нет, попросту глупо. Но кто им доктор?

Так же быстро подобрали костюмы попутчикам в этом времени – слегка на вырост, подержанные и немодные. Самое то для безденежных эмигрантов, не желающих выделяться в толпе. Нашлись и рубашки, бельё – новое, что характерно. Иуда не поленился и сбегал в соседнюю лавчонку, обеспечив заработок ещё одному соплеменнику.

– Господину нужны нансеновские паспорта⁷? – Как бы между делом поинтересовался Иуда.

– Господину не помешают паспорта самых разных стран, можно даже латиноамериканских.

– Я так понимаю – из тех государств, с которыми сейчас дружит наше бедное правительство?

– Приятно иметь дело с умным человеком.

Раскланиваемся с многочисленными реверансами и обещанием встретиться пару дней спустя.

Подхватив увесистый потёртый саквояж, отправляюсь в

⁶ Помимо Иуды Искарриота в Ветхом Завете (собственно еврейская история) немало вполне «положительных» Иуд. У евреев это вполне распространённое имя, без отрицательного оттенка.

⁷ Международный документ, который удостоверял личность держателя, и впервые начал выдаваться Лигой Наций (прообраз ООН) для беженцев без гражданства.

кафе через дорогу. Нужно время обдумать сложившуюся ситуацию.

Провал в прошлое... или параллельный мир, очень похожий на наше прошлое, не суть. Так вот, попаданство это только часть проблем. Главная беда в том, что попал со случайными людьми и не вижу их своими товарищами. Они мне не нужны. Балласт.

Мог бы вытянуть и балласт... мог бы, но не очень-то хочу.

Бандит... сталкивался с такими – до какого-то предела он может соблюдать своеобразные правила чести – пока это будет выгодно. А когда перестанет, быстро найдёт правильные оправдания себе любимому. Тем более, что я ему не сват, не брат, не привычный с отрочества дружок-подельник. Так...

Чиновник, ставший бизнесменом... особая каста, даже уточнять не собираюсь, чем именно занимался. И так ясно, что эксплуатировал былые связи и работал благодаря коррупции и откатам. Сталкивался много раз и исключений не встречал.

Я им не верю – настолько, что назвался именем троюродного брата и выдал его же биографию. Никакой я не Сашка и даже не русский... Антон Иоанн Браун или Антон Иванович Браун – не прошу любить и жаловать.

Русский немец по отцу с сильной примесью датской и прочих европейских кровей по матери. Крови собственно славянской немного, да и та – славян западных – лужичане, чехи.

Почему назвался именем кузена? Инстинкт, наверное. Приходилось уже сталкиваться с не вполне здоровой реакцией бывших соотечественников.

Для одних – предатель... хотя по факту наша семья переезжала в Германию не из России, а из Казахстана. Пожили в Москве чуть больше года, но так не добились гражданства. Так... проездом.

Для других – просвещённый европеец. Тоже противно, только иначе.

Понятно, что большая часть россиян люди вполне адекватные... до первых проблем. Представить, как мои компаньоны мучаются подозрениями, потому что я немчура, легко. Вдруг к Гитлеру побегу, не к ночи будь помянут!? Или кину их, я же европеец и существо по определению подлое.

Так что... помогу на первых порах, а дальше сами. Личина же русского парня Александра Викторовича Сушкова... пусть будет. С моим образом жизни таких личин должно быть много.

Глава 2

Обновление гардероба воспринято компаньонами с нескрываемым облегчением. Скинув старую одежду, нарядились в вещи из ломбарда.

– Теперь бумагами обзавестись и выходить на люди можно, – оглаживая рукав пиджака, сказал Аркадий Валерьевич тенорком, непривычно звучащим из уст довольно-таки крупного мужчины.

– Бабосики-то откуда? – Поинтересовался более приземлённый Макс, вертящийся перед облупленным осколком зеркала, висящим на стене.

– Хронометр дедушкин, – отвечаю чуточку неохотно – так, чтобы не последовало лишних вопросов, – с паспортами договорился – должны сделать нансеновские.

К моему удивлению, разъяснять не понадобилось.

– Советская школа и советский ещё институт, – снисходительно доложил Валерьевич, – знаю историю получше большинства ваших сверстников, Александр.

– Читайте много, – пожал плечами Максим, сняв зеркало и пытаясь разглядеть себя сзади, – в крытке⁸ особо делать нечего, а в библиотеке в основном старые книги, всё больше про историю, Отечественную и животных.

⁸ Тюрьме.

– А не кинут с паспортами-то? – Поинтересовался Аркадий Валерьевич, вешая новую-старую одежду на вешалку – отвисеться после ломбарда, – а то знаете, Александр, народ в около криминальных кругах своеобразный, а мы ещё и чужаки, жаловаться не пойдём.

Пожимаю плечами вместо ответа, а что им сказать-то? Рассказывать про возможности еврейской общины по части фальшивых документов и контрабанды... придётся тогда рассказывать заодно, откуда у меня такие познания. Да и не выдают они клиентов без веских на то причин. Другое дело, что в своё досье могут занести данные на интересного человечка, а там уж как ляжет.

– Я, кстати, обдумал нашу ситуацию, – не унимался севший на кровать Валерьевич, – мне кажется, что нужно рассказать о своих талантах и хобби, пусть даже мельчайших. И с легендой решить. Послушал я, как здешние русские постояльцы и посетители говорят, так в ужас пришёл.

– Сильно язык изменился?

– Изменился? – Мужчина живо повернулся ко мне, – не то слово! Всё тот же русский, но слова иначе выговаривают, построение фраз другое. По-моему, даже значение некоторых слов иное. А уж манеры!

– Засада, – пробормотал Максим, дёрнув щекой, – выделяться будем только так.

– Особенно мы с вами, – с каким-то садистским удовольствием подтвердил старший из компаньонов, – в силу наше-

го возраста должны были пожить в России и отучиться там же. А ведь реалий-то не знаем! Сколько проезд на извозчике стоил, как к городовому обращаться.

Максим ругнулся и нанёс несколько ударов в воздух, продемонстрировав грамотные связки и достаточно высокий уровень рукопашного боя.

– Жопа. Жопа полная, – Протянул бандит, немного успокоившись, – если так потянуть за цепочку, то много всякого мы не знаем. Я вот, к примеру, ни хера не воцерковлённый⁹, хоть и сидел.

– Аналогично, – сказал Валерьевич с кривой усмешкой, – Так-то ходил в храм, стоял службы, но так – чтоб в тренде быть, как все. Но вникать?! Мы, собственно, даже на русских не слишком-то похожи с нашим говором, привычками и незнанием элементарных вещей.

– Я английский прилично знаю, – оживился Максим, – за американца или канадца может сойду? Или лучше австралийца! Переехать думал в своё время, знаю мал-мала о стране, да и как турист дважды побывал. Кенгуру, коалы, эвкалипты...

– Если только для поверхностной проверки, – пожал плечами Аркадий Валерьевич, – американские реалии нам из-

⁹ Воцерковленный человек – это действительный член православной Церкви, посещающий церковные службы не реже одного раза в месяц, регулярно исповедующийся, причащающийся, соблюдающий все церковные установления, посты и принимающий участие в мероприятиях, связанных с жизнью Церкви (крестные ходы и т. п.).

вестны разве только по гангстерским фильмам да по детективам. Не думаю, что с Австралией дела сильно лучше обстоят. Наткнёшься на земляка, мигом проколешься – жаргон не тот, да в текущей реальности не разбираешься.

– О дореволюционной России мы ещё меньше знаем! – парировал Максим, ухватившись за понравившуюся идею, – тем более для русской эмиграции. Блять! Вот ещё одна беда – читал я где-то, что русская эмиграция сралась между собой только так. Всякие там партии, коалиции, подозревали друг друга в работе на большевиков.

– И убивать не стеснялись, – с мрачным удовлетворением добавил Валерьевич, – РОВС¹⁰, слышали?

Слышали, но Аркадий Валерьевич всё-таки решил пояснить. Ничего так, познавательное... не столько даже с исторической точки зрения, сколько из-за отношения бывшего чиновника. Чувствовалось, что несмотря на подчёркнуто нейтральную позицию, ему симпатичны эти люди – духовно близки, если можно так выразиться.

– Харе триндеть, Аркадий, – прервал лекцию Максим, – что ты там говорил о необходимости рассказать другим о своих талантах?

– Точно, – ничуть не смущённый Аркадий Валерьевич

¹⁰ Российский Обще-Воинский Союз – созданная Врангелем организация, объединяющая белогвардейцев. Несмотря на некоторую опереточность, организация вполне серьёзная – с боевыми отрядами, военными училищами (!), собственной разведкой и контрразведкой, подготовленными диверсантами и связями едва ли не со всеми иностранными разведками.

блеснул очками, – заговорился, хе-хе! Так-с... начну с себя. Школа художественная за плечами, занимался лёгкой атлетикой и вольной борьбой. Служил в ВДВ – под непосредственным командованием Грачёва, к слову.

В привычной уже манере Валерьевич перескочил с темы и пару минут рассказывал, каким хорошим командиром тот был, и что Грачёв сделал для армии много хорошего.

– После армейки что? – Прервал Максим оратора.

– На инженера-строителя отучился, комсоргом курса был, кстати. Стройотряды, мда... руками работать умею, если что. Самбо долго занимался, первый разряд получил, по вольной тоже первый. Потом перестройка и все дела...

– ...в администрацию пристроился – пятнадцать лет отработал, юридический заодно окончил. Потом бизнес свой открыл...

– ...два сына, разведён, дети взрослые давно. Языки... английский вполне приличной, от немецкого только обрывки школьных знаний.

– У меня попроще, – хмыкнул Максим, – спорт школа. До сборной не дотянул и в спорт роту не попал, зато попал на Вторую Чеченскую. Вернулся, не умею ни хера, зато кулаки большие и убиваю легко...

– ... годик так покрутился и влетел в мусарню. Ну и чё, сел. Там за ум и взялся – читать начал, учиться вообще, с людьми разговаривать и договариваться.

– ... смешанными единоборствами пытался, вовремя со-

скочил – понял, что бабки там делают не столько спортсмены, сколько букмекеры всякие да промоутеры.

– ... женат, дочке восьмой месяц.

Договорив про семью, Максим замолк.

– У меня проще, – чуточку смущенно пожимаю плечами и всем видом показываю, что впечатлён биографией столь бывалых людей, – В школе дзюдо и боксом, ну да об этом говорил уже. Иняз, немецкий отлично, английский неплохо. Руками... матушка одно время таскала за собой по всяким курсам – то кулинарией занимался, то горшки лепил. Всего по чуть-чуть нахватался, но ничего толком не умею, хотя и учусь быстро благодаря такой базе...

– ... В Европе ориентируюсь неплохо... ориентировался. Автостоп, путешествия на халяву, студенческие и молодёжные организации.

– Ну хоть что-то, – показательно вздохнул Аркадий Валерьевич.

* * *

Несколько дней выходил на охоту, пока не получил нано-паспорта.

– Учтите, господа, всё это ерунда – филькина грамота, – предупреждаю компаньонов, вручая документы, – любая проверка вмиг раскусит, что если вы и русские, то очень уж подозрительные.

– Хоть что-то, – бормочет одну из любимых присказок Валерьевич.

– Сколько мы тебе должны? – Максим не пытается замаять финансовый вопрос. Чутьочку мнусь и называю цену.

– Однако! У твоего дедушки часы что, платиновые?

– Золотые. Были, – отвечаю чутьочку суховато.

– Ладно, братка, – смеётся бандит, – живы будем, не по-прём! Выкупим ещё часы твоего деда.

* * *

Тема заработка вставала всё острее. Брать на содержании других попаданцев не тянет, да и объяснять, что зарабатываю ремеслом карманника. Нет и желания объяснять, откуда при кристальной официальной биографии такие навыки... нет им веры.

По большому счёту, не бросаю коллег только потому, что в глубине подсознания сидит мыслишка, что если мы попали втроём, то и держаться в дальнейшем нужно втроём... Мыслишка это потихонечку уходит в прошлое, как и психологический комфорт от современников рядышком. Современники-то они современники... но какие-то неправильные, нет ощущения родни, единомышленников или хотя бы близких людей. Так... земляки, причём земляки неприятные.

Мы всё так же ютимся в заведении Мацевича, и основная проблема заключается в легализации – нансеновские пас-

порта это так, от случайного полицейского. После этого, пожалуй, отойду от компаньонов – дальше сами, своими силами.

Незнание компаньонами немецкого и отсутствие нормальных документов делает невозможным устройство на более-менее приличную работу, которой не хватает самим немцам. Вакансий вообще немного, в стране сильная безработица.

И боевитые профсоюзы. Закрыв вакансию иностранцем, работодатель сильно рискует. Дозволяется нанимать не-немцев исключительно на неквалифицированную, тяжёлую или вредную работу. Обойти запрет можно, но для этого претендент на должность обязан иметь безупречную репутацию в глазах властей – это как минимум. Не наш случай.

Насколько скверно с работой вообще и трудоустройством для иностранцев в частности, можно проиллюстрировать хотя бы по белой эмиграции, окопавшейся в Берлине. Генерал фон Фусс, один из влиятельнейших чиновников Петербурга и особый друг царя, зарабатывает себе на жизнь, набивая папиросы. Германское происхождение генерала и немалые связи в эмигрантской среде помогают плохо...

Генералы, полковники, члены Свиты и прочие блестящие вельможи работают таксистами (редкие везунчики!), поварами, жиголо¹¹, разводят кур, сколачивают гробы и гонят са-

¹¹ Жиголо (англ. gigolo) – изначально – наемный партнер для парных танцев, сегодня чаще – мужчина, предоставляющий услуги мужской проституции.

могон на продажу. Содержащий заведение Мацевич считается в их среде редким счастливымчиком.

В принципе устроиться на работу можно – шахтёром там или на торфоразработки. Можно завербоваться в Южную Америку, Австралию... но условием проезда всегда ставится подписанный контракт на несколько лет, не вдохновляющий людей из двадцать первого века.

Не вдохновляет он и белоэмигрантов, народ этот всё больше живёт прошлым, ожидая восстановления монархии. Есть конечно и трудяги, не боящиеся взять в руки кайло или пойти работать на завод, но их немного. Собственно, трудяги в большинстве своём либо вернулись после амнистии¹² в Советскую Россию, либо давным-давно работают на заводах, шахтах и фермах по всему миру.

Эмигранты из дворян живут всё больше ожиданием да воспоминаниями о счастливом прошлом. Даже если подворачивается хорошая работа где-то в глуши, многие отказываются. Бояться уйти с политической сцены, упустить шанс. Работают всё больше официантами, кухонными работниками, тапёрами¹³ и так далее. Непременно в крупных городах,

¹² В 1921 году Советская Россия объявила амнистию белогвардейцам, не замешанным в военных преступлениях. Вернулось порядка восьмисот тысяч человек. Общая численность эмигрантов в Гражданской войне (в том числе и гражданских лиц) оценивается в 1,4 млн. человек. Отдельно стоят жители приграничных и Прибалтийских губерний «эмигрировавших» не выходя из дома.

¹³ Во второй половине XIX – начале XX века музыкант, преимущественно пианист, сопровождавший своим исполнением танцы на вечерах, балах, впослед-

близ основных тусовок бывших. И все ждут.

Ненависть к большевикам и неправильно народу у многих животная, психопатическая, не рассуждающая. Разрушили привычную, уютную жизнь... Пойдут за любым бесноватым, пообещавшим даже не восстановление исконных прав и привилегий, а месть. Готовых палачей столько, что формировать карательные батальоны можно даже без идеологической обработки.

Не все такие и даже не большинство, но многие, слишком многие. Основная же масса бывших аморфна, живёт только прошлым. Вздыхают и целыми днями обсасывают сладостные воспоминания. Не живут, а существуют.

* * *

– Час работы, – от двери сказал Максим, протягивая буханку хлеба, – помог в булочной мешки разгрузить и вот.

Бандит криво улыбается, ситуация его совсем не радует. Человек привык к красивой жизни и готов рисковать ради этого, но только в привычных условиях. Здесь и сейчас все русские на виду, а уж как выделяемся мы среди русских... Тем более, что он не карманник и не квартирный вор, а силовик и отчасти переговорщик.

Дома он мог давить как физически, так и (прежде всего) психологически. Козырять именами авторитетов, опираться

на связи среди криминала и полиции, привлекать по необходимости пехоту. А главное – дома он знал все лазейки в законе и все уловки. Здесь же нужно начинать фактически заново, из активов только физическая подготовка, опыт (который может сыграть и в негативном ключе) и характер. Не факт, что получится.

Максим пытается потихонечку подрабатывать – не столько ради заработков, сколько ради вживания. Появились знакомые в разных кругах, всё больше среди немцев. Белогвардейцев он избегает, и как мне кажется – брезгует.

– Прекрасно, – оживился Аркадий Валерьевич, – а я вот шпика раздобыл, сейчас и пообедаем.

– Откуда?! – Удивляется Макс, – ты ж из заведения не выходил?

– Хе-хе! – Валерьевич, гримасничая, стучит себя согнутым указательным пальцем по виску, – отсюда! Руками работать я зарёкся ещё в девяностом, только головой. Обкашлял с Мацевичем пару схемок, на тему уменьшения налогового бремени, ну и... разрекламировал.

Не вслушиваясь, встаю с продавленной панцирной кровати и иду на кухню за кипятком. Узкий коридор с облупленной штукатурной и тусклой лампочкой впереди картина привычная. Недостаток освещения скорее достоинство... хотя бы тараканы в глаза не бросаются. А их здесь много, никакая отравка не спасает.

Кухонька крохотная, на ней возится сам Мацевич с

дочкой, редкостно некрасивой особой с умными глазами. Несмотря на непривлекательную внешность, женихов и поклонников у Веры хватает. Или лучше сказать, поклонники не у девушки, а у заведения отца? Не сказать, что умная девушка счастлива от такого успеха, но выйти замуж исключительно по любви ей вряд ли светит.

– День добрый, – приветливо здороваюсь с ними, разгоня ладонью клубы жирного пара перед лицом, – кипятку можно? Чаю вот решили попить.

– Да берите, – отставной капитан дёргает подбородком в сторону чайника на плите, – опять у себя?

Пожимаю плечами и ретируюсь. Сложно выдерживать дистанцию между почти приятельством и не лезь в душу.

– Травки для заварки возьми, – вдогонку кричит Мацевич. Милейший человек... если не знать про палаческое прошлое. Капитан лично пытал и убивал не только пленных красноармейцев, но и членов их семей и просто подозрительных. Среди берлинских белогвардейцев подобных типов немало.

Обедаем у себя в каморке, рассевшись на кроватях и положив еду на единственный колченогий стул. Максим травил тюремные байки, щедро делясь ненужным опытом.

– Ты слушай, молодой! Пригодится!

– Не дай бог!

Ржут вдвоём...

– Слушай, молодой, слушай! – Наставительно вещает Ар-

кадий Валерьевич. Они с Максимом крепко недолюбливают друг друга, но против меня играют в одной команде. Ненавязчивая, но постоянная долбёжка авторитетом возраста и опыта.

Против человека менее бывалого пожалуй и сработало бы... Но делаю вид, что действует, пусть утешаются мыслью, что привязали такого полезного и лоховатого меня к своим персонам. Пусть.

– Появилась возможность сделать нормальные паспорта, – откинувшись на кровать, сообщаю компаньонам после обеда, поглаживая заметно отросшую растительность на лице.

– Нормальные-нормальные или нормальные-фальшивые? – Голосом выделяют Аркадий Валерьевич, – настоящие никак?

– Да легко! Испанский знаешь? Португальский? Влёт могу латиноамериканские паспорта организовать! В консульствах ими в открытую торгуют, при желании даже историю организовать могут! Хочешь стать идальго благородного рода, что живёт на территории Венесуэлы с двенадцатого века?

– С какого двенадцатого? – Ошарашенно бормочет компаньон, – Америку же позже...

– Остынь, Аркадий, – влез Максим, – пацан дело говорит. С нашими деньгами чудо уже, что мы хотя бы нансеновские смогли получить, а тут ещё и фальшивку предлагают для прикрытия.

– Прошу прощения, – охотно виниться Валерьевич без те-

ни раскаяния в голосе, – понесло меня. Так значит, фальшивки?

– Фальшивки в нашем случае лучше настоящих, – отвечаю устало, – каждый второй беженец подобной хренью хоть раз в жизни страдает. При глубокой проверке наши легенды всё равно не выдержат, зато с фальшивками можно будет хотя бы на работу устраиваться. Ну или по улицам ходить, не опасаясь облавы. Нормальные эмигранты... максимум – выдворят куда-нибудь во Францию или в Италию, но всё не в оборот спецслужбы возьмут. А дальше видно будет, больше чем на год в нашей ситуации планировать можно, но доверяться этим планам не стоит.

– Сколько с нас? – Интересуется Максим, как-то по особому поглядев на Валерьевича.

– Четыреста марок. Всего семьсот, но триста у меня есть.

– Ни хрена у тебя часы! – Вырывается у Максима. Кошусь нехорошо, он замолкает. Что я там продаю или чем зарабатываю на всех, касается только меня. Не хочу поднимать тему, так не стоит и лезть. Мало ли...

– Поищем, – неопределённо говорит Аркадий Валерьевич и разговор замолкает.

– Я ищу работу, – начинает бормотать Максим на немецком, – я очень сильный и много умею. А, бля!

Потрёпанный русско-немецкий разговорник с расхожими фразами, выпущенный в одной из русских типографий Берлина, летит в угол. Начинается очередная истерика с матом,

перемежаемым связками ударов и отжиманиями.

Следом за мной выскальзывает из комнаты Аркадий Валерьевич.

– Александр, вы не хотели бы подработать? – Интересуется он своим тонким голосом.

Пожимаю плечами и жду конкретики. Кто из моих компаньонов опасней, сомнений не испытываю – Аркадий Валерьевич, вне всяких сомнений. Несмотря на постоянное выканье и вежливость, прорывается в нём временами что-то очень тёмное.

– Небольшая афера, – хмыкает он, – чего ещё можно сделать в нашем положении? Руками работать я могу, но не хочу и тем более не за буханку. Ну как?

Снова жму плечами, собеседник усмехается так интересно, что сразу становится ясно – вот теперь он меня зауважал! Серьёзный я человек!

– Пройдёмте... в скверик, – предлагает он, – погода сегодня дивно хороша, чего в помещении сидеть.

Неторопливая прогулка к Кайзерин-Августа аллее, во время которой Аркадий Валерьевич старательно повторяет за мной немецкие фразы, делая немалые успехи. Видно, что человек когда-то серьёзно учил язык, пусть и основательно подзабыл. Сейчас скорее вспоминает, а не учит, чем злит неимоверно Максима.

– Согласитесь, Александр, – говорит он, основательно усаживаясь на лавочку, поёрзав предварительно задом, – най-

ти в Германии легальную работу нам будет трудно. Её и для немцев мало, а тем более для неграждан, которые ещё и не могут подтвердить свою квалификацию документами. Я, поверьте, неплохой инженер-строитель и могу потянуть руководство не самой маленькой строительной организацией. Только... сами понимаете. Да и возраст. Крепкий ещё вполне, но горбом работать не хочу. Да и вы...

– Не хочу, – соглашаюсь с ним.

– Ну вот видите! Мы многого можем добиться с нашими знаниями – да хотя бы банальные для нас даты из учебников истории! А знание, какие из предприятий будут на коне годы и десятилетия спустя? Согласитесь, нелепо работать за гроши, имея в багаже такое. Видеть, как возможности уплывают... да застрелиться лучше!

– Начальный капитал, – озвучиваю невысказанное.

– Да! – Чутьочку показательно радуется компаньон, – а как его раздобыть, не суть важно. Можно продать инженерную идею, но знаете...

– Не стоит.

– Точно. Сперва пробиться к важному человеку, потом доказать что идея стоящая, да получить свои деньги... И так-то рискованно, а с учётом наших сомнительных документов и ещё более сомнительных легенд и пытаться не стоит. А вот афера... риска для нас даже меньше получается, чем при продаже изобретений. И шанс получить деньги куда как выше. План у меня есть, но без вашего знания немецкого ни-

куда.

– Процент? – Старательно изображаю юнца, возомнившего себя матёрым авантюристом.

– Всем поровну, – решительно отрубает Аркадий Валерьевич, махнув для убедительности рукой, – даже Макс! Потому уже можем разбежаться и действовать самостоятельно, но пока нужно держаться вместе и избегать обид и разногласий.

Вместо ответа протягиваю руку и компаньон крепко её жмёт. Два лжеца, даже не думающих держать Слово...

Глава 3

– Суть аферы проста: притвориться некими эмиссарами. В среде эмигрировавших белогвардейцев группировок великое множество, и собачатся они меж собой с превеликим энтузиазмом. Одно только РомановЪ-Шоу начавшееся едва ли не сразу после революции, чего стоит.

– Самый одиозный, это конечно Царь Кирюха чего стоит – двоюродный брат Николая Второго, объявивший себя Императором Всероссийским. Этакий Жириновский от Романовых, не имеющий никаких прав на престол...

– ... там вообще интересно, – увлечённо рассказывал Аркадий Валерьевич своим тенорком, срываясь время от времени едва ли не на фальцет, – родился от не православной матери – та вообще в православие перешла только в девятьсот восьмом году.

– Серьёзный косяк? – Поинтересовался Максим, повернувшись набок и подпирая голову рукой, – Я смотрю, они до Революции на тему православия серьёзно сдвинуты были.

– Косяк, – подтвердил Валерьевич, блеснув очками, – и достаточно крупный. Потом сам Царь Кирюха женился мало того, что на не православной, так ещё и на брак ни Церковь, ни сам Николай разрешения не дали. Лютеранка, двоюродная сестра, да и ещё и разведённая. Права престолонаследия, даже гипотетические, у Кирилла отобрали, даже де-

ти его всего-навсего дворяне Романовы, а не князя, представляете? Не князя даже!

– Что-то такое читал, – нахмурился Максим, – он вроде в Революцию ещё накосячил крупно?

– Для члена Дома Романовых – очень крупно, – подтвердил Аркадий Валерьевич, – присягу нарушил, пытался в Пламенного Революционера поиграть и таким образом власть перехватить. До официального отречения Николая, между прочим! А поскольку дурак и хам редкостный, то только опозорился.

– Это вроде как самый буйный, так? – Поинтересовался Максим, поудобней устраиваясь на скрипучей кровати, – вроде как этих дуриков много насчитывалось.

– Много, – кивнул Валерьевич, хихикнув, – есть монархический совет Романовых, там регулярно какие-то перлы выходят. Есть мелкие претенденты из самих Романовых и вообще уж левых личностей.

– Великих князей вроде немного? – Спрашиваю неуверенно, – откуда тогда претенденты?

– А вот это интересно! – Оживился рассказчик, – Есть Великие Князья – потомки императора не более чем в третьем колене, если не ошибаюсь. Остальные – просто князья Романовы, этих достаточно много. И вот время от времени лезут они наверх, за короной.

– Всерьёз лезут? – Видя, что вопрос не понят, уточняю: – Они правда на что-то надеются или просто под шумок хотят

кусочек пирога урвать – финансирование от какой-нибудь спецслужбы, ещё что-то такое.

– Да хрен их маму знает! – Досадливо отмахнулся Аркадий Валерьевич, – змятник там такой, что очешуеть! Да и вообще Романовы просто как иллюстрация. Среди белогвардейцев монархистов не так уж много. Есть сторонники Республик, Диктатур и бог весть чего. РОВС эту шоблу как-то сдерживает, но собачатся меж собой только так!

– Это мы уже поняли, – подал голос бандит, – ты к сути переходи.

– К сути, говорите... хорошо, перейду к сути. Бабки. Остатки фамильных состояний, во время Гражданской награбили, иностранными разведками подкармливаются. Суть в том, что в среде эмигрантов постоянно какие-то мутные схемы с деньгами крутят. Клады, банковские счета на предъявителя¹⁴, акции-облигации. Вовсе уж левые схемы с обязательствами на оставшуюся в Союзе собственность...

– И как мы в это вклинимся? – Вроде бы скептически, но явно воодушевившись движухой, поинтересовался Максим, – выделяемся же, как белые вороны.

– На этом и предлагаю сыграть, – криво усмехнулся Аркадий Валерьевич, – без шуток! Выделяемся? Прекрасно! Привлекли внимание немного, позже надо будет выделиться поярче, позаметней. Тут, наверное, ваши таланты будут востребованы, Максим – показать, какой-то вы крутой боец. Я

¹⁴ Способ хранения отличается отсутствием данных о владельце средств.

мозг, ну а Александр...

– Контролёр, – вклиниваюсь в разговор, – от старших партнёров.

– Контролёр? Ну, пусть контролёр, – разрешил Валерьевич, – не суть. Главное – нам сперва засветиться нужно, а потом дать понять, мы – отвлекающий маневр. И соответственно – сдать настоящих агентов. Дескать, мы догадались, что нас слить хотят, а потому обиделись и вообще – ваше дело правое... За денюжку, естественно.

– Интересная идея, – согласился Максим после коротко раздумья, и оживившись, спрыгнул с кровати, отчего та жалобно скрипнула, – а конкретика есть? Чьих агентов будем изображать, к кому подход искать, сколько денег просить и наконец – как сваливать?

– С этим хуже, – развёл руками идеолог, – есть пока наметки, но тут поработать нужно – узнать получше политику здешней эмиграции.

– А может и не нужно, – подаю голос, не вставая с кровати, – что? Лезть в гадючий клубок, так всё равно запутаемся. Может, проще выстроить схему так, чтобы местные за нас всё придумали и продумали? Я-то понятно, не соображаю в этом. Но Макс специалист, неужели хотя бы приблизительно не предложишь?

– Ха! А это идея, малой! – Воодушевился бандит, – есть в загашнике немало интересного! Сам не особо, но наслушался всякого, пока сидел, есть интересные схемы.

В голове вертелись обрывки интересных идей, почерпнутых в тюремных университетах. Сложить их в нечто цельное никак не получалось.

– Пойду на задний двор разомнусь, – сказал Максим невольным напарникам, отрешаясь от происходящего и на ходу снимая куртку. Как у многих спортсменов, имелась у него привычка думать во время тренировок, ибо в другое время зачастую и некогда.

Задний двор заведения небольшой, застроенный всевозможными сарайчиками и заваленный штабелями разнообразного барахла. Мацевич постоянно пытался расширить сферу деятельности, хватаясь за всё подряд, а захламлённый задний дворик стал отражением его попыток.

– Доброе утро, Верочка, – приветливо улыбнулся Максим заалевшей девушке, вышедшей из крохотного птичника с корзиной яиц.

– Доброе, – смущённо ответила та, отводя глаза от начавшего разминочный комплекс бывшего спортсмена. Не слишком обращая внимания на условности, тем паче эмигрантские, ещё довоенные¹⁵, мужчина начал активно двигаться,

¹⁵ В те годы активно менялись нормы приличия. Так, до ПМВ существовали настоящие пляжные платья для женщин, ничуть не лучше современных мусульманских трендов. В описываемое время пляжная одежда стала значительно бо-

играя мускулами на обнажённом торсе. Дочка владельца заведения некоторое время стояла молча, старательно глядя то в землю, то на постояльца, и краснея всё больше, но через некоторое время убежала.

– Гладенькая нужна схема, чистая, – напряжённо думал Максим, нанося удары по воздуху, – тут молодой прав. Чем больше накрутим разного, тем больше рискуем вляпаться. Значит, как в игре¹⁶ нужно – Да и Нет не говорите, чёрное с белым не носите... как серфер на волне, поверху скользить.

– Блять! Зарекался в такие игры играть, но деваться-то некуда! Получается... да собственно, нужно сыграть так, будто каждый из нас кусочек информации знает, да и тот неполный.

– Прокатит? В принципе можно – главное не пытаться лезть в мифологию беляков, а самим легенду придумать и от неё плясать. Главное – мы случайные люди, которых неведомые нам Игроки решили использовать как шахматные фигуры. Не изображать из себя бывших подданных Российской Империи, а показать себя такими международными аван-

лее адекватной, но по-прежнему оставалась одеждой – вплоть до требования закрывать соски к мужчинам. Действия же попаданца можно сравнить разве что с Тарзан-шоу сегодня. Очень крутая эротика. ПЫ. СЫ. В СССР тех лет вполне прилично было купаться голым. Даже если пляж в центре города.

¹⁶ Водящий начинает игру с присказки– Да и нет не говорите, Черное с белым не берите, Вы поедете на бал? Второй игрок отвечает, например– *Наверное...* Далее водящий начинает задавать любые вопросы, «на чем поедете?», «с кем поедете?», «что оденете?», пытаясь подловить игрока и заставить его ответить да, нет, черное, белое. Если слово случайно сказано, то игроки меняются ролями.

тюрисстами российского происхождения.

– Судьба свела вместе, но друг друга не знаем, бла-бла-бла... Поняли, что кинуть хотят, обиделись и решили отомстить. Сами такой кусок не проглотим, так что просим капельку, дабы свалить из этой ямы. Ничё так, толково получается.

– Клад или банковская ячейка? А, не важно... молодой походит, разузнает, да и Аркаша пусть головой поработает, недаром же с контрой недобитой водится.

* * *

На грани сна слышу лежащего на соседней койке Аркадий Валерьевича, что-то бормочущего себе под нос. Он сегодня задержался в зале, обсуждая разные разности с бывшими и пришёл только сейчас, за полночь.

– Уроды, – шипит, расстёгивая рубашку и складывая на спинку стула, – меня за быдло считать...

Движения выдают заметную степень алкогольного опьянения, да и речь интересная. Судя по контексту, что-то пошло не так и белогвардейцы относятся к компаньону пренебрежительно. Не совсем понятно, зачем ему уважение бывших, ну да это его дело.

Его, но... старательно вслушиваюсь в слова, в такие минуты нередко вылетают откровения.

– Жидом считают, ополоски чёртовы... улыбаются в глаза

– думают, не вижу? Как же, они гимназии оканчивали, латынь разумеют, говорят по благородному, фразы правильно строят. А вы сумеете рассчитать фундамент двадцатиэтажки? А я умею, приходилось. Мосты строил, производственные здания. Блять, чёртов ботинок... А разобраться в крючкотворстве чиновников? Нет... ко мне ходят от налогов уходить да течения подводные в контрактах высматривать. Это при том, что я немецкого языка и законодательства не знаю, а они тут лет по пять живут. Недоделки с самомнением! ЧСВ¹⁷ у них, блядей!

Чертыхаясь, он снял брюки и упал на кровать, скрипнув пружинами. Сквозь едва приоткрытые веки мельком вижу глаза Максима, проснувшегося от шума. Ах да, он же уголовник... в камере или в бараке такой вот шёпот заставляет проснуться надёжней будильника. Если жить хочется.

– А эти? – Валерьевич явно озвучил только конец фразы, – эти-то чем лучше? Быдло как есть! Уголовник да молоко-сос-студентик! Бля... с кем работать приходится? На равных общаться приходится, будто всерьёз... ха! Ничего, Постников ещё вынырнет из этой клоаки с кошельком зубах. Мне б только начальный капиталец, а уж там раскручусь. Даром, что ли, учебники по истории да экономике читал?

Ненадолго прервавшись, мужчина снял носки и трусы, зачем-то понюхав их перед тем, как положить на стул поверх брюк.

¹⁷ Чувство Собственной Важности.

– ... пару лет, а там и Великая Депрессия. Вот где можно деньги зарабатывать – многое ведь помню, ох и многое! К середине тридцатых у меня не один миллион будет и даже не десять, лишь бы сейчас... Княжну в жёны возьму, горничными дворянок этих грёбаных... Чистенькие они, бя! Схуя ли выёбываются, если в Париже русские проститутки из бывших демпингуют¹⁸!?

Устроившись под одеялом, Аркадий Валерьевич некоторое время возился, невнятно бурча. Через пару минут стал говорить чуть громче.

– ... горничными... и нагибать буду в любое время... княгинь, графинь... Не захотят они, хе! Расписки долговые у родных, шантаж... я не брезгливый, на всё пойду! По щелчку будут подола задирать! А дети мои... ну пусть внуки, миллиардерами станут. Мульти!

Дальнейшие его обрывочные фразы мало чем отличились от уже услышанного, но слушал старательно и пару интересных моментов уловить удалось. Оказывается, наш интеллигент, старательно Выкаюющий всем и каждому, в девяностые неплохо так отметился. Не просто в банде состоял, а один из организаторов, шутка ли! Это позже отошёл от дел, поумнев. И к другой банде прибился – к чиновничеству...

¹⁸ Демпинг (от англ. dumping – сброс) – продажа товаров и услуг по искусственно заниженным ценам. Демпинговые цены существенно ниже рыночных цен, а иногда даже ниже, чем себестоимость товара или услуги.

– Крепко спал? – Нейтральным тоном поинтересовался с утра Максим, – Аркадий Валерьевич встал с утра пораньше похмеляться, так что в комнате мы оставались одни.

– Так себе.

– Слышал, значит, – констатировал бандит, – ну и что ты о этом думаешь?

– А что-то изменилось? Макс, он чиновник! Ты порядочного чиновника, причём немалого ранга, вживую хоть раз видел!? Да чтоб не один-два года проработал, а пятнадцать лет! Да ещё о Грачёве с каким пиететом¹⁹ говорил, помнишь?

Максим усмехнулся криво и хлопнул меня по плечу.

– Соображаешь. А ко мне как относишься?

– Как к незнакомому человеку, случайно ставшего компаньоном в опасном деле, – выдаю почти чистую правду.

– Логично. Случайные попутчики, которые разбегутся после поездки. Всё правильно... А как ты к Советской России относишься?

Видя, что осторожничаю (после эпического выступления Аркадий Валерьевича, оно и неудивительно!), замял разговор.

¹⁹ Пиетет – это устаревшее слово, означающее почтение, благоговение, признание. Относиться с пиететом – значит выказывать почет и уважение, преклонение.

Глава 4

– Переезжаете всё-таки? – Шмыгнул носом Сырым.

– Угу, – Настроение у меня подавленное. Как ни крути, но с рождения и до шестого класса живу в Атырау²⁰, всё знакомо и привычно. Даже местные задиристые националисты – привычная деталь пейзажа. Тем более, что и местные казаки те ещё... в общем, жить нормальному немцу можно.

– И куда?

– В Подмосковье, – ковыряю носком сандалия сухую землю, не поднимая глаз.

– Жалко, – мрачно подал голос Валерка, встав с корточек, – и скоро?

– А мне-то как... на следующей неделе. С работой здесь хреново, а с перспективами ещё хреновей – так отец говорит. Найти-то можно, но...

– У меня мать тоже ругается, – вздыхает Чокан, – на нациков местных. Лезут на все посты, локтями пихаются – знают, не знают... главное, жопу в кресло приземлить да родственников наверх тащить.

– Вот, – развожу руками, – мать уже второй год без работы. Да и до этого лет пять то учительницей в школе, то убор-

²⁰ Изначально город Гурьев, основанный русским купцом Гурием Назарьевым, позже ставший столицей Яицкого (Уральского) казачьего войска. Ныне считается нефтяной столицей Казахстана и одним из самых криминальных городов страны.

щицей – с её то кандидатской! Отца тоже... не выдавливают, но говорит, надоело пахать за себя и за пятерых незнаек.

– Почему в Подмосковье-то? – Угрюмо интересуется Сырым на правах лучшего друга, – может поближе куда? В гости могли бы друг к другу ездить.

– А... работа. В России с работой получше, но самое вкусное в столице, в Питере и ещё нескольких больших городах. Если уж переезжать, то не из одной дыры в другую, а туда, где нормально устроиться можно.

Видя вскинувшегося Чокана, очень патриотично настроенного по отношению к родному городу, добавляю быстро:

– Мать так говорит! Ей же обидно, что с работой так.

– А, ну да... Знаешь хоть, куда?

– Родители и сами не знают! Хотят снять квартиру где-нибудь в не слишком далёком Подмосковье и поискать работу. Я как будто рад... в новую школу... Блин! Пока со всеми перезнакомишься, передерёшься! Вот веселуха предстоит!

Друзья захмыкали сочувственно.

– Кастет свой отдам – тот, что брат делал, бронзовый, – надувшись от собственной щедрости сказал Сергей, – ты если что, так сразу лупи! Посадить не посадят, пока четырнадцати нет, а так хоть лезть меньше к отморозенному будут.

* * *

Пара свечей компенсировала тусклый свет единственной

лампочки в каморке, освещение получилось более-менее естественным.

– Скорее менее, чем более, – мелькнула мысль. Морщась, окидываю взглядом разложенный на тумбочке театральный грим, позаимствованный не без риска. Но другого нет, до качества и разнообразия двадцать первого века ещё очень далеко. Ладно, учили пользоваться и таким.

Шрам на щёку... поправить, теперь старательно замаскировать – так, чтобы внимательному человеку бросалась в глаза эта маскировка. Брови гуще, добавить волосков на переносицу и несколько красных точек там же, будто дёргал эти волосы.

Поправить контур губ и слегка изменить цвет... решительно стираю краску смоченной спиртом тряпочкой. Не годится. Правлю рисунок скул, ещё... отхожу чуть подальше и придирчиво гляжу в зеркало.

– Недурно.

Из зеркала на меня пялится уже не типичный европеоид с русыми волосами, светло-серыми глазами и резкими чертами несколько вытянутого лица, а скорее европеизированный турок. Несколько дополнительных штрихов и вот уже я то ли турок, то ли еврей откуда-нибудь из Ливана. Вроде бы чистый европеоид, но при ближайшем рассмотрении внимательный человек заметит отличия.

– Пару деталей для особо внимательных? – Бормочу вслух, – перстни? Пожалуй, восточные люди любят блестя-

щие цапки, так достоверней будет.

Несколько бронзовых перстней под золото неплохо дополняют картину.

– Настоящие нужно будет найти, да недешёвые... Грабануть кого? Не... рискованно. Но в ломбард тоже... Гальванопластикой²¹ может заняться? Собрать устройство дело нехитрое, да и проще покрыть позолотой перстни, чем искать подходящие, рискуя засветиться. Решено.

Отражение в зеркале казалось незавершённым.

– Чёрные волосы напрашиваются к образу. Покрасить?

Одеваю чёрный парик и с минуту верчусь, после чего с сожалением снимаю. Образ получался несколько опереточный.

– А если корни? Хм... – Недолго думая, осторожно наношу чёрную краску на корни волос, – а недурственно вышло ведь! Будто чёрные волосы решил в русый цвет выкрасить, но чуточку сплеховал в домашних условиях.

Начесав на расчёску вату, смачиваю её в спирту и счёсываю краску с волос, потом стираю грим с лица. Образ готов и теперь, имея в памяти образец, смогу нанести грим за считанные минуты. Пока рано.

Нужно несколько деталей, бросающих тень на ближневосточных евреев. Подумать надо, тут я плоховато разбираюсь, а нужна именно тень – намёк для вдумчивого следова-

²¹ Электрохимический способ нанесения золота на поверхность токопроводящего металла. Позолота.

теля. Пройдусь по еврейским кварталам, за что-нибудь да зацеплюсь глазом. Или в библиотеку? Нет, спалиться легко. Чёрт...

В памяти всплывает только хамса²², вроде бы турки её не слишком-то используют. Точнее используют, но в основном женщины. Ага, одна неправильность есть!

Смыв грим, прибираюсь за собой и выскальзываю из каморки, пряча лицо. Хозяйка помещения свято уверена, что сдаёт его в аренду двум педерастам для свиданий, отчего и цена завышенная. Темней всего под пламенем свечи... Кто свяжет грядущее дело и прячущихся голубков?

Пару часов гуляю по Берлину, ощущения самые странные. Нужно искать пути отхода, а получается какая-то экскурсия. Немецкая столица образца двадцатых годов двадцатого века для меня будто незнакома. Душа у города совсем другая.

Заскакиваю в трамвай и передаю за проезд, жадно улавливая типажи горожан. Народ всё больше потрёпанный, небогатый и изо всех сил показывающий деланное благополучие.

– ... между Тельманом²³ и Георгом Штрассером²⁴ выбо-

²² Амулет в виде открытой правой ладони – стилизованной, нередко с двумя большими пальцами. Известен по крайней мере со времён Карфагена, но к настоящему времени самое широкое распространение имеет в исламе, иудаизме и индуизме.

²³ Лидер немецких коммунистов в то время, один из главных оппонентов Гитлера.

²⁴ Один из основателей НСДАП, Глава левого (социалистического) крыла. Капитан, кавалер Железного креста 1-го и 2-го класса. Именно ему обязана своей

ру последнего, – заскочившие на заднюю площадку рабочего вида мужчины чуть за тридцать продолжили спор, – Тельман хорош, слов нет, но кто он, а кто Штрассер, рассказывать нужно? Один из низов вышел, без образования толкового, чистый политик и популист, да ещё и этим чёртовым Коминтерном²⁵ заигрывает. Другой – боевой офицер, издатель газеты.

– Коминтерн? – Хмыкнул оппонент, дёрнув плохо выбритой худой шеей, торчащей из ворота застиранной рубашки, – Чем он тебя пугает?

– Тем, что в Москве!

– В Москве-то он в Москве... а куда прикажешь перевести? В Швейцарию, так дороговато будет обходиться содержание, а в капиталистическую страну, так это фикция будет, а не Коминтерн.

– Пусть так, но мне не нравится, что Советы могут давить на коммунистов других стран!

– Не нравится... а социальные гарантии нравятся? Если бы не Советы с их инициативами по части социальной защиты, нам бы совсем плохо пришлось. А так капиталисты всех

популярность маргинальная прежде партия. Резко выступал против расистских пунктов программы НСДАП. На этой почве у него возникали крупные разногласия с Гитлером. Убит сторонниками Гитлера в «ночь длинных ножей».

²⁵ Коммунистический Интернационал (3-й Коммунистический интернационал), международная организация, объединявшая коммунистические партии в 1919–1943 годах, с центром в Москве. Сказать однозначно, насколько Москва давила авторитетом на сотрудников Коминтерна, сложно. Некоторые данные говорят, что давление было обоюдным и временами «хвост вилял собакой».

стран вынуждены учитывать наличие Советов и координационного центра всех коммунистов и части социалистов мира – Коминтерна.

– Не особо-то они учитывают...

Спорщиков оттеснили вглубь вагона и аж обидно стало! Немцы ныне политизированы до крайности и социалистические настроения у них очень высоки. Чёрт... вот сам же немец, но разделяю себя и этих немцев. Будто они к другому народу относятся!

Как безусловные сторонники социализма пошли не Тельманом и не Штрассером, а за бесноватым Гитлером!? Я понимаю, что Гитлера поддерживали промышленники и западные инвесторы, но... Хотя чего это я? В 90-е, при развале Союза, почти всё население высказалось на референдуме за сохранение страны. И ничего... Всё решила немногочисленная и насквозь прогнившая верхушка к своей выгоде.

С испорченным настроением сошёл с трамвая и отправился домой, в заведение Мацевича.

Аркадий Валерьевич по-прежнему сидел в зале, негромко беседуя с полудюжиной немолодых мужчин, из которых так и выпирало офицерское прошлое. Киваю компаньону, фотографируя их взглядом.

Забавно... бывшие приходят к Валерьевичу, нуждаясь в талантах бывшего чиновника уходить от налогов... ну и что-то ещё в том же духе. Мелкое сутяжничество, оформление вида на жительство, проблемы с чиновниками... При этом

всячески демонстрируется, что Аркадий Валерьевич не из их круга, ниже по статусу.

Вдвойне забавно то, что подобным образом они ведут себя только с ним. В Максиме выходец из низов проскальзывает куда более отчётливо, но нет – со всем уважением разговаривают. Чутьочку отстранённо, как с чужаком, но с чужаком безусловно сильным и заслуживающим уважения.

Не уверен, но кажется мне – потому, что наш бандит не пытается казаться тем, кем не является. Да и характер у него тот ещё... попробуй только неуважение прояви!

У Валерьевича же потуги на светскость проскальзывают. Выканье, попытки вставлять фразы на латыни и французском – этакая мимикрия²⁶ под бывшего из Российской Империи. Не всегда сознательная, но тем нелепей смотрится – будто лакей за барином обезьянничает.

– Александр! – Слышу оклик и поворачиваюсь. Аркадий Валерьевич, чуть привстав, делает жест рукой. К слову, опять впросак попал – не по этикету-с...

– Александр, – ещё раз повторяет компаньон, когда я подошёл поближе, – вы ведь дзюдо занимались небезуспешно? Можете разрешить наш спор...

Несколько вопросов и Валерьевич отпускает меня. Отхожу, краешком губ показывая кривоватую усмешку и ловлю

²⁶ Мимикрия – выражение, введённое в зоологию первоначально Бейтсом для обозначения некоторых особенных случаев чрезвычайного внешнего сходства между различными видами животных. В просторечии – казаться кем-то другим.

понимающий взгляд одного из белогвардейцев. Компаньон снова допустил ляп, притом грандиозный – не представив нас друг другу, но при этом задавая вопросы. Это даже не хамство, а вопиющая неграмотность. Притом Аркадий Валерьевич свято уверен, что продемонстрировал себя как альфу, а меня, соответственно...

Какой же глупец! Образованный, хитрый, умный... а глупец! Незамутнённая уверенность, что понятия, оставшиеся в России с девяностых, распространяются на весь мир!

Пару минут спустя в комнату стучится Мацевич.

– Господа, с которыми вы недавно беседовали, просили передать, что ждут вас у берлинского зоопарка, – вежливо сообщает он, ухитряясь держаться подобающе как для содержателя дешёвого заведения, так и для бывшего офицера.

– Благодарю, Иван Афанасьевич, непременно буду.

* * *

Лавочка неподалёку от входа оказалась как нельзя кстати. Усевшись, поднял лицо к майскому солнцу и лакомлюсь потихонечку рожком вкуснейшего мороженого. Правда, вкус непривычный – без усилителей вкуса, красителей и консервантов будто не хватает чего-то. Вкусно, но пресновато.

Маленькая собачонка в простеньком ошейнике, виляя хвостиком, негромко гавкнула, просительно глядя в глаза.

– Что, мороженого тебе?

– Тяв! – Хвостик заходил пропеллером. Не выдержав напора милоты, отдаю морожено собачонке.

– Рекс, вот ты где, озорник, – раздался знакомый голос и к лавочке вышел один из недавних собеседников, держа в руке свёрнутый поводок, – успел уже выклянчить вкусненькое? Гм... неожиданно получилось.

Безымянный (нас так и не представили) белогвардеец чуточку фальшиво удивился, глядя на меня.

– Тимофеев Илья Алексеевич, – представился он, – в прошлом ротмистр Елисаветградского²⁷ гусарского полка.

– Сушков Александр Викторович, – представляюсь ответно, – в настоящем и прошлом гражданин совсем иной страны. Так же хочу отметить, что гражданами Российской Империи Сушковы не являются вот уже пятое поколение.

– Несколько неожиданный ответ... но спасибо за откровенность, – кивнул ротмистр, присаживаясь рядышком, одёрнув изрядно вытертые брюки, – я понял, что вы хотели этим сказать.

Слегка киваю и растекаюсь по лавочке, не глядя на собеседника. Несколько слов, и вот уже Илья Алексеевич понимает, что давить патриотизмом на меня не выйдет.

– Прекрасная сегодня погода, – начинаю разговор, – верите ли, впервые побывал в берлинском зоопарке!

– А я частенько захаживаю, – подхватил бывший.

– Так может, на правах завсегдатая проведёте экскурсию?

²⁷ Не описка, именно ЕлиСавет, а не ЕлиЗавет.

Ротмистр на полном серьёзе воспринял мои слова и где-то с час мы потратили на прогулку и ознакомление с питомцам зоопарка.

– Пять поколений, говорите... – снова начал он разговор подле загона с бизонами, – Я так понимаю, к патриотизму взывать бессмысленно?

– Не стоит, – отвечаю, не скрывая иронии, – чтобы расставить точки над ё...

– В России говорят над *i*²⁸, – поправил ротмистр.

– В России может быть, – пожимаю плечами, не позволяя вести себя, – мне больно смотреть на происходящее там, но помогать каким-то образом РОВС и прочим белогвардейским организациям нет никакого желания. Не чувствую с вами единства, не обессудьте. В своё время передки перестали быть гражданами страны Российской Империи прежде всего из-за политики властей, из-за выкупных операций²⁹ и винных откупов³⁰. Семья наша не принадлежала к элите и по-

²⁸ Ранее в русском (дореформенном) алфавите имела такая буква. В переносном смысле это означает уточнить, внести полную ясность, довести до конца.

²⁹ Выкупная операция – государственная кредитная операция, проведённая правительством Российской империи в связи с уничтожением крепостного права (Крестьянская реформа 1861 года). Правительство Российской Империи выкупило у дворян поместья по многократно завышенным ценам, возложив на крестьян обязательный выкуп земель – с процентами за неуплату.

³⁰ Винный откуп – система, существовавшая в дореволюционной России, по которой государство продавало на публичных торгах право торговли алкоголем предпринимателям (откупщикам). Она приносила большие доходы государству, а ещё большие – откупщикам. Сопровождалось это колоссальными злоупотреб-

нять народ, возмущённый постоянными злоупотреблениями властью имущих, могу вполне.

– Социалист? – С любопытством, под которым пряталось холодное бешенство, – поинтересовался бывший.

– Если только социал-демократ, – отвечаю честно, вспоминая европейскую модель социальных гарантий, – но не коммунист. Поймите – интересы России для меня понятны, но это не моя Родина. Помочь в случае беды не откажусь, если это не будет слишком обременительно. Но именно стране и народу, а никак не маленькой социальной группе отщепенцев.

– Отщепенцев? – Ротмистр зло усмехнулся, – едко. Но признаться, вы правы – именно отщепенцы. Я, да и большинство моих товарищей считаем свою миссию важнейшей для сохранения сперва культурного наследия, а потом и Империи... Но с формальной точки зрения вы правы. Тем не менее, ваш старший компаньон обратился именно к нам.

– Старший он только по возрасту, – отвечаю с ленцой, – хотя сам Аркадий Валерьевич может считать иначе.

– Заметил, – желчно рассмеялся ротмистр, – сомнения у вашего товарища много, а вот со здравым смыслом и особенно воспитанием порой наблюдаются трудности. Как это сочетается с умением бывалого юриста и чинуши, мне трудно понять.

– Товарищ? Нет, случайный попутчик, не более. Так уж

сложилось, что мы оказались вместе. Так получилось... Есть кое-какие тайны, за которые можно получить немало денег, но есть и опаска расстаться вместо этого с жизнью.

– Ваши... наниматели?

– Есть моменты, заставляющие предполагать за ними слишком резкую смену поведения.

– Хм...

– В детали вдаваться не буду, но с учётом неправильно-го поведения наших нанимателей стало ясно, что вытащить каштаны из огня мы можем, только вот в живых после этого не останемся. Вкратце – мы либо доверяемся доброй воле наших нанимателей, которой у нас нет ныне доверия... План был изящным, но... веры больше нет. А без их помощи...

Пожимаю плечами и Илья Алексеевич договаривает:

... – ввязываетесь в противостояние с РОВС, не зная о нас почти ничего и не имея покровителей. Так хорошие каштаны-то?

Задумываюсь, пытаюсь для достоверности подобрать ана-логи знаниям попаданцев и похоже, получается неплохо – белогвардеец подбирается, как рысь перед прыжком.

– Хорошие. Но вот уцепим ли мы всё или краешек, ска-зать не могу. Интуиция подсказывает мне, что там не столь-ко деньги, сколько некие документы. Материал для шантажа, акции или что другое – не знаю, но куш большой. Слишком большой для людей без покровителей.

– Аркадий Валерьевич рассказывал несколько иное, –

пробует меня на излом бывший.

– У каждого из нас свой кусочек информации и своя голова на плечах для её интерпретации.

– Что вам – лично вам хотелось бы получить? – Ротмистр бесцеремонно вглядывается в глаза.

– Денег – достаточных для покупки качественного паспорта одной из приличных стран...

– Паспорт мы вам достанем, – перебивает белогвардеец, пытаюсь давить.

– Не стоит беспокойства, – не скрываю иронии, – справлюсь. Деньги на паспорт и на более-менее приличную жизнь... года на два хватит. Дальше сам. Молодой, неглупый – выплыву. А нет, так и миллионы не помогут.

– А если пустышка? Какие гарантии вы можете дать?

– Никаких, – киваю согласно и глазу высунувшего морду бизона по носу, угощая припасёнными подсолёнными сухариками, – и кроме того, нас могут переиграть. Не вам рассказывать о внедрённых в РОВС агентах едва ли не всех разведок мира, и внутренних течениях в вашей организации. Но заметьте, я не требую невозможного – не мой это уровень и не моя война.

– Ваш старший компаньон более чем уверен в имеющемся сокровище, – снова забрасывает наживку чуть скривившийся бывший.

– Возможно, он знает больше меня, а скорее – возраст. В его возрасте лучше один раз рискнуть в Большой Игре, а там

или пан или пропал. Всё лучше прозябания одинокого старика без средств и родни. Я свой кусочек информации отдам и отойду в сторону. Что будут делать остальные компаньоны, это их дела.

Покивав неопределённо, Тимофеев закрыл тему и распрощался.

Глава 5

– Недурственно, – поправив очки с золочёной (или всё-таки золотой?) оправой, констатировал сидящий в одних семейниках и майке Аркадий Валерьевич, которому я детально, с вычетом несущественных подробностей, передал разговор с ротмистром, – для новичка очень даже недурно. Или не новичок?

– До сих пор поверить в реальность происходящего не могу, – раздражённо дёргаю щекой, – будто в игрушке компьютерной. Отстранённо всё воспринимаю.

– Маловато всё-таки запросил, – подал голос Максим со своей койки, – деньги на паспорт да на скромную жизнь... Ты вообще в курсе, что более-менее приличная жизнь по нынешним понятиям – это крохотная неотопливаемая комната в подвале или мансарде и двухразовое питание?

– Вы немного преувеличиваете, Максим, – усмехнулся Валерьевич, вытянув босые ноги с кривыми желтоватыми ногтями.

– Пусть, – кивнул бандит, вставая с кровати и обмахиваясь влажным полотенцем, – и что? С некоторой натяжкой можно и так трактовать.

– Формально да...

– Пусть, – прерываю спор, – это и к лучшему. Во-первых, такую сумму точно отдадут и вряд ли будут искать в случае

неудачи. Во-вторых, боюсь я больших денег... Нет, Макс, не из-за белогвардейцев! Вернее, не только из-за них. Просто... мы здесь чужие, верно? Мало того, что выделяемся необычными манерами и речью, так ещё и привычки другие. К комфорту привыкли, к развлечениям, к намного большей свободе.

– Вразнос пойти опасаясь? – Улыбнулся Максим, промокая потное лицо – жарко по летнему времени, а в нашей каморке и окон нет, так что к жаре добавляется влажная духота.

– Боюсь. Даже не об аферах говорю, а о бытовых привычках. Будет денег чуть больше необходимого минимума, так начну тратить на кино, на комнату получше, на комфорт...

– Плохо ли? – Возразил Аркадий Валерьевич с усмешечкой, – или вы сторонник аскетизма? Кончатся деньги через те же года два, но хоть поживёте по-человечески.

– По-человечески, – вздыхаю, похрустывая пальцами рук, – без интернета, телевиденья и нормальной медицины? Ну-ну... Я больше всего боюсь, что с деньгами вжиться в этот мир не смогу, понимаете? Нужны либо большие деньги для создания хотя бы относительно привычного комфорта, либо привыкать к здешним реалиям. Как бы...

Вспоминаю, что нужно взерошить короткую бородку – одна из привычек, тщательно выставляемых напоказ. Сменю личину и сброшу их, как старую кожу.

– Вспомните, сколько здесь получает... мм, ну хотя бы

разнорабочий. На достойную жизнь по нашим меркам явно не хватает, верно? Койку снимать, невкусно питаться да время от времени покупать подержанную одежду, откладывая гроши на вовсе уж чёрный день. Будут нормальные деньги, никто ведь из нас не пойдёт работать на стройку. На жопе будем сидеть и искать достойную работу. А нет её... потом деньги кончатся, а работы всё нет. И реалии местные всё так же пугают. Потратил несколько лет и снова стоишь на старте, только теперь ещё и депрессия надвигается.

– То есть вы хотите сами себе пинок под зад сделать?! – Засмеялся Аркадий Валерьевич, – чтобы вживаться в реалии этого времени?

– Да! Отсутствие комфорта не пугает, я в хостелах³¹ постоянно останавливался и автостопом путешествовал. Всю Европу и половину Азии объездил. Самое главное правило в таких путешествиях – брать деньги по минимуму, впри-тык. Тогда мышление начинает подстраиваться под реалии, не пытаюсь решать проблемы деньгами.

– Интересно, – Аркадий Валерьевич перестал смеяться, пристально глядя мне в лицо, – а всё-таки, что так мало запросили? Почему не хотите работать с нами и дальше? У нас с Максимом запросы заметно повыше и ничего... проглотили.

³¹ Европейская система размещения, предоставляющая своим постояльцам на короткий или длительный срок жильё, представляющее собой, как правило, спальное место без дополнительных удобств в комнате. По сути, общежитие для путешественников и туристов.

– Проглотили, – ухмыляюсь кривовато, – да вот дадут ли? Ладно, вы девяностые прошли и вообще... может и выкрутитесь, да с прибылью. У меня такой школы нет, да и вклад в общее дело минимальный – это вы вспоминали всё про белогвардейщину и аферы вокруг эмигрантов, не я. Вы накрутили схему, прикручивая детальки из разных конструкций и лакируя их тайнами и недомолвками. Выйдет всё хорошо – ваша удача, не выйдет – ваш провал.

К разговору добавил немного эмоций, показав ссыкуна, вляпавшего ненароком в Большую Игру и только недавно осознавшего возможные последствия. Компаньоны мельком обмениваются взглядами, которые старательно не замечаю.

– Ну а немецкий... – развожу руками, – объясниться теперь можете, документы есть, да и переводчиками всё РОВС поработает при необходимости. Вам ещё минимум несколько недель в этом гадючнике жить, а я столько не выдержу, сорвусь нахер.

– Вместе... – начал было Аркадий Валерьевич, на что морщусь показательно.

– Мы связаны только попаданством, но не дружбой, родством или общими взглядами на жизнь. Держаться вместе только из ностальгии глупо и опасно, а выживать... Выжили уже.

– Эк тебя кидали, братка, – чуточку напоказ вздохнул Максим, сочувственно улыбаясь, – но спорить не буду, взрослый уже. Ладно, давайте – у меня свидание.

– Мне пока не до свиданий, – вздохнул Валерьевич, потирая босы ноги одна о другую, – если только не называть так наши встречи с господами бывшими офицерами, хе-хе.

* * *

Оставшись один, несколько минут сижу не двигаясь, ожидая что-то компаньоны вернутся, позабыв в комнатухе что-то важное. Время от времени проверяют такими вот нехитрыми способами, КГБшники доморощенные...

Убедившись, что возвращаться в ближайшее время не собираются, разоблачаюсь до трусов и растираю спину чуть пониже шейного отдела позвоночника, исколотую булавкой. Нехитрый, но действенный и надёжный способ поддерживать сутулость – булавка на тонкой щепочке, прикреплённая к одежде изнутри. Стоит только выпрямится и острое впивается в кожу. Старый трюк... правда, обычно его используют ровно наоборот – для выработки гвардейской осанки.

– Ничего, Тоха, потерпи, – бормочу негромко, – от силы неделю осталось, а потом птичка упорхнёт.

Потянувшись с хрустом, начинаю потихонечку заниматься гимнастикой, делая упор на суставы, растяжку и скорость. Мышцы пару недель потерпят без привычной силовой нагрузки, но некий минимум физкультуры всё же необходим. Ну как подведёт тело в нужный момент?! А что компаньоны считают меня спортсменом бывшим, из-за учёбы и студен-

ческих пьянок основательно забросившим спорт, тем лучше.

Десяток отжиманий, после чего встаю на руки и начинаю отжиматься уже вертикально, иногда касаясь стены ступнями. Сдвинутые вместе кровати использую как брусья, держа ноги уголком и одновременно отжимаясь. Двадцать минут спустя, запалено дыша, прекращаю тренировку и обтираюсь полотенцем. Я просто вспотел от жара и духоты, никакого спорта...

* * *

– Называйте меня Вальтером, – представляюсь уголовникам в пивной, поглаживая бородку.

– Как скажете, Вальтер-оглы³², весело скалится щербатый австриец, обхватив лапами толстостенную кружку, – как скажете.

– Вальтер, – давлю его взглядом, – или мне начать называть настоящие имена, уважаемый...

– Не стоит, – прерывает меня громила, – не стоит, уважаемый герр Вальтер, неудачная шутка.

Выглядит авторитет лавочником средней руки, да и парочка его доверенных помощников ничем не напоминают бывалых рецидивистов, разыскиваемых полицией нескольких стран. Почтенные горожане из тех честных немцев, что

³² Оглы (буквально «сын») у тюркских народов. То есть уголовник показывает ГГ, что его «маскировка» под «европейца» его не обманула.

в своё время отвоевали, но ведут ныне исключительно законопослушный образ жизни, а самые опасные приключения – поход в пивную пятничным вечером.

Вышел я на них случайно – столкнулся в парке и физиономия знакомой показалась. Куратор в своё время давал для ознакомления материалы, где в качестве примеров выдающихся рецидивистов, попавшихся по нелепой случайности, мелькало лицо почтенного герра. Небольшая проверка... не ошибся, в самом деле Нейман.

Дело могу провернуть и одиночку, в крайнем случае воспользовавшись помощью громилы из тех, кто умеет стрелять, но не научился думать. Но поддержка авторитетного бандита, о котором ты знаешь если не всё, то где-то рядом... Такой подарок судьбы пропустить не смог. Когда знаешь, что человек умеет, чего от него ожидать, да плюсом моральные принципы, можно строить надёжные планы, не слишком опасаясь пули в затылок или кидалова.

К слову, в памяти досье не только на Неймана, но и на целый ряд выдающихся уголовников и оперативников прошлого... ставшего настоящим и отчасти даже будущим. Не факт, что сумею воспользоваться ими должным образом, но само наличие такого запаса радует. Все мои надежды на личное благополучие опираются только на них, да на отшлифованные кураторами навыки.

– До последнего не верил, что сработает, – возбуждённо шепчет Нейман, глядя на домкраты, приподнявшие фундамент банковской стены, – когда вы, герр Вальтер, озвучили идею, подумал было – рехнулся почтенный немец. Ан нет... вы как думаете, быстро поймут суть происходящего?

– Надеюсь, что нет, – улыбаюсь в ответ, – искренне надеюсь.

Лжи в моих словах нет, ведь подарив соучастникам идею, я обезопасил себя от разборок при делёжке. Зачем рисковать сейчас, если всего через несколько дней они могут хапнуть куда больше?

– Новые планы? – Оживляется Нейман, – я бы не отказался, фантазия у вас работает здорово.

– Разовая акция.

– Жаль, жаль... Ну ничего, может и погастролируем по Европе с домкратами. Авось фараоны³³ и не поймут сразу, а если и поймут, то не поспешат делить с коллегами из других государств своими выводами.

– Продайте идею, – советую Нейману, – если есть надёжные люди, запросите у них небольшую долю, да продавайте. Куш сорвёте, благодарность от коллег получите и фараонов

³³ Полицейские.

по ложным следам пустите. Пусть побегают!

Уголовник смеётся беззвучно, хлопая меня по плечу. Идея явно заинтересовала его... пусть!

Улыбаюсь в ответ и проскальзываю сквозь щель в банковское хранилище. Один из напарников Неймана, представившийся Тошим, уже расставил светильники, сгребая лежащие на полках банкноты и ценные бумаги.

– Золото и бумаги отдельно, – напоминаю я, – они все ваши, можно не пересчитывать.

– Все бы такие напарники были, – искренне улыбается Тоший. Уголовник заметно нервничает, но искренен, это чувствуется. Улыбаюсь в ответ – не объяснять же, что в данном случае поговорка Лучше меньше, да лучше, подходит как нельзя кстати? Влететь с ценными бумагами куда проще чем с банкнотами, номера которых никто не переписывал.

Банковское хранилище опустело быстро, ну так ведь и взламывали не Рейхсбанк³⁴. Выскальзываю из хранилища назад в подвал, подсознательно ожидая удара в затылок, но обошлось.

– Нервы? – Понятливо хмыкнул Нейман, пересчитывая банкноты, – чуть больше ста семи тысяч марок да тысяч на тридцать иностранной валютой. Золота на двадцать две тысячи, а ценные бумаги...

³⁴ Центральный банк Германской империи, Веймарской республики и Третьего рейха.

– Не трудитесь, – прерываю его, – как и договаривались, ценные бумаги и золото ваши. Валюта вся моя, марки пополам.

– Приятно с вами работать, – задумчиво сказал Нейман, – уверены, что акция разовая, герр Вальтер. Может, вашей организации потребуются деньги на борьбу?

Так и не поняв, за кого уголовник меня принял (слишком много нарочитых следов в моей личине), еле заметно кривлюсь досадливо – дескать, раскусил! Мотнув отрицательно головой, задумываюсь... а почему бы и нет? Иметь на всякий случай контакты с уголовным миром не помешает.

– Надёжные посредники имеются?

Нейман вытащил блокнот и тут же написал несколько адресов с паролями.

– Это самые надёжные, – протянул он вырванную страницу, – а вы...

– Надёжных контактов не имею.

– Ожидаемо, – чуть слышно сказал Нейман, – имелись бы таковые, то и наши услуги не понадобились бы, верно?

Одетые как водопроводчики, вылезаем из подвала, не забыв открыть ранее перекрытую воду.

– Всё, – немногословно сообщает Нейман недовольному дворнику, – сделано. Скажите герру Мойзелю...

– Нойзелю, – бурчит дворник.

– Да хоть Фаусту, – отмахивается загримированный Нейман, – воду дали, но пока временные хомуты поставили.

Нужно кусок трубы заменить, завтра ждите. В подвал не лезьте, мы там к завтрашней работе всё приготовили, даже инструменты вон оставили... не пропадут?

– У меня-то? – Выпрямляется возмущённо дворник во весь немаленький рост.

– Понял, – хмыкает Нейман, – в общем, подготовили всё к работе – не лезьте, тогда завтра за часок управимся, аккуратно часикам к девяти и подойдём.

– Опять толпой? – Съехидничал дворник.

– Могу и один придти, – огрызается Нейман, – тогда до вечера как раз и провожусь, причём без гарантии.

– Всё, всё...

– Мусор с собой забрали, где тут его можно выкинуть?

– Э... не близко, парни! – Дворник, не желая себе лишней работы, направил нас с мусором подальше.

Ворча, потянулись со двора, ежесекундно ожидая погони, но обошлось. Не последнюю роль сыграло выбранное для ограбления время. Вечер, учреждения уже прекратили работу, но уставшие работяги ещё расходятся по домам после сверхурочных.

Психология... всем ведь известно, что банки либо тихо взламывают по ночам, либо лихо грабят среди бела дня, со стрельбой из автоматов и заволаживающими погонями. А усталые водопроводчики с грязными мешками не слишком-то вписываются в идею лихих грабителей банков.

Переодевшись и смыв грим в арендованной голубками каморке, наношу новый.

Почтенный господин под сорок с выправкой военного, с парочкой почётных шрамов³⁵ на лице и увесистыми саквояжами в руках, пройдя пару улиц, арендует небольшую квартиру для племянника...

– ... сын моей кузины, – рокочет отставник надтреснутым баском, – вы уж, фрау Шмидт, приглядите за ним. Парень неплохой, голова светлая, но балбес немного, как почти вся молодёжь. Если вздумает попойки шумные устраивать или девиц водить, вы уж пригрозите, что мне напишете. Фриц по старой памяти меня побаивается, даром что больше меня уже вырос.

– Не беспокойтесь, – улыбается кокетливо пожилая домовладелица, – у самой трое сыновей – помню, как молодёжь воспитывать. Супруг покойный всё на службе пропал, одна дом и тянула.

Целую почтительно руку, щекоча наклеенными поверх настоящих усами и прощаюсь. Саквояж с книгами для оболтуса остаётся в квартире. Риск... но не тащить же его в ка-

³⁵ То есть шрамы от студенческих дуэлей. Бурши (немецкие студенты, входящие в братства и корпорации) устраивали специальные дуэли, во время которых целили исключительно в лицо. Глаза и горло при этом были защищены.

морку к компаньонам?

Несколькими кварталами далее в одной из подворотен смываю грим и переодеваюсь, кинув одежду отставника в саквояж. Ещё пара кварталов... саквояж остаётся лежать у скамейки, а Александр Викторович Сушков возвращается в заведение к Мацевичу.

– Эк тебя заездили, братка, – замечает глазастый Максим, – жаркая баба попалась?

Машу устало рукой и валюшь на кровать, едва успев раздеться. Спать...

Глава 6

Особого ажиотажа ограбление не вызвало. Полицейские просто не поняли, как именно мы проникли в хранилище или что вернее – решили не раздувать историю с домкратами. А то мало ли... больно хороша идея, вдруг да найдутся последователи? Короткая заметка в разделе уголовной хроники и на этом всё.

Деланно зевая, переворачиваю страницу и делаю глоток кофе.

– Горячая вчера бабёнка попалась? – Похабно подмигивая, спрашивает Аркадий Викторович. Несмотря на имидж рафинированного интеллигента и постоянное Выканье, наш старший товарищ тот ещё пошляк. Дело даже не в неудобных вопросах, а в мимике – так гримасничают разве что подростки в начале пубертатного периода.

– Угу, – снова зеваю, прикрыв рот, – до сих пор отойти не могу.

– Постарше небось? – Подмигивает Валерьевич, потихонечку заводясь и то и дело протирая запотевающие стёкла очков. Киваю молча, не особо вслушиваясь и налегая на сдобу. Не слишком люблю мучное, но это ещё одна деталь личности, тщательно выставляемая напоказ.

Последние пару дней мы частично легализовались и едим не у себя в каморке, а в общем зале. Не слишком уютно,

откровенно говоря. Табачный дым и какая-то засаленность зала ещё полбеды, а вот профессиональное внимание белогвардейцев из РОВС изрядно раздражает.

Наружка из них откровенно хреновая – если и способны не потерять клиента из виду, тот не попадется ему на глаза уже навряд ли. Допускаю, что есть и спецы уровнем повыше, приглядывающие за нами, но мне и этих достаточно для постоянного раздражения.

– Ещё пару дней и всё – на волю, в пампасы? – Интересуется чуть снисходительно Максим, – свою часть знаний сегодня расскажете нашим гостеприимных хозяевам?

– Сегодня встречаемся, – не замечаю тона, – Пару дней на улаживание формальностей и покупку билетов, а там... В Южную Америку намереваюсь податься, – откладываю газету и допиваю кофе, – там сейчас интересно, да и Депрессия не должна задеть те места вовсе уж резко.

– Аргентина?

– Сперва да, а там посмотрим – может, Бразилия или ещё что. Немецким и английским владею, какие-то манеры и общая начитанность есть, так что смогу устроиться каким-нибудь бухгалтером или помощником управляющего на ранчо.

– Неплохая идея, – серьёзно кивает Максим после короткого раздумья, – если книги, что я читал, не слишком врут, то южноамериканские пеоны³⁶ неграмотны в большинстве. Можно прилично устроиться просто за счёт того, что ты на-

³⁶ Батраки, нередко находящиеся в кабальной зависимости от землевладельца.

стоящий белый и читать-писать умеешь.

– Примерно так и думал. В Америке и в Европе через пару лет Великая Депрессия, а за это время укорениться в Штатах или в какой-нибудь приличной стране не выйдет. Не факт, что удастся влезть повыше по карьерной лестнице или заму-тить какой-нибудь толковый проект, а если нет... Кого по-просят первым с работы – настоящего янки или сомнитель-ного иностранца с немецко-славянским акцентом?

– Думаешь, что выйдет в Южной Америке? – Интересует-ся Максим, откидываясь на спинку скрипнувшего стула.

– В Южной Америке может и получится что... да хоть на дно не скачусь! Там настоящих белых, тем более образован-ных, как джентльменов воспринимают – даже нищих. Да и жизнь там подешевле – выжить проще даже с небольшими деньгами, а то и отложить что. Получится, так может ближе к окончанию Депрессии какие-то связи будут или капиталец – может и получится вложить в серьёзные фирмы, пока они ещё на взлёте.

– Читал я Стейнбека³⁷, – говорит Максим, не объясняя су-

³⁷ Известнейший американский писатель, написавший в том числе самую из-вестную книгу о Великой Депрессии – Гроздь Гнева. Книга великолепна, но ОЧЕНЬ тяжёлая – настолько, что её запрещали не только в отдельных школах США, но и в отдельных штатах (из библиотек изымали!) и даже странах (Ирлан-дия). При этом сам Стейнбек уверял (и его слова подтверждали очевидцы), что описание Великой Депрессии в книге СИЛЬНО смягчено и на деле всё обстоя-ло намного страшней. Вкратце – искусственно вызванный голод (при изобилии продуктов!), разорение 897 тыс. фермерских хозяйств и демографический про-вал в 10 млн. человек.

ти. Вопросительно глянув на него и не дождавшись ответа от задумавшегося бандита, встаю из-за стола, благодаря проходящую мимо Варю за хлеб-соль.

Девушка улыбается в ответ и улыбка преобразует её, делая почти красивой. Чуть смутившись, Варвара поглядывает на Максима и тут же резко отворачивается.

– Эге... влипла девочка, – проносятся мысли, – нашла в кого... Бандит или нет, это ещё пол беды. Зная его, не самый плохой муж и отец выйдет – перебесился, серьёзный мужик. Тут другое... видел я пару раз, как Парахин смотрит на папеньку твоего и друзей его белогвардейских, когда думает, что его никто не видит. Как через прицел! А папенька у тебя, девушка – палач... и ты для Максима прежде всего дочь палача. И раз живёшь с ним, в его доме и на его деньги, зная о прошлом, то и уважения к тебе нет и не будет. И счастья я тебе не желаю... ни с Максимом, ни с кем другим. Ни счастья, ни деток...

Отвожу взгляд от Вари, да какое мне до неё дело? Ан нет, цепляет почему-то... Вот странное дело, к обычным белогвардейцам ненависти нет. А к таким, как Мацевич проклёвывается иногда что-то вовсе уж тёмное, ветхозаветное.

* * *

С Тимофеевым встречаемся по традиции в зоопарке, хотя больше и не скрываемся. На этот раз вместе с ротмист-

ром пришли два таких же немолодых белогвардейца, явно достигшие в прошлом немалых чинов.

Прикрытие у старших офицеров РОВС несомненно имеется, но отслеживать даже не пытаюсь. В родном времени недурно ориентируюсь в городской среде и уверенно классифицирую не просто горожан и приезжих, но и определяю типажи. Ну там... работяга, инженер, заднеприводный, полицейская ищейка. Здесь пока глухо, типажи отличаются резко, только-только понимать начал.

– Колчак... – хмыкает ротмистр, переглянувшись с товарищами, – ожидаемо. Ничего лучше не могли придумать? Легия-банк, не слыхали о таком?

– Кто ж не слыхал, – отзываюсь вяло, не реагируя на фактическое обвинение во лжи, – история известная – откупилась большевички от союзников. У чехословаков осталась в руках часть золота, а у большевиков – Сибирь и Колчак. На кровавое золото и основали Легию-банк.

– Немного коряво, но верно, – кивнул бывший, – или ещё где-то всплыло?

– Золоту этому ещё лет сто всплывать, – изрекаю тоном Кассандры³⁸, – а насчёт придумать... Не знаю, честно говорю – не знаю. Скорее всего, кусочек правды в наших знаниях имеется, а вот насколько большой, это уже другой вопрос. Ничуть не удивлюсь, если бывшие наниматели затеяли Большую Игру и все наши попытки обрести самостоятельность

³⁸ Троянская пророчица, предсказаниям которой никто не верил.

хорошо просчитаны. Кинули гранату в болото и смотрят на реакцию его обитателей.

– Болото? В чём-то вы правы, гадючник у нас ещё тот, да и атмосфера затхловатая, – усмехнулся собеседник, показав на миг дурные зубы и переложив трость в левую руку.

– Вот и всколыхнётся, – усмехаюсь в ответ, – а насчёт клада... Не думаю, что найдёте золото, разве что пару центнеров – мелочь для такой организации как РОВС, разве что поиск окупится, да десяток чинов повыше из числа причастных наследство получают. Зато по части документов уверенность почти абсолютная. Когда меня инструктировали, несколько раз очень аккуратно подводили к тому, что в найденные документы нельзя заглядывать.

– Ненавязчиво? – Насторожился полковник Алексеев.

– Именно. Исподволь так, будто я сам до этого додумываюсь. На пароходе только и начали доходить мелкие несообразности, да и то потому, что от лютого безделья воспоминания как бы просматривал.

– Медитативные техники? Неужели владеете? – С уважением спросил Тимофеев. Киваю, видя уважительные взгляды. Что за... а, вот оно что!

Сейчас йога и тому подобные вещи на взлёте, причём в самом начале оного. Отношение примерно как к каратистам в СССР годах этак в семидесятых. Кажется почему-то, что эти таинственные люди обладают сверхчеловеческими способностями, а во второсортных боевиках показывают чистую,

дистиллированную истину.

– Ничего особенного, на самом-то деле, при нормальном учителе за несколько месяцев можно с гарантией обучиться. Так что... документы, господа. А вот куда или вернее – к кому они приведут и что там будет, даже гадать не возьмусь.

– Большая морковка, – задумчиво сказал Алексеев, – не беспокойтесь, мы согласны с вашими условиями, да и запрашиваете вы немного.

– Побойтесь, – говорю открыто, чуть опустив голову, – РОВС, красные, банкиры... Мелковат я для такой Игры. Может и подрасту позже, но пока не мой уровень, не тяну.

Тимофеев переглядывается с товарищами и кивает:

– Как и договаривались. Счёт на ваше имя вы уже проверили? РОВС претензий к вам не имеет.

– Хотите бонус, господа? Проверьте Тобольск – своими ушами слышал, что там хранятся сокровища царской семьи. Не все, понятное дело, лишь часть. Вроде как видели, что некие хранильницы из числа бывших светских дам, вертелись перед зеркалом в дорогих украшениях. По-видимому, не раз вертелись, раз люди подглядеть смогли. Когда эта информация до чекистов дойдёт...

Видя переглядывания белогвардейцев, называю несколько реальных имён.

– Всё, господа – мы окончательно в расчете!

В Заведение Мацевича не возвращаюсь, да и что мне там забирать? Одежду стиля городское милитари давно уже пе-

реправил к почтенной фрау Шмидт, откуда её вместе с сак-
вояжем забрал молодой племянник почтенного отставного
военного и отправил... куда надо отправил. Не то чтобы
одежда эта нужна, но... а вдруг? Денежки есть, нужно посо-
ветоваться с толковым портным, может и получится сделать
на ней какой-то гешефт³⁹.

Прощаться с компаньонами тоже не тянет. Не потому, что
они мне чужие... скорее наоборот – боюсь поддаться ещё со-
хранившимся чувствам или скорее – остаткам оных, и пред-
ложить дальнейшее сотрудничество.

Письмо с прощальными строками уже отправлено, преду-
смотрены даже словечки из тех, что поймут только совре-
менники. Дескать, всё в порядке, пишу не под давлением...

Повинуясь взмаху руки, останавливается такси.

– В Рудов, – кидаю, захлопывая за собой дверь, – да сроч-
но!

Таксист, сделав каменное лицо, сквозь которое отчётливо
читается неприязнь к мигрантам (не зря же я русский акцент
выделил?), трогается нарочито медленно.

– Полтора счётчика! – Нервно оглядываюсь назад. Ма-
шина срывается едва ли не с визгом, на лице у немолодо-
го немца на долю секунды мелькает усмешка. Ну да, шаб-
лон... РОВС и прочие⁴⁰ белогвардейские организации соба-

³⁹ Не «прибыль» вообще, как считают очень многие, а прибыль спекулятивная, обманная, низшего разбора.

⁴⁰ РОВС была организацией «непримиримых» белогвардейцев, ориентирован-

чатся друг с другом только так, регулярно поставляя репортёрам жареные новости, а патологоанатомам работу.

Высочив в Рудове, несколько минут заполошно мечусь по району, старательно демонстрируя все признаки начитавшегося дешёвых детективов юнца, норовящего оторваться от погони. Я не знаю, приставили ко мне людей господ бывшие и удалось ли мне оторваться от этих гипотетических людей, но рисковать не хочу.

Во-первых безопасность... нет никакой уверенности, что меня не прирежут. Запрошенная мной сумма пусть и мелка на фоне Большого Дела, но для нищих белогвардейцев достаточно внушительна.

Во-вторых имидж. Тени сомнения возникнуть не должно, что я именно юнец, мнящий себя умным, но на деле выбранный Игроками для миссии едва ли не подброшенной монеткой. Это компаньоны все такие умные и загадочные, со сложной судьбой и биографией... А я просто дурной юнец!

– Простите! – Натыкаюсь на молодого немца с повадками рабочего.

– Чтоб тебя разорвало, собака свинская! – Невысокий

ных на борьбу с коммунизмом. Были и другие белогвардейские организации, со своими «истинно верными» мнениями. Да и в самом РОВС единства не было изначально, это военизированная организация, внутри которой хватало политических течений. Фактически единственное, что объединяло в РОВС белогвардейцев с разными убеждениями (монархистов, республиканцев и т. д.), так это физиологическая ненависть к большевикам, доходящая до ненависти к «неправильному» народу.

крепьш настроен агрессивно, пусть и не до крайности.

– Ещё раз прошу прощения, – склоняю голову, озираясь при этом по сторонам.

– Осторожней ходи, болван, – уже мягче говорит молодой мужчина.

* * *

Два часа спустя, став на тридцать марок беднее, прохожу под арками Гамбургского вокзала, торопясь на поезд. Вагон второго класса напоминает скорее пригородную электричку, отличия скорее дизайнерские, чем смысловые.

– Добрый день, – поприветствовал меня попутчик, присаживаясь рядом, – Михель Сандов.

– Александр Сушков.

– Из пруссаков⁴¹?

– Русский.

– Гхм... бывает, – брякает попутчик, – извините. Я... гхм... может, в шахматы?

Дорожные шахматы с магнитиками поставлены на столик меж скамей, играем блиц⁴² навывлет. Узнав о шахматной пар-

⁴¹ Собственно германской крови в немцах немного, в большинстве своём это потомки онемеченных славян и кельтов. Фамилии вроде «Белов» или «Чернов» считаются вполне немецкими, никого не удивляя.

⁴² Блиц (от немецкого Blitz – молния; *Молниеносная игра*) – шахматная игра, где на обдумывание ходов отводится ограниченное время; проводится по обычным правилам, кроме нескольких обусловленных спецификой.

тии, к нам присоединилось трое любителей этой игры. Пожилой сухощавый чиновник предпенсионного возраста в потёртом мундире, юноша лет шестнадцати и молодой ещё, но грузный и одышливый ветеран.

– Газы. Спасибо Господу, что жив остался.

От Берлина до Гамбурга по железной дороге меньше трёхсот километров, так что купейными вагонами народ особо не избалован. Что толку брать дорогое купе, если через несколько часов прибудешь в пункт назначения?

– Сильный вы игрок, герр Сандов, – с искренним уважением говорю сопернику и уступаю место. Играю где-то на уровне третьего-второго разряда – официального не имею, с компьютером в своё время, – пять партий из шести это сильно. Герр Михоэлс, вы позволите?

– Да-да, – кивает чиновник, погрузившись в игру, – читайте конечно. Я только криминальную хронику не дочитал, но я ей обычно и не интересуюсь.

Листаю газету скорее чтобы занять себя. В Германии образца тысяча девятьсот двадцать седьмого года я всего-то пару недель и до сих пор не могу понять... Как, ну вот как одно из самых демократичных государств мира эволюционировало в зигующих нацистов?!

Веймарская республика, несмотря на вполне понятные затруднения с экономикой⁴³, государство очень симпатичное. Продуманные реформы образования и медицины, насыщен-

⁴³ Сперва проигранная ПМВ, затем колоссальные репарации победителям.

ная и очень свободная культурная жизнь. Последняя не без излишеств... но на фоне века двадцать первого здешняя раскованность и толерантное отношение к заднеприводным кажется чем-то пуританским.

Неплохая социальная программа – строится социальное жильё, работает бесплатная (пусть и частично бесплатная) медицина, на государственном уровне поддерживается массовый спорт и массовый же туризм. Здоровое, крепкое, социально ориентированное государство. И народ... здесь и сейчас именно мы, немцы⁴⁴, носим почётное прозвище самых читающих⁴⁵.

А ферейны⁴⁶?! Певческие, музыкальные, хоровые, шахматные... Редкий немец не состоит в двух-трёх, развиваясь культурно и интеллектуально. Куда всё ушло!?

Как терпимый, высококультурный, интеллектуальный народ дошёл до нацистской идеологии? В настоящее время это удел маргинальных партий и даже печально знаменитая в будем НСДАП имеет не только правое, но и левое крыло. Братья Штрассеры, занимающие в этой партии немалые посты, не просто открытые социалисты, но и открыто заявляют о симпатиях к большевистской России⁴⁷!

⁴⁴ Напоминаю, что ГГ немец, хоть и русский немец.

⁴⁵ В 40-х и позднее, вплоть до развала, самой читающей страной стал СССР.

⁴⁶ Союза, общества.

⁴⁷ О симпатиях к СССР заявлял Отто Штрассер, младший из братьев. Старший в Реальной Истории сперва со скандалом вышел из НСДАП и быстро потерял влияние. Чуть позже, в 1934 году, почти помирился с Гитлером. Однако

Неужели отец был прав и Гитлера к власти привели американцы, банкиры⁴⁸ и прочие... Сейчас, в двадцать седьмом году, я склонен поверить отцу, а не школьной учительнице истории фрау Мюллер.

Гиммлер и Геринг, враждебно относящиеся к Грегору Штрассеру, арестовали и застрелили его в «ночь длинных ножей».

⁴⁸ Сотрудничество США и банковских домов с нацистами известно давно. В общем-то и не скрывается, что Гитлер нужен был означенным не товарищам для войны против СССР.

Глава 7

Математичка бубнила что-то у доски, до меня доносились лишь отдельные фразы.

– ... таким образом, – стук мела о классную доску.

– ... получаем...

Ребята в классе переговариваются негромко, не переходя черты. Математичка по совместительству наша классная, но... не тянет Жукова Ольга Михайловна на это звание, ох не тянет! Её-то и учительницей можно назвать с трудом. Диплом есть, знания тоже... а вот умений донести эти знания до детей не наблюдается, как и желания.

Говорят, что ребята постарше могут и пройтись по классу во время уроков, а летом и вовсе – покурить у открытого окна. Оценки у неё зависят в основном от толщины родительского кошелька, а не от знаний. Ну или от умения лизнуть, не без этого.

Невнятная особа, тусклая какая-то. Невысокая, заметно ниже среднего роста. Миловидное неухоженное лицо женщины чуть за сорок, конских размеров круп с толстенными ногами при сравнительно нормальном торсе. Колготок на ней нет по случаю жаркого дня и хорошо видны толстые чёрные волоски, впору иному мужику. Довольно редкие, но какие-то неприятные, как свиная щетина.

Общее впечатление запущенности какой-то сальности.

Жирные волосы с перхотью, жирная кожа с крупными порами и россыпью мелких чёрных угрей.

Да уж... сказал бы кто, что на уроке моей любимой математики буду не учиться, а разглядывать волосатые ноги учительницы, посмеялся бы. Сырым ещё завидовал немного – дескать, Москва! Уровень учителей высокий... уровень пока намного ниже, чем в Атырау. Правда, школа у нас не из самых громких. Прямо скажем, убогонькая.

Более-менее квалифицированные педагоги как пылесосом вытягиваются престижными лицами, гимназиями и частными школами. У нас преподают всё больше неудачники с низкой квалификацией, немногочисленные энтузиасты да новички, изначально нацеленные на переход в другие учебные заведения.

Только историчка соответствует званию учителя, да говорят – у старшаков пара учителей неплохи. Старенькая уже, близкая к маразму химичка Леонида Викторовна, да физичка Жанна как её там... Физрук ещё неплох – тот, который постарше, пузатый. Добродушный такой дядька, уроки интересно ведёт.

Молодой низкорослый качок больше озабочен тисканьем малолеток (поговаривают, не только тисканьем!) да прокачиванием ЧСВ⁴⁹. Ударить может ученика, были уже прецеденты. Да не символический подзатыльник или поджопник, а крепенько – до нокдауна!

⁴⁹ Чувство Собственной Важности.

Уволили бы мудака, но... спальный район окраины Москвы подразумевает соответствующий контингент. Нет здесь крутышей, всё больше дети лузеров. А качок со связями... да и в школе работает скорее ради малолеток. Урод...

Зазвенел звонок и одноклассники, не дожидаясь разрешения учительницы, гурьбой ринулись к выходу, толкаясь и переругиваясь. Я не тороплюсь, иду к выходу последним. Увы... не вписался я в класс.

Вроде бы не дурак, не трус, не доносчик. Нет неприятных привычек, вроде ковыряния в носу или почёсывания яиц. Драться могу неплохо, лучше меня в классе только один... ладно, двое. Но они жлобы здоровые, один на голову выше меня, другой на полторы.

Со всеми уже почти смахнул за последнюю пару недель, синяки вообще не проходили. И чёрт его знает, почему жертвой назначили?! Одних акцент раздражает, хотя в школе понаехавших полно.

Понаехавшие таджики и азербайджанцы тусуются вместе, к ним особо претензий не предъявишь. Да и старших родственников не стесняются подключать для детских разборок. Не просто окоротить зарвавшегося пиздюка, а избить.

А я вроде как и понаехавший, но без прикрытия со стороны диаспоры. Да и не совсем русский... точнее даже, совсем не русский. Многих, кстати, раздражает то, что я немец.

– Свалишь в свою Европу на пособие, фриц хренов! – Похожие фразы слышал не раз... – фашист недобитый!

От народного мстителя меня оттаскивали учителя, кастет пригодился... С тех пор не трогают – бойкот объявили, суки! И не бегать же за каждым, рассказывая, что у меня не только дедушки воевали, но и бабушки! Да на правильной стороне, на нашей.

Такие вот высокие отношения у меня в школе. Дома не особо лучше – раньше уроки с мамой делал, поговорить мог с отцом. Да и брат с сестрой пусть не идеальны, но... нормальные, в общем. Не слишком ладим, но родня как-никак.

С переездом в эту грёбаную Москву всё кувырком покапталось. Отец работу нашёл, да с подработками, теперь домой только ночевать приходит. У матери тоже самое – в фирму какую-то переводчицей устроилась, да частные уроки даёт. Можно и в ВУЗ устроиться, но оклад копеечный предлагают, а взятки брать она не умеет и учиться не хочет.

Пробовал пожаловаться... некогда им.

– Сам разберись, малыш, ты ведь взрослый уже.

Ага, разберёшься тут... мне б хоть поговорить, выплеснуть. Но на фоне родительских проблем мои как-то меркнут. Слышу же, о чём говорят, не глухой. С гражданством проблемы, а отсюда и всё остальное вытекает. Понаехавшие с диаспорами гражданство получают без проблем – даже если русского языка почти не знают и приходят в паспортный отдел с ваххабитской бородой. А у нас вот так...

Брат с сестрой тоже... выпускные классы, да школы другие. В один только конец по часу добираться, если повезёт.

Задерживаются постоянно – факультативы всякие и вообще...

Я бы тоже перевёлся, но куда там! Это единственная школа, куда меня взять согласились. Переполнены школы в нашем районе, а ездить куда-то... маленький я ещё... Блять, как драться по несколько раз на день, так не маленький! Что, не видят синяки? Видят... просто стараются не замечать. Успокаивают себя, что это ерунда, детские потасовки... Но ездить куда-то я ещё маленький, вдруг обидят?!

Открыв ключом железную дверь, кидаю портфель на пол и стряхиваю обувь.

– Бля... опять самому готовить!

Понятно, мать устаёт и некогда, да и сам уже не маленький. Приготовить могу не только яичницу или пельмени сварить, но и суп. Но... накатило. Всё одно к одному – переезд этот клятый, школа, убогая двухкомнатная хрущоба с брежневским⁵⁰ ремонтом.

Сидя на полу прихожей, я ревел – безостановочно, навзрыд. Мне двенадцати ещё нет, имею право! Проревешись, умылся под холодной водой, просморкался и наскоро приготовил омлет с луком и помидорами, закинув в микроволновку пару сосисок.

На уроки ушло чуть больше часа – математика всегда нравилась, а языки... Ну смешно же, когда твоя мама кандидат наук со специализацией в романо-германских языках. И ко-

⁵⁰ То есть сделанным во времена Брежнева.

гда ты сам этот самый... романо-германец. С детства так повелось, что с отцом дома на немецком говорим, с мамой на датском, на улице русский и казахский, в школе русский и английский. Станешь тут полиглотом!

Правда, русский и литра не очень... Пишу грамотно и читаю много, а вот правил никак запомнить не могу! С немецкими постоянно путаю... Историю тоже не люблю – врут много. А... на тройку хватит, а больше мне и не надо!

Покосившись на сгоревший комп – один к одному всё... выхожу на улицу. Не то чтобы тянет гулять, райончик поганный. В смысле безопасный... относительно, просто здесь начинаешь понимать, что же такое бетонные джунгли. Сплошь бетон и автостоянки, с редкими кустиками и деревцами, да стоящими на газонах и детских площадках машинами.

В Атырау получше, хотя бы простора больше, есть где гулять. Правда, насчёт подраться там тоже проще – здесь народ зажатый какой-то, всё родственниками норовят напугать, а не собственными кулаками.

Покоившись на компанию ребят постарше, иду к турникам.

– Силён! А ещё выход силой можешь?! – Понаблюдав немного, спрашивает один тех ребят, парень лет четырнадцати. С самым независимым видом делаю выход силой ещё десять раз и спрыгиваю.

– Гимнаст или единоборствами занимаешься? – Дружелюбно интересуется гоповатого вида старшак.

– Цирковая студия... раньше, в Казахстане занимался.

– Казах, что ли? – Удивляется разбитного вида симпатичная девчонка, – не похож вроде.

– Да там и русских полно... но я немец.

– Настоящий? Ой, не могу! – Девочка заливается хохотом, – видел бы ты своё лицо, когда я спросила! Знаю я о немцах Казахстана, не совсем тёмная. Давно переехал?

– С пару месяцев.

– Ну и как?

Отмахиваюсь рукой, но старшаки дружелюбны, угощают семечками и чипсами. Неохотно поначалу, но постепенно оживая, рассказываю им свою историю.

– ... да ты что! – Переглядываются новые приятели, – и фокусам? Покаж!

– Фокусы самые простые умею – так, с монетками да картам. Я в основном акробатикой и жонглированием, ну и на канате немного. Фокусы так... пока отдыхал. Ножи ещё немножко метал.

– Не ссы, малой! – Подбадривает главный в этой компании, темноволосый Пашка, – многие вообще ничего не умеют!

Показываю то небольшое, что умею.

– Могёшь! – Одобрительно говорит Ирка, – а гляди как я!

Оказывается, все из компании что-то да умеют – монетки и карты и так и мелькают в руках, исчезая и появляясь в самых неожиданных местах.

– Тоже цирковая студия? – Восторгу моему нет предела – новые знакомые, да ещё если циркачи... Может, и ничего так в Москве? Приживусь?

– Типа того! – Смеётся Пашка.

* * *

Страхнуть хвост не получилось, в Гамбурге заметил интерес ко мне белогвардейцев. Не то чтобы я старался уйти от слежки всерьёз, но... страшновато. Вряд ли за мной нацелили персональных филеров⁵¹ и душегубов, скорее просто звякнули местному отделению РОВС, описав внешность.

Двое мужчин на вокзале насторожили меня сразу. Представители плебса нередко пытаются поднять свой рейтинг в глазах окружающих дорогой одеждой, аксессуарами и псевдосветским поведением. Да хоть на примере Аркадия Валерьевича! А тут строго наоборот... явные представители аристократии, пытающиеся казаться плебеями.

– Он?

– Он. Ведём.

Я не слышал, что они говорили, да и читать по губам не умею, но нафантазированные слова явно оказались проро-

⁵¹ Сыщик, агент Охранного отделения или уголовно-сыскной полиции в России конца XIX – начала XX века, в обязанности которого входили проведение наружного наблюдения и негласный сбор информации о лицах, представляющих интерес.

ческими. Вести меня начали не слишком умело и как-то... агрессивно, что ли. Так ведут человека оперативники, готовые брать клиента жёстко, либо... убийцы.

От таких мыслей внутри всё похолодело и прихватило живот.

Посещение чистенького привокзального сортира оказалось делом нервным. Сидеть в позе орла с выставленным стилетом...

– Наркоман чёртов! – Ругнулся пожилой немец, заметив блеск клинка, – развелось в Германии всякой швали! Нет, при Кайзере было лучше...

Вымыв руки и ополоснув пылающее лицо холодной водой, спрятал стилет в потайные ножны на ремне. Купив дрянную папиросу у мальчишки разносчика с подбитым глазом, торгующего поштучно, сажусь на лавочке неподалёку от вокзала и закурываю. Так-то не курю, но иногда как повод сигареты удобны.

Лавочка на солнцепёке, площадь перед вокзалом просматривается хорошо. Преследователи мои внезапно заинтересовались архитектурными достопримечательностями, с преувеличенным вниманием разглядывая что-то и обильно жестикулируя.

– Дилетанты, – говорю вслух и подношу сигарету к губам, откинувшись на спинку лавочки. Подождав несколько секунд, выдыхаю дым – вверх, как учили. Один из признаков хорошего настроения, если верить психологам.

Вокруг никого, так что релаксации ради рассуждаю вслух. Прослушка или чтецы по губам? Не слишком опасаясь – говорю на казахском и сильно сомневаюсь, что среди господ бывших найдутся знатоки этого языка.

– Раз такие дилетанты, значит меня за вовсе уж мелкую сошку держат. Ротмистр и руководство РОВС? Вряд ли... больше похоже на самодеятельность чинов поменьше, решивших урвать свой кусок. Блять! Ну точно взять живым хотят, да выпытать счёт на предъявителя! Деньги, на которые можно пару лет жить, для многих из белогвардейцев куш весомый. Суки...

С лёгкой улыбкой (как учили) снова затягиваюсь, пуская вонючий дым вверх. Тягаться с РОВС сложно. Уйти от слежки труда не составит, ведут дилетанты, но уйти нужно чисто – так, чтобы сомнений не возникло, что случайно ускользнул.

В противном случае могут возникнуть нехорошие подозрения, а там... Ну вот нет у меня веры ни Максиму, ни Аркадию Валерьевичу! Тёртые-то тёртые, но вот беда – в глаза бросается их инаковость. Русские, которые точно не из бывших и при этом не большевики... Да они хуже светофора ночью, за километры видны!

Где-нибудь да засветятся Гости из будущего, чтоб их... Одни татуировки у Макса чего стоят! Яркие, чуть ли не голографические – большой мастер делал! А сейчас таких не делают... не умеют.

Засветятся бывшие компаньоны почти непременно – пусть даже не как Гости из будущего, а как люди, причастные к тайне. Очень уж они выделяются. А там и мной заинтересуются, просто на всякий случай.

Вот в жизни не поверю, что компаньоны будут сидеть на жопе ровно или хотя бы тихариться, как я. Пьяный монолог Аркадий Валерьевича до сих пор в памяти. Грандиозные планы у человека, в один ряд с Ротшильдами и Рокфеллерами встать! Макс попроще, но и он... где вылезет, не угадаешь.

– И РОВС это блядское! Вроде шарашкина контора, но белогвардейцев бывших по всему свету больше чем до хрена. И работают на все разведки разом, не забывая личных интересов. Пересечёшься с каким-нибудь отставным поручиком из не слишком умных и не поймёшь, что сам-то он может и дурак, зато агент английской разведки. Пусть даже из самых низовых.

Ситуация... уйти могу, но этим самым выдам себя как человека подозрительного. Найдут, только чуть позже... по крайней мере, риск слишком велик. Я хоть и не светофор, выделяюсь куда как поменьше, но всё-таки выделяюсь.

Придётся забыть о лежащих в Швейцарии деньгах и в самом деле плыть в Южную Америку, сбрасывать хвосты уже там. Надёжно сбрасывать – с продуманными легендами, со свидетелями моей гибели и прочим. Бля... полгода коту под хвост уйдёт, никак не меньше!

Иначе... да чёрт его знает, наверняка можно и иначе. Вот только я не оперативник БНД⁵² и могу что-то упустить. Очень не хочется через несколько лет обнаружить, что в заботливо выстроенный мирок с женой, детьми и редкими развлечениями на стороне, вторглись люди, норовящие нагнуть меня в своих интересах.

А это, на минуточку – РОВС для затравки, а чуть погодя представители абсолютно любой спецслужбы мира. Начиная от агентов СССР и Коминтерна⁵³, которых среди белогвардейцев как блох на дворняге, заканчивая Абвером.

Полгода! Нищая Южная Америка со всеми прелестями вроде малярии и бандитов, да с интересом РОВС. Скучно не будет.

Затушив окурок, бросаю в мусорку и иду, ссутулившись, в порт. Попробую слегка осложнить жизнь преследователям, сев на первый же пароход, отходящий в Южную Америку.

⁵² Федеральная разведывательная служба (БНД) Германии. Служба внешней разведки Германии.

⁵³ Коминтерн пусть и был отчасти подконтролен властям СССР, преследовал собственные интересы – та самая Мировая Революция. Агенты Коминтерна и агенты ЧК/НКВД/МГБ нередко сотрудничали, но и валили друг друга достаточно часто.

Глава 8

Афера с полумифическим кладом Колчака потихонечку приобретала вполне реальные очертания. Обрывки знаний и догадок из будущего, методом наития⁵⁴ сложенные старшим из попаданцев в единую логическую систему, оказались достаточно правдивы. Вкупе со знаниями старших офицеров РОВС получалась зыбкая, местами обрывочная, но рабочая схема.

Следы вели к чему-то реальному, предоставленная информация признана по меньшей мере достойной. Попаданца представили фон Лампе, фактическому главе РОВС в Берлине, и судя по торжественным лицам курирующих проект офицеров, Аркадию Валерьевичу следовало впечатлиться высокой честью.

Впечатлиться не вышло, хотя мужчина постарался изо всех сил показать потрясение от такого знакомства, и вроде как успешно. На деле же попаданца покорила сельская самодеятельность представления белогвардейцев и их твёрдая уверенность в том, что для выходца из низов сам факт знакомства с генералом – честь необыкновенная.

– Колхозники сраные, – мелькнула мысль, – да у нас в школе на картошке самодеятельность лучше была, и это на

⁵⁴ Внушённое свыше вдохновение, озарение.

скорую руку! Или это по принципу, «Для быдла хватит и этого»? Бля... а ведь похоже.

Человеку, лично ручкавшегося с полудюжиной министров и однажды даже с Самим, дешёвый пафос представления бросался в глаза. Неприятно, что его, приятельствовавшего с губернатором, держат за мелкую сязку.

Тем не менее, Аркадий Валерьевич крестился и ходил в церкви ставить свечки неведомым небесным покровителям. Как ни крути, но проскочил...

Сейчас уже можно сказать, что предков недооценил, как и свою способность выкручиваться из любых положений. Реальность вокруг немного непривычная, просчитать реакцию бывших удалось не в полной мере.

Намерение дать сомнительного качества пазл из фактов и догадок, после чего снять сливки и свалить в неизвестность столкнулись с жестокой реальностью. Кислород Аркадию Валерьевичу перекрыли жёстко, не дёрнешься.

Первые дни он даже завидовал Малому, свалившему в Южную Америку пусть с маленькими деньгами, зато и без проблем. Да и Максим, бандит этот чёртов, недаром отстранился от главенства в их союзе. Зато и спроса будет меньше...

А теперь ничего, отошёл. Пусть за эти недели и прибавилось седых волос, да и сердечко ёкало нехорошо, но и основная выгода с аферы доставалась ему, а не этим... компаньонам.

Самое же приятное, что помимо достаточно внушительной разовой суммы, белогвардейцы нуждались в консультациях. Мелкие детали и догадки, судя по всему, как-то помогали в поисках клада. Самому бы понять, на что натолкнул бывших...

Теперь уже Аркадия Валерьевича не зарежут походя... нужен он белым, ещё как нужен! А ну как пропустят какую-то мелочь, и не достанется клад? Судя по некоторым моментам, что-то ценное для РОВС афера уже принесла.

А там выкрутится, вращёт и начнёт уже использовать РОВС в своих интересах. Шутка ли – пусть и ветхая, но весьма обширная разведсеть с тысячами агентов и боевиков, раскиданная по нескольким материкам? Если будет возможность показать себя полезным и хотя бы изредка использовать белогвардейцев в своих интересах...

У Аркадия Валерьевича дух захватывало от перспектив. Приближалась Великая Депрессия и человек, мало-мальски знающий историю самого знаменитого экономического кризиса, имеющий капиталец и прирученных головорезов, может всплыть на самый верх. Не до уровня Ротшильдов и прочих богоравных, но хотя бы попасть в соседнюю касту... Уже неплохо.

– Настоящий сын турецкоподданного⁵⁵, – услышал Арка-

⁵⁵ Формулировка «сын турецкоподданного» для 1910–1920 годов означала не «сын турка», а «сын уехавшего в Палестину еврея». Словечко “турецкоподданный” в добольшевистской и раннебольшевистской России обозначало еврея, взявшего турецкое гражданство, чтобы 1) избежать избиения при погроме 2)

дий Валерьевич произнесённые с явной улыбкой слова и повернулся к господам офицерам за соседним столиком, польщено улыбаясь. Приятно, чёрт возьми, что тебя уважают настолько, что сравнивают с одним из самых ярких литературных персонажей современности!

* * *

Покупая билеты второго класса на грузопассажирский паром, я догадывался, что второй класс двадцатых годов двадцатого века отличается от второго класса века двадцать первого, но не насколько же! Каюта метров этак восьми, с двухъярусными койками на шесть пассажиров, отсутствие иллюминатора и плохо работающая вентиляция. Ах да, ещё и классика – сортир в конце коридора, постоянно занятый, засоренный и отчаянно воняющий – до рези в глазах!

Уж на что я приучен к хостелам, в том числе и в Юго-Восточной Азии, но это... Не скажу, что за гранью, пару раз и хуже бывало. Но одно дело переночевать ночку и отправиться дальше и другое – находиться в такой вот душегубке почти круглосуточно.

Прогулки лимитированные, один раз в сутки ровно на час

иметь возможность жить в городах (таких например, как Одесса) за пределом черты оседлости. 3) выехать в Палестину из Высоких Религиозных Соображений, возвращаясь в Россию чтобы заниматься коммерцией. Часто употреблялось в значении «безродный и бессовестный авантюрист, мошенник». Одобрительный оттенок, тем более из уст белогвардейцев, Аркадию Валерьевичу показался.

– включая подъём на палубу и спуск, так что в действительности дышим свежим воздухом минут сорок пять, от силы сорок. В другое время появляться на палубе нельзя, да и по трюму шастать запрещено.

Оно и понятно – толкающийся по судну народ прибавит неразберихи и осложнит работу матросам. Да и народ среди пассажиров всякий, чего уж там... Откровенных уголовников нет, но принцип тащить всё, что не приколочено гвоздями, в обитателей бедных кварталов вбивается с детства.

– Что ты хочешь за такую-то цену? – С усталой иронией ответил итальянец Паоло на моё ворчание, выдыхая колечки удушливого дыма и провожая их взглядом ценителя.

Вентиляция справляется плохо, поэтому договорились курить по очереди, если уж лень выйти в коридор. Запах скверного табака въелся в каждую клеточку давно немытого тела. Душ на Поллуксе имеется, чем матросы гордятся не на шутку, да и пассажирам принимать его не возбраняется – аж по разу в неделю! А договоришься, так и два!

К сожалению, сломалась опреснительная установка. Для питья воды хватает, а пассажирам полудюжины кают первого класса (подозреваю, весьма условно первого) так и помыться можно. Но нам... увы, только солёной забортной водой. Смыть её потом всё равно нечем и начесавшись вдоволь, принял решение вонять до конца путешествия.

– Да хотя бы душ и вентиляцию нормальную, – огрызаюсь уже привычно, для порядка. Ругаемся мы с ним скорее от

скуки, чем от злости. Паоло очень добрый человек и кажется – надёжный товарищ. Повстречай я такого дома, постарался бы завести хотя бы приятельские отношения. Здесь же опасаясь пока привязываться, вот в новой личине дело другое.

– На прогулку, парни! – Заглянул к нам парнишка из соседней каюты.

– Рано сегодня что-то, – кряхтя, отозвался пожилой Джузеппе, вставая с койки и засовывая ноги в ботинки.

Рано или нет, но возможность проветриться никто не упускает. Ворча и перешучиваясь, наш отсек потянулся наверх, вытаскивая портсигары. На палубе почти все мужчины дружно вытащили папиросы или начали крутить самокрутки.

– На воздухе-то оно вкусней курится, – слышу глубокомысленное замечание одного из соседей.

Не обращая внимание на курильщиков, начинаю делать разминку. Почти тут же ко мне присоединилось несколько парней помоложе. В первые дни они нерешительно смотрели на мои упражнения, явно желая присоединиться, но оглядывались на старших, которые вынужденное безделье воспринимали как отдых. Разглядев в некоторых упражнениях боксёрские связки, стали заниматься рядом, поглядывая на меня.

– А растяжку зачем? – Интересуется потихонечку Витторио, старательно делая махи ногами, – боксёры же только руками.

– Гибкие мышцы эластичней и лучше снабжаются кислородом, отчего ты становишься чуточку сильнее и быстрее.

Парни, чутко вслушивающиеся в разговор, замахали ногами с куда большим энтузиазмом, не реагируя на подначки старших мужчин, воспринимающих гимнастику, как бесплатный цирк. Раздражает немного, но ничего не поделаешь.

– Заканчивай! – Подал сигнал палубный матрос. Ворча, мы потянулись назад, в затхлый полутёмный трюм, скверно освещённый и ещё более скверно пахнущий.

Условия на судне неважные, но есть и плюсы – питание неплохое, да и компания подобралась недурная. Курят конечно поголовно, да и про чистку зубов некоторые даже не подозревают. Но в общем и в целом лучше ожидаемого.

Ожидалось, если честно, чего-то хоррорного⁵⁶, с поножовщинами, скандалами и прочим, ан нет – нормальные работы без выебонов и попыток продемонстрировать крутость всем и каждому. В студенческих общагах народ куда как потвязней попался.

Честно говоря, здесь даже поинтеллигентней местами. Образование конечно похуже, но пройдёшься по коридору, прислушается – нормальные разговоры нормальных людей. Семьи, любимые женщины (без похабщины, что удивило), политику обсуждают, условия труда в разных странах. Стихи вслух читают, песни поют – хороший народ на Поллуксе подобрался.

⁵⁶ Хоррор (англ. horror – ужас) – это жанр ужасов в кино и литературе.

Единственное – кучкуются всё больше по национальностям, дружбы народов особо не замечается. Но и вражды нет – так, нормальная опаска к чужакам, без враждебности.

И спокойно. Никаких агентов РОВС на борту не оказалось – не успели попросту. Удачно тогда получилось – только спросил портового служащего о ближайшем пароходе в Южную Америку, как пальцем и ткнули. Поллукс в паре сотен метров стоял, отходить уже собирался. Или концы отдавать? Никогда не интересовался морской терминологией.

Трусцой добежал, договорился – здесь пока нет ещё заморочек с таможнями. Белый? Документы какие-то есть? Товара с собой не имеется? Добро пожаловать на борт! Может, какие-то формальности мы с капитаном и нарушили, но следование букве Закона здесь пока не принято.

Единственный минус – маршрут кривой, с заходом во все возможные порты. Зато и по Южной Америке так же пойдёт, вдоль побережья – от Панамы и вроде как чуть ли не до Аргентины. До Бразилии точно, вроде как даже с заходом в Рио. Захотят в РОВС отследить, так замучаются – при минимальном соблюдении правил конспирации, разумеется.

А мне и нужна-то фора в месяц-другой, дальше хрен достанут... надеюсь.

* * *

Худой как палка немолодой таможенник в несвежей фор-

ме мельком проверил документы.

– Добро пожаловать в столицу Британской Гвианы, Джорджтаун, – сказал он блёклым голосом человека, уставшего с самого утра.

Дёрнув подбородком, подзываю ближайшего индуса, ошивающегося в порту.

– Господину угодно снять комнату и освежиться после дальней дороги? – Беспрерывно кланяясь, вопрошает опрятно одетый, молоденький индус, – меня зовут Ананд, буду рад помочь.

– Господину много чего угодно, – отвечаю чуточку насмешливо, но у господина на все его хотелки не хватит средств.

– Понимаю проблемы молодого господина, – улыбается индус, – ночлег, стирка, мытьё и вкусная еда за три шиллинга устроит вас?

– Побойся богов! Три шиллинга? Ты хочешь предложить мне свою девственную сестру и продать дом?!

Торгуемся самозабвенно, в процессе отойдя на пару десятков шагов в сторону, и наконец приходим к компромиссу. Ананд подхватывает мой скромный багаж – что-то вроде сигнала занято местным, и отправляемся в расположенный неподалёку индийский квартал.

К индусам в обществе почему-то относятся как к единому народу, хотя вернее будет – как к гражданству. Сотни народов, тысячи каст⁵⁷, заморочки с верой...

Одни сталкиваются с копающимися в нечистотах неприкасаемыми, после чего переносят своё жалостливо-презрительное отношение на все народы Индии. Не понимая (или скорее не желая понимать), что труд неприкасаемых нередко оплачивается лучше крестьянского.

Другие сталкиваются с брахманами или сикхами, после чего переносят уважительное отношение на все народы и касты и Индии. Дескать – просветлённые, гордые...

На самом же деле национальные и кастовые различия так велики, что куда там многонациональной России! Есть воинственные и трусливые, порядочные и вороватые – и поведение это буквально вдалбливается в кастах, практически программируется.

⁵⁷ В Индии издревле есть четыре варны (качество, цвет, категория). Брахманы – жрецы и учёные. Кшатрии – воины и правители. Вайшьи – земледельцы, ремесленники и торговцы. Шудры – слуги, наёмные рабочие. Позже эти четыре варны несколько видоизменились, но остались, поделившись ещё и на касты (правильно «джати») – социальные группы. Каст же существует свыше 3000 (!) и у каждой свои особенности. До настоящего времени представители разных каст женятся в основном на «своих», редко пересекаясь с «соседними» и вовсе уж редко – с представителями других варн.

Ананд из вайшья, что понятно по некоторым деталям – у меня полтора года соседом по общежитию был индус, слегка повернутый на традициях и национализме. Не то чтобы я жаждал просвещения... но ошметки оногое в голове сохранились.

Позже, правда, оценил непрошенную информацию. Если умеешь ориентироваться в сложной социальной системе индусов, в индийских кварталах можно рассчитывать на особое отношение. Ну и понимание, к кому можно обратиться при необходимости, не лишнее.

* * *

Запахи ударили в нос – специи, благовония и... а вот ожидаемого запаха канализации и мусорных куч не оказалось. Не сказать, что очень уж чисто, но нормально.

Небольшая, очень этническая гостиница в пару десятков комнаток, густо пропахшими благовониями. Масса безделушек и талисманчиков, курильниц для благовоний и прочей восточной мишуры.

– Леванья, молодой господин, – на хорошем английском представилась немолодая, но всё ещё красивая женщина, – владелица этой скромной гостиницы. Буду рада услужить молодому господину.

Машинально кланяюсь ей тем же манером, но чуточку иначе – как кшатрий. Всё тот же Прабодх с его увлечением историей, чтоб его... По отцу я из достаточно старого,

но мелкого и ничем не выдающегося немецкого дворянства. Офицеры не выше полковника (дважды за всю историю рода), мелкое и среднее чиновничество, преподаватели в университетах, инженеры, школьные учителя. Ничего такого, право слово – процент дворян в Германии уступает только польскому⁵⁸, а привилегий нет уже давненько.

За полтора года привык, теперь вот при общении с индусами чуть ли не на автомате включаю кастовость. Прабодх, если не считать национальных тараканов, был неплохим соседом – уживчивым, спокойным, тихим. Правда, благовоениями всю комнатушку завонял!

Приехавший на учёбу брахман шарахался от земляков, как чёрт от ладана. Оказывается, в Европу и обе Америки перебираются всё больше представители низших каст, высшим и на родине неплохо. Во мне же индус нашёл ровню и якорь, обучая заодно правильной жизни – в своём, истинно верном понимании.

Я не спорил... тем более, бонусом к поучениям шли всевозможные вкусняшки от небедной родни.

В глазах Леваньи мелькнуло явственное удивление, но смолчала.

– Помыться, поесть, – ещё раз повторяю, – на ваш вкус. Я с парохода, мясо и картошка изрядно надоели. Ну и постираться. А после – экскурсовода по городу, да чтоб толкового.

⁵⁸ Дворян в Польше было до 20 % населения, в Германии 10–15 % (в разных княжествах по разному), в России – 1 % потомственных дворян.

Пару минут мы говорили, обсуждая меню, город и морское путешествие. Индуска с каким-то странным напряжением вставляла в речь родные для неё словечки и понятия, вглядываясь в лицо. Видя, что я понимаю, женщина выдохнула и поклонилась низко.

– Кшатрий обязан защищать в любых обстоятельствах: брахманов, женщин, детей, стариков и коров. А также любого, кто не в состоянии сам себя защитить и просит кшатрия о помощи, – с нескрываемым волнением сказала она, не поднимая лица, – молю о помощи, кшатрий.

Глава 9

... – с яванцами мы часто пересекаемся, – устало говорила женщина, не поднимая покрасневшие от недавних слёз глаза. Слуги или младшие родственники, пока не понял, суетятся вокруг стола со сладостями, – живём по соседству, да и обычаи схожие встречаются. Всякое бывало, но нормально жили, мирно. А потом сэр Сесил решил...

– Я не местный, Леванья, давайте подробней – кто этот Сесил и так и далее.

– Сэр Сесил Хантер Родвелл, наш губернатор, – послушно повторила женщина и замолкла.

– Ясно, дальше.

– Губернатор решил, что индийская община слишком сильной стала в Британской Гвиане, слишком благополучной. Ну и... – прерывистый вздох, – децимацию⁵⁹ провели.

Брови мои поползли вверх – всякое читал о Британской Империи и излишне вольном обращении с туземцами чиновников колониальной администрации. Но децимацию?!

– Простите, – молодой господин, – зачастила женщина, – я не всегда правильно говорю. Децимация не как казнь, а как репрессии. Выслали многих, в основном брахманов. А кшат-

⁵⁹ Децимация (от лат. *decimatio*, от *decimus* – «каждый десятый») – казнь каждого десятого по жребию, высшая мера дисциплинарных наказаний в римской армии.

риев и наиболее уважаемых вайшьев кого обратно в Индию отправили, кого и по тюрьмам.

Губы Леваньи задрожали, но она справилась с надвигающейся истерикой, несколько раз глубоко вздохнув.

– Мужа моего тоже... вроде как в контрабанде обвиняют... сейчас.

– А раньше в чём-то другом?

– Всякое... сперва социалистические взгляды, – красивые губы искривила мрачная усмешка, – потом что приют уголовникам даём. Но это всё ложь! Наша община очень законопослушна, обвинения рассыпаются в судах – даже в британских судах! А мы тем временем разоряемся...

– С губернатором и британским правосудием даже и пробовать не буду тягаться, – начинаю вставать.

– Не надо! Мы готовы пожертвовать частью имущества, только бы наши близкие вернулись назад. Да и они и вернуться в большинстве – те, кто в тюрьмах не помрёт, как мой брат...

В очередной раз выражать сочувствие горю считаю не должным, поэтому просто молчу и делаю вид, что не замечаю катящихся слезинок, уделяя нарочитое внимание предложенным сладостям. Пару минут спустя хозяйка гостиницы успокоилась и разговор продолжился.

– Это не в первый раз уже, оправимся. Страшно другое – мы остались без лидеров. Все мало-мальски значимые люди высланы, сидят в тюрьмах или находятся под домашним

арестом с кучей ограничений.

– Яванцы... – подталкиваю Леванью.

– Да, яванцы! Мирно жили, да и меньше их – и яванцев и индонезийцев вообще. А сейчас начали наступать на нас. В торговлю лезут, в ремёсла... да грязно! Нет бы честную цену дать! Мы бы поняли и половинную – пусть портят себе карму. Они... они натравили на нас дукунов!

– Ходят по улицам, – прерывисто вздохнула женщина, – а потом у дома сядут и порчу наводят. Или прямо на улице подойдут. Раньше-то боялись к нам подходить, а теперь вот так. За снятие порчи когда деньги требуют, а когда и иного. То от дела налаженного в сторонку отойти, то ещё что.

Несколько минут спустя я уже знал, что яванские колдуны дукуны бывают светлые и тёмные. Последних называют дукун сантет и заметно побаиваются. И вот эти тёмные колдуны обнаглели так, что честным, законопослушным и боязливым индусам хоть помирай!

– Не думайте, молодой господин, что мы всё дикие, – смущённо проговорила женщина, – большая часть этих дукунов обычные мошенники, да и не могут они ничего сделать индусу, исправно выполняющему все положенные ритуалы. Но... понимаете, что-то они всё равно могут... А брахманов у нас нет сейчас, вообще нет!

– И люди боятся, – заканчиваю за неё понимающе. В самом-то деле, если вспомнить Кашпировского и прочих экстрасенсов, то пенять индусам нечего. Граждане самой чита-

ющей страны легко попались на удочку мошенников. Всего-то несколько лет раскручивали тему НЛЮ, телепатии и прочей мистики в серьёзных и несерьёзных газетах.

– В этом что-то есть, – сказали граждане самой читающей страны, – ведь не могут же газеты врать?

И понесли деньги мошенникам. Сам-то я не помню, но мать одно время увлекалась всякой эзотерикой, сохранив вырезки из газет и щедро (порой без моих просьб) делясь воспоминаниями юности. Так что винить индусов не стоит, с детства всё-таки в этой среде. Для них магия реальна...

– Мы... нет у нас таких, кто с дукунами бы справился, – тихо сказала Леванья, – надежда только на вас, молодой господин! Вы не подумайте, мы умеем быть благодарными. Помним, что кшатрий должен, но и кшатрию много чего должны. Да и вы не совсем...

Улыбаюсь слегка, вот это уже похоже на серьёзный разговор. Вначале, если честно, больше на разводку похоже было. Не стал прерывать просто потому, что заинтересовался, да и... дурак потому что, стыдно стало. Вроде как показал себя кшатрием, так негоже сразу сворачивать. И не умею женщинам отказывать... Столько раз попадал из-за этого в неприятности!

– Деньги собрали, перевезём вас потом куда нужно будет, – продолжала уговаривать Леванья, – нам знамя нужно. Если получится, то и лидер, но это уже вы сами, если захотите... Дукунов наши боятся, но и ненавидят, им просто тол-

чок нужен.

Идея Леваньи оказалась настолько авантюрной, что невольно присвистнул. Выдать меня за настоящего кшатрия, присланного напрямиком из Индии неким Гуру (имя которого Леванья уточнит у знакомых) ради усмирения злонамеренных дукунов сантет, это сильный ход.

Для европейца звучит бредово, но Восток дело тонкое, мистику здесь любят больше, чем следовало бы.

Афера своеобразная, но ведь реальная! Пусть и поверхностно, но в индийских законах и поконах⁶⁰ разбираюсь, да и несколько сот слов на хинди знаю. Всё больше заученные красивые фразы, но ведь это-то в настоящий момент и нужно.

– В принципе, – выделю голосом, – согласен. Но именно в принципе.

Глаза Леваньи заблестели, она выдохнула с нескрываемым облегчением и... торга не получилось. Предложенная цена оказалась большей, чем я мог даже предположить. Сто пятьдесят фунтов⁶¹ золотыми соверенами с последующей доставкой в любую (из числа близлежащих) страну Латинской Америки.

Нормальный авантюрист из небогатых, коего я и отыгры-

⁶⁰ Обычай, возведённый в ранг закона.

⁶¹ За один английский фунт в 1927 году давали пять долларов. Покупательская способность доллара в те годы была примерно в двадцать пять раз выше, чем в настоящее время. То есть ГГ за свою работу должен получить (по нынешним расценкам) 16 250 долларов.

ваю, не может отказаться от такого предложения. Киваю...

– Детали.

* * *

Небольшой рынок всколыхнулся, люди приснули в стороны, как куры от хорька, освобождая пространство. Повернувшись набок и опираясь на локоть, разглядываю через щель в прилавке дукуна.

Невысокий человечек неопределённого возраста в поло­сатой просторной рубаше, таких же просторных цветастых штанах и с обмотанным вокруг головы тёмным платком. В окружении то ли учеников, то ли телохранителей, дукун прошелся по площади рынка несколько раз по спирали. Торговцы и покупатели боязливо жмутся, подхватывая товар и явно опасаясь прикасаться к колдуну.

Освободив место, дукун встал в важную позу, а один из сопровождающих его индонезийцев начал крикливо представлять патрона.

– Великий маг Додот! Сильнейший... маг из магов...

Индонезиец орёт на плохом английском, не стесняясь раз­бавлять его словечками как из родного языка, так и из хинди. Понимаю его через раз – патрон всячески возвеличивается, а индусы принижаются. Детали речи ускользают.

Зазвучала музыка и откуда выскочили ярко одетые и на­крашенные деву... а нет, всё же мужчины. Чудно на взгляд

европейца, но это именно традиции, а не трансвеститы и го-мосятина. Странноватый танец с веерами приковал внима-ние индусов, а Великий Маг Додот начал демонстрировать простенькие фокусы. Уровень... да я двенадцать лет лучше мог!

Простенькие, но само представление грамотное. Звуча-щая музыка и танцевальные движения разбивали внимание присутствующих, отвлекая от движений мага. В нужный мо-мент танцоры эпилептическими движениями или напротив – статичными позами, подчёркивали яркие моменты маги-ческого действия.

Казалось бы, индусы должны привыкнуть к подобным чу-десам, вся их яркая культура полна чудотворцев и фокусни-ков. Ан нет – зрители послушно охали, ахали и пугались.

– Истинная магия кеджавен⁶²... – выкрикивал в переры-вах экзальтированный конференсье, – это не жалкие фокусы ваших брахманов! Они помешали нашим магам и где теперь ваши просветлённые?

Трогаю за локоть заморожено глядящего на представление Динеша, одного из сыновей Леваньи.

– Да-да, – тут же очнулся парнишка, накидывая на меня сари. Прикрыв лицо, на полусогнутых семеню в ряды зрите-лей. Внимания никто не обращает, индусы заморожено пя-лятся на страшных чужаков, в глазах трагедия людей, остав-шихся без мистической защиты.

⁶² Традиционный яванский мистицизм.

– Где они?

Прикреплённое к верёвке сари слетает мигом, Динеш суёт комок тонкой материи за пазуху и пробирается назад.

– Вы звали просветлённых? – Спрашиваю на хинди, выпрямившись во весь рост. Подтанцовка шарахнулась в сторону, да и Великий Маг дёрнулся.

Загримировался я неплохо, выгляжу как индус из высших каст. Они, если кто не знает, похожи скорее на уроженцев Северного Кавказа. Никаких негроидных черт, свойственных более низким кастам – вполне европейские черты лица и светлая кожа. Да и волосы подчас не цвета воронова крыла, а каштановые. В сочетании с правильной одеждой, отличить меня от кшатрия можно только при достаточно долгой беседе.

Щёлкаю пальцами, поджигаю сигару, прикуривая неторопливо и одновременно показывая, что огонёк горит именно на пальцах.

– До истинно просветлённых мне далеко, – продолжаю разговор уже на английском, выдыхая дым в сторону дукуна, – но махатмы⁶³ не стали нарушать Мировое Равновесие, перемещаясь сюда телесно. А истинные духовные облики

⁶³ Махатма (дев. महात्मा, mahātmā IAST, букв. «великая душа») – в индуистской мифологии и теософии одно из наименований мирового духа. В индуизме этот эпитет применяется к высокодуховным, сверхмирским личностям – риши в эпосе, Кришне в «Бхагавад-гите», некоторым божествам и пр. В современной Индии – уважительный титул, добавляемый к имени особо почитаемых лиц, выдающихся общественных деятелей.

Учителей слишком велики, чтобы ты смог увидеть их и не умереть. Махатмы не любят тёмных, но готовы дать шанс на достойное перерождение даже таким, как ты.

Медленно поднимаю руки и затягиваю шарф, висящий у меня на шее. Затягиваю, ещё... и шарф проходит сквозь шею. Индусы ахают, я снова выдыхаю дым.

– Не стоит пытаться убить меня или другого посланца Учителей. Оружие не способно повредить плоть Воина, посланного Учителями, увидевшими несправедливость.

Дукун вместо ответа отшатывается назад и хватается за небольшую бутылочку, набирая в рот горючую жидкость. Шаг вперёд и снова щёлкаю пальцами, тут же прикрывая рукой рот Великого Мага, мешая ему выдохнуть в мою сторону. Додот с воем отшатывается, хватаясь за обожженный рот и глядя на меня с испугом и ненавистью.

– А это... – ещё шаг, снимаю с пояса одного из подтанцовки керамбит⁶⁴ и провожу лезвием по руке Додота, – чтобы больше не шалил. Махатмы велели передать, что у тебя остался последний шанс исправиться.

Прячу нож в складках одеяния, Додот провожает его испуганно-обречённым взглядом. Он мошенник, но сам искренне верит, что творит настоящую магию. Собственная кровь в моём распоряжении пугает его до чёртиков.

– Я уйду дальше по Тропе Судеб, – доверительно накло-

⁶⁴ Традиционный индонезийский нож, с изогнутой рукоятью и сильно изогнутым лезвием, имеющим внутреннюю заточку.

няюсь к нему, но говорю достаточно громко, чтобы слышали окружающие, – в поисках несправедливости. Но если жители индийской общины снова будут жаловаться Махатмам на тебя или кого-то ещё... Явлюсь наяву или во сне, что ещё хуже. Ты понял?

Доверительно наклонившись, напеваю негромко:

- Когда из яви сочатся сны, когда меняется фаза луны,
- Я выхожу из тени стены, весёлый и злой!

Дукун отшатывается, переведённая на английский русская песня звучит заклинанием. Добиваю, проглатывая ненужные куплеты:

- Ты спишь и видишь меня во сне,
- Я для тебя – лишь тень на стене...
- Сколь неразумно тебе не верить в силу дорог!

Пальцем черчу на лбу крест и...

- Когда я в камень скатаю жест —
- Тогда в крови загустеет мечь
- И ты получишь дурную весть
- От ветра и птиц⁶⁵.

Дукун оседает, падая в обморок.

⁶⁵ Слегка изменённые куплеты песни от Канцлера Ги (Майя Котовская).

Путешествие по тропической реке удовольствие довольно специфическое. Необыкновенная красота вокруг частично примиряет с москитами, мошкой и бытовыми неудобствами.

Полулежу в большой лодке и наблюдаю за хлопочущими индусами, возящимися с парусами или сидящими на вёслах, жизнь кажется безоблачной и удивительно прекрасной. На середине реки москитов почти нет, лицо обдувает тёплый ветерок и остаётся только грезить наяву, наслаждаясь экзотикой.

Часто встречаются кайманы, больше всего похожие на полусгнившие брёвна. Иногда бревно начинает плыть поперёк течения, после чего следует молниеносный бросок и мелкое животное, забывшее об осторожности, становится добычей пресмыкающегося.

Заметил ягуара, лежащего на большой ветке, нависшей над рекой всего в десятке метров от нас. Большая кошка проводила ленивым, чуточку презрительным взглядом и широко зевнула.

Видал пекари, тапиров... но больше всего птиц. Кажется, что вокруг реки Демерары водятся одни только птицы, так их много и так они заметны. Нет ни одной неяркой пташки, когда взлетают стайки, аж в глазах рябить начинает.

Наземные животные дело иное. Берега густо покрывает

растительность, а я не могу назвать себя лесным жителем, не помогает острое зрение и развитая наблюдательность. Индусы и единственный индеец-проводник в экипаже то и дело тычут пальцами в сторону берега, после чего начинаю вглядываться до рези в глазах, но обычно ничего не успеваю увидеть.

Индусы каждый раз расстраиваются – кажется даже, что больше меня. Экипаж из трёх индусов и одного крещёного индейца доброжелательный и дружный, ко мне относятся хорошо – с почтением, но без подобоострастности. Индеец носит имя Сэмюэль и гордо носит большой медный крестик поверх красной рубахи. При этом рябой, совершенно не романтического вида дикарь охотно соблюдает все обычаи индийского экипажа.

– Чем больше богов, тем лучше, белый господин, – на полном серьёзе заявил он мне, – я и своих не забываю.

Словом, пока мы плывём по реке, всё здорово – наблюдение за животными, птицами и экипажем судёнышка да разговоры. Местные просвещают меня, густо мешая правду с фантазиями и откровенной ложью. Это не со зла, а что-то вроде национального спорта, равно присущего представителям любой из этнических общин Джорджтауна. В ответ просвещаю их по части обычаев европейских, примерно в том же стиле.

Стоит приблизиться к берегу или вовсе остановиться, как налетают тучи moskitov. Не спасает плотная одежда, нако-

марники и вонючая мазь. Единственное, что радует меня в такой ситуации, так это действующие прививки от малярии и жёлтой лихорадки, да наличие хинина⁶⁶ в аптечке.

– Сагиб, – трогает меня Сабхаш, – причаливать будем.

Со вздохом напяливаю на себя шляпу с накомарником и раскатываю до запястий рукава рубашки. Судёнышко, раздвигая носом прибрежные заросли, причаливает к топкому берегу.

Несколько минут тратим на прорубание дороги, орудуя мачете, и здесь я работаю наравне с остальными членами экипажа. Я и на лодке не от лени валяюсь, просто не хочу мешать слаженной работе.

– Сагиб сильный, – говорит Сабхаш, после чего начинает смущённо хихикать. Смеются и остальные, тыкая пальцами в Сабхаша. Ну да это местные заморочки... чтобы понять их, нужно прожить в Джорджтауне не один год, причём желательнее именно в этой общине.

Для ночёвки выбрали небольшую возвышенность, заросшую невысоким кустарником. Вырубаем круг метров десяти диаметром, стараясь убрать растительность едва ли не до

⁶⁶ Хинин (C₂₀H₂₄N₂O₂) – основной алкалоид коры хинного дерева с сильным горьким вкусом, обладающий жаропонижающим и обезболивающим свойствами, а также выраженным действием против малярийных плазмодиев. Это позволило в течение длительного времени использовать хинин как основное средство лечения малярии. Сегодня с этой целью применяют более эффективные синтетические препараты, но по ряду причин хинин находит своё применение и в настоящее время.

земли.

– Змея, – тыкает общительный Сабхаш, – очень ядовитая.

– Паук, – раздаётся его голос полминуты спустя, – очень плохой. Умирать редко, болеть долго-долго.

Иногда вклинивается индеец, которого мало смущает слабое владение английским. Сэмюэль считает, что если его не понимают, то нужно повторять слов и фразу раз за разом, постепенно повышая голос. Потому лекции нашего проводника получаются чрезвычайно шумными и выглядят примерно так:

– Большая зелёная... плохая.

– Большая зелёная... плохая!

– Большая зелёная... плохая!!

Потом кто-то из членов экипажа догадывается, что речь идёт о ядовитой лиане и растолковывает остальным. Лицо индейца в такие моменты аж светится. Мне он напоминает увлечённого преподавателя, которому удалось донести до тупоумных студентов очередную Истину.

Вырубается растительность не только понизу, но и сверху. Свисающие лианы представляют собой нешуточную опасность – чем их больше, тем больше шансов, что сверху упадёт змея или ядовитая сороконожка.

Полчаса спустя площадка расчищена, а я чувствую себя как после полноценной тренировки. Физическая нагрузка невелика, но высокая влажность и духота дают о себе знать.

– Помыться, сагиб? – Интересуется Сунил, я киваю. С мы-

тъём тоже проблема – в речной воде полно паразитов, так что воду для мытья и питья нужно либо кипятить, либо... Сунил перерубает лиану и начинает осторожно поливать меня вытекающей оттуда водой.

Быстро ополаскиваюсь и одеваю чистую одежду. Грязная, пропотевшая за день, споласкивается индусами в реке, а позже отправится в большой котёл для кипячения. Ткань от этого портится за считанные месяцы, но в джунглях опасно быть неряхами.

Царапины, порезы, потёртости и укусы насекомых заживают здесь неделями. Банальный порез травой может привести к нагноению и оставить шрам, будто от ножевого боя.

– Завтра, – обратился ко мне Сэмюэль, широко улыбаясь пеньками почерневших зубов, – будем в деревне.

Глава 10

Примитивный бревенчатый причал с зияющими щелями, сквозь которые виднеется застоявшаяся вода, не внушает доверия. Гляжу под ноги, опасаясь оступиться на подгнивших брёвнах, и пропускаю момент, когда из-за примитивных хижин со стенами из циновок вылетает свора тощих, облезлых собак.

Сэмюэль, сделав шаг вперёд, впечатывает босую ногу в живот крупному кобелю, отчего того отбрасывает метра на два назад и на метр вверх. Свора тут же испаряется и в дальнейшем не причиняет хлопот, дружелюбно виляя хвостами и охотно подставляя покрытые лишаями головы для почёсывания.

Местные индейцы подходят осторожно, боязливо поглядывая на меня и особенно – на монструозных размеров кобуру с древним револьвером, висящую у меня на боку. После нескольких слов Сэмюэля туземцы успокаиваются и начинают вести себя, как с давно не виденными дорогими родственниками. Панибратства нет, но отношение самое дружелюбное, индейцы охотно помогают при разгрузке лодки, крикливо обсуждая каждую подвернувшуюся мелочь.

К разгрузке лодки они относятся не как к работе, а скорее как маленькие дети, встречающие мать после похода на рынок. В глазах нетерпение и восторг, диковинные для себя

вещицы могут обсуждать по несколько минут, забыв о разгрузке и столпившись вокруг.

Индусов здесь знают и похоже – любят, детвора подбегает, дёргая тех за штанины и получая дешёвые леденцы. Детишки грязные, что кажется поразительным при жизни у реки, причём грязь на первый взгляд многодневная.

Не моются? Да нет же, вот плещутся чуть выше по течению, ничуть не опасаясь парочки кайманов неподалёку. Или одно дело плескаться и другое – целенаправленно смывать грязь? Ломать голову над загадкой грязной детворы не стал, активно включившись в разгрузку и общение.

Из Джорджтауна меня вывезли на попутке, причём Леванья не вдавалась в подробности.

– Для них ты просто попутчик, – коротко сказала женщина, прощаясь, – большего им знать и не обязательно. Не уверена, что тебя могут связать с Посланцем Махатм, но лучше перестраховаться.

Обычное судёнышко из тех, что не назовёшь полноценным судном, но и лодкой назвать проблематично. Метров восемь в длину, но достаточно узкое. Снабжено судёнышко короткой мачтой с широким парусом и старым, плохо отрегулированным мотором, от которого так несёт парами бензина, что рядом опасно не то что курить, но и дышать.

На Демераре таких сотни, если не тысячи и выполняют они самые разные функции – от торговли, которой занима-

ются мои индусы, до рыбной ловли, контрабанды и личного транспорта деревенских вождей и богатеев.

Шанкар, владеющий большей частью судёнышка и выполняющий потому обязанности капитана, живо развернул на берегу что-то вроде прилавка, на котором выложил нехитрый товар. Яркие ткани, бижутерия, керосиновые лампы, мешки с рисом и прочий нехитрый набор, доступный совсем небогатым аборигенам. Особняком стоят пустые стеклянные банки и бутылки, чаще всего со сколотыми краями.

Для обитателей джорджтаунского дна не бог вещь какая ценность, но индейцы раскупают подобный мусор вполне охотно. Впрочем, всё познаётся в сравнении...

Индусы привезли товары под заказ, и каждый экземпляр живо обсуждается деревенскими. Сейчас по рукам ходит настоящее сокровище – керосиновая лампа. Судя по благоговейному отношению индейцев – роскошь запредельная.

– Вождь купил, – поясняет хихикающий Сунил, – в большой хижине теперь вечерами племя собираться сможет.

– А у костра не то?

– Костёр над головой не разожжёшь, – смеётся индеец. Смеюсь в ответ. Понты... что в Европе двадцать первого века, что в диковатом индейском племени начала двадцатого. Обложки разные, суть одна.

– Заночуем здесь, – сообщил подошедший Шанкар, с сомнением глядя на Сэмюэла, – проводник обещает заказы. Вроде как из джунглей должны выйти вовсе уж дикие род-

ственники деревенских.

– Куда ещё более дикие? – Искренне поразился я, – они ж и так... переднички эти...

– А я как долго привыкал! – Засмеялся капитан. Учившийся в настоящей, почти английской школе, индус старательно отыгрывал передо мной почти равного, но постоянно срывался. Не получалось у него держать планку, вымуштровали белые сагибы. Сейчас вот почти на равных, а не так давно в лодке сагибом назвал, сорвался...

В демократию и толерантность с местными не-белыми не играю. Когда путешествовал по Юго-Восточной Азии в двадцать первом веке, успел убедиться в кастовости тамошних традиционных обществ. Не только Индия, но и вполне себе флагман цивилизации Южная Корея, плохо понимают общение на равных.

В Корее при знакомстве прежде всего начинают выяснять, кто же из них выше? У кого лучше школа, колледж, родители... имеет значение даже крутость кампании, в которой ты работаешь! Непременно кто-то из собеседников оказывается выше и разговор тут же начинает строиться с позиции кастовости, хотя и не настолько выраженной, как в Индии. В Южной Америке эта кастовость так же присутствует. Ярко выраженного расизма нет, но сегрегация⁶⁷ наличествует.

⁶⁷ Сегрегация (позднелат. segregatio «отделение») – политика принудительного отделения какой-либо группы населения. Обычно упоминается как одна из форм религиозной и расовой дискриминации. На самом деле сегрегация может быть мирной и не насильственной. Это всего-навсего раздельное проживание отдель-

Если я начну играть в толерантность, меня не поймут сами же местные. По их понятиям, настоящий белый, тем более не опустившийся, заведомо выше. И если белый ведёт себя на равных, то он опускается ниже, а не поднимает собеседника до своего уровня. С ним что-то не так, с этим белым...

Работает это и в двадцать первом веке, а уж в двадцатые годы века двадцатого и говорить не о чем... Расцвет колониализма!

* * *

Аборигены выглядят диковато. Из одежды у них разве что полоски материи спереди и сзади, да и то не у всех. Судя по отсутствию смущения, юбочки эти выполняют скорее функцию украшений, чем одежды.

У нескольких мужчин постарше очень замысловатые причёски. Длинные гладкие волосы пропущены сквозь деревянные трубочки толщиной с дюйм и длиной сантиметров двадцати. Выглядят такие причёски совершенно инопланетно.

Украшений на индейцах много. В двадцать первом веке за подобную аутентичность дали бы немало денег, а сейчас... Ну кого заинтересует ожерелье из искусно сделанных чучел колибри, висящее на шее одной из женщин? Так, диковинка...

В качестве бижутерии используется, по-моему, вообще

ных этнических и религиозных общин.

всё что под руку попадётся. У пожилого мужчины в уши вдеты потемневшие от времени серебряные кольца, к которым привязаны ниточки с жуками и зубами какого-то животного, висящие вперемешку.

Молодой парень с чудовищным шрамом через всё лицо, прямо в продырявленные мочки вставил яркие пёрышки какой-то птахи.

Морщинистая старуха щеголяла шкурой ягуара на плечах и короткой красной юбкой из тех, что скорее пояс. Красная полоска ничего не скрывала и скорее привлекала внимание к увядшему телу. Сабхаш уже несколько раз отводит глаза от юбки (и того, что под ней), каждый раз кривясь.

Многие щеголяют татуировками – на лицах, плечах, животах, ногах... Довольно корявое творчество, как по мне, но очень этнично, этого не отнять.

В руках у некоторых длиннющие – больше двух метров длиной – луки, но напряжения не чувствуется. Грозное оружие выступает скорее атрибутом настоящих воинов, несмотря на явную боевую мощь. Помимо луков присутствуют и духовые трубки.

Это ваи-ваи, самое дикое и самобытное племя британской Гвианы.

Хижин в селении полтора десятка, из них шесть общественных, больших.

– Столица, – с вечным хихиканьем просветил Сунил, –

они тут совсем дикие! Здесь несколько семей живёт, с главным вождём и шаманом, остальные вай-вай глубже в джунглях. Сюда торговать приходят да поглазеть – большое поселение для них, очень большое!

В словах Сунила закономерно сомневаюсь, ловил его уже на Великоиндийском Шовинизме. К аборигенам этот хихикающий молодой парень относится очень пренебрежительно. В его мире всё просто – на вершине Пирамиды стоят англичане, затем прочие белые, затем индусы, китайцы.

Остальные народы относятся к нецивилизованным и судьба их – стать удобрением для народов цивилизованных. Освободительная борьба в его сознании если и есть, то главная цель не столько свобода от английского господства, сколько желание занять место английских господ.

* * *

Поселили нас в одной из больших хижин. Несколько вкопанных в землю больших столбов поддерживают крышу с кровлей из связок какой-то травы. Три стены из циновок, четвёртая вовсе символическая, с дверным проёмом на две трети стены. Пол земляной.

Меж столбов натянуты здоровенные гамаки, сплетённые из шерсти, по бокам покрытые сухой травой и шкурами животных грубые нары. На стенах украшения: ожерелья из чучел птиц и пелерины из перьев колибри, вплетённых в ткань;

искусно сделанные браслеты из кожи, дерева и кости, флейты из бедренных костей оленя и...

– Всю эту красотень, да в двадцать первый век, – мелькнула мысль, – Диплом магистра сделать на этом легче лёгкого, да и заработать... Может, с собой?

Представив путешествие по джунглям, да с таким багажом, морщусь. Да и не те ныне времена... творчество самобытных аборигенов интересно разве что узким специалистам. Ни имени, ни состояния в ближайшие лет тридцать на таком не сделать.

– Твою мать! – Удавы в качестве элементов декора несколько пугают. Пусть и знаешь об их безобидности, но идея держать змей в качестве кошек немного... непривычна.

Отстегнув кобуру, вешаю на столб рядом с гамаком, по соседству с таким же старым Ли-Энфилдом⁶⁸ и мачете. На поясе остался только небольшой нож, но он оружием не считается.

– Сагиб!

Ускорив шаги, иду к месту торжественного обеда, где уже собрались индусы и деревенская верхушка. Присутствует и новые лица, глядящие на нас, как на инопланетян – те самые гости из джунглей, которые вовсе уж дикие.

Костёр разжигают прямо в одной из больших хижин, на подготовленном кострище из камней. Тут же водружается большой котёл, воду в который зачерпнули прямо из реки.

⁶⁸ Lee Enfield – семейство британских винтовок.

Морщинистая старуха в красной юбке начала хлопотать около закипавшего котла, бросая туда то плохо ошипанные тушки попугаев, то зелёные бананы, почему-то в кожуре. От такой высокой кухни меня начало поташнивать, но шеф-повар продолжала творить.

В котёл полетели плохо промытые корни и откровенно пованивающее мясо, похожее внешне на свиное. Скорее всего эта свинья бегала ещё утром, но в тропиках продукты портятся с поразительной быстротой. Пару минут спустя в котёл полетела сушёная рыба, которую крошила над котлом помощница старухи, голая девочка лет восьми с вздутым животом и россыпью желтоватых гноящихся пузырьков на теле.

Воняет от котла, воняет от индейцев... Как хорошо в такие моменты идут идеи о высших и низших расах! Чтобы придти в себя, перевожу взгляд на искусно сделанные украшения. Тонкая работа, большой (хотя местами и непривычный) художественный вкус... Странная, но несомненная культура.

– Я это есть не буду, – вполголоса говорю капитану.

– А никто не будет, – улыбается тот, – религиозными обычаями отговорились. Просто посидим вместе, потом продуктами поменяемся – мы им консервы и шоколад, они нам свежие фрукты.

– Факт совместной трапезы... – бормочу с нескрываемым облегчением.

Джунгли, чтоб их! Даже не сомневаюсь, что годы спустя

буду вспоминать их с ностальгией, но здесь и сейчас отчаянно хочется назад, в цивилизацию.

* * *

РОВС поставило Максима на довольствие, но мужчина не слишком-то радовался этому факту. Комнатка в заведении Мацевича и пайка – ладно. Но вместе с ограничением свободы и необходимостью отсчитываться, куда ты направляешься и чем собираешься заняться... Зона один в один, мать её!

Свободы чуть больше, но и непоняток вокруг больше, чем хотелось бы. На зоне зло привычное, понятное и насквозь знакомое. Соблюдая определённые правила, можно жить относительно терпимо, а при некотором авторитете и везении даже комфортно. Относительно.

Попытка понять законы и понятия РОВС закончилась провалом. Общая схема имела, но каждый из начальников перетягивал одеяло на себя, выстраивая свои правила. РОВС вообще оказалась организацией крайне неоднозначной, где армейский распорядок ухитрялся сосуществовать с гражданским раздолбайством.

Кураторы Максима регулярно ломали привычные схемы, пытаясь заодно сломать и бандита. Цель проста и понятна – приучить повиноваться полезного человечка, выполнять команды не думая.

Не на того напали, ой не на того... Встраиваться в чужие

схемы и ломать себе психику мужчина не желал принципиально, лишь озлобившись в ответ на такую политику.

И высокомерие... сколько высокомерия в этих проигравших Гражданскую неудачниках! Не удержали власть, проиграли Гражданскую, да и в Европе работают всё больше официантами и чернорабочими. И это люди, которые считали себя элитой общества! Какая, к чёрту, элита из людей, не способных занять хотя бы место среднего класса в чужой стране?

Они не востребованы профессионально, даже дипломы университетов не всегда признаются. Медики и инженеры, работающие продавцами, никого не удивляют.

И пусть, пусть это отчасти европейский снобизм! Но ведь не так давно российская элита требовала к себе особого отношения и привилегий, получая их полной мерой. И оказалось, что без поддержки Власти они не стоят ничего.

Озлобленные, опустившиеся ничтожества, готовые воевать уже не против строя, а против народа, лишь бы вернуть былые привилегии.

Максим с каждым днём всё лучше понимал народ, не пожелавший терпеть этих на своей шее. Улыбался, шутил... и с каждым днём ненавидел бывших всё больше.

Зубрил немецкий как проклятый, стараясь при малейшей возможности получить разговорную практику. Читал в библиотеке старые газеты, пытаясь разобраться в хитросплетениях политики за последние годы и перестать наконец чув-

ствовать себя чужаком, понимая слова, но не смысл разговоров белогвардейцев. Читал труды социалистических филологов и их оппонентов... Не всё понимал, но изучал старательно.

Несмотря на спортивно-уголовное прошлое, глупцом Максим не являлся. Не всегда хватало образования, да чего там... отчасти и ума. Но учиться умел всегда, пусть даже зубрёжкой. И свой диплом юриста после отсидки получил без взяток. Горбом, троечный, но честный.

Нет сейчас возможности работать привычно, а раскрыть белогвардейцам прогрессивные схемы заработка почему-то не тянуло. Возможно, бывшие оценили бы аферы из двадцать первого века, но мужчине претили такие поделушки.

Аркадий Валерьевич... пусть, пусть он ведёт с ними дела, старательно не замечая плохо скрываемое презрение в глазах белогвардейцев. Он, Максим Парахин, лучше будет сотрудничать с большевиками, чем с белогвардейцами.

Его дед воевал с немцами, а эти... за. И внуку не хочется предавать память деда.

Глава 11

Меня колотит от напряжения, но старшаки невозмутимы. Рассыпавшись по сторонам, они неплохо изображают бредущих по своим делам подростков, никак не связанных друг с другом. Старшаки отслеживают случайных прохожих, гуляющих детей и любопытных старух в окнах.

– Здесь, – дёргает подбородком Вовка-Цыган на грязноватое окно с приоткрытой форточкой, – Ленка маякнула, на работе хозяева.

Я мешкаю, это первое серьёзное дело для меня, но Вовка не даёт опомниться.

– Давай!

Встав у стены, приседает, и я взлетаю на плечи. Толчок... вцепившись в форточку, ужом проскальзываю внутрь. Умывающаяся на кухонном столе трёхцветная кошка лениво соскакивает на пол, нервно дёргая хвостом. Опираясь на руки, соскальзываю сперва на подоконник, а потом и на пол, после чего тихонечко обегаю квартиру.

– Никого, – шепчу Вовке, показавшись в окне, тот кивает одобрительно.

Открываю застеклённый балкон, и старшаки тут же влезают в квартиру. Не совсем понимаю, зачем такие сложности и не проще ли открыть окно, если не хочется войти через дверь... Ну да Пашка стоумовый, ВУЗовские учебники

по психологии за третий курс уже читает, и ведь понятно ему! Главный в нашей банде он... не самый главный, над ним смотрящие есть и вообще...

Дух захватывает от того, что я в банде! В настоящей банде, подумать только! Вот пацаны в Атырау обзавидовались бы! Мне двенадцать всего, а уже на дело хожу, да не у ровесников из карманов мелочь трясу.

Не к месту всплывает сомнение, а точно позавидовали бы? Всякое у нас бывало – дрались один на один и толпа на толпу, огороды обносили... но чтоб кражи? Да и не вдохновляла раньше воровская романтика... Нет, точно позавидовали бы!

Оказавшись внутри, ребята стряхивают с рук строительные рукавицы (отпечатки!), натягивая сперва резиновые медицинские.

– Сервант в зале первое дело, – поучает Пашка, кидая вещи на диван, – ага!

Небольшая шкатулочка с золотом и бижутерией вытряхивается в барсетку. Туда же идут несколько купюр, найденные в баночке из-под крупы на кухне и из ящика компьютерного стола в хозяйской спальне.

– Смотри какие! – Ирка вылетает с несколькими наручными часами.

– Эти сразу выкинь, – брезгливо говорит Вовка, тыкая пальцем, – позолота и стразики, только лохов из провинции впечатлять, да армянам впаривать. Хотя... оставь, Ашо-

ту скину. У него родни в Ереване много, подарков на всех не напасёшься. Хватит на раз посидеть в шашлычной, и то неплохо.

На прощанье Пашка выдрал из компа дорогущую игровую видеокарту, а Ира прихватила две зеркала⁶⁹. Уходили через балкон, дело заняло чуть больше пяти минут.

– Наводка, пять минут риска, и мы на коне, – хохотнул Пашка, – понял, малой?! Сколько чистыми, Ир?

– Чуть больше семидесяти, да барахло скинем, ещё где-то столько же получим, – отозвалась девушка.

– Круто! – Вырывается у меня, – это за один раз столько взять можно!?

– Можно и больше, Тоха, – смеётся Вовка, положив мне руку на плечо, – раз четыре миллиона взяли чистыми, ух и погудели! Но там дело такое... нам добро дали обчистить того мудилу. Забыл человечек, под кем ходит и кому отстёгивать должен, вот и сняли с него защиту.

– На ноги приземлили, – веско говорит Пашка, стукнув кулаком по ладони с нехорошей ухмылкой, – чтоб вспомнил, откуда вышел!

Два час спустя, скинув добычу, засели у Ашота, толстого шашлычника с заведением в глубине спального микрорайона. Народ здесь всё больше из диаспоры и такие, как мы – уличные волки, как говорит Пашка.

⁶⁹ Здесь – зеркальные фотоаппараты.

– Добавки хочешь, дарагой? – Ласково спрашивает армянин.

– Спасибо, дядя Ашот, не влезет больше – порции у вас здоровенные. И вкусно всё!

– Кушай, дарагой! – Ашот отходит, потрепав меня по волосам.

– Хороший ара, – чуточку нетрезво говорит Вовка, – не великого ума, но мужик!

Почему-то захотелось возразить ему, глаза у Ашота не соответствуют нарочито-простоватому имиджу. Но старшаки лучше знают людей, на то они и старшаки!

В желудке тяжело лежит вкуснейшее мясо, заполированное лёгким домашним вином.

– Из-под самого Арарата, мамой клянусь, да!

В кармане пятнадцать тыщ – бешенные, нереальные деньги, которые так просто не потратить!

– Смотрящему отстегнуть, наводчику, а вот и твоя доля, Тоха!

– Ну что, понравилось? – Подмигивает Пашка. Расплываюсь в улыбке... как здорово, что у меня такие друзья!

* * *

Тяжёлый удар по затылку выбил из меня дух, очнулся уже с тяжело гудящей головой и руками, связанными за спиной крепко, до потери чувствительности. Лежу лицом вниз,

уткнувшись в перегнившую листву и чувствуя, как по коже ползают насекомые.

В голове сумбур, нет даже страха, только дикая головная боль и тошнота. Едва успеваю повернуть голову, чтобы не захлебнуться рвотными массами.

Проблевавшись, открываю наконец глаза и утыкаюсь взглядом в Сунилу. Мёртвые, широко открытые глаза индийца с ползающими по ним мухами сантиметрах в двадцати от моего лица. Перерезанное до самого позвоночного столба горло не оставляет сомнений в его гибели. Хорошо видны многоножки, подъедающие запекшуюся кровь.

Тяжёлый, липкий страх накрывает одеялом, отправляя в глубокий обморок. Очнулся чуть поодаль, от пощёчин и струек воды, лившейся в лицо.

– Гринго, – лицо говорящего расплывается, – ты слышишь меня, гринго? Маноло, мать твоя шлюха! Спящих не мог нормально взять, всё бы тебе кровячки побольше! Один мёртв, другой вот-вот концы отдаст, третьему ты зачем-то рёбра ногами переломал, связанному уже! Работать кто будет? Я? Нет, дорогой. Ты и будешь за всех троих!

Невнятное бормотанье в ответ сменилось звуками скоротечной схватки, после чего тяжело дышащий голос произнёс:

– За нож он взялся, пёс! Всё бы ему кровячки, еврею португальскому, да побольше! Падаль!

Стоном даю понять, что слышу его, почему в этот момент кажется жизненно необходимым подать голос. Усатая фи-

зиономия немолодого мужчины с явно индейскими корнями появляется передо мной.

– Живой?

– Пока да.

Ответ мой метис принял за остроумную шутку, залившись хохотом и пересказывая её невидимым мне товарищам на испанском.

– Ты верно сказал, гринго – пока живой, – усатая физиономия с оспенными рябинами снова появилась в поле зрения, – чем ты можешь быть мне полезен? Скажи что-нибудь, чтобы я не зарезал тебя, а начал выхаживать.

– Не гринго, – выдыхаю, уже зная, как сильно латиноамериканцы не любят янки, – русский.

– Русский? Уже лучше, русский. Если что, я тебя не больно убью, – вальяжно кивает усатая физиономия, – ещё что?

– Студент... бывший. Искусствовед – в живописи разбираюсь, в предметах искусства, – вижу смуглую, испещрённую шрамами руку, тянущуюся к ножу на поясе, и договариваю торопливо, – татуировки могу делать хорошие, в медицине разбираюсь.

– Татуировки? Леон! Иди-ка сюда, да рубахуними!

Вижу приземистую фигуру в истоптанных ботинках и донельзя грязных, засаленных штанах, от которых несёт говном и застарелым потом. Фигура присаживается, поворачиваясь и задирая заскорузлую рубаху, на спине довольно корявая татуировка ягуара.

– Там можешь?

– Так? Нет, могу лучше.

– Уверен, гринго? Сделаешь хуже, Леон тебя долго убивать будет.

– Лучше. Но инструменты нужны нормальные, краски. Не просто иголка и чернила, нормальные. Сделать можно, знаю как.

Минуту спустя руки у меня развязаны, но я их не чувствую. Чуть погодя чувствительность возвращается, вместе с болью. Вывихнуто правое плечо, содрана кожа на запястьях.

– Что с моими спутниками? – Спрашиваю пленителей.

– Комми? – Оживляется Леон нехорошо. Бес его знает, почему элементарное беспокойство о спутниках у него связано с коммунистами.

– Просто русский. Не коми, не эмигрант. Уже несколько поколений наша семья в Российской Империи не живёт.

– А...

– Один убит, – не пытаясь поставить меня на место, отвечает глава банды равнодушно, – Сунил кажется. Который постарше, Сабхаш, со сломанными рёбрами отлёживается. Капитан цел.

– Зачем мы вам?

– Зачем? – Бандиты ухмыляются, – а зачем людей грабят да в рабство захватывают? Ради прибыли! Товары ваши у нас, лодка тоже, а сами вы поработаете, добывая для нас золото. Ну и выкупиться можете, если денежки у родных есть.

Есть денежки-то?

– Немного, – тяну, чуточку оклемавшись, – у меня немного, а капитана индийская община выкупит. Не последний человек.

Ситуация проста и незамысловата, как жизнь этих людей. Есть свои и чужие, которые людьми не считаются в принципе. Философия диких индейских племён, для которых только они сами и были настоящими людьми. Остальные в лучшем случае люди второго сорта, недочеловеки, говорящие обезьяны.

Нацизм не немцы выдумали, не англичане и даже не евреи⁷⁰. Старая идеология, каменного века ещё... с тех пор угольки тлеют, как кроманьонцы перебили неандертальцев ради жизненного пространства.

А это потомки индейцев и конкистадоров, которые не считали туземцев за людей. Отребье, взявшее худшее от обоих родителей. В Латинской Америке таких много...

Расологи считают, что сказывается смешение кровей – сомнительные духовные качества низших рас.

Социологи из двадцать первого века склонны приписывать негативный результат нищете и постоянным переворотам. Привычка решать проблемы насилием и многочисленные примеры взлёта Из грязи в князи перед глазами не могут

⁷⁰ Желаящие могут почитать Ветхий Завет, примеров самого вопиющего нацизма там предостаточно. Этику ветхозаветных иудеев подхватили протестанты-англосаксы, ну а оттуда уже нацизм пришёл к немцам.

не сказываться.

Ох и влип же я...

Лодка скользит по многочисленным протокам, и судя по отчаянному взгляду сидящего рядом капитана Шанкара, местность совершенно ему незнакома. Для тех, кто понимает – очень, очень страшно.

В сельве⁷¹ с её бесчисленными протоками заблудиться легче лёгкого. В сезон дождей поднявшийся уровень вод легко меняет ландшафт. Поменяться он может и после урагана, коих в тропиках предостаточно. Появляются и исчезают новые островки и отмели, прокладываются новые русла и изменяются старые.

Стоит чуть свернуть с проверенного маршрута, как опытный лоцман начнёт пытливо вглядываться в детали пейзажа, пытаясь соотнести сохранившиеся в памяти метки с реальностью. Даже проторенные маршруты могут преподнести сюрпризы, мои индийцы пару раз возвращались назад, сбившись с пути. И это там, где они проходят не реже раза в месяц!

Большая часть торговцев ходит одними и теми же путями,

⁷¹ Влажные экваториальные леса в Южной Америке, один из дождевых лесов. В некоторых источниках сельва – название влажных экваториальных лесов в бассейне реки Амазонки или даже только в Бразилии. Иногда сельвой называют любой влажный тропический лес. В любом случае сельва располагается на территории таких стран, как Бразилия, Перу, Суринам, Венесуэла, Гайана, Эквадор, Боливия, Колумбия.

опираясь на прикормленных проводников из местных. Одна ошибка... и лодка может навсегда пропасть в джунглях.

Дело даже не в диких животных и не диких туземцах (а они здесь реально дикие попадают), а в самой природе. Ядовитые змеи, растения и насекомые приводят к болезням. Отсутствие нормального лагеря, где можно получить помощь, пополнить запасы лекарств и оружия, постирать одежду и подлечиться, сказывается очень плохо.

Местные уверяют, и я склонен им верить, что дольше нескольких недель в джунглях в незнакомой местности сможет прожить только индеец, и то не факт. Индейцы отнюдь не сверхчеловеки и знания о природе у них конечны.

На привычной территории они знают, куда соваться нельзя категорически и где легко добыть пропитание или лекарственные травы. Если же местность незнакомая, добывать необходимое приходится порой методом проб и ошибок. А это, на минуточку, тропики, где обычная царапина даже при лечении может в считанные часы превратиться в гноящуюся язву, шрам от которой останется навсегда.

Для белого... ну или индуса, сойти с проторенного маршрута в джунглях – смерть, долгая и мучительная. Это только в кино герои могут блуждать по джунглям месяцами, выбираясь к людям слегка похудевшими и запачканными, но вполне бодрыми. В реальности же... статистику из двадцать первого века не помню, а сейчас она просто не ведётся. По уверениям местных, больше трёх-четырёх недель можно

протянуть на чистом везении.

Прецеденты выхода из джунглей есть, вот только все или почти все выбравшиеся вспоминают о своём опыте с ужасом, а подорванное здоровье восстанавливается годами. Это если вообще восстанавливается.

Отчаяние капитана быстро передалось и мне. Бежать прямо сейчас, со свежим сотрясением мозга... нереально. Что с того, что в теории я знаю и отчасти даже умею обезвреживать бандитов, ведущих себя довольно беспечно... От малейшего неосторожного движения раскалывается голова и сознание норовит уплыть в неведомые дали.

С каждым часом мы всё дальше удаляемся от знакомых мест, где можно хотя бы в теории получить помощь от дружелюбных индейцев. Сейчас бегство невозможно по медицинским показателям.

Чуть погодя, когда (и если!) оклемаюсь, бегство без опытных проводников и припасов можно будет сравнить только с изощёренным самоубийством.

Глава 12

Сабхаш умер во сне. По-видимому, сломанные рёбра повредили лёгкие, в которых потихонечку накопилась кровь. Шанкар, увидев труп родича, только прикрыл глаза, пробормотав что-то на хинди с видом фаталиста, смирившегося с судьбой.

Тело индийца бандиты скинули в реку и оно, уже немного вздувшееся, закачалось на грязной воде. Отплыв немного, в мертвеца выстрелили из винтовки и через несколько секунд вокруг тела начала возиться какая-то водная живность.

– Подкормили рыбок, – засмеялся Леон, отчего в движение пришли складки на дряблом животе, испещрённом многочисленными язвочками. Его слова стали спусковым крючком и бандиты, прежде сонные и молчаливые, загомонили весело, переговариваясь на странном жаргоне с примесью португальских, индейских и английских слов.

Завтракали прямо в лодках, нам с индийцами кинули странноватого вкуса серые лепёшки.

– Тапиока⁷², – негромко сказал Шанкар, кусая лепёшку.

– Знаешь, где мы? – Интересуюсь негромко, пользуясь тем, что мы сидим на корме, в стороне от бандитов.

⁷² Тапиока (маниоковое саго) – зернистый крахмалистый продукт, получаемый из корней маниок. Высококалорийная и легко усваиваемая пища, широко употребляемая в тропических странах.

– В сельве, – мрачно ответил индус, не настроенный разговаривать. С этого момента он впал в медитативный транс, не желая пребывать в отвратительной реальности.

Путешествие наше продлилось чуть меньше трёх дней и за это время бандиты обращали на нас мало внимания. На лодке мы просто сидели на корме, старательно пытаясь не отвечивать. На берегу же после обустройства лагеря на нас одевали кандалы – две пары на троих.

Тяжёлые колодки из крепкой древесины плотно обхватывали ноги от самой щиколотки до середины голени. Ковылять в таких невозможно даже в одиночку, а уж втроём...

Меня оба раза заковывали между индусов, и двигаться мы могли только очень мелкими шажками. Причём индусам проще было ковылять, когда я не пытался делать шаги самостоятельно, а повисал на их плечах всей тяжестью.

Вечерние походы нашей троицы в кустики, на пару метров в сторону от места ночёвки, неизменно веселили бандитов. Впрочем, развеселить их несложно, четверо наших похитителей постоянно жевали листья коки или пили сомнительного вида спиртные напитки.

Лодка, зачихав мотором, ткнулась в прибрежные заросли и продавила их. Из-под зелёной растительности проступила жидкая серая грязь.

– Хозе! – Крикнул Алваро и свистнул в обычный полицейский свисток, – мы на месте, не стреляй!

Несколько минут ничего не происходило, потом из зарослей показался индеец в рубахе и шортах, босыми ступнями погрузившийся в прибрежную грязь. В руках у него лежал старый карабин с явными следами ржавчины, на боку мачете и большой нож без ножен, заткнутый за верёвочный пояс.

– Добыча? – Довольно оскалился индеец, глядя на нас и почёсывая левой рукой между ног, – новые рабы, хорошо!

Хозе отошёл и пару минут спустя заросли неожиданно разошлись. Оказалось, росли они на каком-то подобии плитков, перегораживая узкую протоку. Толкаясь вёслами, мы потихонечку преодолели эту полосу препятствий и оказались на чистой воде.

На берегу достаточно широкой реки стояли бараки и какие-то технические сооружения, напомнившие мне о старателях. Переглядываемся с Шанкаром... о, совсем плохо, в глазах индийца безнадёжность, он сдался.

Но ситуация и правда поганая. Это прииск. Не знаю, что здесь добывают – золото, алмазы или что-то ещё, но судя по масштабам – добывают серьёзно. С учётом похищения людей, добыча ведётся незаконно и значит, ни о каком выкупе не может быть и речи.

Ставить под угрозу налаженный и явно прибыльный бизнес ради пары сотен фунтов от индийской общины бандиты не станут. А все разговоры о выкупе просто для того, чтобы рабы до последнего надеялись, не думая бунтовать и не замышляя побег.

– Добро пожаловать в наш ресторан, прекрасная госпожа, – с улыбкой Дон Жуана произнёс Максим, склонившись перед дородной матроной слегка за тридцать. Та захихикала по-девичоночьи, переглядываясь с подругами.

– Сладости, дамы? – Тонем опытного соблазнителя, намекающее произнёс мужчина. Прекрасная госпожа затрепетала, усиленно обмахиваясь веером.

– Чуть позже, – хрипловато произнесла женщина и повторила уже нормальным голосом:

– Чуть позже. Сперва...

Небольшой ресторан Гризетка⁷³ пользовался определённой популярностью в кругах замужних дам. Ничего такого владельцы не предлагали, но официантами здесь работали рослые красавцы со всех уголков Европы.

– Ах, этот чарующий акцент... вздыхали добропорядочные дамы, – а какие мускулы...

Налюбовавшись и нафантазировавшись, дамы шли домой укреплять брак. Крутить романы с официантами, тем паче иностранцами... моветон⁷⁴. Так если, изредка и втайне от по-

⁷³ Молодая девушка (швея, хористка, мастерица и т. п.), одетая в одежду из серой ткани, не очень строго придерживающаяся нравственных правил.

⁷⁴ Моветон (от французского mauvais ton – дурной тон), невоспитанность; манеры и поступки, не принятые в хорошем обществе.

друг.

Официанты сменялись здесь быстро и поговаривали, что далеко не все увольнялись, найдя лучшую работу. Кое-то уходил на содержание, обычно к женщинами бальзаковского и постбальзаковского возраста.

Через несколько месяцев рослые красавцы, как правило, возвращались в ресторан, обременённые подарками и модной одеждой, подыскивая себе новых хозяек. Поговаривали, что некоторые уходили не только на содержание, но и оформляли отношения официально. Таким завидовали...

Предложи Максиму подобную работу дома, шутник долго бы собирал зубы с пола. Здесь же деваться особо некуда, с работой плохо вообще и особенно плохо для сомнительного иностранца, неважно говорящего на немецком.

Колчаковский проект для Парахина оказался неудачным. Что-то интересное у белогвардейцев наклёвывалось, но после получения первого взноса Максима оттеснили в сторону. Он подозревал, что вторую часть обещанных денег вряд ли получит.

– Малой оказался умнее меня, – пробормотал бандит, идя с заказом к кухне, – сдёрнул вовремя, а я тут подвис, да и не уйдёшь особо. Валерьевич, сука!

Неизвестно, виной тому Аркадий Валерьевич или белогвардейцы сами догадались стреножить Максима, но операция получилась изящной. Всего-то полицейский, остановивший на улице подозрительного иностранца, да проверивший

документы с пристрастием.

Неспешно завертелось дело, и Максим на ближайшие месяцы стал невыездным. При наличии настоящего нансеновского паспорта наличие второго, фальшивого, не грозило ему ничем серьёзным. Ровно до тех пор, пока он остаётся в Берлине, под колпаком полиции.

Опытный, матёрый эмигрант наверняка выкрутился бы из неудобной ситуации, но человек из двадцать первого века, попавший в век двадцатый считанные недели назад, не знал всем известных мелочей. Дёрнешься и окажешься... пусть не в розыске, но отметка немецкой полиции о неблагонадёжности может крепко помешать не только в Германии, но и во Франции.

Будь у него нормальный паспорт, всё было бы иначе... а пока как привязанный. Деньги есть, но... сумма, достаточная для достойной жизни на пару лет в провинции, совершенно недостаточна для столицы.

Комнатушка в заведении Мацевича, вкупе со скудным двухразовым питанием от щедрот РОВС – мечта многих белогвардейцев. Возможно, через несколько лет скитаний Максим бы и сам упростился, привыкнув довольствоваться малым и не стремиться к лучшему.

Пока же мужчина не успел отвыкнуть от ежедневного мытья, от трёхразового питания качественными продуктами, от добротной одежды...

Главное же, что привычки к роскоши выходца из двадцать

первого века оказались не зряшными. Чистоплотность, рельефная мускулатура и качественная одежда дали ему работу в этом чёртовом ресторане! А там... кто знает? Главное зацепиться.

Мужчина начал потихонечку подходить к мысли, что если вовсе уж припрёт, то и на содержание пойти придётся. Мысль эта раз за разом приходила в голову, вытесняемая старыми понятиями.

* * *

– Силён русский, – присвистнул Доминго, сдвигая на затылок плетёную из соломки шляпу, – не спина, а картинная галерея. Хорошего вы раба притащили, парни!

Главарь захохотал, и бандиты засмеялись вместе с ним.

– Свободен! – Доминго с силой хлопнул по спине сидевшего передо мной китайца, чья кожа послужила мне холстом. Китаец вздрогнул от боли всем телом и поспешно вскочил, засеменяв прочь, на ходу натягивая грязную рубаху.

Невольно отмечаю, что у китайца, трудящегося по двенадцать часов в день в нечеловеческих условиях, одежда заметно чище, чем у бездельничающих бандитов. Да и пахнет от него... не слишком хорошо, но всё не застарелым, многодневным потом и таким же застарелым дерьмом.

С невозмутимым видом кланяюсь слегка главарю и убираю иглы и краски.

– Слышь, русский, – склоняется ко мне незнакомый бандит, обдав смрадным дыханьем, – ты мне первому сделаешь! Я вот какую...

– В болото иди кайманов ебать! Первому ему, ослоёбу! – Прервал монолог другой, не менее вонючий бандит, – Ты тут что, самый главный? Поперёк Доминго и авторитетных парней вылезти решил?

Началась безобразная свара, в которую включились все присутствующие, кроме меня. Среди этой братии татуировки в моде, но никто не может похвастаться по-настоящему качественными татуировками, всё больше партаки⁷⁵. Пресловутый ягуар – вершина местного творчества, признак нешуточной гордости владельца. Качественная татуировка подчёркивает статус владельца оной, а игры с очерёдностью – иерархию в стае.

Ругань разгорается, парни хватаются за ножи и мачете, но пока не вытаскивают железо. Вижу Леона, мрачновато глядящего на меня, но стоящего в стороне от свары. В глазах вселенская обида на несправедливость жизни.

– Могу поправить и старые, – сообщаю в пространство, – это сложнее, но решаемо.

– Решаемо, русский? – Нарисовался передо мной Альваро, – Что для этого нужно?

– Инструменты краски и... – показываю на колодки, –

⁷⁵ Слово ну очень жаргонное. Обозначает испорченную, "запортаченную" наколку, татуировку. По-видимому, происходит это слово от "портачить".

нормальные условия.

– Нормальные тебе, – щерится Альваро, – а в реку не хочешь, с другими рабами алмазы мыть?

– Руки, – торопливо перебиваю заводящегося бандита, – у меня не должны дрожать руки. Работа тонкая, ювелирная. Дрогнет рука, и рисунок уже не тот.

– Дрогнет у него, – заворчал Альваро тоном пониже, – отрублю к хренам!

– Можешь, – киваю, но у самого внутри всё сжимается от дикого ужаса. Эти и правда могут... успел увидеть несколько специфических сценок, – но татуировка всё равно испорченной окажется. Всего-то и нужно, чтоб руки не дрожали.

– Всего-то? Хм...

– Еда нормальная, отсутствие тяжёлой работы, не лихорадило чтоб.

Выразительно показываю на колодки, натирающие мне ноги до крови, потом вытягиваю руку с подрагивающими пальцами.

– Китаец так... чтоб руки вспомнили. Лучше могу.

– Поговорю с Доминго, – выдавливают он из себя и удаляется.

Несколько дней меня не трогали, освободив от колодок и снабжая ингредиентами для красок и качественной сталью для игл. Увы, набивать придётся исключительно вручную, что сильно замедлит дело... да оно и к лучшему.

Поселили меня отдельно, под навесом метров десяти в длину и шести в ширину. Покатая крыша навеса покоится на столбах, внутри небольшой помост, парочка гамаков и открытые полки. Обстановка спартанская, но рад и этому.

Рабы, которых больше полусотни, живут в двух чудовищно грязных и тесных бараках, в совершенно антисанитарных условиях. Почему при обилии строительного материала и рабочих рук не стоит более приличное жильё, для меня загадка.

Возможно, ответ кроется в том, как живут сами бандиты? Два десятка человек живут в полудюжине хижин, заметно более просторных по сравнению с рабскими бараками, но ничуть не менее вонючих.

Судя по всему, такое вот существование они считают вполне комфортным и естественным. Грязь под ногами, дохлые крысы, мусор, объедки... Это не мусорная куча и даже не улица в бандитском посёлке, а всего лишь описание пола одной из хижин. Другие не лучше.

Потихонечку отхожу от последствий сотрясения, и пока не доставили нормальную бумагу для эскизов, бандиты решили проверить мои познания в медицине. Притащили гору просроченных препаратов самого сомнительного качества и медицинский справочник, в котором отсутствовала половина страниц.

– От Дока же оставалось! – Вспомнил внезапно недомерок Мартин, вцепившись в толстого Пабло, – ну!

Отстранившись хмуρο, Пабло стал думать. Процесс этот оказался схожим с геологическим – казалось, должны пройти целые эпохи, прежде чем произойдут какие-то изменения.

– Да, – геологическая эпоха завершилась и человек-гора удалился, дымя окурком чудовищно толстой и вонючей сигары.

Полчаса спустя к медикаментам добавились хирургические инструменты, заметно изъеденные временем и ржавчиной, и ко мне потянулись первые пациенты.

– Резать, однозначно резать, – тыкаю в огромный чирей на боку щуплого китайца, дрожащего всем телом.

– Моя не понимать, – чирикает китаец, обеспокоенно вращая головой.

– Ну так режь, – не понимает Начо, приставленный ко мне помощник-соглядатай. Почти коллега искренне считает себя целителем (как и меня) на том основании, что его бабушка была знахаркой. Отсутствие образования или хотя бы практики не смущает парня, как и тот факт, что бабушку-знахарку он видел всего несколько раз в жизни.

Учитывая заячью губу⁷⁶ и проскакивающие временами явные проблемы с головой, его железобетонная уверенность

⁷⁶ Расщелина нёба или хейлосхизис (*cheiloschisis*), разг. *заячья губа*, *волчья пасть* – разрыв, расщелина в средней части нёба, свидетельствует о проблемах со здоровьем. Чаще всего это интоксикация плода в период эмбрионального развития (в том числе или даже чаще всего, алкоголь) или же генетические заболевания.

покоится на нехватке интеллекта. Подозреваю, что среди бандитов таких много – не обязательно недоумков, но скажем так – людей с особенностями психики.

– Больничный нужен, – развожу руками. Понятие, само собой разумеющееся для меня, Начо оказывается незнакомым, – освобождении от работ, пока заживёт.

– Аа... а зачем?

– Разрежу, пару дней отлежаться должен, – объясняю терпеливо (впрочем, иначе в моём рабском положении и нельзя), – а если сразу в воду загнать, то залихорадит и через несколько дней загнётся.

– А не резать?

– Тоже загнётся.

– Я это... Доминго позову, – проявляет Начо чудеса смекалки.

– Спасибо, – негромко говорит китаец на хорошем английском, – вряд ли это поможет, но рад хотя бы участию в моей судьбе.

Маленькие глаза его, опухшие от укусов насекомых, смотрят уверенно и спокойно. Человек на грани смерти не смирили и готов на многое, только бы выпал шанс...

Чуть прикрываю глаза, не говоря ничего, жду Начо. Довериться китайцу сходу опасно, это может быть провокатор. Но если что... из полусотни рабов в лагере почти полтора десятка – китайцы.

Это не значит почти ничего, но всё же – шанс.

Глава 13

Жека нервно курит, оглядываясь по сторонам и бросая отрывистые слова.

– Пашку подрезали, – торопливая затычка, – бок располосовали только так, сантиметров двадцать распахали. Селезёнке пизда... медики говорят, раньше чем через полгода из больницы не выйдет, а потом на инвалидность. Вторая группа светит, не боец больше.

– Дай-ка, – беру у приятеля сигарету из пачки и курю не в затяг, просто чтоб успокоить нервы.

– В Раменском нарвался, – продолжает ровесник, пока я пускаю дым под ноги, – приехал поговорить с людьми о деле, а там не люди, а бляди! Сходу подмять под себя решили.

– Ну и?

– Ну и подмяли, – неохотно говорит Жека, с силой туша бычок о спинку скамейки, – чисто всё сделали, суки! Пашка располосован, а Вована с Ирккой взяли на хате и предложили либо под них идти, либо там же на хате их... хором. Обоих.

– Иди ты! Это ж вообще беспредел какой-то!

– Сам иди! – Огрызается Жека, – там не воры, а диаспора какая-то... с Кавказа, в общем. Из тех, что на законы и на понятия большой и толстый положили, на родственников и земляков опираются.

– Кто хоть?

– Хер знает! Чудом узнал, ара один прикормленный шепнул на рынке. Я ему частенько мелочёвку всякую скидывал напрямую, вот и отплатил. А какими путями до его ушей информация доехала, в душе не ебу. Рвать буду когти из Москвы... блять, только устроился по-человечески! Детдом нормальный, с пацанами там нормально, с воспитателями. Блять, как же хуёво!

– А к кому другому прислониться не вариант? – Перебираю варианты, стараясь не паниковать, – Старшаки понятно, а мы мелкие пока, может пронесёт?

– Хрена! – С неожиданно злобой говорит Жека, сплёвывая в сторону, – этим по большому счёту Пашка с Ирккой и Вованом не нужны. Это для нас они старшаки, а эти так... свои люди есть с нужным опытом. Мы кавказцам нужны, понял? Я, ты, Лёха... мелочь, короче.

– Форточки и карманники, что ли? Сейчас на наркоте в сто раз больше поднимают.

– Наркоте... а зачем мы им нужны, думаешь? Широко использовать начнут, боюсь даже представить – насколько. Наркоте таскать будем как курьеры, подставы с малолетками для взрослых дяденек... дошло? Надавят для начала, напугают, потом в говне каком замажут. Не знаю... найдут, короче. И будешь за спасибо работу делать, хотя скорее за дозу. Слыхал небось, как на иглу подсаживают насильно? Вот...

– Ёба... – мысли путаются, в голове сумбур. Восторг от принадлежности к настоящей банде прошёл несколько меся-

цев назад, но и отторжения не возникало. Несмотря на уголовщину, Пашка сумел поставить всё так, что мы чувствовали себя Робин Гудами.

Сомневаюсь, что грабили мы только нехороших людей, но и откровенной грязи не было. В квартиры к пенсионерам не вламывались, с наркотой не связывались, с кровью. Аккуратно Пашка работал, на перспективу. Воспитывал.

С таким отношением ему бы толику везения, да лет через пять-десять из прикормленных малолеток получилась бы настоящая бригада. Друзья, доверие к старшкам... Многого можно было бы сделать. У этих свои планы.

– Пацаны! – Вот и местные гопники подтянулись, парни от четырнадцати до семнадцати, гроза одноклассников и лоховатых одиночек. Насмотрелся... одиночки эти порой карате занимаются успешно, а всё равно – лохи!

Кулаками махать уметь, это для улицы полдела, там важнее готовность идти до конца. Иногда... да что там иногда, в большей половине случаев это банальная отмороженность вкуче с непониманием последствий! Не мужественные парни, а тупые отморозки...

Но тут нужно подключать мозги, умение общаться... Не всем дано, особенно в детстве почему-то. Санька вон, одноклассник в новой школе – вроде не дурак, не ссыкло, не стукач, но всё равно жертвой выбрали. Не вписывается в класс, неформат.

Я-то отмахался, а он нет, чуточку пороху не хватило кас-

тет достать. Или может быть – случая. Не факт, что без той фразочки воспользоваться кастетом решил бы я сам, ой не факт... Правда, теперь вот думаю – к лучшему ли получилось? Лучше дёргаться, потому что тебя в спину толкнуть могут, чем так...

Старшаки подошли к крепкому и ловкому мальчишке на турнике, но как подошли, так и отошли. А вот такой же мальчишка, готовый врезать обидчику кастетом выглядит немного иначе.

– Чё как, пацаны? – Поинтересовались гопники, присаживаясь рядышком. Поведение самое дружелюбное – пусть мы и младше, но вращаемся в более высоких кругах.

– Нормально, чё, – заулыбался Жека, никогда не рассказывающий о проблемах чужакам. Всё-то у него хорошо и замечательно...

– Нормально, – подтверждаю я. Воздух-то зачем сотрясать? Помочь эти не смогут, калибр мелковат. А вот слушок, что у нас что-то не в порядке, существенно может осложнить школьную жизнь.

Потрындели, сидя на корточках, по пацански. Краем глаза поймал завистливо-боязливые взгляды школьников, бросаемые на нашу компанию. Стало смешно и немного грустно.

Что побаиваются, понять могу. Мы-то с Жекой мелочь не трясём, а гопота всяким пробиваются, шакалы как есть. А завидовать... вспомнил ребят из Атырау и понял, что завидовать бы мне они точно не стали.

Зайдя под навес, сунул в отчаянно дымящий очаг сырое брёвнышко и пучок душистых трав. Задымило с новой силой, клубы дыма поползли по сырой земле, поднимаясь к балкам и крыше.

Тараканы, жуки и прочая крылатая нечисть, выползшая было из щелей перед закатом, снова попряталась. Огонь здесь нужно держать всю ночь, распугивая насекомых, змей и летучих мышей.

Большая часть местной кусачей живности переносит какие-то болезни, порой очень гадкие. Летучие мыши-вампиры, вопреки местным страхам, не выпивают людей досуха, зато служат переносчиками бешенства. При отсутствии вакцин смертность огромная. Я от бешенства и большинства тропических болячек привит, но рисковать не хочется, сплю под противомоскитной сеткой.

Досталась она мне путём сложных и многоходовых интриг пару недель назад. Да... уже месяц прошёл с того дня, как попал в рабство.

По сравнению с остальными, рабство у меня привилегированное – с отдельным жильём и кое-какими поблажками. Могу ловить рыбу и ставить силки, сам готовлю, подкармливая как пациентов, так и бандитов.

Последние очень любят послушать о Европе и навешать

на свежие уши лапши из давно заплесневевших новостей и местных страшилок. Народ это всё больше незамысловатый, не обременённый интеллектом, образованием и моралью.

Жизненный опыт богатый, но очень уж однообразный. Детство в трущобах, первое убийство, банда, тронул не того человека – побег из города. Иногда это разбавлялось отсидкой в тюрьме или пребыванием на каторге.

Пьющий отец, постоянно лупящий детей и жену – норма, едва ли даже не за счастье, что он вообще есть. По крайней мере, бьют только отец с матерью, а не любые соседи-взрослые, которым ты попался под горячую руку. Да и ровесники, если что, оглядываются на взрослого, могущего заступиться за наследника.

Едва ли не половина бандитов – отпрыски проституток с неизвестными отцами. Ничего предосудительно по местным меркам, скучная обыденность.

Уж на что я мало был в Джорджтауне, но количеству проституток успел поразиться. Едва ли не главный заработок девиц из трущоб. Многие работают горничными или на плантациях, но в подработке не видят ничего дурного.

– Я к тебе, Художник, – нарисовался Хесус, показывая огромную бутылку, – есть чо пожрать?

– Как не быть, – подбородком показываю на тушку змеи, пристроенную у костра. Что-то среднее между шашлыком и очень горячим копчением выйдет. Вкус, правда, специфический, но уже привык. Даже змей научился различать не толь-

ко как очень ядовитых, просто ядовитых и безвредных, но и как кулинар. Жрать в принципе можно всех, но некоторых сходу на шашлык пускаю, а некоторых только после вымачивания в травах, да и то пованивают.

– Маноло потом зайдёт с фруктами, да и парни подтянутся. Точно не будешь?

– Я после вашей спотыкаловки нормальные татуировки дня два делать не смогу. Хочется небось как у Леона?

– Эт да, – согласился коренастый Хесус, устраиваясь с бутылкой прямо на земляном полу.

Особое положение, да... я не обольщаюсь, эти дружелюбные парни по приказу босса завтра же могут запытать меня до смерти, распяв на дыбе или привязав к муравейнику.

Есть ещё один вариант, но мне он откровенно не нравится. Настолько не нравится, что лучше смерть... только быстрая, а не рядом с муравейником.

Вступление в банду, уже намекали. В качестве вступительного взноса предложат запытать нескольких рабов на глазах у остальных. Традиции здесь такие, все новички проходят. После такого обратной дороги в цивилизацию нет, даже если суд и оправдает (в чём я сильно сомневаюсь), человеком после этого быть перестанешь.

К слову, доверять после этого бандиты не станут, просто поводок станет чуть длинней. Вот и думай, Антон...

Привязанный к столбу мулат орал сорванным голосом, по худому окровавленному телу пробегали судороги боли. Толпа рабов, которым ради такого поучительного зрелища устроили перерыв, толпилась в паре десятков метров. Лица белые, мучнистые, глаз никто не опускает и не закрывает – знаю уже, что излишне чувствительные могут повиснуть на столбе во втором акте.

Вокруг бандиты, эти смотрят с интересом, обсуждая палаческие тонкости и делая ставки. Трое... из тех, кого вижу, смотрят на пытки с вовсе уж нездоровым интересом. Виктор, здоровяк с лицом потомственного олигофрена, засунул громадную руку в штаны и не скрываясь, играет в карманный бильярд. Это уж вовсе крайний случай... у остальных хотя нет видимого сексуального возбуждения от пыток.

Пытает Хесус, работая с улыбочкой, с огоньком. Садизма в нём нет, обычное психопатическое равнодушие к жертве и удовольствие от хорошо проделанной работы и собственного профессионализма.

– Здоровый попался, – с улыбкой конферансье, приглашённого вести корпоратив мечты, сообщил Хесус почтеннейшей публике, – обычно сердце раньше останавливалось, этот ничего так, живучий.

– Прошлый китаёза помер, когда щепки под ногти заго-

нять стал, – раздался чей-то жизнерадостный голос, – дохлый совсем.

– Живучий, – веско обронил Доминго, с чем согласились присутствующие. Окровавленная фигура со свисающими тонкими полосками кожи замолкла. Хесус поднёс воду к окровавленному рту и мулат выпил, ничего не соображая. Остатки воды бандит плеснул на спину несчастного, от чего тот взвыл.

Бандиты заржали, начав подавать советы. Доминго, весело скалясь, начал заплетать сложную косичку из свисающей кожи.

– Сестрёнке делал, младшей, – с ноткой ностальгии сказал он, дёргая жертву за получившую косичку. Взвыв, мулат дёрнулся вслед за полосками кожи, отчётливо спустившейся ещё ниже.

– Угу, – тихонечко пробурчал Маноло, недолюбливающий стилиста, – заплетал. Пока не изнасилвал вместе с дружкой.

Правда это или нет, не знаю и знать не хочу. Биографии бандитов подчас такие прихотливые, что впору иному психиатру как основы для диссертации. Но и врут много, подчас наговаривая не только на членов банды, но и самих себя.

Какая-то психопатическая жажда внимания и признания. В один день бандит выставляет себя при доверительном разговоре безвинной жертвой, а в другой делится такими подробностями биографии, что хочется удавить эту падаль любой ценой. Даже если потом предстоит повиснуть на столбе.

С трудом удерживаюсь от того, чтобы не сплевать, видя забавы палачей. Как раб привилегированный, нахожусь среди бандитов и более того – в передних рядах. Если бы не сидел по-турецки, давно уже уплыл бы в обморок. Раньше думал, что просмотр ужастиков хорошая закалка... ошибался, к этому не привыкнешь.

Атмосфера ужаса, боли и... кошусь на Виктора – похоти. Ни один ужастик такого не покажет, не сможет передать... да оно и к лучшему.

Глаза закрыть нельзя, как-то не хочется проверять – насколько я привилегированный раб, распространяется ли на меня запрет закрывать глаза под страхом второго акта. Рядом Маноло, тыкающий локтем в бок при удачных моментах. Заметит.

Время от времени глаза сами собой косят на знакомую фигуру индейца, стоящего в первых рядах, среди бандитов. По совести говоря, о нашем проводнике почти забыл. Стыдно немного... но человеком я его не воспринимал. Нет-нет, без расизма! Недочеловеком тоже!

Сэмюэл, несмотря на крестик, казался мне таким лесным духом, воплощением джунглей. После пленения, не обнаружив его ни среди убитых, ни среди бандитов, мелькнула даже мысль, что он растворился в сельве. Причём растворился – снова стал духом, а не сбежал.

Ан нет, стоит с сигарой и бутылкой, наслаждается представлением, весело скаля жёлтые, отродясь нечищенные зубы

с кариозными ямами. Не дух, а сообщник. Ненавижу!

* * *

Маленькая фигурка приподнялась из грязи и положила неподалёку от меня свёрток. Так же безмолвно и беззвучно фигурка растворилась в ночи.

Не представляю даже, каким мужеством нужно обладать, чтобы решиться на вылазку из рабских барачков. Бандиты пусть и ходят постоянно пьяные и обдолбанные, но дело знают туго.

Ночами дежурят профессиональные охотники, ориентирующиеся в джунглях, как у себя дома. И пусть дежурство заключается в дрёме в обнимку с ружьём, но в напарниках у них бразильские мастиффы. Страшные псы, выведенные для охоты на ягуара и беглых рабов. Такое вот милое сочетание.

Чуткие, свирепые звери, недоверчивые к незнакомцам и реагирующие на каждый шорох. Всего в лагере шесть охотников с псами, и по ночам они дежурят как минимум по двое. Живут охотники неподалёку от рабских барачков, так что при подозрении на побег или восстание реакция последует сразу.

Проползти, не потревожив чуткую дремоту опаснейших псов... не иначе, в рабские барачки попал профессиональный охотник. Бандиты таких убивают сходу, просто на всякий случай. Охотники имеют крохотный, но вполне реальный

шанс выбраться, и тогда жизнь преступников сильно усложнится.

С колотящимся от волнения сердцем допиваю кофе и... ухожу. Если это провокация или пластуна заметили, иначе нельзя. Судьбу мулата на столбе помню хорошо. Не хочу... уже приготовил крохотный кусочек остро заточенного железа и примерился, где и как нужно резать себе вены, если вдруг что.

Полтора часа спустя выхожу по большой нужде. Туалета в лагере нет или точнее – туалетом служит река. Это для самых чистоплотных, так-то гадят у стен хижин...

На обратном пути наступил босой ногой на матерчатый свёрток, взяв его пальцами ноги. Так и прихрамывал до своего гамака.

Развернул осторожно... травы.

– Сильный яд. Добавить в еду. Вкуса нет, – читаю на тряпочке и кидаю её в огонь. Травы знакомые, такие растут и в окрестностях лагеря, собрать могу. А пока негоже оставлять улику.

Осталось только придумать, как добавить яд в пищу бандитам и не вызвать подозрений. Сделать это нужно в считанные дни, Доминго уже решил повязать меня кровью.

Глава 14

Резкий выдох... игла, недавно использовавшаяся для тауировки, вылетает из полой трубки, впившись в бок громадной собаке. Короткий взвизг и громадное тело затихает. Несколько секунд жду тревоги, собаки чуткие, реагируют на любой подозрительный шум. Но нет, подействовали травки.

Предложенный китайцами план показался мне чересчур громоздким и вместо того, чтобы травить бандитов, отравил собак. Очередной неудавшийся эксперимент с приправами, который не захотели есть даже совершенно не брезгливые бандиты, взяли приученные к таким провалам охотники для своих питомцев.

Травы не ядовитые, действие их скорее снотворного характера.

Перезаряжаю полую трубку новой стрелкой, смазанной кураре. Руки дрожат, чудом не оцарапался... Выдох! Стрелка вонзается в бедро дремлющего с ружьём охотника. Тот успевает сделать вялое движение рукой и замирает в плетённом кресле.

На четвереньках подбираюсь к нему, забирая ружьё, патроны и мачете. На поясе остался висеть громадный револьвер, необыкновенно заржавленный и служащий для этого окультуренного индейца скорее знаком статуса.

Мучительно долго пробираюсь к хижинам охотников. За-

дачу облегчает тот факт, что двое из шести со своими псами отсутствуют. Ловят ли они новых рабов или сопровождают партию алмазов, не знаю. Нет их, и ладно.

Собаки без привязи и если хоть одна проснётся... Это самое слабое место моего плана, и к тому же не одно.

Выдох... стрелка вонзается в живот суке, лежащей у прогорающего костра. Только кожа на животе дёрнулась. Выдох... выдох...

Собаки нейтрализованы, остались только их хозяева, дремлющие в хижинах. Есть надежда, что спят они так же чутко, как их питомцы, охотники куда более неприхотливы, жрут даже то, от чего отказались отнюдь не брезгливые выходцы из городских трущоб.

Вытянув вперёд руку, смотря на пальцы прикусив губы – они не то что подрагивают, они трясутся! Несмотря на кое-какую подготовку, я отнюдь не спецназовец и людей никогда не убивал. Тем более ножом... из винтовки, издали, ещё куда ни шло. Говорили мне, что на расстоянии людей как мишени воспринимаешь.

– Аа... – открыв тубу с ядом, отрываю полу рубашки и макаю в яд. Ядовитой тряпочкой по лезвию трофейного мачете – так хоть шанс есть... Ну нет у меня ни опыта в художественной резьбе по горлу, ни даже подготовки! Популярнейшая в последние годы тема ножевого боя прошла мимо, в голове только кадры из фильмов Стивена Сигала и немного роликов из интернета.

Выставив мачете перед собой, деревянной походкой иду к хижине. Какое там проскользнуть тенью! Вся сила воли уходит на то, чтобы удержаться от побега.

Хочется рвануть в джунгли как есть, бросив оружие и завывая от ужаса, а ещё – вернуться под навес и попытаться сделать вид, что ничего не было... оно само! Злой дух из сельвы пришёл!

Неразборчивый сонный голос спросил что-то на индейском наречии, из проёма показалась пузатенькая фигура Тото, смеска с десятком кровей. Низенький, кривоногий, страшный донельзя, он казался живым воплощением пьяного зачатья⁷⁷, но являлся при том неплохим охотником. А явно выраженная шизофрения и разговор с невидимыми друзьями только добавляли Тото шарма в глазах индейцев. Шаман!

Мачете вылетело из рук, порхнув огромной металлической бабочкой в неверном свете луны. Тото шархнул на

⁷⁷ Влияние алкоголя при зачатии крайне негативно влияет на здоровье ребёнка. Даже всего пара бокалов дают страшные последствия – до 40 % таких детей имеют ярко выраженные отклонения в физическом или психическом развитии. Не случайно законы Древней Греции и Рима запрещали молодым людям пить спиртное. Запрещалось пьяному мужу приближаться к жене. Был издан закон о недопустимости употребления вина новобрачными. На Руси также с давних пор считалось плохим признаком пить вино на собственной свадьбе. Связь здоровья детей с состоянием родителей в момент зачатия подмечена во многих странах. Во Франции ослабленных детей, родившихся от выпивающих родителей, называют «детьми воскресенья», «детьми веселого ужина». Действительно, установлено, что примерная дата зачатия многих болезненных новорожденных совпадает с праздниками, которые обычно сопровождаются выпивкой.

зад, среагировав даже в таком состоянии. Корявый прыжок к смеску и вот я судорожно сжимаю горло... а он и не сопротивляется, мачете всё-таки зацепило охотника.

Подхватив оружие, пытаюсь рвануть в хижину... ноги подгибаются и рывок получается на четвереньках. В дырявой хижине горит дымный очаг, раздуваемый ветром, на стенах из циновок пляшут тени.

– На! – Мачете, прорезав подозрительную тень, врубается в деревянный столб и остаётся там. Сил больше нет... ложусь на спину, подставляя горло – пусть меня убивают! Но убивать некому, в хижине было только двое, оба уже...

Нервно хихикая, объясняю неведомо кому:

– Ну я же в первый раз убиваю! Потом приноруюсь.

Дико страшно и одновременно тянет выговориться неведомому, оправдаться.

– Они сами виноваты, сами! В рабство, убить хотели... око за око!

Несколько минут бормочу в таком же стиле, зачем-то раскачиваясь, и потихонечку прихожу в себя. Оружие, патроны... новое мачете. Подбираю полую трубку для стрельбы иглами и перезаряжаю, в соседней хижине ещё двое.

Со мной неведомый, уже не так страшно. Похоже, охотники всё-таки причастились еды питомцев... ну или просто крепко выпили вчера вечером местной спотыкаловки.

– Копьё лучше, – говорю неведомому, глядя на прислоненное к столбу индейское оружие. Это скорее острога, Тото

бил им рыбу – мастерски, нужно сказать. Ну ничего, на один удар... снова кураре⁷⁸...

Немного опомнившись, к соседней хижине передвигаюсь на четвереньках, выставив вперёд копьё и волоча за собой ружьё за ремень. Со стороны, если не приглядываться, ну точно собака по своим делам идёт. Надеюсь...

То ладонью, то коленом постоянно попадаю в собачье дерьмо, натываюсь на дохлых крыс и прочий мусор. Брезгливость отсутствует напрочь, готов если надо проползти по канализационной трубе, лишь бы...

Двери в хижине нет, проём завешен рваной циновкой, не достающей до земляного пола больше полуметра. Отодвигаю головой, стараясь не замечать сбжавшего по волосам паука.

Тихий всхрап из гамака...

– На... – удар копьём, попал! Из второго гамака вскакивает Джордж, рослый худощавый мулат.

– Не убивай, дух! – Тоненько вскрикнул он, бросившись на колени, – не...

Ударом мачете перерубаю ему горло, не успев уклониться от брызг крови в лицо. Тело забилося в судорогах, сшибая меня длинными ногами. Затих он не скоро, хрипя и разбрызгивая кровь. Казалось, она залила весь пол в хижине, подобравшись к почти погасшему очагу и заливая угли, гас-

⁷⁸ Яд кураре добывают из целой группы растений, которые не являются редкостью в бассейне Амазонки.

нущие с громким шипеньем.

Сколько сидел так, глядя на убитого человека, не знаю. Очухавшись, начал срочно искать выпивку – сейчас надо, срочно. Противошоковое.

Глоток поганого самогона привёл в чувство. Рвало меня долго, мучительно. Но всё-таки собрал оружие и напялил излюбленную шляпу Джорджа, с трудом сдержав отвращение. Он единственный из охотников, схожий со мной ростом и фигурой, выбора нет.

Рабские бараки всего в полусотне метров, аккурат между хижинами охотников и прочих бандитов. Никакой ограды и колючек нет – есть свирепые псы и бандиты с винтовками. По реке тоже не уйти – кайманы, да и помимо них опасной живности хватает.

Лодки и всё, что можно использовать как плавсредства хотя бы в теории, метрах в трёх, с другой стороны от бандитских хижин.

Ну и на сладкое – кандалы на ночь. Не знаю, как тот китаец выламывал себе суставы... очень непростой человек.

Поскрёбся в дверь барака, ответ такой же. Перебирая ключи, начинаю открывать замок. За дверью поднялся было тихий гомон, но почти тут же утих.

Приоткрыв сильно скрипнувшую дверь, вижу низкорослую фигуру китайца. Понятно теперь, как он из кандалов вылезал! В нём и полутора метров не наберётся! Да и весу килограмм сорок от силы... правда, это никак не умаляет от-

чаянную храбрость и выдержку азиата.

Ключи китаец берёт обеими руками и низко кланяется, прижав руки к груди. Киваю в ответ и присаживаюсь у стены барака, зажав винтовку между колен. Старательно пучу глаза, всматриваясь в ночной мрак и пытаюсь углядеть малейшее несоответствие, поднятую тревогу.

В бараках тихое позвякивание, но хвала всем богам, никаких радостных воплей. Несколько минут спустя, показавшихся мне вечностью, из барака первыми вылезают китайцы. Один из них со связкой ключей сразу потрусил ко второму бараку.

– Умеете? – Протягиваю Ли винтовку. Тот сожаляющее мотает головой.

– Тяжёлая для меня, отдача... Нож есть?

Снимаю мачете и потихонечку раздаю огнестрельное оружие охотников выскользнувшей из бараков ударной группе.

– Спасибо, амиго, – шепчет усатый, донельзя измождённый латинос язвочками ожогов на лице. Несколько дней назад одному из охранников показалось забавным тушить самокрутки о его лицо... – Я Хосе из семьи Санчес, что на Мартинике, наша семья в долгу перед тобой.

Почти каждый из выходящих считает своим должным что-то сказать мне, поклониться или прижать руку к сердцу. Надо же, настоящий араб! Так вот кого позавчера Сэмюэл привёз!

Штурмовая группа плюхается на животы и начинает полз-

ком передвигаться в сторону бандитских хижин. Что характерно – отдельно. Латиносы, которые подгребли под себя индейских смесков и парочку квартеронов с африканской кровью. К ним примкнул Шанкар и араб. Мулаты и негры отдельно. Китайцы...

Пытаясь привстать, мне тоже... в бой... Ноги подкашиваются и падаю, теряя сознание.

* * *

В кровь ко мне попала микроскопическая доза кураре. Скорее всего, запачкал кожу, когда наносил яд на мачете или стрелки, а после где-то ободрался... В общем, для остановки сердца дозы не хватило⁷⁹, но сознание я потерял на несколько часов, так что бой прошёл без меня.

Бой, захват нескольких пленных и жесточайшая расправа с ними, засада на отсутствовавших членов банды... всё мимо. Несколько часов без сознания, а потом просто валялся под навесом, слабый и мало что соображающий.

Бразды правления перехватили Хосе, Ли и немного неожиданно – Шанкар. Последний не столько из-за боевых или лидерских качеств, сколько как капитан, способный ориентироваться в бассейне Демерары.

Нашли какие-то карты, пометки... словом, Шанкар доста-

⁷⁹ Кураре в микроскопических дозах не смертелен.

точно уверенно тыкал пальцем, показывая на карте, где мы находимся и брался проложить маршрут до известных ему путей.

– Не сразу, – почёсывая кончик носа, – сказал он, сидя у моего гамака, – поплутать придётся.

– Когда за тобой нет погони, можно и поплутать, – хмыкнул Хосе, осторожно поправляя повязки на запястьях. Как потенциально опасному, представителю семьи Санчес на ночь одевали колодки не только на ноги, но и на руки. С соответствующими в тропиках последствиями.

– Не обижайся, что мы без тебя всё решили, – снова попросил Ли, – ты всё равно сперва без сознания, потом плохо понимал.

– Ничего, – хмыкаю в ответ, – вы мне лицо сохранили⁸⁰.

Ли снова кланяется, он до сих пор не может понять (и главное – принять), что потенциальный лидер способен с лёгкостью отказаться от лидерства в стихийно образовавшейся общине. Менталитет... В Азии важнее порой казаться, а не быть.

Мне же принимать командование не с руки. Я могу раскатать толпу, сформировать устойчивые слухи в молодёжной среде, уверенно общаться с уголовниками из интеллигентных, богемой и профессурой. Но полсотни вчерашних рабов, всё больше представителей городского дна и эмигрантов из

⁸⁰ Помогли сохранить социальный и общественный статус, уважение окружающих и т. д.

далёкой Азии?!

Не потяну. Либо дам слабину там, где её быть не должно, либо напротив – закручу гайки. Здесь ведь опыт нужен, а нет его.

– Что пленные поведали? – Прерываю неловкое молчание, повернувшись слегка в гамаке к посетителям. Сегодня мне лучше, могу не просто новости выслушать.

– Поведали многое, – задумчиво отозвался Санчес, – проведя пальцем по заживающей верхней губе, – да вот рассказы их на десять делить нужно. Живыми нам достались только мелкие сошки, от таких толку мало.

– Знают мало, выдумывают много, – дополнил индус, – да сами себя в этих враках убедили.

– Да, – кивнул латинос, – врак много. В сухом остатке есть алмазный прииск и некие покровители. Не самый богатый прииск и не самые высокие покровители, это можно уверенно сказать. Не военные покровительствуют и не полицейские, это видно... Не понимаете?

Хосе задумался, поглаживая повязки.

– Военные в покровителях или полиция своих людей бы сюда поставила и выглядело бы всё по другому. Военные... эти отставных солдат бы поставили да сержантов парочку. Полицейские своих людей, ну и уголовников из тюрем – из тех, кого точно не хватятся.

– Ясно, – до меня и правда дошло, – а здесь в охране бандиты, но какие-то... не единая банда, а сброд разнокалибер-

ный. Кровью и общими интересами повязаны, но очень уж разные. И пленные из тех, кого точно не хватятся или по крайней мере, искать будут не слишком настойчиво. В администрации губернатора кто-то?

– Да, кабальеро, – кивает Санчес, – я могу даже уточнить – это не местный. Европейец, причём не так давно приехал. Многое слишком... по дурному сделано, без знания местных обычаев – даже не уголовных, а человеческих. Немного таких, так что вычислим.

Санчес усмехнулся так, что стало ясно – крови будет пролито немало. Ну да это его дело, местных кланов без кровной вражды и не бывает. Закон в Южной Америке работает с перебоями, так что приходится опираться на кланы, а последним создавать себе репутацию.

* * *

По выздоровлении пришлось задержаться на прииске почти на две недели. Сперва (это без меня) вылавливали и устраивали засады оставшимся в живых бандитам. После в составе высокой делегации договаривался с проживающими на этих землях индейцами о дружбе и добрососедстве. Сколько при этом пришлось сожрать и выпить всякой гадости!

Я оказался необходим как формальный лидер, дипломат и больше всего – медик.

Местные знали секреты кое-каких трав, но сакральные знания у них вперемешку с откровенными глупостями, вроде использования обезьяньего помёта в мази для ран. Надежда на китайскую медицину тоже провалилась, самым грамотным из азиатов оказался Ли, получивший военное образование.

Остальные всё больше вчерашние крестьяне и потомственные кули⁸¹. О существовании женьшеня или использовании рога носорога в родной медицине что-то слышали, но не более.

Я хотя бы медицинские курсы окончил... Предполагалось, правда, что мой максимум – помощь случайному прохожему при инсульте да искусственное дыхание вытасченному из водоёма человеку, но хоть что-то. Полученных на курсах знаний и просмотренных в интернете роликов маловато, но некому больше!

– Лучше?

– Да, кабальеро, – робко говорит мулат, опираясь на палку.

– Ну давай, ложись.

Прятели мулата помогают тому взгромоздиться на стол, уложив боком.

– Мистер... – здесь настоящий интернационал, сброд из английских и французских колоний вперемешку с латино-

⁸¹ Батраки.

американцами, аборигенами, выходцами из Азии, арабом и индусом. В ходу кабальеро и месье, мистер и сэр, distinguished gentleman и сагиб... – можно мы останемся, посмотрим?

– Оставайтесь, – пожимаю плечами, – раны чистить дело несложное, может и самим когда пригодится.

Разматывая лёгкую повязку, оглядываю рану, по которой ползают личинки. Сам сажал личинок, своими руками! А куда деваться, если началась гангрена, а пенициллина под рукой нет?! Вспомнишь и устаревшие, но действенные методы, использующиеся нынешними медиками вполне официально.

Вот и вспомнилось, что ещё в Великую Отечественную советские медики от безысходности использовали порой личинок мух. Те выедали гниющее мясо, предпочитая его здоровому. Порой помогало...

– Отлично, Томас, – обнадёживаю мулата, – сейчас сниму и зашивать буду.

– Спасибо, доктор, – на всякий случай тот решает подлизаться, – а хромать я долго буду?

– Ну... это уже как бог даст и собственная глупость. Мыться тебе надо кипячёной водой, как и всем... Одни в грязной речке сполоснутся норвят – это с ранами-то! Другие в собственном поту плавают днями. Всё, свободен!

Африканцы разных степеней смуглости живо стащили товарища со стола и повели прочь, шумно обсуждая увиденное

и услышанное.

– Послезавтра отправляемся, – подошёл Сансес, – в Венесуэле у меня есть родня, так что не пропадём. Всё-таки не хочешь в долю?

Отрицательно мотаю головой, идея подмять прииск на паях не вызывает энтузиазма. Для начала – как делить доли? По количеству проведённых в рабстве дней, по заслугам во время бунта, по наличию деловых связей? И это только на поверхности, так-то идей с делёжкой много больше. Так что будут свары, ещё как будут...

Не слишком верится в слова Санчеса о могуществе семьи. То есть... его наверняка защитят, а вот мутный европеец в моём лице может пойти и на размен. Может быть я и не прав, не доверяя благодарности местных, но рисковать не тянет.

Да и какой будет выхлоп с не самого богатого прииска, если исключить рабский труд? И сколько мне может достаться? Крохи! Нет уж... я не против афер и риска, но на своих условиях и естественно – в привычной для меня среде.

Глава 15

– ...несмотря на наветы врагов... – закончил диктовать дон Бургос, расхаживающий по кабинету с видом полководца, – всё записал?

Показываю ему тетрадь со скорописью, наниматель подслеповато вглядывается и важно кивает. Будто понимает что-то...

– Наветы врагов, – повторяет он, – таким образом...

– Дон Карлос, – пожилой слуга входит без стука, – пришло письмо от дона Кастро, вы велели доложить без промедления.

– Ступай, – величавым жестом отпустил меня старик, – на сегодня всё.

Слегка поклонившись, ухожу в свою комнату переодеться. Служба секретарём у дона Бургоса необременительна и позволяет хорошо ознакомиться с высшим светом Каракаса⁸², пусть даже из тени.

В старинном, изрядно обветшавшем особняке, расположившемся в аристократическом пригороде, достаточно уютно. Огромная библиотека, ценная скорее старинными томами. Довольно большой и изрядно запущенный сад, пара лошадей в конюшне.

⁸² Столица Венесуэлы.

Всё говорит о том, что времена славы для рода Бургос прошли. Состояние растранижено и ушло на взятки после участия в ряде неудачных переворотов. Для среднего обывателя годовая рента дона Карлоса – предел мечтаний. Но на ренту эту он содержит особняк, внука-офицера и пару престарелых слуг, так что деньги эти скорее виртуальные. Живёт в долг, расплачиваясь иногда услугами. Одежда старая, купленная ещё лет двадцать назад. Еда самая скромная, в основном из собственного сада, зато на старинном серебре и драгоценном фарфоре.

Вопросов, почему не переедет в более скромный особняк, даже не возникало – спасибо маме с её воспитанием. Пусть в долг, пусть на грани нищеты, но род Бургос соответствует ряду требований и входит, пусть и не без скрипа, в высший свет Каракаса.

Опустившись ниже по социальной лестнице переездом в более экономичный особняк, Бургос автоматом лишится ряда старинных друзей и приятелей. Они не прекратят с ним общаться, но общение будет уже не на равных, а сверху.

Другое отношение, другие возможности... Дон Карлос предпочитает жить в долг, но иметь вход в высшее общество.

Нищета и понты... но мне это на руку. Секретарь старику в общем-то и не нужен, даже мемуары он надиктовывает не от лютой графомании, а потому что должно. Все приличные люди в его окружении делают это или хотя бы рассуждают иногда о таком намерении.

Наличие секретаря повышает статус дона Карлоса, а поскольку денег жалко, старик расплачивается статусом уже для меня. Жалованья не получаю, но проживаю в особняке Бургосов не на правах наполовину слуги, а гостя.

Я молодой человек из хорошей семьи, заинтересовавшийся интересной биографией дона Карлоса – ни больше, ни меньше. Недостаточно для представления высшему свету как ровню, но достаточно для того, чтобы ввести меня туда с чёрного хода. Ранг пониже, но возможность произвести впечатление имеется.

Получить место секретаря помог Хосе, Санчесы и правда пользуются определённой известностью. Сложная система родственных, экономических и дружественных связей оплетает всю Латинскую Америку, Карибский Бассейн и большую часть Центральной.

Короткий разговор на границе с Венесуэлой, и вот таможенник с плутоватой физиономией профессионального шулера и холодными глазами убийцы улыбается вылезшим из джунглей оборванным бродягам, именуя сеньорами. Разговор с приехавших полицейским чином – рыхлым усатым толстяком, и Хосе называют дорогим родственником и даже не думают досматривать. Как же, троюродный кузен со стороны второй жены дядюшки Олива!

Знакомо и понятно... примерно такая же ситуация была недавно в Европе. Первая Мировая разорила многие аристократические семейств и крепко подорвала привычный мир,

но до сих пор родственник в третьем или четвёртом колене воспринимается как очень близкий. Погостить несколько недель, помочь устроиться в хорошую школу, университет или на работу, выручить из сомнительной истории – норма.

В Латинской Америке это выражено много сильнее. Иногда это мешает, а иногда... Санчесы всё-таки подгрести под себя прииск.

Жалею ли я, что три месяца назад отказался от доли? Нет! Доля Санчесов, доля многочисленным родственникам, оказавшим помощь... Больше двух-трёх процентов не досталось бы ни в коем случае, а это уже деньги не то чтобы маленькие... но в мегаполисе легко заработаю больше. Да и сидеть в джунглях, контролируя старателей, не придётся.

Переодевшись для прогулки, проверяю трость с коротким клинком и револьверы. Подарок дона Бургоса, между прочим, остатки от былой роскоши. Подобного барахла здесь... не видел бы собственными глазами, так и не поверил бы.

Кажется, будто латиноамериканцы в принципе не выкидывают и не сдают в утиль старое оружие. А если они более-менее зажиточны, то стараются покупать всё новые образцы. Старые же отправляются в кладовки или на стены, усладить взоры хозяев и гостей.

Часто даже самый завалящий нож сопровождается красивой историей о том, как прадедушка убил им ягуара, опасного бродячего пса (даже если пёс был размером с кошку) или

преступника. Если верить этим историям, то латиноамериканцы выходят прямо-таки эпическими героями.

Делить всё приходится минимум на десять, но всплывает иногда такое, что оторопь берёт. Участие в перевороте для латиноамериканского бомонда едва ли не в обязанность входит. Хоть один раз в жизни поучаствовать в перевороте, повоевать в одной из бесчисленных войн... Добавить сюда нередкие дуэли, вылазки в джунгли по разным надобностям, клановые разборки. Интересно живут состоятельные латиносы, с огоньком.

В обрывках разговоров друзей дона Карлоса встречаются порой то хищные ящеры, то затерянные в джунглях города. Верить, нет ли... но буднично ведь говорят – не для меня, а о былых приключениях и деловых проектах.

Знаю уже, что байки и легенды в Латинской Америке переплетаются с реальностью так, что не разделишь. Учусь, как нужно вплетать явные враки в реальную историю, ни капли при этом не солгав.

Клинок на месте и вытаскивается всё так же легко, барабаны у револьверов проворачиваются... Страсть к мужским игрушкам? Если бы... Каракас опасный город, один раз уже ограбили, причём до исподнего. Идти через город в кальсонах, это знаете ли... до конца жизни запомню.

Районы богатые безопасны более чем абсолютно – полиция, частная охрана, вооружённые слуги. Подозрительные

чужаки быстро оказываются под прицелом, и не дай бог это не племянник дядюшки Гарсия со стороны сводной сестры первой жены, захавший в гости!

Пуля в лоб в таких случаях – акт милосердия... потом. Сперва же чужака спросят хорошенечко в подвале – кто он, да откуда, да что забыл в этом районе... Понятно, что это если чужак и в самом деле подозрительный, а не обычный турист, заблудившийся в незнакомом городе. Но перегибов хватает... крови здесь не боятся ни своей, ни тем паче чужой.

Районы бедные – обратная сторона полюса, преступность поразительная. Ты или в банде и участвуешь регулярно в перестрелках и поножовщинах, или платишь за охрану. Не обязательно наличными, порой расплачиваются и услугами – предоставлением крова по необходимости, медицинской помощью, лжесвидетельством.

Платят если не все, то почти все. Есть немногочисленные нейтралы, отвоевавшие себя это право, да люди уважаемых профессий, прежде всего школьные учителя.

Поразительно, что почти нет золотой середины, сравнительно безопасных районов, где проживает средний класс. Расслоение общества очень сильное.

С тоской смотрю на пиджачную тройку из чесучи⁸³, как же надоело... Но увы, до эпохи шорт и шлёпанец ещё очень

⁸³ Плотная ткань из шелка с особой фактурой. Последняя получается вследствие неравномерной толщины нитей. Одежда из неё сравнительно недорога и хорошо подходит для жаркого климата.

далеко. Последнее отребье из барриос⁸⁴ такого не носит. В долги залезут, но постараются одеться прилично. Язвами от потницы⁸⁵ покроются, в обмороки от перегрева падать будут, но прилично...

– Мария! – Окликаю возящуюся в саду старую служанку, – я в букинистический⁸⁶!

– Да, сеньор, – флегматично откликается та, не отвлекаясь от прополки.

Букинистический магазинчик сеньора Кордобы расположен в районе, который весьма условно можно назвать местом, где обитает средний класс. На улицах среди бела дня грабят редко, но вскрывают чужие дома и квартиры постоянно, порой не смущаясь присутствием хозяев.

Оттого дома больше похожи на картонные коробки с

⁸⁴ Трущобы.

⁸⁵ Потница – раздражение кожи, развивающееся вследствие повышенного потоотделения и замедленного испарения пота. Чрезмерное потоотделение чаще всего вызвано жаркой или влажной погодой. Потница может появляться в любом возрасте, но наиболее распространена у детей раннего возраста. Чаще наблюдается у детей грудного и младшего возрастов. Развитию потницы способствует перегревание при чрезмерном укутывании ребёнка, особенно грудного возраста.

⁸⁶ Букинистика (от фр. *Bouquiniste* – букинист, фр. *Bouquin* – старая книга) – торговля старой книгой и другими печатными антикварными изданиями. Кроме того, букинистикой называют совокупность разного рода старой и старинной полиграфической продукции (старые книги, старинные книги, брошюры, открытки, газеты, журналы, афиши, прокламации, билеты, летучие издания), собранной в одном месте.

немногочисленными окнами, непременно забранными решётками. Архитектура самая убогая, какие-то достопримечательности можно встретить разве что на нескольких центральных улицах, да за высокими заборами в аристократических районах.

В лавке Кордобы окна почти отсутствуют, специфика заведения. Чем платить многочисленным уличным бандам за охрану и опасаться пожара, ему дешевле показалось оставить немногочисленные продухи для вентиляции, замуравов окна.

Освещение электрическое, на стенах масляные светильники в качестве аварийных. Электроэнергия отключается по несколько раз на дню, а хороших электриков в городе мало. Собственно, электриков вообще... сложная профессия для местных, ещё сложнее профессии водопроводчика.

– Сеньор Сушков, – поклонился слегка охранник на входе, почти не коверкая фамилию. Приподнимаю ответно шляпу, большая любезность с моей стороны.

– Я смотрю, ты стал ещё здоровее, Санчо, – остановившись и оперевшись на трость, делаю комплимент толстяку. Тот довольно скалится и с силой хлопает себя по животу.

– Кираса, что ли? – Удивляюсь металлическому лязгу.

– Она, сеньор, – улыбается метис, вежливости ради отодвигаясь от стены, на которую опирался, – надоело дырки в брюхе штопать. Пусть на нём слой сала в локоть толщиной, но рано или поздно найдётся какой-нибудь ухарь, что решит

пощёкотать старого Санчо не навахой, а мачете.

– Тогда тебе и воротник стоячий нужен, вроде ошейника.

– Да, сеньор, Пабло уже сделал чертежи, заказали в другом городе.

– В другом? Умно. Нечего здешней шантрапе знать, что у тебя новая броня появилась. Как Пабло?

Толстый метис расплылся в улыбке, и промокнув потное лицо грязным носовым платком, принялся многословно поведствовать об успехах любимого племянника. Выходец откуда-то из дикой глуши, Санчо сперва сам пристроился в городе, а потом и родню потащил потихонечку.

Пабло – надежда семьи, грамотей. К двенадцати годам он не только с отличием закончил обучение в бесплатной деревенской школе, но и прочитал все книги, имевшиеся у учителя в деревенской школе – все девять! На семейном совете приняли решение дать парнишке настоящее городского образование, и вот он работает в лавке Кордобы.

Работает почти бесплатно, фактически за еду и кров. Зато возможность читать книги и говорить с образованными посетителями. Долгосрочная стратегия, но лет через пятьдесят, если Пабло не сорвётся, то сделает какую-никакую, а карьеру. Пока его мечта – стать секретарём у знатного дона.

Вхожу наконец внутрь, в лавке на удивление прохладно после жаркой, влажной улицы. Хитрая система вентиляции, владелец выписывал умельцев откуда-то из Перу. Говорят, настоящие потомки индейских умельцев – тех, что строили

пирамиды и дворцы у инков. Вполне возможно, ведь конкистадоры если кого и резали, то в первую очередь жрецов и воинов, а никак не ремесленников.

– Сеньор Кордоба, – здороваюсь с немолодым хозяином, сеньоры...

Присутствующие в лавке посетители так же негромко здороваются. Публика у букиниста собирается приличная, люди всё больше образованные да любознательные.

– Сеньор Алехандро, – доверительно берёт меня букинист под локоть, – есть интересные поступления.

Кордоба изрядно шепеляв – последствия двух переломов челюсти в молодости, да и старше меня лет на тридцать, так что для него вот уже пару месяцев я Алехандро, а не Сушков. Слушать фамилию кузена в исполнении букиниста сущее мучение, пусть лучше так. Тем паче, называя меня по имени, он вроде как ввёл меня в число если не приятелей, то хороших знакомцев. Ближнего круга. А там и скидочки последовали...

– Карты, сеньор, вы такими интересовались?

Пролистываю старинные карты, выискивая несоответствия. Почти девяносто лет форы сказываются, и пусть я студент недоучка...

– Вот эти три сомнительные, – откладываю старинные карты, – а вот эти восемь подделка однозначная.

– Гм... – Кордоба смотри на меня серьёзно, без привычных смешинок, притаившихся в углах карих глаз, – вы хоро-

шо разбираетесь в сувенирах.

Пожимаю плечами, не отвечая на подначку. Новичок непременно начал бы оправдываться или выдумывать легенду, да непременно детальную. На том и прокальваются.

* * *

– Так вот, – неловко сказал отец вечером, собрав нас всех после ужина, – Переезжаем. В Мюнхене работу предложили, да по специальности, инженером.

– Переезжаем, – повторил я тупо, уставившись в вытертый ковёр на полу.

– Да ладно, сына, – шагнул отец, прижав мою голову к груди, – не переживай! Понимаю, что ты здесь друзьями успел обзавестись и вообще... Но сам видишь, не складывается в Москве у нас с матерью. Ни гражданства, ни работы толковой. А там не только работу, но и помощь на первых порах фирма гарантировала. Дом нам сняли, с документами помогать будут.

– Ладно, пап, нормально всё.

– Ну раз нормально, ступай собираться, через три дня вылетаем. Такое дело... понимаю, что школа у тебя и все дела... Может, мать до конца года в Москве с вами?

– Не надо! – Вырвалось само и видно, отец почувствовал что-то неладное. Отстранившись, он внимательно оглядел меня и произнёс успокаивающе:

– Что, пристают задиры школьные? Ничего, в Германии этого нет, говорят. Да и как приедем, я тебя на секцию запишу! Так через три дня?

– Ага!

– Ну давай! А я пока в интернете доставку еды закажу, отпразднуем!

Запершись в комнате, кружусь волчком – свобода! Через три дня меня не будет в России и значит, все проблемы решены. Не настолько я ценный кадр, чтобы кавказцы в Германию... свобода!

И никакой больше уголовщины! Ни хрена это не круто и романтично...

Глава 16

Тренер из дона Карлоса неважный. Старик когда-то был знатным фехтовальщиком, но времена эти давно канули в лету. Да и метод обучения, заключавшийся в делай как я, то и дело сбоил. Дон лет десять как не тренировался регулярно и от того совершал ошибки, гневаясь на старческую немощь и на меня заодно.

В нормальной ситуации от услуг столь неквалифицированного сенсэя давно отказался бы, но увы. Легенда обязывает изображать жажду войти в Свет и от того терпеть выходки старика, бывающего подчас довольно противным. А что может быть естественней в такой ситуации, как не личное ученичество у некогда известного в Венесуэле фехтовальщика?

Сперва секретарь, представленный высшему обществу Каракаса, теперь вот ученик... Да и внук дона Карлоса, навещавший недавно деда, отнёсся ко мне пусть и снисходительно немного, но в общем-то на равных.

Всё говорит о том, что в Каракасе я почти свой. До чего же обидно, что максимум через несколько месяцев придётся умереть! Внедрение настолько успешное, что могло бы стать началом новой жизни. Могло бы...

Сейчас я вижу, что при побеге от РОВС изрядно перестарался, переоценил их возможности. Сойти с парохода Сушкову и пропасть, что может быть естественней? Или погиб-

нуть в джунглях после похищения работорговцев... всего-то сбрить бороду, заговорить на английском, да назваться другим именем!

Но нет, я же самый умный, решил отыграть до конца, по всем правилам! Вынырнул аж в Венесуэле и... снова засветился как Сушков, не хватило ума воспользоваться услугами Санчесов и получить документы на другое имя. И всё, можно было бы начинать жизнь заново, не опасаясь преследования РОВС. Да и о спецслужбах можно было бы забыть.

Это сейчас я понимаю, как много Санчесы должны мне за освобождение представителя их семьи из рабства. Да и такой шикарный (пусть даже по большому счёту случайный) подгон, как алмазное месторождение, они не забыли.

Поделиться деньгам от алмазов, выделив большую долю... это немного другое! Сансесы хоть и влиятельная семья, но не богаты, отказаться от плывущего в руки капитала они не смогли бы. А вот чистые документы и хорошая легенда – минимум, который они были мне должны.

В Латинской Америке так много переворотов, революций и интересных происшествий, что моей просьбе никто бы не удивился. Подумаешь, очередной юнец, крепко вляпавшийся в Большое Приключение!

Сейчас не то чтобы поздно... просто смысла нет. Морду засветил по всему Каракасу, так что теперь в Латинской Америке уже не приживусь. Изобразить выходца отсюда – легко, знаю уже местные особенности. Даже встречаться с

земляками смогу при необходимости – благо, всего-то бороду сбрить да кое-какие привычки поменять.

А вот жить постоянно или вести серьёзные дела уже нет, могу засветится. Голос опознают, манеру двигаться... Не сказать, что риск прямо-таки совсем большой, но если уж начал скрываться параноидально, то нужно доводить дело до конца.

* * *

– Резче, – скомандовал дон Карлос, прохаживающийся сбоку от меня, – да на правую ногу припади! Так... и кистью двигай, кистью! Что ты как боксёр, от плеча выпады делаешь?

Встав в стойку, старик в замедленном темпе продемонстрировал выпад.

– Понял? А ты вот так... – снова замедленный темп, – кистью двигай, кистью! Ты силу вкладываешь, будто кирасу пробить пытаешься, зачем? У тебя шпага в руках, и даже если ты её на трость сменишь, всё равно любого атлета на землю уложишь.

Для наглядности дон Карлос продемонстрировал мизинец.

– Вот такого диаметра наконечник трости, не больше. Физику помнишь? Укол тростью по правилам фехтования равен удару кулаком опытного боксёра. Тебе не нужно силы

прикладывать, это ничего не даст! Убить – да, проще так, если со всей силы бить, как ты сейчас работал. Голову расколешь, туловище насквозь пробьёшь... даже тростью!

– Но это потеря скорости, понимаешь? Если на тебя напали на улице, бой всегда скоротечный и всегда при численном преимуществе. Быстро надо реагировать, моментально! Всегда учитывать, что у нападавших есть нож, пистолет... Есть! Не может быть, а непременно есть!

– Твоя задача – не дать им воспользоваться оружием. Потом, когда враги обезврежены, ты можешь добивать их как хочешь. Но сперва – скорость, скорость и ещё раз скорость! Понял?

Киваю, отчего с лица срываются капли пота, и старательно повторяю выпады. На деревянном полу фехтовального зала подо мной уже лужица. Жарко... жарко и влажно. Физические нагрузки не представляют собой ничего особенного, пусть и несколько непривычны. Но сочетание жары, влажности и фехтовального костюма выматывают.

Дон Карлос категорически не признаёт занятия с голым торсом или даже в лёгкой рубашке. Либо полноценное обмундирование фехтовальщика, с весьма плотной защитной курткой и перчатками, либо и вовсе костюм-тройка.

Не спорю, дон Карлос непосредственный участник трёх переворотов (не только в родной Венесуэле), полудюжины мелких войн и нескольких десятков клановых разборок. И нигде, по его словам, не предоставляли возможность подго-

товиться к схватке. Будь то замаскированная под дуэль попытка убийства, нападение с ножом уличного бандита или перестрелка – всегда приходилось сражаться в чём есть.

Звучит дико, но здесь даже воюют так, что по одежде можно отличить – к какому классу принадлежит воюющий. Дон Бургос, как и все представители правящего класса, должен носить исключительно подобающую одежду.

Военное обмундирование, если ты на службе действительной или в армии революционной. Пиджак с брюками как лицо гражданское. Пиджак и брюки могли быть дешёвыми, застиранными... но носить их положено даже при вылазке в сельву. В противном случае окружающие могли усомниться в твоём праве на лидерство.

Лазеек полно... но только для своих, для представителей старых семей. Тех, кто доказал своё право на отдельные причуды.

Мне нельзя...

* * *

– Экая скотина, – слышу брезгливый голос крепкого немолодого господина в некогда хорошем, но ныне сильно поношенном костюме из английской шерсти, неуместном в климате Каракаса, – обворовать меня вздумали?

Говоря это, господин лениво тыкал тростью в двух скорчившихся под его ногами оборванцев, нимало не беспокоясь

собирающейся толпой, настроенной откровенно недружелюбно. Горячие местные парни, решившие выручить незадачливых земляков из лап несомненно плохого гринго, скорее развлекали его.

– Русский? – Удивлённо спрашиваю господина. Удивление не наигранное, как-то не сталкивался с представителями русской общины в Каракасе. Русскоговорящих полно, но это всё больше еврей-переселенцы из Российской Империи, совершенно отдельный микрокосм.

– Русский, – доброжелательно отвечает господин, – Семёнов Илья Тимофеевич. С кем имею честь?

– Сушков Александр Викторович, – так же доброжелательно представляюсь, после чего вытаскиваю револьвер и стреляю в воздух, – сейчас полицейские подойдут, да и местная шантрапа охолонет.

– В участок мерзавцев передать? А не отпустят за взятку-то?

– Коль найдутся средства, так непременно отпустят, – смеюсь, – власти здесь удивительно коррумпированы.

Трое полицейских с капралом во главе появились через несколько минут. Обмундирование не новое, давно нестиранное, с разводами соли от застарелого пота. Все изрядно под хмельком, в глазах усталое раздражение людей, которых оторвали от хорошей трапезы и интересного времяпрепровождения.

– Сеньоры, – обдав ароматами пота, лука и перегара, кис-

ло приветствует нас опытный капрал, с первого взгляда опознавший чужаков. Чужаков с определённым положением в обществе, так что проигнорировать нас нельзя, – капрал Диас, приветствую вас.

– Хорхе, – кинув взгляд на оборванца, сказал полицейский, – старый знакомый... Что он натворил, сеньоры?

– Семёнов Илья Тимофеевич, – представился эмигрант, – ограбить недоумок попытался.

– Воевали? – Поинтересовался капрал, – действительно недоумок... Ограбить боевого офицера... ха! Да наши офицеры из солидарности все барриос вверх дном перевернули бы! Полки подняли бы и... пусть даже вы в другой армии служили, но всё равно... нельзя офицеров трогать, понял, собака?!

Попинав бандитов, полицейские записали наши данные – исключительно по моему настоянию, неприятно удивившись настойчивости.

– С оформленными бумагами больше сдерёшь, – говорю негромко капралу, – пусть проникнется поганец!

– Диас к вашим услугам, сеньор, – полицейский скривил толстую, давно не бритую физиономию в ухмылке, которую он считал дружелюбной.

– Илья Тимофеевич, – раскланиваюсь с земляком, не делая попытки продолжить знакомство.

– В Гражданской не участвовал, – донёсся голос с хрипотцей, – знаю уже, прошёл... Раз знакомство продолжать не хо-

тите, так опасаетесь, что не на той стороне воевал. Или скорее, раз вы тоже в эмиграции, что не тех убеждений придерживаюсь. Нет убеждений, кончились.

– Рад знакомству, Илья Тимофеевич, – снова поворачиваюсь к нему. – Не имел чести быть гражданином Российской Империи, как и все мои предки до пятого колена включительно. Так что не в убеждениях... но отчасти вы правы. Знакомство моё с русской эмиграцией не заладилось, все почему-то считали, что я кому-то должен. Романовым, Белой Идее... Прошу прощения, был несколько предвзят.

– Сталкивался, – протянул новый знакомый, устало оперевшись на трость, – живут идеей и всё больше идеей мести, мда... Потому в Венесуэлу из Парагвая и переехал, что поднадоели людоедские высказывания лидеров тамошней русской общины. Понять, что в Революции виновны не только иностранные агенты и жида, но и не в меньшей степени мы сами, как правящий класс, не хотят. Жаждают возвращения и мести. Всю Россию кровью залить готовы, лишь бы вернуть всё, как прежде!

Знакомец мой оказался человеком симпатичным – из тех, с кем хочется если не сдружиться, то хотя бы регулярно общаться. Филолог по образованию, до начала Первой Мировой успел поработать учителем гимназии. Затем война...

– Добровольцем пошёл. Сдуру, признаюсь. Патриотизм, статейки в газетах. Понять, что война эта России не нужна и участием в войне царь отработывает французские креди-

ты да провалы во внутренней и внешней политике... но об этом тогда не думали в моём кругу. Фанфары, пафос, отстоим Русь-Матушку!

Пока он рассказывал, мы как раз подошли к небольшому кафе и присели за столик. Жестом подзываю официанта.

– Кофе и... что тут у вас фирменного? Принесите.

– До капитана дослужился, – продолжал тем временем Илья Тимофеевич, – да в конце шестнадцатого года во Францию командировали, в состав Экспедиционного корпуса⁸⁷. Европа, союзники... как вспомню, вздрогну. Фош⁸⁸ лично не раз отмечал, что наш корпус наиболее боеспособный на Западном фронте, а отношение меж тем самое скотское. Питание скверное, снабжение вообще.

– А на дыбы подняться? – Интересуюсь негромко, – неужто представители Корпуса такие... вялые были?

– Вы действительно не из России, – вздохнул новый знакомец, – об этом столько в газетах писали, да меж собой обсуждали... Вялые, да, это вы хорошо сказали. Да и с чего им быть иными, если царь наш во всё союзникам потакал? Союзнички... оплаченные боеприпасы и вооружение не поставляли вовремя! На полгода-год сроки задерживали, сотни миллионов рублей присвоили.

⁸⁷ Экспедиционный корпус русской армии во Франции и Греции. Общая численность корпуса 45 000 рядовых и унтер-офицеров и 750 офицеров. Формально – интернациональная помощь и обмен между союзниками по Антанте. В действительности же помощь была односторонней.

⁸⁸ Маршал Франции, командующий союзными войсками в 1918 году.

Несколько раз глубоко вздохнув, Илья Тимофеевич отпил кофе.

– Извините за горячность, большая тема. А на дыбки поднимались, да ещё как! Не слышали о восстании в Лагере Ла-Куртин? В сентябре семнадцатого аккурат. Три дня бои шли, с артиллерией... свои же и подавили, вместе с французскими жандармами.

– После Революции и вовсе... кровью искупить вину предложили. Дескать, раз Россия их предала, то нам нужно компенсировать её вину. Кого по французским частям разбросали... догадываетесь, как их там использовали? Мясо пушечное! Иных в Алжир, в колониальные войска. Были и иные... но сладко никому не елось, если только верхушку не считать. Те-то да... патриоты на чужих костях.

– А вы?

– Алжир, – вздыхает собеседник, – да гражданство французское после войны получил, там же осел. Потом в Парагвай переманили, зря соглашался! В Алжир теперь возвращаться, так заново всё начинать, а в Парагвае с нашими расплевался так, что мало до дуэлей не дошло.

– Помотало... у меня биография сильно попроще. Работаете-то кем?

– Кем? Хм... сложно даже сказать, – несколько напоказ задумался отставной капитан, – лекции читаю в здешнем университете. Поверите ли, если желающие прикоснуться к тайнам русского языка и литературы. По военному делу офице-

рам и курсантам курс прочёл. Я, знаете ли, некоторым образом авторитет в военном деле.

– Даже так? – Смотрю на него с любопытством.

– Случайно по большей части, откровенно говоря, – криковато усмехнулся он, – прибедняться не буду, военные таланты наличествуют. Но большую роль пресса сыграла – выпал случай попасть в газеты раз, да другой... А газетчикам проще цепляться за знакомое лицо да фамилию. Так и пошло.

– Вполне приличная карьера, – одобрительно киваю, не заостряя внимания на поношенном костюме и прочих деталях, кричащих о режиме жесточайшей экономии.

– Карьера? – Явственная самоирония без ноток надрыва заставила приглядеться к Илье Тимофеевичу внимательно, – два-три часа преподавательской деятельности в неделю дают почёт, но не наполняют карман. Жду вот, пока военные местные созреют, вроде как в училище преподавать позвать хотят. Что-то там не срастается... боюсь, парагвайская община наша воду мутит. Не любят они благополучных соотечественников, не зависящих от РОВС.

– О как! – Настроение моё стремительно портится, и здесь эти белогвардейцы силу набирают! Была бы возможность укоротить... а ведь есть!

– Илья Тимофеевич, а познакомлю-ка я вас с доном Бургосом...

Глава 17

Уходить пришлось резко, на импровизации. До сих пор не верится, что так сошлись звёзды, но в кои-то веки удача повернулась ко мне лицом.

Наверное, слово удача в данном случае не совсем уместно, всё-таки речь идёт о чужой жизни... Оборвыш, найденный во время охоты в полусотне вёрст от столицы и умерший у меня на руках, и стал той самой удачей.

* * *

Рост, телосложение, черты лица... даже неряшливая борода, выросшая во время скитаний...

– Не двойник, но похож, изрядно похож, – бормочу негромко, ворочая тело, – даже кисти рук как у меня, только что кожа поглубей на ладонях. Хм, а костяшки кулаков наоборот. Зубы... без пломб и коронок, уже хорошо.

Слова, сказанные им в лихорадочном бреде, позволяют более-менее точно идентифицировать человека. Англичанин из Бирмингема, подавшийся в Южную Америку за шальными деньгами куда-то на прииски. В результате вот... остывает.

Подрагивающими руками раздеваю тело и проверяю – нет

ли каких заметных шрамов, татуировок? Страшно и противно до невероятия, но раз уж Судьба подкинула такой... намёк, то кто я такой, чтобы спорить с дамой?!

– Да что за блядство такое! – Вырывается сквозь зубы. Снятые с покойника вещи долго полощу в реке, но чище они от этого не становятся. Спешно, пока не передумал, напяливаю на англичанина свои шмотки, развешав чужие на ветвях.

Собираясь на охоту, взял с собой сменную одежду, вот только появляться в ней в городе нельзя. Старая она, из благополучных времён дона Карлоса. Отказываться от подарка старика не с руки небогатому русскому, тем более на охоту, а не на выход в свет. Есть немаленький шанс, что глазастые кумушки опознают старую моду на неведомом чужаке, а там и размотают клубочек.

– Прости, брат-человек, – неведомо зачем говорю покойнику. Сложив все свои вещи в лодке, перебираюсь в его утлую индейскую долблёнку, изрядно подгнившую и поеденную жуками.

С минуту сижу, глубоко дыша и решаясь. Наконец, вытащив нож из ножен, снова перелезаю в лодку к покойнику и делаю ножом несколько глубоких надрезов. Лицо, шея, кисти рук...

Надругательство над покойным должно привлечь насекомых. Жара вместе с насекомыми максимально затруднят опознание. Моя одежда, оружие... в новую одежду перекочевал только мешочек с мелкими необработанными алмаза-

ми – доля от рудника, переданная Санчесом, немного наличных, да документы на другое имя.

– Побриться чуть не забыл, – напоминаю себе вслух. Развожу спиртовку и подогреваю воду, после чего бреюсь, ухитрившись не порезаться. Снова привожу вещи в порядок, постаравшись показать внезапную смерть.

Ядовитой гадости здесь полно, через пару дней опознать тело можно будет только по вещам. Съедят... Осталось только надеяться, что тело не найдут раньше и что это будут не крокодилы⁸⁹. Важно, чтобы тело нашли и опознали.

– Вроде не должны, – прикусываю нервно губу, – искать меня скоро не станут, а до того срока на тело разве что случайно наткнутся.

Мотнув головой, отгоняю желание добавить ещё какую-нибудь яркую деталь. Оттолкнувшись веслом от берега, начинаю потихонечку грести. Работа помогает немного привести нервы в порядок, но не слишком. Колотун жёсткий, мысли в голове самые панические.

Встретившиеся индейцы-варао, плывущие по своим надобностям, добавили нервотрёпки. Отпустило только когда проплыл наконец плантацию дона Васкоче, где и гостил мой наниматель.

⁸⁹ В Южной Америке есть не только кайманы и аллигаторы, но и крокодилы. Так называемый Оринокский крокодил.

– Кажется, у нас объявился родственник, – хмыкнул Петер Ларсен, прочитав письмо, – из Южной Америки.

– Это кто ж такой? – поинтересовалась Тильда, вытирая полные руки о цветастый передник.

– Сын дядюшки Свенда – того, что на свадьбу нам жемчужное ожерелье прислал.

– Как же, – кивнула женщина, заулыбавшись, – Недорогое, но и не самое дешёвое. Понятно, что по случаю жемчуг у индейцев задёшево купил, но ведь и родственников не забыл! Мария до сих пор завидует.

– Сын его, Эрик, – сказал Петер и замолк, положив тяжёлые кулаки на старый, ещё от прадедушки, дощатый стол.

– Что Эрик-то? – Негромко поинтересовалась супруга, видя что муж ушёл далеко в свои мысли.

– Эрик? А... в Данию собрался, навестить землю предков.

– Ему от нас что-то нужно? – Нервно поинтересовалась женщина, облизав внезапно пересохшие губы и присаживаясь, – а то сам знаешь...

– Нет, – хмыкнул Петер, – не бойся. На, читай! Прямо не говорит, но что денежки у него водятся, понять можно. Не настолько, чтоб серебром разбрасываться, но нахлебником не будет.

– Ох ты! – Невпопад воскликнула Тильда, читавшая пись-

мо, – он пишет, что отец...

– Новости грустные, – хмуро кивнул Петер, подперев висок кулаком, – ну да мы это и подозревали, когда восемь лет назад письма приходиться перестали. Адресат выбыл и точка... Магда, сестра двоюродная, запрос посылала на Эрика, взять думала опеку.

– Ну да, ну да, – закивала женщина, – у неё же муж врач, да и дом свой, чего ж не взять-то!

– Вот... мы тогда и не знали, что думать. Вроде как адресат выбыл, а что, куда... Думали, что может дела пошли неважно, писать не хочет потому. Глупо, но Свенд такой человек, самолюбие у него болезненное.

– Получается, что Эрик мальчишкой ещё самостоятельным остался, да выжил и достаток приобрёл?

– Мать! – Петер стукнул кулаком по столу, – ты планы на парня-то не строй! А то знаю я тебя, ты уже Гретту за него выдать задумала, так?

– Ну... – смущённо отвела глаза женщина, комкая передник.

– Вот тебе и ну! Не видели мы его и не знаем, что к тому достатку прилагается! А то может, алкоголик или инвалид какой, нужен Гретте такой муж!? Да и помнить надо, что одиннадцать лет девчонке, а то планы у неё...

– Когда приезжает-то?

– Послезавтра, аккуратно под воскресенье подгадал.

– Ну так я комнатку освобожу? Олав и в гостиной может

поспать пару ночей.

– Дура, зачем ему у нас останавливаться, если деньги есть?! Аа... делай что хочешь!

* * *

Родственник понравился. Не без хитринки, но и подлинки не заметил. К слову, родичи они вполне настоящие, пусть и куда более дальние, чем считают сами. Мать в своё время заставила заучить генеалогию, да разбираться в семейных архивах помогал не раз.

В каждой семье есть скелеты в шкафу, о которых Иваны, родства не помнящие, сами порой не знают. Беглые крестьяне, каторжники, бастарды знатных фамилий, именитые учёные и известные всему городу мастера-ремесленники.

Стоит копнуть на три-четыре поколения назад, как оказывается, что предки твои прожили жизнь не так скучно, как кажется потомкам.

Милая, такая уютная и домашняя бабуля может оказаться ветераном подполья, лично резавшая глотки фрицам. А что ордена не носит, так ни к чему, и так мужиков после войны мало осталось! С орденами-то на груди кого найдёшь? Мужики самолюбивы, не каждый и подойдёт, особенно если у самого наград меньше.

Если учитывать всевозможных троюродных дядюшек, то можно без малейших натяжек написать о своих родичах

авантюрный роман с интереснейшим (и абсолютно правдивым!) сюжетом.

Свенд действительно мой родственник и более того, его история вполне реальна... до определённого момента. Сын Эрик умел от малярии через полгода после смерти родителей. А теперь вот... выжил Я, оказывается.

Такие легенды тем удобны, что имеются не просто какие-то знания о родне, но железобетонная уверенность, что вы и в самом деле родня. При разговорах подобные вещи чувствуются порой, сыграть это не всегда возможно.

– Как... там? – Неловко спросил Олав, выйдя после ужина ко мне на крыльцо.

– Как и везде, – отвечаю невозмутимо, грея руки о большую кружку кофе. Дом у этой ветви Ларсенов свой, пусть и расположен не в лучшем районе Копенгагена. Под задницей старая подушка на каменных ступенях крыльца, над головой небольшой навес, традиционный для Дании дождь... Хорошо-то как!

Не люблю дождь, но возможность вот так вот посидеть с кофе, пока капли барабанят по навесу и по улице в метре от тебя. Не нужно никуда бежать, ссутулившись и пряча голову в воротник. Просто сидеть и смотреть на дождь, будучи в тепле и уюте.

Олав помолчал, пряча руки в карманы и неловко глядя в сторону.

– Ну... вообще. Приключений много было?

– Больше, чем хотелось бы, – с трудом давлЮ улыбку. Помню себя в этом возрасте, ух каким обидчивым был! – Драки, поножовщины, перестрелки, дикие животные... всё было!

– Расскажи!

Начинаю неспешный рассказ о красотах Южной Америки, щедро разбавленный историями о тропических болезнях, паразитах и неустроенном быте. Так, чтобы приключения щедро мешались с грязью.

– Прямо... туда? – Олав показал себе на пах.

– Угу, – глоток кофе, – прямо туда и заплывает. Кандиру называется. Мелкая такая рыбка, со спичку размером и почти прозрачная. Сходил ты пописать, да в реку потом зашёл, вот она на запах мочи и плывёт. Говорят, прямо по струе заплывать может!

– Ужас какой! – Искренне сказал подросток, – и много такого?

– Полно! В некоторых местах даже на песок босой ногой ступать нельзя, личинок подхватишь. Не умрёшь, но потом или ядом их травить, или вырезать из-под кожи.

– Тебя послушать, так там только паразиты, триппер да невежество.

– Почему же? Ещё перевороты, бандиты и самое натуральное рабство. А золото и драгоценные камни встречаются почему-то заметно реже всякой гадости.

Олав ссутулился мрачно и через несколько минут ушёл в

дом. Вскоре на крыльцо вышел Петер.

– Расспрашивал? – Как бы невзначай поинтересовался датчанин, раскуривая трубку облокотившись о дверь, – любит он о приключениях читать.

– Гм... читать и я люблю, участвовать уже не очень. Но я понял, о чём ты. Приземлил немного парня, об изнанке Южной Америки рассказал.

– Спасибо.

* * *

В Дании задержался всего на две недели – ровно настолько, чтобы получить гражданство, познакомиться с роднёй, обойти местные достопримечательности да вдоволь полакомиться датской едой.

На сегодняшний день это вполне благополучная страна, и если бы в планах было обзаведение семьёй и детьми, то на ближайшие тринадцать лет ничего лучше придумать нельзя. Тихо, спокойно, безопасно... скучно.

Через несколько десятков лет родина предков со стороны матери станет лакированной открыткой с достаточно высоким уровнем жизни, неплохими социальными гарантиями и главное (для человека из двадцать первого века) телевидением, а после и интернетом.

Пока же это пусть и благополучная (особенно на фоне общего европейского и мирового неустройства), но глубоко

провинциальная страна. Наука, культура, идеи... всё в Дании вторично.

Возможно, я избалован жизнью в Москве, Мюнхене и Берлине, но не суть. Жить в Копенгагене я просто не смогу. Так что... сперва в Швейцарию, разобраться наконец с деньгами от ограбления, да и алмазы простроить не помешало бы. А потом в США, учиться в университете и заводить связи.

Года через полтора наступит Великая Депрессия, хочется немного спекулировать. Аркадий Валерьевич щедро (порой без нашего на то желания) делился знаниями, так что в голове кое-что задержалось.

Состояньице у меня приличное, но... хочется побольше, чего уж там. Вроде бы и немало средств, а стоит купить дом, да автомобиль, да обзавестись хотя бы приходящей прислугой... и на жизнь останется не так уж и много. С учётом налогов, страховок, неизбежных в будущем детей и возможных проблем, хотелось бы приумножить капиталец. Тем более, что и возможность есть.

Я не жадный и не жлоб, но чтобы жить так, как я привык в двадцать первом веке, нужно много денег. И они у меня будут.

Глава 18

Американскую таможенную проходку прошёл легко. Быстрая проверка немолодым и каким-то блеклым таможенным офицером документов на борту судна и...

– Добро пожаловать в Америку, – полным безразличия голосом.

– Благодарю вас, офицер, – подхватив чемоданы, двигаюсь к сходням в потоке пассажиров, с любопытством озираясь по сторонам.

На берегу показываю негритёнку четвертак и тот подхватил чемоданы, ослабившись во все шестьдесят четыре нечищенных зуба. Четвертак для такой мелкой услуги излишне щедро, зато информация о мотоватом европейце по цепочке просочилась к таксистам.

– Мистер, – услужливо распахнул дверь чёрного новенького Форда таксист-итальянец, плотный мужчина лет сорока, – куда вас отвезти?

– Хороший, но не слишком дорогой отель на тихой улочке. Такой, чтоб прислуга приличная, да загулявшие прохожие не мешали спать. Но не совсем в глуши.

Итальянец задумался ненадолго, скребя небритый подбородок. Растительность отчётливо поскрипывала под могучей пятернёй с неровными, явно обгрызенными ногтями, под которыми виднелась грязь.

– Есть такие, мистер, – наконец сказал он уверенно.

– А что так долго думал? Неужели заказ необычный?

– Тут дело такое, мистер, – начал таксист, выруливая на дорогу, – город-то у нас немаленький, так что сходу так сказать и нельзя. Где дорожные работы производят неподалёку, где шпана улицы делить начала, да шумно, со стрельбой. Вам же нервотрёпка такая не нужна?

Пятнадцать минут спустя Винченцо привёз меня на тихую улочку и помог выгрузить чемоданы.

– Восемьдесят центов, мистер. Ежели по счётчику, – намекаяще сказал он.

Получив два доллара, просиял и вручил мне несколько визитных карточек.

– Эт моя, значит... может, понадобится такси заранее заказать... ну мало ли! Эт брата моего двоюродного, адвокат...

– Черкни-ка лучше адрески хороших пиццерий, – перебиваю его, – разных чтоб. Соскучился, сил нет!

– Так вы из наших, мистер? – лицо таксиста просветлело, – а так и не скажешь!

– Датчанин, просто очень уж итальянскую кухню люблю.

– Эт да, кухня у нас лучшая в мире, да и культура...

– Ни один образованный человек не станет с тобой спорить, – соглашаюсь с ним.

– Французишки разве что! – Хохотнул тот, расплываясь в улыбке от знакомства с таким замечательным мной.

Винченцо журчал, попутно записывая адреса. В его голо-

ве я уже стал если не своим, то как минимум кандидатом в почётные итальянцы. Случайно вышло... но удачно!

Таксист, да ещё таксист итальянец, это ценнейший кадр, информированность у него зашкаливает. Если не знает чего-то сам, то наверняка сведёт с тем, кто знает, контакты порой самые неожиданные.

А пиццу я и правда люблю, да и по фаст-фуду вообще соскучился...

* * *

Светящаяся реклама на улицах Нью-Йорка наличествует уже в двадцать седьмом году. Яркая, бросающаяся в глаза, слепящая – так она выглядит на центральных улицах. И пусть до нормативов двадцать первого века ей далеко, но... я поплыл.

В голове будто щёлкнул невидимый переключатель, появилась железобетонная уверенность, что это мой город. Город, в котором я родился и вырос, знаю до последней подворотни.

Чувство это ложное, базирующееся на многочисленных передачах и ситкомах, просмотренных ещё дома. Все эти Друзья, Секс в Большом городе... имя им Легион. Вроде и не являлся фанатом ТВ, но всё ж таки не в вакууме жил, волей-неволей посмотрелся и послушался.

Попав в Нью-Йорк, пусть даже и образца тысяча девять-

сот двадцать седьмого года, я будто попал в привычный, насквозь знакомый мир. Домой.

Уйдя с центральных улиц, в какой-то дурной эйфории покатался на метро и трамваях, пошатался по закоулкам... и теперь не знаю, где нахожусь. Заблудился. Понятно только, что местечко если не злачное, то где-то рядом.

Невысокие однотипные дома в пять-семь этажей, с металлическими лестницами снаружи. Развешанное кое-где постиранное бельё, грязные улицы и почти полное отсутствие прохожих. Оно и неудивительно, в час ночи-то...

– Мистер, – шагнул я к прохожему, но тот резко шарахнулся от меня – так, что упал на четвереньки и несколько шагов пробежал в стиле диких предков, прежде чем поднялся по эволюционной лестнице до человека прямоходящего. Преследовать не стал и напуганный горожанин через полсотни метров вскарабкался уже на лестницу металлическую.

Смутно различимый при тусклом свете редких фонарей, он помахал мне оттуда рукой.

– Вряд ли приветствие, скорее уж кулаком грозит, – говорю сам себе и нервно смеюсь. Нехороший прецедент, между нами – если так шагаются от случайного прохожего, причём одетого хорошо, то райончик явственно криминальный. Причём из тех, где регулярно убивают.

Как назло, оружия с собой нет – ни револьвера, ни даже ножа с кастетом. Не то чтобы умею ножом... но всё спокойней.

Отойдя под стену дома, чтобы не быть вовсе уж на виду, прикусываю губу. Что-то мне подсказывает, что вляпаться в приключение здесь можно на раз. Стреляют сейчас часто, но всё больше ребята серьёзные, не боящиеся сирен полиции и любопытных глаз, прильнувших к окнам.

Знаменитое Ничего не видели, ничего не слышали, ничего не знаем у горожан включается только при разборках людей значимых. Мелкую же шушеру сдают на раз. Так что шушера эта, по идее, предпочитает работать ножами и кастетами.

Кастет проблема не самая большая. Ну, усилит удар... зато и провалиться вслед за ударом легче. Есть шансы. А вот нож... Ролики в интернете и передачи по ТВ не заменят тренировок.

Кураторы же, как назло, отказывали в курсе ножевого боя, объясняя это чувством ложной безопасности. Навыков в итоге ноль, а из достоверных знаний только вяленькая мыслешка, что под удары ножа лучше подставлять руку, защищая жизненно важные органы.

Перехватить и взять на приём... не смешно, против шустрого новичка с ножом шансы имеет разве что опытный омоновец. А против уголовника с какой-никакой школой разве что мастер рукопашного боя выйдет.

– Защитить, защитить... точно!

Быстро сняв шёлковый галстук, наматываю его на левую руку, под пиджак – так, чтобы не было видно. Вряд ли защи-

тит в полной мере, если вдруг что, но хотя бы чуть ослабит, и то...

Несколько минут иду вдоль домов, всматриваясь до боли в глазах в просветы меж домов.

– Никак огни? – Прибавил шагу и...

– Не так быстро, мистер, – Преградил мне путь рослый мужик с гнусавым голосом, показав лезвие ножа. У самого сто восемьдесят пять роста, но этот не ниже, да шире в плечах чуть не в полтора раза. Здоров на редкость, причём движется плавно, как профессиональный боец.

– Фак! – Вырывается у меня на английском, непроизвольно делаю несколько шагов назад.

– Куда-то спешите, мистер? – В бок утыкается что-то твёрдое, голос подельника такой же специфически гнусавый.

– Мистер поделится с нами, так ведь? – Утвердительно произносит широкоплечий, похлопывая лезвием ножа по широкой тёмной ладони.

– Конечно поделится, – говорит второй, – он же добрый человек, так ведь? Сейчас он отдаст добрым людям на нужды бедных свои деньги, свои часы и свою одежду, да отправится дальше, благодаря Господа, что встретил нас, а не каких-нибудь бандитов. Негодяи повадились бить приезжих по голове железными трубами и протыкать им внутренности большими ножиками. Приезжие долго болеют, а случается, и умирают.

– Мистер хочет заплатить за охрану, так ведь?

Вижу надвигающуюся физиономию широкоплечего, теперь видимую вполне отчётливо. Негр, причем из тех, кто больше походит не просто на представителя африканской расы человечества, а на недостающее его звено. Ещё недавно таких показывали в цирках, выдавая за помесь человека и обезьяны.

Глядя на широкую физиономию с низким лбом, маленькими глазками и массивным, скошенным назад неандертальским подбородком вкупе с широченным носом, в это можно поверить.

Несколько секунд спустя приходит понимание, что негр в общем-то не красавец, но и не урод. А все признаки кровосмешения – отчасти мой страх, отчасти последствия многочисленных травм чернокожего. Не иначе, профессиональный боксёр или рестлер невысокого уровня подрабатывает по ночам. Передовик производства, мать его... Ну или просто тешит расовое самолюбие за счёт ограбленных белых, такое тоже может быть.

Страшно до жути... в первую очередь из-за невысокого интеллекта грабителей. Физиономия у бойца крайне запоминающаяся, а это значит, что с тёмной улочки я могу и не уйти... И квартал это чёрный, потому как в настоящее время национальная и расовая сегрегация⁹⁰ цветёт и пахнет. Чёр-

⁹⁰ Сегрегация (позднелат. *segregatio* «отделение») – политика принудительного отделения какой-либо группы населения. Обычно упоминается как одна из форм религиозной и расовой дискриминации (отделение группы по расовому или этническому признаку)

ные, промышленяющие в белом квартале ныне невозможны, пристрелят просто для профилактики, с полного одобрения общественности и властей.

Но и обратная ситуация верна, забредшему в закоулки чёрного квартала белому грозят серьёзные неприятности. Особенно если этот белый явственно выделяется как приезжий. Так что Ничего не видели, ничего не слышали со стороны местных обеспечено. То-то громилы так уверены...

– Да, мистер, – отвечаю невольно вздрогнувшим голосом. Чёрные переглядываются с отчетливо видимым удовольствием.

– Слыхал? Я теперь мистер, а не чёрная обезьяна.

– Ну-ка, – толкает меня в бок второй стволом револьвера.

– Да, мистер, – блею в ответ. Негры смеются, пихая друг друга, со стороны они выглядят как расшалившиеся школьники. Сейчас самое время применить то, чему учился... но не могу!

Липкий страх сковал руки и ноги, конечности подгибаются и дрожат. Лыщу громилам в надежде, что те натешатся, да и отпустят, пусть даже в одних трусах.

Вроде бы и резал уже людей, но никакой привычки не выработалось. Громилы мне кажутся не совсем людьми, демонами из страшных сказок. Другие черты лица, гнусавый голос, удушливый звериный запах давно не мывшихся людей. Полуживотные или демоны, которым невозможно противостоять.

Боец нарочито небрежно похлопал меня по щеке и очарование страшной сказки прошло. Осталась реальность – два чернокожих грабителя и белая жертва. Следом пришла злость... да как они смеют... меня... животные...

Мысли скачут как сумасшедшие, злость... да больше на себя, чем на этих. Поддался страху, зассал...

Но под дулом пистолета и перед лезвием ножа особо не попрыгаешь, послушно вытаскиваю деньги, расстёгиваю запонки на рукавах рубашки. И тяну время, тяну сам не зная для чего. Надежды на проходящих мимо полицейских нет, ну а вдруг...

Чёрные тем временем совсем расшалились, второй грабитель даже начал шутиливую делёжку моей одежды.

– Славный пиджачок, как раз мне в пору, – приговаривал он, тыкая в напарника револьвером, – слыш, да!? Моё!

Боец похохатывал и поигрывал ножиком, с удовольствием включившись в перепалку. Через минуту они разошлись настолько, что начали играть в войнушку, используя меня в качестве прикрытия.

От страха и унижения сводило челюсти, особенно когда владелец револьвера прижимался ко мне сзади, целясь в напарника. Стою столбом, боясь пошевелиться.

Неожиданно ковбой становится слева от меня, чуть прижавшись рукой к боку. Рука расслаблена, но направлена в сторону бойца. Обо смеются – негромко, но заливисто, до потери равновесия...

– Сейчас! – Выкрикиваю я и провожу приём, много раз отработанный на тренировках. Скользнув левой рукой, фиксирую кисть грабителя, правой же нажимаю ему на палец, лежащий на курке.

Гремит выстрел и на животе и громилы расплывается кровавое пятно.

– Брат, – неверяще говорит он, падая на колени. Но я не жду ответного хода и довожу приём до логического завершения. Навалившись на руку и одновременно выворачивая её, слышу отчётливый хруст и вскрик противника.

Приём провёл отвратительно, бездарно... хуже меня на татами работают только новички, которым только-только показали интересную связку. Но эффект неожиданности сработал, подстреленный боец сучит ногами, а владелец револьвера подвывает, выпустив оружие и боясь пошевелиться.

Не выпуская сломанную руку противника и продолжая выкручивать её, хватаю револьвер и приставляю с боку зафиксированного негра. Выстрел звучит глухо и противник тут же затихает, коротко дёрнувшись всем телом.

Вскочив, направляю револьвер на бойца... мимо! Револьвер пляшет в дёргающихся руках. Второй выстрел! Труп.

Подбираю запонки и пиджак, возвращаю галстук на место и сажусь прямо на землю, ноги не держат. Ожидания самые скверные, и когда услышал свистки полиции, почувствовал даже некоторое облегчение...

Глава 19

Сонный, отчаянно не выспавшийся сержант широко зевал, показывая желтоватые зубы и обдавая меня несвежим дыханием. Длинное англосаксонское лицо кривилось в забавных гримасах.

– Четвёртый день без сна, поверишь ли, – доверительно сказал он, протирая глаза кулаками. Невольно обратил внимание на расплющенные костяшки полицейского.

– Боксёр?

– А? Да... сам занимаешься?

– Дзюдо занимался раньше, боксом недолго, тренера подходящего не нашлось в наших дебрях.

– В Нью-Йорке с этим попроще, – кивнул сержант, встав из-за стола к маленькой плитке, – Кофе сделать?

– Благодарю, не откажусь.

Ожидая неприятностей от убийства, пусть даже и при сто-процентной самообороне, такому вот дружескому отношению приятно поражён. Мелькает на мгновение мыслишка, что не будь убитые рецидивистами и тем паче – чёрными рецидивистами, дружелюбный немолодой сержант ломал бы мне сейчас рёбра ногами. Не исключено – так же сонно зевая и жалуясь напарнику на бессонные ночи.

А тут всё всем ясно – чёрные напали на белого и получили по заслугам. По некоторым оговоркам понятно, что дру-

желюбный сержант с коллегами те ещё расисты.

– Сейчас кофе попьём, да расскажешь детали. Покажешь заодно, какими приёмами уработал громил. Горилла Лэнс боксёром неплохим считался раньше, да и габариты у него как у шкафа. Парням интересно до жути, как это ты так ухитрился.

– Тренер был из отставных вояк, – откинувшись на спинку обшарпанного деревянного стула, выдаю полуправду, – тех, что всю жизнь по задворкам мира мотаются. В юности боксом и борьбой занимался, а потом нахватался всякой азиатчины. Всё мечтал свою школу открыть, да малярия, будь она неладна... Я у него всего полгода позанимался, и то... Правда, не с ноля.

Выпив кофе, заполнили документы и прошли в спортзал. Сержант с десятком любопытствующих коллег сгрудились в тесном помещении. Бедненько... я бы даже сказал, более чем.

В углу верёвками огорожен импровизированный ринг, причём видно, что верёвки эти убираются на раз и под ними обычный дощатый пол. Стандартный набор турников и шведских стенок, небогатый набор гирь и штанг – почему-то неразборных, образца девятнадцатого века, с круглыми шарами вместо привычных блинов. В углу несколько матов.

Скинув изрядно помятый после ночёвки за решёткой пиджак и несвежую рубаху, начинаю разминку. Полицейские глядят с любопытством, но присоединяться не спешат. Толь-

ко сержант Ридджуэй сделал несколько вялых махов руками.

– Лучше разминка без тренировки, чем тренировка без разминки, – выдаю сентенцию заскучавшим копам, которые явно не поняли прописную истину. Тянуть резину не стал и через пару минут начал демонстрировать приёмы, с помощью которых убил гангстеров. Разумеется, показывал я и как должно, а не как было на самом деле...

– Интересно, – констатировал Риджуэй, – а если бы они такими болванами не были?

– Тогда так, – показываю разные варианты обезоруживания, – но всё это... сами понимаете, парни – от лютой безнадёги. Тренированный человек имеет шансы против алкаша с пистолетом, но не профессионального боевика.

– Хоть что-то, – хмыкнул капрал Ларсен, богатырь удивительных габаритов, не уступающий покойному Горилле. Разве что физиономия куда более благообразная, – или ты думаешь, что гангстеры все такие уж крутые мужики? Жёсткие, то да, и стреляют без особых раздумий. А что касается мастерства, так оно у одного на дюжину разве что.

– Вам видней, парни, – поднимаю примирительно руку, – вы с ними воюете.

– А ну-ка, – Ларсен снял обувь и вышел на маты, расставив руки. По местным меркам – здоровило невероятное, рост за мест девяносто и вес чуть за сотню. Но по местным меркам и я чуть ли не великан. Метр восемьдесят и выше у предков наблюдается не часто.

Поднырнув под руку, бросаю скандинава через плечо, после чего демонстрирую добивающий удар.

– Ещё! – Ларсен вскакивает с горящими глазами, но я не даю ему опомниться и прохожу в ноги, тут же делая болевой на ступню. Коп ничуть не расстраивается, всё ж таки я двух громил завалил, причём вооружённых. Проиграть такому ничуть не зазорно!

– Здоров! – Восхищается скандинав, – уж на что я силён, но и то... Сотню ведь от груди пять раз жму, а датчанин меня как ребёнка! Что значит наша кровь – кровь викингов!

С трудом давлю улыбку после хвастливого заявления Ларсена. Никогда не увлекался железом, всё больше турники да брусья, но выжать сотню могу... раз десять точно, хотя вешу где-то на тридцать килограмм меньше. Впрочем, спорт в этом времени не слишком распространён. В школе и колледже ещё занимаются, ну а после это удел почти исключительно профессиональных атлетов.

– Как насчёт потренировать нас? – Поинтересовался возникший в дверях невысокий капитан с умными и жёсткими глазами, резко выделяющимися на полном, немного бабьем лице.

– Тренер из меня так себе... – говорю неуверенно, – я боец-то средненький, только что ухваток немного знаю.

– Средненький он, – заржал Ларсен, смех подхватили остальные копы.

– Ну так что? – Повторил капитан, глядя колюче. Внезап-

но я осознал, что мой случай можно квалифицировать по разному... Вряд ли белые полицейские спрячут за решётку белого же парня, но помотать нервы могут. В конце концов я хоть и белый, но эмигрант! А убитые чернокожие – граждане США. И документы пока ещё в участке...

– Чем смогу, капитан, – киваю согласно, – ухватки и методику покажу, но много не ждите.

Кивнув, капитан ушёл и в помещении внезапно стало казаться свободней. Мощный дяденька, чтоб так давить одним присутствием, это уметь надо. Таких... дай бог памяти, человек пять припомню, а ведь не совсем хомячок, помотало.

– В настроении капитан, – выдохнул облегчённо Риджуэй.

– У ниггеров интересное нашли, – выдал упитанный капрал, стоящий в спортзале с огромным бутербродом и кружкой кофе, – вроде как ключики, а там и адреса размотали. Подробностей пока не знаю, только что висит на убитых много дерьма. Вряд ли сами столько наворотили, скорее боевиками в какой банде или ещё что... Да честно не знаю, Джок! Ясно только, что целую кучу висяков в ближайшее время участок закроет, вот капитан так хорошо к датчанину и отнёсся.

– Это хорошо? – Спрашиваю негромко у Риджуэя.

– Как родного! – Уверенно ответил коп, – он с сыном своим если так общается, то парнишка по три дня радостный ходит. Знаешь, как прозвали капитана Мэтью Скота? Айсберг!

– Тяжеловато вам с таким начальником, – бормочу негромко.

– Нам! – Хохотнул сержант, – нам! Привыкай, Дан, тебе с нами несколько недель как минимум жить. Пока не выжмет всё, что знаешь, не отпустит. Зато и прикроет твою жопку, если что случится. Да не переживай! Капитан мужик жёсткий, как та подошва, но ебать подчинённых только он имеет право!

Рвущуюся наружу фразу о сексуальной ориентации, очень смешную и яркую, предпочёл зажать за зубами. С таким-то капитаном...

Из участка ушёл ближе к вечеру. Пока оформили дело, пока познакомился с парнями, съездил на опознание, ещё несколько раз показывал приёмчики...

В гостиницу вернулся вымотанный донельзя, сразу отдав горничной костюм в чистку. Приняв душ, заказал ужин в номер и без аппетита съел недурной стейк, поковыряв прилегающий к нему картофель и зелёный горошек. К сладкому даже не притронулся.

– Сколько там натикало? Полшестого всего?

Челюсти разорвала зевота, а на веки будто привязали грузики. Повесив на двери номера табличку Не беспокоить, разделся и лёг спать. Когда уже касался головой подушки, мелькнула мысль, что произошедшее, пожалуй, к лучшему. Обживатьсь намеревался как раз таки в Нью-Йорке, и такой резкий старт может оказаться кстати.

Одно дело – безвестный мигрант – не нищий, но и не миллионер. Сколько таких высаживается с пароходов в порту города ежедневно? Тысячи, наверное. Попробуй пробейся наверх, заинтересуй инвесторов, банкиров... да любых потенциально полезных людей.

А теперь какое-никакое, а знакомство и покровительство. Будет немного проще... надеюсь.

* * *

Вживаться в новую реальность пришлось без раскачки. Школа в Германии заметно отличается от школы на постсоветском пространстве. Не хуже, не лучше... другая, совсем другая.

Ожидаемо иные учебники истории, в которых сильно покоробила подчёркнутое, резко преувеличенное превознесение Союзников и прежде всего американцев. Раздражала и постоянная, навязчивая тема вины нации перед всем миром, почему-то не столько перед славянами, сколько перед теми же Союзниками и прежде всего израильтянами. Причём я, потомок победителей, сломавших хребет нацизму, должен испытывать это самое чувство вины вместе со всем немецким народом!

Сильно отличались уроки литературы. Большую часть немецких классиков уже успел прочитать и осмыслить, но даже подход к их изучению в Германии оказался иным. А

ещё обществознание и прочие гуманитарные предметы...

Да даже математика преподаётся здесь иначе! Вроде бы те же примеры, те же дроби... но подход иной!

Первое время учителя не ставили оценок, давая возможность акклиматизироваться. Ближе к Рождеству вздохнул свободно и попытался оглянуться... и отец отвёл меня на тайский бокс.

– Вот, сынок, – с гордостью сказал он, пожимая руку тренеру, – Михэль выигрывал чемпионаты Германии, хороший боец.

– Самое главное, – со смешком поправил отца молодой ещё совсем Михэль, – не то, что выигрывал сам, а что мои воспитанники выигрывают самые серьёзные турниры!

– Да-да! – смутился отец, – тебе здесь хорошо будет. Михэль, я уже говорил, что он в цирковой студии занимался? Отлично!

– Ну, показывай свои таланты, – сказал тренер после ухода отца, – растяжка понятно! Мне важно знать, что ты вообще делать умеешь, вплоть до жонглирования и фокусов.

– Зачем? – Слегка удивился я.

– Это покажет общую тренированность организма, координацию, вестибулярный аппарат, – терпеливо ответил тренер.

Киваю и начинаю хвастаться, тренер приглянулся, и как выяснилось позже, я не ошибся – действительно прекрасный тренер и хороший человек.

Форму восстановил быстро, Михэль не успеваешь хвалить за растяжку и отменную реакцию. Но вот со спаррингом пока выходит не очень ладно. Вроде бы и не боюсь летящего в лицо кулака, но вбитая старшаками привычка мешала драться честно.

Постоянно то подтормаживал, пытаюсь работать по правилам, то напротив – на автомате использовал подлянки, из-за чего злились другие мальчишки. Не критично, но... отношения пока не ладятся. Вражды нет, но и с дружбой как-то не очень.

Единственный русский немец здесь я, и это тоже сказывается. Отношение местных к нам несколько напряженное, относятся как к опасным животным. Мы резче реагируем на раздражители, легче ввязываемся в драку и скандал. Да и авторитет школьного учителя для нас не абсолютен – ты докажи ещё, что тебя уважать нужно!

В школе русские немцы есть, но как назло, это либо малышня, либо старшеклассники. Киваем друг другу при встречах, да перебрасываемся изредка короткими фразами. Потихонечку начинаю выстраивать отношения с одноклассниками.

С ними тоже не всё так просто. В теории все ученики толерантны, учителя призывают не обращать внимание на расу, религию, цвет кожи и национальность. В действительности же получается, что белым нужно подстраиваться под цвет-

ных.

При прочих равных в драке или ссоре обвиняется немец, особенно если его противников выступает турок или не дай бог – чернокожий. К превеликому моему сожалению, понял я это не сразу.

Заступившись за одноклассника, зажатого в углу тремя турчатами, получил сперва вызов к завучу и направление к школьному психологу, а потом угрозу от Камиля:

– Вешайся, русский!

Глава 20

К великому моему облегчению, история с убийством Гориллы осталась газетами почти незамеченной. Несколько коротких строк о Негодях, получивших наконец по заслугам, и на этом всё, даже имя моё не мелькнуло.

Нью-Йорк тысяча девятьсот двадцать седьмого года насквозь криминален, происшествия такого рода случаются каждый день десятками. Разбалованные репортёры часто даже не выезжают на происшествия, если там нет хотя бы нескольких трупов. Перестрелки, ограбления банков, убийство полицейских и видных членов мафиозных Семей – вот жареные новости, интересующие читателей.

* * *

Парни из двадцать восьмого приняли меня как родного, отношение самое дружелюбное. Авторитет человека, убившего двух вооружённых громил голыми руками, через несколько дней слегка погас, но на смену ему пришёл авторитет тренера.

Мне почему-то неловко, сам себе кажусь самозванцем. Понимаю, что бред, что на фоне местных тренеров я специалист высокого класса... Не потому, что я так хорош, а по-

тому, что единоборства и спорт вообще здесь в самом зачаточном состоянии. Даже сверхпопулярный бокс переживает подростковые времена со всеми вытекающими.

Скупю делюсь знаниями по кроссфиту ММА и техниками рукопашного боя, ссылаясь постоянно на мифического бывшего офицера. Парни уже заинтересовались столь легендарной личностью и начали копать... пусть.

Энтузиастов со сложной судьбой сотни, если не тысячи. В одном только Нью-Йорке десятка три школ рукопашного боя, основанных бывшими военными – американскими, британскими, французскими, немецкими и русскими. Военные хотят славы и денег, объявляя свои Системы самыми-самыми. Точнее, школ намного больше, три десятка это более-менее востребованные, имеющие достаточно заметное количество учеников или высоких покровителей.

Старательно придерживаюсь линии энтузиастов, не слишком выделяясь. Пусть по части приёмчиков могу дать фору большинству бойцов, но... между знанием оных и умением их применять большая разница.

Методическая подготовка из двадцать первого века выручает, но нет опыта практического, я никогда не преподавал и не командовал новобранцами. Личный опыт уличного бойца и невеликий спортсмена, это немного иное. Так что по большому счёту, мои уроки не слишком выделяются на фоне местных сэнсеев.

– Ну что, Эрик, завтра вечером тренировка? – Поинтере-

совался Ларсен в душевой, вытирая мокрые волосы. Угукаю, натирая мочалкой пятки, капрал рядом бубнит что-то, по его мнению весёлое.

Особо не прислушиваюсь, знаю уже его привычку выкладывать сугубо местечковые новости так, будто я действительно в курсе – кто такая Мэри-с-Цветочком и почему у сержанта Боба – того, что из Оклахомы, неприятности с женой.

Поскольку мы однофамильцы, да и корни у копа шведско-датские, Дан решил поинтересоваться, а не родственники ли мы? Оказалось, и в самом деле родственники – аж в девятом колене. Точнее – в девятом колене он родственник моим документами, но Эрик Ларсен, чьё имя я сейчас ношу, приходится родичем и мне.

Дану хватило и такого дальнего родства, ходит теперь сияющий, называя меня постоянно кузенком. Заодно эксплуатирует по-родственному, правдами и неправдами напрашиваясь на все тренировки.

– Может тебе попроситься у капитана ассистентом? – Вытираясь полотенцем, с ноткой сомнения интересуюсь у кузена, – ты всё равно торчишь на всех моих занятиях, вон как загорелся!

– А можно?! – Вспыхнул Дан.

– Я-то откуда знаю?! У капитана интересуюсь, можно или нельзя. Может, в позу встанет, да запретит – мало ли!

Не дав толком высушить волосы, Дан потащил меня к ка-

питану в прокурорский кабинет.

– Ассистентом? – Не выпуская дешёвой, на редкость воюющей сигары, поинтересовался Мэтью Скот, – а потянет?

– Ларсен, сержант Риджуэй и пожалуй – Лесли из архива, вот самые толковые.

– Лесли? – Чуть-чуть удивился капитан, голос которого из-за сигары в уголке рта прозвучал несколько невнятно и гнусаво, – не ожидал таких талантов. Знаю, что в школе он борьбой занимался, да потом боксом совсем немного. У нас он как-то быстро в архивах осел. Не то чтобы трусоват, но осторожен чрезмерно.

– Про характер не веду, тут вам лучше знать.

– Хм... почему бы и нет? – Мэтью хрустнул пальцами и достал из письменного стола и бутылку с бурбоном и не слишком чистые стаканы, – с тем условием, что если уж возьмёшься учить, то не бросать через несколько недель.

– Ну... до начала лета точно... да к этому времени мои знания и закончатся, не великий я мастер.

Сделку отметили выпивкой – довольно дрянной, нужно сказать.

– Эрик, мы тебе квартиру нашли, – нарисовался Толстый Джо, как только мы вышли от капитана. Чуть больше девяноста килограмм при росте метр семьдесят, по местным меркам толстяк. Такая вот забавная ересь получается – спортом почти никто не занимается, пьют и курят едва ли не поголовно, а толстяков почти не наблюдается.

– Надеюсь, не в Гарлеме? – Интересно у Джо ёрнически.

– Я не спятил ещё! – Возмущается тот, приняв шутку за чистую монету, – Манхэттен. Метро напрямую через Гарлем проходит, так что добираться тебе нормально. Давай, не тяни! Домовладелец там мистер Коэн, старый хрен и параноик изрядный. В жильцах всё больше евреи из приличных – знаешь, дохленькие всё больше.

– Да они всякие бывают, – вспоминаю Шломо из университетского спортзала. Вот уж здорово! Чёрный, носатый и пейсатый, как и положено порядочному еврею, был он ещё и фанатом железа, что вообще-то среди евреев встречается нечасто. Но у них так часто – в спорте они редко заходят дальше лёгкой физкультуры, зато уж если поняли, что это их спорт, так всё! Танком не остановишь.

– Всякие, – согласился Джо, – но у Коэна фишка такая, он яйцеголовых дохляков собирал у себя.

– Ешиботников⁹¹, что ли? Не нужно мне такое счастье!

Опасение не напрасны, среди этих ребят полно чудиков, серьёзно сдвинувшихся на религиозной почве. Израильтяне светские сами не горят желанием иметь таких соседей. Да и подруга детства, вышедшая замуж за израильтянина, о евреях религиозных, отзывалась исключительно матерно. И это Сюзен, человек крайне толерантный. Правда, у неё в соседях не просто религиозные, а какие-то вовсе ортодоксы... не

⁹¹ Ученики высших еврейских религиозных школ. Русская (русско-еврейская) транскрипция слова Иешива.

помню, какая между ними разница.

– Не... – смеётся толстяк, – я не спятил ещё! Обычные ботаники яйцеголовые – преподаватели университета, медики всякие. Дохляки, но нормальные, без религиозной зауми. Просто насобирал дохляков... ну ты понимаешь – связи там, влияние... а теперь газеты читает и боится. В городе-то весело сейчас, и чем дальше, тем веселей.

– Охранником, что ли? Что-то мне подсказывает, что условия домовладельца могут показаться не очень удачными для меня.

– Давай сходим, – подтолкнул меня Джо под локоть, – да поговорим! Тогда и решишь.

Мистер Коэн больше походил на пожилого белоруса, смеха ради отрастившего пейсы в дополнение к бороде и напылившего кипу. Среднего роста, очень основательный и спокойный... вот только торговался, как еврей канонический!

– ... никак невозможно! – Стенал он, воздевая руки вверх, – за такую цену мне проще пойти с протянутой рукой, чем сдать квартиру! В синагоге ребе высмеет – скажет, ты совсем спятил, друг мой? Если ты хочешь заняться благотворительность, так не лучше ли заняться кормлением голодных и посещением больных? Зачем ты посадил себе на шею этого здорового варвара, Шломо? Шея у тебя не такая толстая, и на ней уже сидит Циля с детьми, да и зятяя норовят залезть туда же!

– Мистер Коэн, – прерываю монолог, – я ещё квартиру не видел. Домовладелец запнулся и захихикал как маленькая девочка, что выглядело более чем странно.

– Извините, молодой человек, – повинился он, – с утра прошёлся по квартирам, плату собрал. Народ у меня такой, что свои деньги не сразу выбьешь, вот и приходится актёрствовать.

– Помогает? – Полюбопытствовал Джо.

– Так, – неопределённо ответил мистер Коэн, – вообще-то не очень, но иначе вообще платить не хотят.

– Хорошие соседи, – замечаю толстяку театральным шёпотом, слышимым за десяток метров. Коп фыркает, он вообще смешлив и на редкость обаятелен. Настолько, что даже непрезентабельная внешность не мешает ему слыть тем ещё бабником.

– Пойдёмте, квартиру посмотрите, – пригласил домовладелец, развернувшись к лифту. На четвёртый этаж лифт доехал плавно, но с заметным скрежетом.

– Четыре комнаты, – открыл мистер Коэн ключом массивную деревянную дверь с незамысловатым замком, – прошу! Вид-то какой, вид!

– Вы правы, вид неважный, – сообщаю, встав у окна, – на оживлённую улицу открывается.

– Так это же прекрасно! – Возопил мистер Коэн, – экзальтированно потрясая руками, но смущённо опустив их под моим скептическим взглядом.

– За сорок пять долларов в месяц?

– Шестьдесят пять! – Распушил бороду домовладелец.

– За такие деньги сами спускайтесь с дробовиком, если вам вдруг почудится, что в дом ломятся гангстеры!

Торговались мы долго, приводя порой такие аргументы, что Джо аж хрюкал от смеха. Наконец сговорились, за четырёхкомнатную квартиру я плачу пятьдесят долларов. Сумма по нынешним временам внушительная, столько сейчас зарабатывает за неделю строительный рабочий из квалифицированных.

Много, очень много... но я помню, или вернее знаю, что меньше чем через сто лет цены на аренды недвижимости в больших городах подскочат так, что половина доходов будет уходить на квартплату. С такого расстояния цены кажутся вполне умеренными. Тем более, что мебель осталась от прежнего жильца, и пусть она не слишком-то мне нравится... но на халяву сойдёт.

* * *

Привычно улыбнувшись клиентке и дождавшись ответной улыбки, Максим непринуждённо получил чаевые и проводил женщину до выхода из ресторана. Работа из ненавистой стала привычной, поиск других вариантов всё время откладывался.

Процент от выручки вместе с чаевыми складывался в

весьма недурственные суммы. Максим порой за день зарабатывал больше, чем шахтёр за неделю. Денег хватает на пристойную квартиру, качественную одежду, спорт и досуг, да и счёт в банке регулярно пополнялся.

Пару раз доставались и приятные нежданчики. Фрау Беккер, богатая старуха, упомянула официантов в своём завещании. Не самые большие суммы на фоне огромного состояния, но сам факт! Ирма Гершензон, случайная любовница, оказалась очень щедрой. Подаренный на прощанье перстень ювелир оценил почти в тысячу марок.

Тогда бандит долго матерился, но возвращать подарок не стал. Вопреки распространённым мифам, сидельцы не стесняются принимать подарки у женщин, да и на содержание идут легко. Не все... но и чем-то постыдным это не считается.

Дома Максим считал это слегка зазорным, стараясь не думать о том, что во время отсидки его содержали мать с сестрой, да и Варенька едва ли не половину зарплаты посылала на зону. Это другое!

Здесь попаданец посмотрелся на господ офицеров – тех самых рыцарей чести по мнению адептов монархизма из двадцать первого века. Честь бывших ничуть не мешала им садиться на шеи более обеспеченных товарищей и не замечать, как жёны и дочери выходят на панель.

А уж выгодная женитьба во все времена не считалась в дворянской среде чем-то предосудительным! Шансов выйти

замуж у красивой бесприданницы много меньше, чем у девушки с состояньицем. Пусть даже к оному прилагалась не вполне белоснежная репутация.

На этом фоне бандит смотрелся вполне нормально, не замечая того, как постепенно размываются границы нормы.

– Что за шум? – Поинтересовался Максим прохожего.

– Тельмановцы, – ответил пожилой белогвардеец, каменея лицом, – коммуняки местные, суки...

Стоя вместе с бывшим чиновником военного ведомства на тротуаре, Максим смотря на идущих мимо немцев под красным флагом.

Шепот несется по миру⁹²

Рабочий, его ты не слышишь?

Зовут на войну командиры.

Рабочий, ты это не слышишь?

Зовет тебя в бой оружейный магнат,

Он прибыли новой будет так рад!

Весь мир призывает магнат на войну,

Стремясь уничтожить Советов Страну!

Рабочий! Крестьянин! Вооружайся!

Оружие в руки бери!

⁹² «Тайный поход против Советского Союза» или «Тревожный марш» (нем.) *Der heimlichen Aufmarsch gegen die Sowjetunion* или *Der Heimliche Aufmarsch*) – антифашистский марш немецких коммунистов. Стихи были написаны в 1927 Эрихом Вайнертом.

Встреться без страха с фашистской напастью!
Череп зверью проломи!
Бери под контроль ты дома и заводы!
Свергнут пусть будет проклятый кумир!
А на руинах во славу народа
Строй новый социалистический мир!

Вагоны идут ночь за ночью
В Польшу везя пулеметы,
Винтовками вооружая
Китайцев свирепые роты,
Снаряды даруя чехословакам,
Румынам даруя гранаты,
Желая насильем, войною и страхом
Расправиться с красным солдатом!

Рабочий! Крестьянин! Вооружайся!
Оружие в руки бери!
Встреться без страха с фашистской напастью!
Череп зверью проломи!
Бери под контроль ты дома и заводы!
Свергнут пусть будет проклятый кумир!
А на руинах во славу народа
Строй новый социалистический мир!

Рабочий! Не слушай кумира,
Что славит арийскую расу!
Мечтают властители мира
С рабочим расправиться классом!

Хотят они антисоветским походом
Покончить с свободой, борьбой и народом!
Ведут этот бой не евреи и арий!
Война эта против тебя, пролетарий!

Рабочий! Крестьянин! Вооружайся!
Оружие в руки бери!
Встреться без страха с фашистской напастью!
Череп зверью проломи!
Бери под контроль ты дома и заводы!
Свергнут пусть будет проклятый кумир!
А на руинах во славу народа
Строй новый социалистический мир!

Колонна пела не слишком стройно, но дружно. Лица одухотворённые – видно, что люди идут ради идеалов. По телу бандита пробежал озноб.

– Какая же я сука, – тихо сказал себе под нос Максим, – здесь немцы... Немцы, бя! Пытаются изменить мир к лучшему, а я официантом... Зная, что впереди война.

Он стоял на тротуаре и смотрел на идущих мимо левых, кусая губу. Отчаянно хотелось встать с ними в строй... Не потому, что он коммунист, вот уж нет! Обозначить позицию, стать на правильную сторону. За своих, пусть даже здесь и сейчас это немцы.

Глава 21

Знакомства в студенческой среде завести несложно, достаточно посещать время от времени излюбленные молодежью места и быть достаточно открытым к новым людям в твоём окружении.

К концу зимы тысяча девятьсот двадцать восьмого года количество приятелей на всех факультетах Нью-Йоркского университета перевалило у меня за сотню, и это если считать только тех, с кем вместе пил, гулял и куролесил по-всякому. Появились знакомцы и среди профессуры, служащих университета.

Можно сказать, что поступление обеспечено, как и самый тёплый приём в одном из студенческих братств. Но возникла неожиданная проблема выбора.

Отучившись два года на искусствоведа и посещая также лекции по социологии и психологии, думал и в двадцатом веке пойти по привычным рельсам. Послезнания позволяли не только достаточно легко ухватить здешнюю программу, но и войти в дальнейшем в элиту гуманитариев.

Взять хотя бы психологию, которая сейчас переживает времена даже не расцвета, а скорее зарождения. Только-только психологи перестали считать, что вся наша жизнь вертится вокруг наличия или отсутствия фаллоса и началась настоящая наука. И тут я, такой красивый и многозна-

ющий... Стать в таких условиях гением психологии и отцом-основателем легче-лёгкого.

С искусствоведением настолько быстрой карьеры и славы не видать, но опять-таки, можно уверенно говорить о признании и солидных финансовых потоках.

Занявшись психологией и социологией, я могу лет через десять стать советником президентов и банкиров, взлетев на политический Олимп. Давать качественные прогнозы, ориентируясь на куда более продвинутое образование вместе с послезнанием не сложно.

Другое дело, удержусь ли? Воспитан-то я иначе, а местная философия с его расизмом идёт у меня тяжело. Люди-власти такие вещи чувствуют хорошо, могут и не пропустить чужака. Становится одним из этих людоедов по-настоящему, впитав их мышление, как-то не тянет.

Выбрав стезю искусствоведа, смогу влезть на Олимп с другой стороны, став признанным гуру и экспертом. Предугадывать тенденции в живописи и культуре несложно, зная их наперёд. Авторитет, деньги, слава... всего-то открыть галерею в Нью-Йорке, да поддерживать художников, которые вот-вот должны взлететь на пик популярности. Я их проходил недавно... Для начала и этого хватит, а потом и на большее замахнуться можно.

Оба варианта более чем привлекательны, если честно. Думал до последнего, что пойду по одной из этих двух дорог, но... а надо ли?

Здесь, в Нью-Йорке, сведя случайное знакомство с будущими инженерами, задумался – ведь сейчас наступает эра открытий. Зная примерно развитие техники, можно вкладывать деньги более чем успешно. Не просто в акции какой-нибудь компании, которая будет гарантированно успешна годы и десятилетия спустя, а в стартапы. Быстрая прибыль сразу, плюс акции успешных предприятий и безбедное будущее.

Минус только один – учиться придётся заново, и учиться по-настоящему, без дураков. Учиться, чтобы быть в курсе всех новинок, понимая и вспоминая – действительно ли это прорыв или просто интересная тупиковая ветвь?

Учёбы не боюсь, математика и физика всегда давались легко, да и химия... может, на химию и ориентироваться? Все эти пластмассы, нейлон... Никогда не думал, что широкий выбор может стать проблемой!

Есть ещё возможность пойти по инженерной стезе, не выбрасывая знания по психологии и социологии... и не показывая их окружающим. Вкладываться заодно в предметы искусства, отслеживая модные тенденции... К слову, не факт, что в этот раз будут востребованы те же художники!

Как искусствовед, пусть и недоучившийся, прекрасно знаю о формировании моды, о случае, о попадании в струю. Поменяется крохотная переменная, и всё – все мои вклады в искусство можно будет отправить на помойку.

Плюсов и минусов у каждого факультета великое множество, и я всё никак не могу свести их воедино.

Драка на заднем дворе школы окончилась вничью, несмотря на численный перевес. По очкам выиграла турецкая сборная в лице Камиля и двух его товарищей, но перевес оказался очень незначительным.

Ребятки они спортивные, какая-то школа чувствовалась, но уличная драка не ринг и не татами, да и драться толпой эти турчата не умеют. Бить напуганного немчика втроём далеко не то же самое, что выросшего на улицах мальчишку, впервые подравшегося толпа-на-толпу ещё в восемь лет!

– Вешайся, русский! – Громко повторил турчонок, но в его голосе я заметил нотку неуверенности. Ухмыляюсь, не отрывая глаз, чуть приподнимая кончики губ. Неприятная такая, много раз отрепетированная, улыбочка должна показать отморозенность русского, готовность к таким развлечениям.

После школы, на полпути к дому, меня ждала компания крепких смуглых ребят лет пятнадцати. Преградив дорогу, ничего не говоря толкали меня грудью и плечами, мешая пройти.

– Не заступай туркам дорогу, русский, – Сказал наконец старший, многозначительно поигрывая массивной цепочкой, на которой болталась такая увесистая связка ключей, что ей можно оглушить коня, – понял?

Наверное, среднестатистическому немцу и большинству русских немцев такой демонстрации хватило бы, чтобы впечатлиться и притихнуть в школе. Но у меня-то детство прошло в других условиях!

– Понял-понял, – бурчу вслед, поглаживая по карману рубашки, где лежал пакетик со сташенной у агрессоров травкой, – вы у меня тоже много чего поймёте, сучата!

На следующий день Камиль ходил по школе королём, несколько раз демонстративно толкнув меня плечом. Старательно уворачиваюсь, пряча глаза под смешки турчат.

– Понял теперь? – Подошёл на перемене Курт, – если мы поодиночке отбиваемся, ещё могут отступить, а когда в группы собираемся, то всё...

– Неужели не стесняются взрослых подключать? – Изумляюсь я чуточку деланно, – у нас такое западло считалось!

Переводить понятие не потребовалось, некоторые русские словечки весьма широко разошлись по миру.

– ... сложно всё, – рассказывал Курт на большой перемене, – полиция почти не вмешивается, если только случаи не самые вопиющие. Но мусульмане не дураки, грань не переходят.

– А немцы что?

– Ничего! – Оскалился мальчишка, пиная носком кроссовки бордюр, – у нас система другая, понимаешь? Привыкли на закон полагаться, а самоорганизация... боятся её власти, понимаешь? Боятся потому, что мы всё ещё оккупиро-

ванная страна – войска американские стоят, их в Германии больше, чем наших собственных. А говорить об этом нельзя, зато можно высматривать в самоорганизации немцев признаки нарождающегося нацизма.

– Вот и высматривают... – присвистнул я, – здорово, однако! А многие немцы так думают?

– Кто постарше многие, а ровесники... если кто и думает, то помалкивает.

– Карьеру будущую не портят?

– Карьеру, да... Чуть за линию заступил, так всё – в университет не попадаешь, на госслужбу тоже, да и по фирмам крупным, говорят, циркуляры со списками неблагонадёжных рассылают.

– А турки?

– Эти-то? Там половина в торговле да мелком бизнесе, им на это насрать! А кто на госслужбу хочет, так тех принимают по позитивной дискриминации⁹³. Если вовсе не отороженый, легко пройдёт.

– Весело... – тяну задумчиво.

... на следующий день Камиля ждали представитель школы вместе с полицейским. Короткий обыск, и вот пакетик с травкой демонстрируется понатым. На вопли турчонка, что его подставили, никто внимания не обращает – все орут од-

⁹³ Позитивная дискриминация (англ. affirmative action) – это меры по предоставлению преимущественных прав или привилегий для определённых групп населения, применяемые для создания статистического равенства в должностях.

но и то же.

Малолетнему гопнику хватает ума начать сгоряча перечислять имена недоброжелателей, не понимая, что этим он делает хуже только себе. Сейчас добрый дядя полицейский с образованием детского психолога раскрутит Камиля на подробности. А подробности знатные обещаются, мозоли оттоптаны едва ли не у всех ровесников. Отнятые вещи, избиения, унижения... всё дядя-психолог выяснит!

Тюрьма утырку не грозит, но биографию себе и друзьям он попортил знатно. Да и на школу в ближайшее время власти будут обращать самое пристальное внимание. Не то чтобы это сильно поможет на границе с турецким кварталом...

* * *

– Интересные документы, интересные, – приговаривал Авенир, копаясь в бумагах на моём столе, – продаёшь?

– Нет.

– А что так? – Поинтересовался незванный гость гнусаво, ковыряясь в носу.

– Не для перепродажи брал, а так... память. Подделки, просто памятные.

– Жаль, жаль... ладно, я пойду.

С нескрываемым облегчением проводил студента, запев за ним дверь.

– От таких гостей разве что мезуза⁹⁴ помогает, – тяжело пошутил Соломон, – такой жидёныш поганый, что слов нет! Чуть больше таких в нашем народе, и очередное изгнание не за горами!

Берти с Заком похмыкали, но тему развивать не стали. Авенир считался карой господней в студенческой среде. Потомок влиятельной еврейской семьи, одна из ветвей которой слишком уж увлеклась близкородственными браками.

Семья вместе с внушительным состоянием приобрела и наследственные душевные болезни. Мать живёт в частной психиатрической клинике, в моменты просветлений выходя на премьеры фильмов, театральных постановок и семейные праздники. Старший брат эпилептик, с приступами по несколько раз в день. Младшая сестра с рождения под приглядом врачей-психиатров, не посещала даже школу.

Авенир, уже не раз гостивший в психиатрических клиниках, учится в университете Нью-Йорка восьмой год, прыгая по факультетам и везде учась одинаково скверно. Тяжёлый, въедливый характер в сочетании с назойливостью и непробиваемостью делает его крайне неприятным в общении. Добавить сюда регулярные истерики, эпилептические припадки и приступы ярости.

⁹⁴ Мезу́за (ивр. מזוזה, букв. дверной косяк) – прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента духустуса из кожи ритуально чистого (кошерного) животного, содержащий часть текста молитвы Шма. Пергамент сворачивается и помещается в специальный футляр, в котором затем прикрепляется к дверному косяку жилого помещения еврейского дома.

Человек, от которого все стараются держаться подальше, но опасаются отталкивать его грубо. Гадёныш мнительный и мстительный, что с возможностями семьи достаточно опасно.

– Почему бы тебе и в самом деле не продать или не подарить какие-то бумаги этому горю в еврейской семье? – Поинтересовался Зак, без стеснения приватизировавший бутылку виски, – получит игрушку, да и отвяжется.

– Ни в коем случае! – Вмешался Соломон, – он же психопат, не понимаешь? Получив игрушку раз, захочет и второй, не отвяжется потом.

– А даже если и отвяжется, то кто знает, к чему это приведёт, – добавляю я, вдыхая аромат коньяка, – вздумает ещё в экспедицию ехать, на поиск сокровищ... оно мне надо? Мать у него недееспособная, а отец вполне себе... причём говорят, что говнюк ещё тот, мало чем от сынка отличается, только что здоровье получше. Втемяшится в голову, что у отпрыска проблемы не из-за близкородственных браков, а из-за меня, мстить начнёт.

– Ты понимаешь, – кивнул Соломон, страдальчески морщась, – от таких держаться нужно подальше.

– В самом деле подделки? – Поинтересовался Берти, разглядывая бумаги, – по мне так на настоящие похожи.

– По мне тоже, – пожимаю плечами, – но не говорить же о том сумасшедшему.

– Настоящие сокровища? – Недоверчиво тянет Соло-

мон, – и вот так просто покупал такие важные бумаги?

– Покупал просто, а настоящие ли... – снова пожимаю плечами, – сам глянь – разрозненные архивы, дневники конкистадоров и их потомков, карты... Бумаги так вроде бы старинные, насколько я разбираюсь, а насчёт кладов сомневаюсь. Даже если там что-то и было, то давно выкопано и поделено. Ну или с координатами напутали так, что толку от карт и записей никаких.

– Вот и говорю, бесполезно, – внушительно кивнул Соломон.

– Не скажи, – вытянув ноги, смачиваю нёбо коньяком, – ммм... сказка, а не коньяк. Клады это бред... то есть они конечно есть, сам понимаешь.

– Исчезнувшие цивилизации, конкистадоры, пираты... – кивнул Альтшулер уже с меньшим скептицизмом.

– Всё так. При должном упорстве найти что-то можно, но тут нужно искать как положено – архивные крысы да молодцы с револьверами в одной команде. И отдачи ждать не раньше, чем через несколько лет. Я о другом. Вот, – кидаю приятелю старинный дневник, написанный на вульгарной латыни, – ничего интересного, но видишь? Рисунок горы, да... рисунок, описание природных красот и валяющихся там камней.

Вытянув руку, любуюсь перстнем с изумрудом.

– Месторождение! – Выдыхают Соломон одновременно с Заком.

– Оно самое. Мне в итоге немного досталось... но ведь досталось же!

– Если в таком ключе, – задумчиво сказал Берти, опрокинув стаканчик, – то на поиски сокровищ можно смотреть с некоторым оптимизмом.

– На меня не рассчитывайте, – сходу отрекаться от друзей, – наприключался, больше не хочется.

На осторожные расспросы и любопытные взгляды демонстративно не обращаю внимания. Наживка брошена, осталось только ждать.

Глава 22

Кремлёвская квартира Сталина невелика – крохотная приёмная, овальная столовая, служащая заодно гостиной и порой спальней, да три комнатухи. Обстановка аскетичная, похожая больше на гостиницу средней руки, чем на жильё одного из первых лиц Советского государства. Даже мебель казённая, с инвентарными бирками.

Именно так и жили всесильные наркомы СССР, ведь Ильич ещё в семнадцатом выпустил постановление, что квартиры наркомов не должны превышать норматив в одну комнату на человека. Ягода, Рудзутак и прочие, кому предстоит стать жертвами сталинского режима, нарушали это постановление, строя себе особняки по пятнадцать-двадцать комнат, с многочисленной прислугой и едва ли не великокняжеским образом жизни. И это одна из причин, почему они стали жертвами режима...

– Рассказывай, – неторопливо сказал хозяин квартиры приехавшего из Ленинграда гостя.

– Такое дело, Коба, – Киров выложил пакет на стол, – морячки наши, что в загранки ходят, привезли мне пакет из Штатов. Сочувствующих коммунистической идее по всему миру немало, подобные пакеты и письма я сотнями получаю. В основном ерунда, разумеется, но встречаются иногда и жемчужины в кучах навоза.

– ... Алмазы, вот оно что... – Иосиф Виссарионович крепче сжал трубку зубами, отчего его голос прозвучал глухо, – не может быть обманом? Слишком дорогой подарок для такой бедной страны.

– Не думаю, Коба. В письме несколько мелких, но важных для нас технических решений прилагается, всё больше по двигателям. Чертежи отдал специалистам, оценили положительно. Технологичность⁹⁵ очень высокая, экономия обещается быть весьма заметной, да и внедрить в производство легко. Сам знаешь, как у нас с технической грамотностью рабочего класса обстоит.

– Знаю, – проворчал собеседник, – никак! С технической грамотностью скверно, а с пролетарской сознательностью ещё хуже. Немногочисленные сознательные рабочие совершенствуются и пытаются подтянуть других, а остальным только дай, дай, дай! Дай зарплату, дай высокий уровень жизни, дай привилегии пролетарские... Значит, экономия?

– И немалая, Коба, – кивнул Мироныч, закуривая без разрешения, на правах старого друга, – я тут предварительно прикинул, если мы внедрять технологии начнём, то геологическая экспедиция за счёт сэкономленных средств окупится уже в этом году. Так что ничего не теряем, а если наш таинственный благодетель прав, то получаем огромное место-

⁹⁵ Технологичность – это одна из комплексных характеристик технического устройства (изделие, устройство, прибор, аппарат), которая выражает удобство его производства.

рождение алмазов. Пусть технических, а не ювелирных, но нам они и нужны. За валюту покупаем, да ещё и втридорога, с этой блокадой чёртовой.

– Благодетель, – проворчал Сталин, – пятьдесят тысяч фунтов запросил для дальнейшего сотрудничества! Да и кратер этот, Попигай⁹⁶ – сто километров в диаметре, сходу алмазы не найдёшь. Не верить же всерьёз утверждению, что по всему кратеру алмазы? И из населения одни олениводы.

– Всё равно выгодно, Коба, – успокаивающе сказал Киров.

– Выгодно, что ж не выгодно, – проворчал собеседник, выколачивая трубку в пепельницу, – да и спокойней так, понятней. Попали крыске канцелярской данные, и захотела эта крыска обогатится. Если б бесплатно, вот тут я бы заволновался – не иначе, игра разведок намечается, провокация грандиозная. А тут всё понятно – товар-деньги-товар, привычная капиталистическая схема.

– Провокации исключать нельзя, – задумчиво сказал Киров, выпустив дым из ноздрей, – подсадят нас на крючок, а потом впихнуть могут хороший такой кусок с дезинформацией.

– Потому и думать каждый раз надо, получая письма от

⁹⁶ В кратере Попигай расположено крупнейшее в мире месторождение импактных (появившихся в результате падения крупных метеоритов) алмазов. Алмазы эти не ювелирные по своим качествам, однако по твёрдости и ряду иных характеристик превосходят любые технические алмазы. Месторождение известно с 70-х годов 20-го века и потому его разработка не велась и не ведётся – тогда в СССР начали разработку алмазов синтетических.

благодетеля – а не увести ли он нас хочет в сторону? Поманить вкусным куском, да увести в сторону от действительно крупного месторождения или технического решения. Садись, Мироныч, думать будем...

* * *

– Странный сон, – фыркаю, проснувшись, – вот уже не ожидал, что подсознание так интересно сработает. Квартира Сталина, надо же... и ведь как чётко видел всё, даже мебель вроде бы та же самая, что в документалке показывали.

Посетив туалет, начинаю зарядку – к здоровью после попадания отношусь очень серьёзно, а уж побывав в Южной Америке, тем более! Паразитов только недавно выводить закончил...

До более-менее нормальных зубных врачей ещё лет тридцать, а до обезболивания ещё дольше. А зубы лечить без обезболивания... пытка как есть.

Так что там зубные врачи! Сифилис с гонореей пока проблема, нет антибиотиков, не придумали ещё. Да и пенициллин хоть и открыт, но не применяется в медицине, фармакологические компании душат конкурента.

А суставы? В двадцать первом веке заменить сустав – операция вполне рядовая. Однокурснику отца меняли в обычной российской клинике, причём через два месяца тот уже костыли бросил. А сейчас? Полетят суставы, и всё – инва-

лидность, приговор пожизненный!

И так чего не коснись... Да одна только лоботомия чего стоит! Случайно запомнил, что изобрели... изобретут её в тридцать пятом году и начнут внедрять, как надёжнейшее средство от психических болезней, эпилепсии так далее.

В сорок девятом даже Нобелевскую премию по медицине кто-то получит. Только в пятидесятых проведут нормальные исследования, которые покажут, что нет никакой пользы от лоботомии, один вред! Но к тому времени только в США лоботомии подвергнется порядка пятидесяти тысяч человек.

А кастрация? Ей ведь сейчас эпилепсию лечат, вот так вот... Не говоря уже о широком применении одной для преступников, умственно отсталых, бродяг, подозрительных мигрантов, слепых, глухих, людей с физическими недостатками, цветных, алкоголиков... Притом не только в нацистской Германии, но и в США, да и другие страны не отстанут. Женщин, к слову, тоже стерилизуют.

Поскольку к здешним медикам доверия никакого, то здоровье стоит беречь. А то мало ли... попадёшь в больницу с сотрясением после ограбления, а врачи как безвестному мигранту – раз! И лоботомию. Или кастрацию... согласно закону. Судись потом...

Позавтракав, проверил почту и не слишком удивился, обнаружив письмо из Швейцарии.

– Подтверждение... надо же, действительно сон в руку,

что называется. Перевёл деньги Дядюшка Джо⁹⁷, хочет сотрудничать. Уф...

Волна облегчения прошла по телу и дело даже не в деньгах. Они конечно не лишние, но обеспечить себе привычный уровень жизни могу и без помощи советского диктатора, разве что на несколько лет позже, и то не факт.

Деньги в данном случае скорее декларация о намерениях и... страховка. Сумма достаточно серьёзная, так что вместе с тайной получается какая-никакая, а гарантия того, что ситуацию будет контролировать лично Сталин. В крайнем случае через особо доверенного человека, вроде Кирова или Ворошилова.

Польза от такого подхода обоюдная. Для СССР – быстрый отклик на мои письма, отсутствие тянучки с прохождением по инстанциям и попыток аппаратчиков использовать тайну в межведомственных склоках. Для меня – безопасность, ибо чем больше людей втянуто в историю, тем больше шансов, что меня вычислят. Пусть шансы на это минимальны, но дёргаться не хочу.

В своё время долго думал, с чего бы начать геологические послания? Идею отослать всё пачкой быстро отодвинул в сторонку. В таком случае удержать тайну под контролем не выйдет, вычислят хотя бы по аномальной активности геологов и органов вокруг них.

⁹⁷ Прозвище Сталина, в аглосаксонских странах, данное ему Рузвельтом и Черчиллем значительно позже описываемого времени.

Не факт, что это пойдёт на пользу СССР, встревоженные враги коммунистического государства могут и того... усилить санкции. Могут устроить покушения на советских вождей, устроить провокации для геологов... Много вариантов.

Аналогично и с нефтеносными районами, неизвестными пока Советам. Промышленность страны в столь позорном состоянии, что бакинской и грозненской нефти с лихвой хватает на все потребности молодого государства. Нехватка нефти и её производных если и возникает, то исключительно из-за недостатков логистики.

Подарив СССР нефтеносные районы, помогу ли я промышленности страны? Не уверен... в теории-то да, если мешать никто не будет, если вдруг пропадут капиталистические страны вокруг и СССР окажется единственной страной на очищенной от человечества планете.

В реале же Британия и Франция, поглядывающая на Советы со снисходительным презрением крупных хищников, встревожатся. Нефтеносные районы Кавказа достигаемы для вражеской авиации, так что до поры смотреть на потуги индустриализации можно смотреть сквозь пальцы. Зная, что при необходимости можно поднять в воздух бомбардировщики.

В Башкирии же, Астрахани и Сталинграде не достанут... а районы, между прочим, вполне обжитые, так что индустриализацию проводить станет намного легче. Допустят ли капи-

талистические страны столь резкое усиление страны социалистической? Разумеется, нет! Война!

Армия же СССР, несмотря на бравурные речи советских вождей, слаба как никогда. Основным, и крайне опасным (!) противником рассматривается Польша. Былой осколок Российской Империи, с полудохлой экономикой и не самой современной армией.

Накачать её дешёвыми кредитами, дать современную технику и разрешить вербовку добровольцев в Европе... и всё! СССР после такого удара если и выстоит, то откатится вовсе уж в каменный век, потеряв заодно территории.

Вот и придётся выдавать месторождения по крошке, пытаясь анализировать – нужно ли это в настоящее время? Погодить? И просыпаться в холодном поту – зная, что всё равно где-то ошибся, чего-то не учёл... а это жизни в будущей войне.

Встреча со Сталиным могла бы решить много проблем, но... нет. Помимо банального страха за свою судьбу, нет уверенности в том, что такое самопожертвование пойдёт на пользу как СССР, так и человечеству в целом.

Даже с гарантиями диктатора... хотя какой он диктатор! В европейских учебниках истории – да, страшный и кровавый диктатор, злодей чуть более человечный, чем Гитлер. Будь Дядюшка Джо в самом деле диктатором, ситуация стала бы совсем простой, договориться с одним человеком шанс есть всегда.

Ныне же Сталин всего лишь один из Вождей СССР и ведёт активную борьбу с троцкистами. Борьбу кровавую, грязную. Стать разменной монетой в такой борьбе человеку постороннему легче лёгкого!

Сдать меня, чтобы свалить своего главного противника – Троцкого? Да легко! Потом он может и пожалеет... но то будет потом. И даже если сам Дядюшка Джо образец человечности и порядочности, то нужно учитывать его команду. Вряд ли там все такие уж... образцы.

Один только Ворошилов чего стоит. Не отрицая революционных заслуг, следует помнить, что жена его, в крещении Екатерина Давыдовна, та ещё сионистка. Одна только фраза Вот теперь и у нас тоже есть Родина, сказанная после образования Израиля, много стоит. То есть СССР Родиной не считался...

Не стеснялась Екатерина Давыдовна оказывать поддержку евреям во власти, считая их априори людьми честными и порядочными. И Климент Ефремович под влиянием супруги стал называть себя полуевреем...

А Петерс, один из создателей и руководителей ВЧК? Бывшая любовница – кузина Черчилля, нынешняя жена – гражданка Великобритании и дочь английского банкира Мэйзи Фримен. Гражданство после Революции жена пламенного революционера не поменяла... и с родными отношения поддерживает самые тёплые, навещая их в Англии.

Попасть в подвалы ЧК как-то не хочется. И пусть на неко-

торых русских форумах пишут, что там-де все были образцами чести, верится в это с трудом. Откуда-то взялись же палачи Ягоды и Ежова?

Лет через пять-семь Сталин получит достаточно много единоличной власти, но тогда и встреча с ним будет уже бессмысленной.

* * *

– Сказочная красота, – выдохнула Эльза, глядя на карту, висящую над кроватью, – старинная?

– Стилизация по старину.

– Но здорово как! Откуда такое чудо?

– От бабушки, – отвечаю с ноткой печали и гордости.

– Ой, прости! – Одноклассница прижала к щекам узкие ладошки, глаза виноватые...

– Давно уже, ничего... она геохимию преподавала и живописью увлекалась, вот и подарили на юбилей. Карта точная, все эти киты и русалки посреди океанов – так, антураж.

– Здорово! – Девочка встала коленями на кровать и ойкнула, соскочив на пол.

– Можно, – отмахиваюсь рукой, – ты ж не в обуви! Да и покрывало на кровати не зря постелено. Лезь!

Эльза не стала дожидаться повторного разрешения и залезла на кровать, заморожено вода по холсту тонкими пальцами. Русалки, киты, мифические псоглавцы... антураж ста-

ринной карты соблюден более чем полностью, только что качество рисунка намного выше, да и точность самой карты достаточно высока.

Реки текут где им положено, города находятся на своих местах и даже крупнейшие месторождения помечены крохотными рисунками в том же средневековом стиле. Над моей кроватью карта висит с тех самых пор... с восьми лет, короче.

– Когда я был помладше, очень любил перед сном разглядывать всё это и представлять себя путешественником, – делюсь с подругой, – да и сейчас иногда бывает.

– Твоя бабушка была очень хорошим преподавателем, – уверенно говорит девочка, не отрывая глаз от карты, – труда и мастерства вложено много. Я дизайнером собираюсь стать, понимаю немного.

– Бабушка была замечательной.

С Эльзой мы тогда разговорились и сами не заметили, как дружба переросла в нечто большее. Встречались потом до самого выпуска из школы, дальше наши пути разошлись.

Глава 23

К середине весны Берти и Зак созрели, подойдя с серьёзным разговором. Мы тогда праздновали день рождения Гершвица в одном из популярных у студентов баров и были изрядно навеселе.

– ... проверили мы информацию о возможности найти месторождение по записям в старинном дневнике, – неторопливо отсчитывался заметно нервничающий Берти, подрагивающими руками раскуривая сигару, – извини, Эрик, но такие вещи подлежат проверке.

Равнодушно пожав плечами, откидываюсь на спинку стула и подзываю официанта.

– Ещё один мартини... да, с луковичкой.

– И обнаружили, – перехватил эстафету более спокойный Зак, – что это не так уж и редко бывает. Не то чтобы каждый день, но геологи подобрали нам несколько десятков таких случаев и уверенно говорят, что в действительности их как минимум на порядок больше. Нежелательно упоминать о старинных картах и рукописях, чтобы не ввязываться в суды с потенциальными наследниками.

– Оказывается, поиски в архивах могут дать не только научную степень, но и вполне весомое состояние, – хихикнул немного успокоившийся Берти, – ты как насчёт небольшой авантюры? Понимаем, что вряд у тебя есть ещё одна партия

столь же интересных документов...

На этих словах друзья-приятели впились в моё лицо глазами, старательно высматривая несоответствия. Смеюсь чуть громче и непринуждённой, чем нужно, и парни довольно переглядываются.

... – но может быть, ты хотя бы знаешь, где начинать поиски? – Продолжил Бартти, – по местным архивам мы и сами справимся, но в Южной Америке свои особенности. Нужен надёжный человек из тамошних уроженцев, притом образованный и хотя бы немного понимающий в работе с документами.

– Спасибо, но нет, – отвечаю, подпустив в голос немного пьяной горечи и обиды, – когда в последний раз ко мне подошли с похожими речами, я поверил и начал действовать. Вот только мне досталась малярия, схватки на ножах, отсидка в тюрьме и прочая романтика. А компаньонам – прииск. Дескать, они вложили самое главное – деньги и связи, потому и основная доля – им. Что карты были моими, как и почти все усилия, господу благополучно забыли.

– Эрик... – начал было Бертти укоризненно. Фыркаю в ответ пренебрежительно.

– Забыли, парни! Мои бывшие компаньоны все как на подбор из порядочных семей, такие же славные парни, как вы. Так что следующая авантюра... если она будет, конечно, – спохватываюсь торопливо, – только самостоятельно! Сейчас денег на это в обрез, но лет через несколько...

На этом прекращаю разговор, и хлопнув пару стаканчиков виски, уезжаю на такси домой.

– Я не я буду, – говорю сам себе с пьяной улыбкой, закрывая за собой входную дверь, – если через пару недель Зак с Берти не подкатят ко мне с проектом равноправного партнёрского договора!

* * *

Выдохнув, Аркадий Валерьевич потрепал по голове стоящую на коленях проститутку.

– Ступай, милая, – небрежно бросил мужчина, застёгивая штаны. Милая хихикнула и кошачьим движением взяла протянутую банкноту. Проводив девицу взглядом сытого хищника, попаданец ухмыльнулся.

Графиня... нет, ну а что? Есть у него такая слабость с недавних пор, драть исключительно титулованных дворянок. В крайнем случае нетитульных, но чтоб род с историей – папенька в Думе или губернатор какой.

Не прошло и года с момента переноса, а он уже не бесправный мигрант, а полноценный гражданин Веймарской Германии. Собственная квартира в четыре комнаты, Мерседес одной из последних моделей и кругленький счёт в банке.

До былой роскоши ещё далеко, но можно уверенно сказать, что год-другой такими темпами, и жизнь станет немногим хуже прежней – с поправками на отсутствующее пока

телевиденье, интернет и медицину.

С ноля! Только знания, разум и привычка идти при необходимости по головам, спасибо святым девяностым.

– Да, есть знания будущего, – мужчина сам не заметил, как начал говорить вслух, – но и у этих тоже преимущества! Образование прекрасное, родственные связи с дворянами европейскими. Единицы хорошо устроились! А ведь элитой себя считали, особого отношения требовали, быдло по щекам хлестали... А как пришла беда, так оказалось что и вы и сами – быдло! Выродившиеся потомки некогда великих людей.

– Да и были ли великие среди ваших предков? Всё больше Кутайсовы⁹⁸, а даже если и нет... стоит посмотреть на ваших женщин, так ясно же – от слуг крепостных зачинали, а не от законных мужей! От кучеров, лакеев, денщиков...

Выпустив пар, Аркадий Валерьевич догнался коньяком и замурлыкал песню о поручике Голицине, призывая того надеть ордена.

Четвертые сутки пылают станицы,
Горит под ногами Донская земля.
Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.
Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

⁹⁸ Подаренный императору Павлу пленный турецкий мальчишка. Начав карьеру при дворе парикмахером, закончил сводником, за что и получил титул графа, став основателем рода Кутайсовых.

Мелькают Арбатом знакомые лица,
С аллеи цыганки заходят в дома.
подайте бокалы, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.
подайте бокалы, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

Мурлыкая красивую, но насквозь лживую⁹⁹ песню, попанданец не задумывался о недавнем монологе. В его сознании мирно уживалось пренебрежительное отношение к титулованному быдлу и преклонение перед Россией, которую мы потеряли.

Хотелось туда – где балы, вальсы Шуберта, лакеи и юнкера. Возможность отхлестать слугу по щекам и нагнуть горничную, у которой такого рода услуги нередко входили в служебные. Себя Аркадий Валерьевич безусловно считал человеком, который имеет на это право – заслужил.

Прорвался сквозь девяностые и ведь жив остался! Не спился, не скололся, не свалил на загнивающий Запад, сдавшись по сути более успешным конкурентам. Сына к делу пристроил, с нужными людьми свёл. И здесь выстоял, вы-

⁹⁹ Высшая аристократия Российской Империи не воевала, почти в полном составе сбежав за границу и отсиживаясь в разных Комитетах Спасения. В частях Белой Армии представителей придворной аристократии можно было пересчитать по пальцам одной руки, да и те всё больше по штабам. Представители же дворянства служивого (не выродившегося) в большинстве своём (вот сюрприз, да!?) перешли на сторону большевиков.

лез... не на вершину пока, но есть шансы, есть!

Он сделает всё возможное, чтобы дети и внуки унаследовали его положение. Не прорывались снизу в конкурентной борьбе, а сразу на вершину – на вертолёте.

Навсегда! В его мире не будет больше никаких Революций и переворотов. Быдло не будет претендовать на что-то выше тёплого барака и места надсмотрщика в оном. А его дети, его потомки станут теми, кто правит. Аристократией.

Новый Мировой Порядок¹⁰⁰ грядёт и Постниковы займут достойное место среди Правящих!

Горничная прервала высокие размышления одного из Грядущих Правителей Земли (на меньшее Постников не соглашался даже в мыслях) сообщением о госте.

– Эх! – Вздохнул не слишком трезвый Аркадий Валерьевич, небрежным жестом указывая на небольшой беспорядок, – это... и зови.

Присев в книксене, горничная быстро прибралась и удалась. Попаданец вообще любил такие вещи – мажордомы, книксены... поэтому его немецкая горничная приседала в книксенах и склоняла голову при каждом удобном и неудобном случае.

Выходец из будущего, получивший своеобразную эстети-

¹⁰⁰ Новый мировой порядок – термин, применяемый в конспирологических направлениях управляемых глобализационных процессов по отношению к складыванию в современном обществе системы тоталитарного мирового правительства.

ческую закалку на массивных золотых цепях и малиновых пиджаках, искренне считал себя человеком тонко чувствующим. Зря...

* * *

– Курт? Курт! – Схваченный за рукав прохожий недоумённо смотрит, и теперь вижу, что это не мой друг, несмотря на потрясающую внешнюю схожесть.

– Простите, – говорю неловко, отпуская рукав и неловко разглаживая его, – вы очень похожи на моего лучшего друга. Внезапно показалось, что он жив...

– Ничего, – с еле уловимым испанским акцентом говорит парень, – мне приходилось терять друзей, понимаю.

Неловко раскланявшись, расходимся. Внезапно слышится визг тормозов и в десятке метров от меня останавливается чёрный Форд модели А. Выскочивший из машины коренастый молодой мужчина с автоматом Томсона в руках, крикнул со странным акцентом:

– Привет тебе от Лански¹⁰¹, профсоюзный ублюдок!

Палец его уже нажимал на курок, и прохожий – тот, который не Курт, заваливается неловко на тротуар, пытаюсь в

¹⁰¹ Меер Лански, настоящая фамилия Сухомлянский. Известен как «Бухгалтер мафии», один из лидеров мафии еврейской в частности и американской вообще. На протяжении нескольких десятилетий считался одним из самых влиятельных людей в США.

падении достать оружие из-под полы пиджака.

Отдача мягко ударила по запястью и тяжёлая девятимиллиметровая пуля Люгера влетела бандиту в грудь. Вторая, третья... На помощь автоматчику выскочил водитель, только что сидевший с кривой ухмылкой. Неловко раскорячившись, похожий на араба мужчина начал стрелять, но испанец оказался быстрее.

– Уходим, – толкнул меня спасённый в плечо, – это мафиози, не стоит заводить с ними близкое знакомство. Да и мне лучше исчезнуть, профсоюзных деятелей полиция не любит.

– В машину, живо!

На ходу обернув руки платком, наскоро обыскиваю убитых, забрав бумажники и оружие.

– Зачем? – Интересуется испанец, трогаясь, едва я вскочил на заднее сиденье.

– Нужно точно знать, кто стрелял, а отсутствие документов у убитых может дать немного форы.

– Люди Меера Лански. Автоматчик – Багси Сигел, редкостная скотина, да и о Лански ничего доброго сказать не могу. Я Хосе, Хосе Родригес.

– Эрик Ларсен. К Бруклину давай, там парочка тупиков есть таких, что машину за пять минут средь бела дня на запчасти разберут.

Пару раз подсказав дорогу, на ходу стараюсь переодеться. Лёгкое весеннее пальто превращается в свёрток из химчистки, а на голове вместо кепки оказывается оставленная уби-

тым шофёром шляпа. Не совсем в тон, ну да сойдёт...

– Тормозни, – приказываю Хосе, сам не понимая, почему продолжаю ему помогать, почему представился настоящим именем. Ну не считать же аргументом похожесть на лучшего друга, оставшегося в двадцать первом веке?! – Давай на заднее сиденье... погоди, перчатки вот возьми!

Пятнадцать минут спустя, загнав машину в тупичок, старательно протираю смоченной в бурбоне тряпкой все поверхности, которых мы могли касаться. Лицо прикрыто поднятым воротником рубашки от взглядов мальчишек, уже присматривающихся к автомобилю.

– Эй, – зову сорванцов, махнув рукой, – давайте-ка сюда, парни!

Голос изменён, лицо закрыто, отпечатков нет... осталось внести последний штрих.

– Машина горячая, скоро за неё могут взяться копы или люди Лански, так что смотрите – нужна она вам или нет.

– Лански? – Подросток сплёвывает презрительно, говоря с отчётливым ирландским акцентом, – еврейчик этот? Да пошёл он! Верно, парни? У нас свои авторитеты!

Махнув на прощанье ирландцам, трусцой выбираемся из переулков, всё так же пряча лица.

– Мистер! – Окликает один из мальчишек, – вам бы велосипеда сейчас, а? Могу продать... сотня за два!

Видя мои колебанья, добавляет:

– За углом, минуты не пройдёт!

– Аа... давай!

Минуту спустя катим на велосипедах, полуспортивный стиль одежды выглядит уже оправданным и уместным.

– Спасибо, Эрик, – несколько минут спустя говорит испанец, – дальше я сам.

– Что сам? – В голосе прорывается раздражение, – в лапы мафиози попадешься?

– Надёжные люди...

– Адреса этих надёжных людей давно уже у Лански, а со мной тебя никто не свяжет. Пару дней посидишь у меня на квартире, всё равно приятели из университета торчат постоянно. Я сам из Уругвая, так что приятелю с испанским акцентом никто не удивится.

Бросив велосипеды в Центральном парке, едем домой на попутной машине. Американцы пока ещё не слишком законопослушны, время от времени таксуют очень многие.

– Откуда вы такие спортивные, парни? – Поинтересовался водитель, по виду типичный мелкий начальник из офиса.

– Вечеринка затянулась, – хмыкаю слегка, – а потом Майки пальто облевал.

– Да уж, – косится водитель на свёрток с пальто, – лучше уж помёрзнуть слегка, чем облёванным ехать!

– Вот и я так посчитал! – Смеёмся вместе.

– А дружок твой неразговорчивый?

– Швед, – благо, Хосе вполне блондинист и со своим слегка вытянутым лицом вполне сойдёт за скандинава, особенно

пока молчит. Не чистокровного, а так... с бабушкой издале-
ка, – язык плохо знает, да и перепил.

– Взрослый уже парень, – удивляется водитель, – нормы не знает?

– Да вот как выяснилось, не очень, – кошусь со смешком на шведа.

Пара пересадок под разными легендами и вот мы под две-
рюю.

– Мистер Коэн, – приветствую домовладельца, – это Курт Ларсен, мой троюродный брат. Несколько дней у меня поживёт.

– Тоже из Уругвая?

– Венесуэла, – улыбается Курт белозубо, – небольшое де-
ло. Если выгорит, то буду в университет поступать.

– Дельно, дельно, – кивает мистер Коэн, свято убеждённый в необходимости высшего образования, как фундамента счастливой жизни. При более близком знакомстве тип он не самый приятный, но при всём при том – спонсор. Платит стипендии более чем дюжине студентов, причём половина из них не евреи. Пусть с отдачей... но ведь платит же!

Приготовив банальную яичницу с беконом, поел сам и накормил молчащего гостя. Расположившись с кофе в гостиной, долго молчал, глядя в пустоту.

– Сперва потому, что ты на Курта похож, – выдохнул я наконец, – потому и пристрелил автоматчика. А потом... зна-

ешь, наверное просто надоело. Мафия вся это слишком много власти взяла. Гм... не без помощи власти официальной.

– В ресторане сидел недавно, – пробило меня на откровенности, – туда мафиози зашли. Не эти... да какая разница! По хозяйски себя так... девицу у меня увели. Дрянь-девица, если по честному – дама полусвета. Но я слова против не сказал – страх накатил, липкий такой, противный... Потом подумал – а какого чёрта?! Я сквозь сельву прошёл не раз, на ножах дрался, воевал и убивал... А тут бандиты, и я их боюсь? А ты... извини, это скорее поводом стало, чем настоящей причиной. Отомстить хочу за свой страх, яйца вернуть.

– Воевать с ними открыто будет сродни подвигам Дон Кихота, – веско обронил испанец.

– Открыто? Нет... – оскалился я, – да и войны как таковой не будет. Так... несколько точечных ударов с дальнейшим переделом власти. Пусть бешеные собаки грызутся меж собой.

– Я с тобой, – решительно заявил Хосе, – где расписываться кровью?

Глава 24

Кровью подписывать ничего не стали, хотя каюсь, желание сыграть в посланца Силы, что вечно хочет Зла и вечно совершает благо¹⁰² велико как никогда. Настроение после перестрелки стало дурашливым не в меру, адреналин требовал выхода.

Сдержался, ограничившись вызовом на дом девиц лёгкого поведения. Домовладелец не одобрял подобных гостей, но в моём контракте такие вещи прописаны. Зато и просыпаться посреди ночи, вылетая к дверям с револьвером и дробовиком, потому как одному из жильцов что-то помстилось, пришлось четырежды с начала аренды!

По мнению пожилого еврея и остальных его квартиросъёмщиков, я – что-то вроде наёмного телохранителя, профессионального атлета. Ну раз полицейским рукопашный бой и стрелковые ухватки преподаю... Таким, как я не полагается быть излишне правильным и интеллигентным. Подозрительно это.

Регулярно вызываемые на дом бляди мирили мистера Коэна с тем фактом, что у меня нет сломанного носа, шрамов на лице и службы в армии или отсидки в недалёком прошлом. Молодой ещё, через десяток лет шрамами обзаведусь и про-

¹⁰² Гёте, Фауст.

фессиональным алкоголизмом...

Родригес оказался специалистом широкого профиля. В Испании широко известен в узких кругах как террорист-анархист, грабитель банков (исключительно на благое дело анархии) и профсоюзный деятель. На совести нового знакомого несколько правительственных чиновников да полицейских из тех, кто проворовался вовсе уж отчаянно. Банкиров же и членов их семей Хосе, махнув пренебрежительно рукой, считать отказался. Считать их людьми тоже...

В США официальные власти пока не имеют к нему официальных претензий.

Неплохой организатор, себя считает скорее бойцом Революции и главным достоинством почитает умение быстро разобраться в изменившейся обстановке и вовремя среагировать на изменение. Ну и сопутствующие навыки, куда ж без них...

Хосе метко стреляет из всех видов оружия, включая пулемёты и лёгкие горные пушки, обращается со взрывчаткой как профессиональный сапёр, водит любую наземную технику и отменно владеет навахой.

– Языки-то хоть знаешь, кузен? – Интересуюсь у нового приятеля после ухода девиц.

– Пять, – вяло ответил сильной нетрезвый испанец, закутанный после душа в халат, – да не свисти! Помимо родного испанского – португальский, итальянский, французский,

это родственные языки, тут ничего сложного. Немецкий с английским в школе ещё, не самой плохой, выучил. Я ведь из хорошей семьи!

Хосе кривовато усмехнулся, и стало ясно, что с семьёй у него не всё так просто.

– Так... – барабаню пальцами по коленке, – надеюсь, ты понял, что в Штатах тебе делать нечего? погоди! дай договорить, потом спорить будешь, если захочешь. Лански – это мафия, да не самый мелкий игрок.

– Я бы сказал, что один из самых крупных, – добавил слегка протрезвевшим голосом испанец.

– Тем более. Переиграть такого, да в США... нереально, а мучеником становиться глупо, не тот случай. Ладно бы правительство против тебя выступало, а тут – бандиты! Открестятся в Вашингтоне, хотя я бы заказчиками скорее их назвал.

– Я именно Лански дорогу перешёл. Как... долго и сложно, много чужих тайн зацеплю. Считай, деньги из кармана у него вытащил – грязные, игорные!

– Хм... тем более, отдохнуть тебе нужно, да за пределами США. В Латинской Америке бывал?

– Трижды, – кивает Хосе, – в общей сложности полгода.

– Так... документы я тебе сделаю, остались кое-какие знакомства. Не благодари! Работой отдашь, есть у меня дела в тех краях, да самому не с руки возвращаться.

Взяв Родригеса в долю, немного рискую, но именно немного. Если верно просчитал психотип, это человек из тех, что за друзей и Идею может взойти на костёр. На костёр его не пошлю, а вот поиск прииска по старинным картам – самое то...

Координаты помню с точностью до десятка километров, но глубина залегания и прочее осталось тайной. Места же там дикие и человек с талантами Родригеса, может оказаться очень полезным. Нефтяное месторождение всё-таки, большие деньги...

* * *

– ... врал, – киваю, видя возмущённые лица Берти и Зака, – ну а как вы думали? А почему я должен был говорить вам правду? Я изначально не желал ввязываться в эту историю, считая авантюрой. Вы уговорили открыть карты, вот и открываю.

– Мы думали, ты нам доверяешь?! – Возмущённо сказал Берти.

– С чего бы?! Мы родственники, друзья детства или члены одного студенческого братства? Нет? Так почему я должен вам доверять?

Спросив это, уставился на парней, поудобней усевшись в кресле и положив ногу на ногу. Растерявшись, она начали переглядываться.

– А ведь и не должен, – растерянно подытожил Зак, на что Берти, чуть поколебавшись, кивнул, – значит, не доверяешь?

– С недавних пор – чуть-чуть, – показываю пальцами, раздвинув большой и указательный на дюйм, – вот на столечко. Сказал про документы вам, да маячки в квартире установил...

Зак вспыхнул и начал вставать с кресла, но почти тут же задумался и медленно кивнул, сев назад.

– И как?

– Прошли проверку. Нет, вас не подозревал, не настолько я... Но проверить должен был, вдруг да ошибся? Не пару долларов на скачках поставить хочу, а большую часть заработанного потом и кровью состояния.

– Чужой кровью? – Ухмыльнулся Берти.

– Чужой, – ухмыляюсь в ответ так, что Берти ощутимо поблёл, – а раз не полезли, то и молодцы. Сами честны... относительно, да и не проговорились никому. Так?

– Никому! – Закивал Берти.

– Вот теперь разговор можно затевать серьёзный. Нефть. Откуда и как попали мне в руки данные, говорить не буду, – парни закивали, ощутимо побледнев. По-видимому, под впечатлением о чужой крови, – но там целый нефтеносный район.

– Чума! – Экспрессивно воскликнул Зак, оглядываясь на друга, – Ты слышал?

– Слышал, – глуховато сказал тот, кусая до крови губу, – а

удержим ли? Нефть это серьёзно, по мне так лучше золотой рудник – всё безопасней. В нефтяном бизнесе сейчас нравы слишком уж непринуждённые, съедят.

– Попытаются, – мягко поправляю я, – но по чести, проглотить такой кусок не надеюсь. Ухватить... и продать солидным игрокам, вот моя цель. Понятно, что нам захотят заплатить поменьше, а лучше получить всё это в подарок. Вот тут-то и нужны ваши связи. Не настолько ваши семьи могущественные, чтобы проглотить такой кусок самостоятельно... уж не обижайтесь.

– Да что там! – Охотно откликнулся Зак, которому явно полегчало после слов о семейных связях, – до Морганов и прочих нам далеко! Состояния старые и связи разветвлённые, но никак не мультимиллионеры.

– Этих связей будет достаточно, чтобы Рокфеллеры и прочие акулы не съели нас сразу и заплатили пусть не настоящую цену... но хотя бы солидную!

– Мм... это уже реально, – кивнул более прагматичный Берти, пока Зак лупил ладонью по подлокотнику и шептал громко:

– Мы станем миллионерами!

– Готов вложить пятьдесят тысяч фунтов, – кидаю козырь. У парней состояния побольше, но столько они не смогут выложить. Часть средств вложена в предприятия, откуда их не сразу-то и выведешь, а часть просто недоступна ранее определённого возраста или определённых условий. Женитьбы,

рождения наследников... не знаю, как там бабушки-дедушки наследство обговаривали.

– Весомо, – соглашается Берти, шевельнув верхней губой с короткими усиками-бабочкой, – и сколько?

– Половина, – рублю воздух ладонью, – и это не обсуждается! Если что, я лучше к мистеру Коэну обращусь – пусть у него таких финансов и нет, но связи немногим хуже ваших, да единоверцев своих подключит. В чём-то даже выгодней с ним работать, просто...

Деланная заминка и Берти понимающе кивает. Антисемитов в США много и выставив себя таковым, я вроде как даю парням небольшой козырь. На самом же деле ситуация много проще – Берти и Зак из старых семей. Их предки приплыли сюда на Мэйфлауэре¹⁰³ и это очень круто, что-то вроде титульного дворянства в Штатах.

Родственных связей у них – до чёрта! Не только сенаторы, но и президенты, деканы колледжей, миллионеры... Станем компаньонами, автоматом войду в высший свет США, пусть и на вторых ролях. Так-то при желании можно найти и других титулованных особ, но раз подвернулись эти, перебирать не буду.

– Я... подумаю, – произносит Берти, потеряв подбородок.

– Мы, – переглядывается с ним Зак, – мы подумаем.

¹⁰³ Судно, на котором приплыли основатели колонии Плимут.

Вершина транспортно-пассажирского самолётостроения выглядит эволюционировавшим бипланом и не внушает доверия.

– Локхид Вега¹⁰⁴, – важно сказал пилот, погладив обшивку, – лучший в своём классе!

– Это? – В голосе прорезался скепсис.

– Мистер, вы хоть раз летали? – Обиделся пилот, выпятив выскобленный подбородок со свежими бритвенными порезами. Вздыхая вместо ответа и лезу в салон, где уже разместились компаньоны.

Зак и Берти уже приложились и выглядят оживлённо.

– Эрик! – Радостно заорал Берти, салютуя фляжкой, – будешь?! Кузен Донни привёз из Франции.

– Давай, – отпив, усаживаюсь на прикрученную к борту откидную скамью, полный самых скверных предчувствий. Прокатиться на таком раритете дома не отказался бы, но многочасовой перелёт... увольте! Болтанка обещается знатная, а салон самолёта больше всего напоминает грузовую Газель, суженную и вытянутую в длину. Дизайн чуть получше, но комфорт примерно тот же.

– Щаз полетим! – Высунулся из кабины возбуждённый пи-

¹⁰⁴ Локхид Вега 1927 года перевозила ДО 6 пассажиров. Уровень комфорта можете представить сами.

лот, не выпуская сигару изо рта, отчего речь его оказалась несколько невнятной. Почти тут же затарахтел мотор, самолёт ощутимо завибрировал и полминуты спустя мы начали выруливать на взлётную полосу.

Разбег... пару раз подпрыгнув козликом, Локхид натужно взмыл в небо. Компаньоны, вцепившись в ремни, уставились в иллюминаторы, возбуждённо перекрикиваясь.

– Видел? Зак, ты видел?! Высотища!

Ответ Зака я не услышал, мрачно пялясь на удаляющуюся землю. Почти сразу в салоне потянуло холодными сквозняками, и надетая зимняя одежда перестала казаться глупостью.

Смотреть в иллюминаторы оказалось неудобно, приходилось стоять враскорячку или вставать на скамейку коленями. К тому же меня достаточно быстро начало ощутимо поташнивать. Мутило и компаньонов, но у тех тошноту пока перебивал восторг аэронавтов-неофитов.

– Ладно, я спать, – мрачно говорю парням, накачиваясь спиртным, – что?! Мутит меня, а в окно пялиться неохота!

Завернувшись в потёртую шубу из полярного волка, сшитую на неведомого великана, устроился прямо на полу и благополучно задремал. Время от времени просыпался от болтанки, ну и для посещения туалета – ведра с крышкой.

Компаньоны мои сидели зелёнькие и понурые, их уже прополоскало несколько раз, а алкоголь делал ситуацию вообще уж скверной.

– Сами настояли! – Говорю злорадно, глядя на унылые лица, – я предлагал морем или на поезде? Предлагал. Что вы мне говорили? Ретроградом обзывали... наслаждайтесь теперь прогрессом!

Отхлебнув из фляги, снова заворачиваюсь в шубу и засыпаю.

– Заправка! – Растолкал меня Зак, – ноги размять хочешь?

Скинув шубу и стряхнув унты, сую ноги в лёгкие ботинки и вываливаюсь из самолёта. Помятый, нетрезвый, со скверным настроением... Служащие аэродрома оббежали меня по широкой дуге, просто на всякий случай.

– Ещё каких-то шесть-семь пересадок¹⁰⁵, – возник рядом пышущий энтузиазмом пилот, – и мы на месте!

Сам не понимаю, как не прибил недоумка...

¹⁰⁵ Локхид Вега преодолевал расстояние ДО 890 км. Уточняю – это в хороших, скорее даже в идеальных условиях. Если приходилось огибать ураган или грозовой фронт или лететь при встречном ветре, расстояние могло сократиться весьма заметно.

Глава 25

– Чёрт! – Оскальзываясь на скользком после дождя парапете, хватаюсь за барельеф на стене с такой силой, что из-под ногтей выступает кровь. Добравшись до водосточной трубы, спускаюсь вниз и там, уже на земле, с тоской гляжу на окно третьего этажа – мне ещё назад забираться...

Ситуация, как в дешёвых авантюрных романах, но вот... в жизни так всё же бывает, хоть и нечасто. Оторваться от компаньонов нужно, причём так, чтобы те и не догадались. Так что сейчас я вроде как лежу в номере с расстройством желудка и к слову – оно есть, это самое расстройство. Не понос, что уже хорошо, но после трёх дней, проведённых в салоне самолёта, желудок болит.

Подобрав пиджак и трость, окидываю взглядом стоящее около высокой каменной стены дерево. Прыжок, и трость укладывается аккуратно на стену и развилку. Кривовато, ну да ничего – подтянуться, выход силой... и вот я на стене.

Опаски, что в Каракасе меня опознают, нет – если не буду высовываться из тени. Именно поэтому акция с нефтью разовая, в ближайшие лет десять возвращаться сюда не стоит.

– Рауль! – Поприветствовал меня Хосе при входе в кафе, – кузен! Какой ты взрослый стал...

Несколько минут занимает пустопорожний разговор, убеждающий всех присутствующих, что встретились кузены

из хороших семей. В ход идут клички школьных учителей, придуманные заранее подробности детских проказ и тому подобные вещи.

– Еле узнал, – понижая громкость, – сообщает Родригес со смешком, – никогда не подозревал, что твоё скандинавского типа лицо при надлежащем гриме может стать лицом истинного испанца из аристократии.

– Кто бы говорил, – возвращаю комплимент, – выглядишь как аристократ мелкого пошиба, пустившийся во все тяжкие. Алкоголь, девки, опиум...

Смеёмся, отпуская шуточки, но вот пришёл черёд серьёзного разговора.

– Много бойцов?

– Как считать, – неопределённо отвечает Хосе, – если проверенных товарищей, то два десятка. Знал бы ты, сколько трудов стоило собрать их здесь, не разглашая подробностей!

– Но ведь и куш хорош?

– Хорош, – кивает испанец, – процент от сделки при продаже нефти очень серьёзно. Десять процентов, как договаривались?

– Если твои парни не налажают, десять, – подтверждаю договорённости, – к слову, а непроверенных парней сколько?

– Помимо двух десятков товарищей? С главарями банд из барриос договорился, да десятка три отборных головорезов завербовал отдельно. Тут сам понимаешь, подсчёт вести сложно – слова главарей на десять делить нужно, да и дисци-

плина... Рассчитывать можно где-то на пятьдесят-семьдесят хороших бойцов – по местным меркам хороших.

– Редкостных психопатов, способных выпотрошить хоть кого, – перевожу я, на что Хосе кивает с кривой ухмылкой.

– И от сотни до трёх сотен бандитов масштабом помельче. Эти беспорядки могут устроить в городе, да в сельве массовку изобразить.

– Должно хватить, всё-таки заказывал с перехлёстом, с расчетом на местное раздолбайство и необязательность. Оружие, припасы?

– Всё на месте! В Каракасе несколько тайников, чтоб вскрыть по сигналу, если понадобится вдруг беспорядки устраивать. В сельве несколько партий стрелков из тех, что умеют воевать в тамошних условиях. Без дела не сидят, всё как положено – ловушки готовят, позиции для боевых действий. Четыре пулемёта и пушечку – устаревшую правда, Барановского¹⁰⁶, что ли...

– Для здешних сойдёт, – отмахиваюсь, – пусть даже наши потенциальные покупатели свою гвардию из Штатов привезут, основная масса-то будет из местных головорезов. Для них и устаревшая пушка, да с пулемётами... хватит!

Обговорив детали, возвращаюсь в гостиницу. Хосе, встав у каменной стены, приседает. Короткий разбег, запрыгиваю ему на плечи, испанец резко выпрямляется и вот я уже на верху стены. Помахав рукой, переваливаюсь в сад.

¹⁰⁶ Первая скорострельная полевая и горная пушка в мире, образца 1873 года.

Оказавшись наверху, переваливаюсь через подоконник и с минуту лежу на полу, не в силах встать. Не сказать, что боюсь высоты, но третий этаж в гостинице вознёсся на высоту метров этак тринадцати-четырнадцати, что уже солидно. Учитывая отсутствие страховки и ни хрена не спортивную обувь и одежду, риска слишком много. Но это часто так – влезешь в авантюру и только потом понимаешь, что ситуацию можно было повернуть к своей выгоде значительно более простыми способами.

* * *

... – Мазини! – Доносится сквозь шлем голос рефери, выкрикивающего имя соперника. Масштаб турнира мелкий, но антураж как у взрослых. Организаторы молодцы, всеми силами стараются повысить ранг соревнования, в том числе и безупречной организацией.

– ... пожали руки, – слова рефери пролетают мимо ушей. Есть у меня такая особенность – слишком сосредотачиваюсь на чём-то. Иногда помогает, иногда мешает... как это обычно и бывает.

Стукнувшись перчатками, начинаем кружить по рингу, прошупывая друг друга игрой корпуса и ложными выпадами. Почти сразу марокканец начинает давить, переходя в атаки. Ну да ожидаемо... марокканец, тренирующийся у марокканского тренера... пусть даже оба с паспортами Герма-

нии.

Клуб, который представляет мой противник, этнический почти на сто процентов, а это значит, что и школа – грубая, силовая. Марокканская. Не принята у них тонкая игра, всё построено на силовом давлении и превосходстве в физических данных. Бойцы жёсткие, сильные... но однообразные.

Уйдя в глухую защиту, прошупываю соперника в редких контратаках. Удары принимаю вскользь, а не на жёсткие блоки – наловчился ещё в уличных драках.

Марокканец не выдыхается, работая как машина. Но связи предсказуемы... В очередной раз дождавшись удара коленом при сближении, подсекаю опорную ногу – правила позволяют. И вдогонку! Зацепил вскользь, противник вскакивает почти сразу.

Снова кружимся, принимаю удары на блоки, атака почти всё время излишне резка, он едва не проваливается.

– Мельницу давай, – негромко говорит тренер в перерыве, – секунд десять выжди, начни раунд как и прежде, в обороне. А потом резко!

Угукнув, поправляю капу и выхожу после удара гонга. Марокканец не подвёл, всё та же силовая однообразная работа – резкая, концентрированная, атакующая. Выждав время, дожидаясь повторной атаки и начинаю мельницу. Отступая, встречаю одиночными и сдвоенными ударами, стараясь не сколько достать всерьёз, сколько разозлить.

Невнятно что-то зарывав, противник поддаётся на прово-

кацию, бросившись в атаку. Удары сильные, но излишне концентрированы – ставка на один нокаутирующий удар. Отступаю, отступаю... и на сближение, резко!

Двочка в голову, локоть марокканец принял на блок... Зато ливер открыт моим коленям. На, на!

Успеваю нанести несколько ударов, прежде чем марокканец отскакивает, извернувшись ужом. Не даю передышки, провожу лоу-кик по левой ноге. Марокканец на автомате дёргается, но печень всё ещё чувствуется и реакции не хватает. А по правой тебя! И ещё! Ещё! И контрольный в голову!

Рефери останавливает бой, отталкивая меня грубо. Пф... зачем? Я что, добивал его? Нет... мудила!

– Всегда поражался твоим победам, – восхищался Курт в раздевалке, – он ведь объективно лучше тебя! Как?!

– Мозги. Серьёзно, Курт. Я чемпион школы по шахматам, помнишь? Обдумывать, просчитывать ходы и самого человека – только так. Тактика, потом техника и только потом – сила, скорость и прочее.

– Ты мог бы чемпионом стать, – задумчиво сказал друг, – помогая одевать майку – рёбра всё-таки побаливали, – начни заниматься не трижды в неделю, а четыре-пять, да серьёзно...

– А зачем? – Перебиваю его, шнуруя обувь, – мне четырнадцать, расту ещё. Ну, стану чемпионом Баварии по тайскому боксу среди ровесников... а смысл?

– Деньги. Потом, когда взрослым станешь.

– Ага... сколько инвалидов на одного чемпиона, знаешь? Проищи, поищи... до хрена! Да и чемпионом, даже чемпионом мира, мало стать – удержать титул нужно. Они ж сперва по сути в долг тренируются – спонсоры, тренеры, массажисты, спарринг-партнёры... Выиграл титул, получил... ну, пусть полмиллиона, пусть даже миллион, больше новичкам никто не заплатит, будь он хоть сто раз чемпион. Собирают же с рекламы деньги, со зрителей и телезрителей, и собирают бойцы проверенные, потому и плата чаще всего ещё до боя определена. Не победителю, а тому, на чьём имени основные деньги собрали.

– В твоём исполнении это как-то скучно получается, – смеётся Курт.

– Так у меня и нет азарта, – пожимаю плечами и кривлюсь от боли, – просто спорт для саморазвития. Делать это образом жизни? Уволь! Стану я чемпионом или нет, большой вопрос, желающих и без меня много. А хорошо зарабатывают бойцы разве что из первой сотни.

– А эти... смешанные?

– Да хоть все вместе! Пусть даже тысяча достойно зарабатывает, и что? Рвутся-то туда миллионы! Прикинь, какая конкуренция? Строить на этом карьеру... не, я не марокканец! Сам знаешь, гимназию я потяну, а с ней и университет¹⁰⁷, это надёжней!

¹⁰⁷ В Германии поступление в университеты плотно завязано на том, в какой

Тренер молчал, вздыхая.

– Уж не знаю, хвалить тебя или ругать, – начал наконец он, – зачем до второго раунда тянул? Мы ж против марокканской школы две недели работали, технику тебе ставили. Зачем после этого разведкой увлёкся, жертву из себя изображал? Что, не помнишь, как перестарался с Альбертом и он тебя уложил?

Ответить могу много... по факту, я не просто дерусь на ринге, но и проверяю свои навыки, своё умение просчитывать людей. Но и тренер прав – не раз из-за этого по башке получал, не только на ринге.

– Умный ты слишком, Антон, – в сердцах произносит мужчина, – нет... как там русские говорят? Заумный! Так много ума, что вечно усложняешь самые простые вещи! Эх...

* * *

– Ни черта себе! – Вырвалось у Зака. Парень оглянулся на нас, сдвигая на затылок соломенную шляпу, – это кто? Наши...

– Специалисты по сельскому хозяйству, сеньор, – с боль-

школе ты учился. После обычной школы поступить в университет практически невозможно, народ идёт всё больше в училища – техникумы по нашему. Правда, германские училища превосходят большую часть русских университетов.

шим достоинством доложилась Большой Пепе, сверкнув золотыми зубами и свежим фингалом.

– А это, я так понимаю, сельскохозяйственные инструменты? – Едко поинтересовался Зак, тыкая носком штиблета в приставленную к ноге Пепе винтовку.

– Ты в ударе, друг мой, – откровенно скалю зубу, – такая прозорливость заслуживает уважения!

Берти в сторонке откровенно смеялся, закрывая лицо шляпой.

– Ох... не могу, парни... Я когда нашим буду эту историю рассказывать... ну, потом, разумеется! Но ржать будут! Пепе, друг мой... я могу тебя так называть?

– Да, сеньор, – отвечивал Пепе с большим достоинством, шевельнув внушительным пузом и пулемётными лентами, примотанными к оному. Мексиканец отчаянно напоминал революционного матроса, загулявшего сразу после революции. Огромное сомбреро, щедро украшенное яркими ленточками и образками святых добавляло колориту.

– Слава богу, – искренне сказал Берти, – твой образ, Пепе, будет отпугивать страшилищ из моих ночных кошмаров.

– Рад буду помочь, друг мой, – с достоинством ответил Пепе, отчего уже я спрятал лицо за шляпой.

Пепе порекомендовал мне Родригес, охарактеризовав того наилучшим образом.

– Не обращай внимания на маску дурачка, – серьёзно сказал испанец, – умнейший человек, даром что грамоту еле-

еле освоил.

– А его не обижают? – Спрашиваю с некоторым сомнением, – с маской дурачка?

– Что ты! Стрелок отменный и силен как бык, а пообщаешься немного, так и полюбишь его. По маской дурачка скрывается не только острый ум, но и золотое сердце.

– Скрывать-то зачем?

– А... толком не знаю, но была там какая-то тёмная история, ещё в детстве. Несколько лет Пепе умалишённым пришлось притворяться, ну и... прилипло немного. На эпатаж внимания не обращай, он моё доверенное лицо. Никто о том не знает, кроме тебя. Если вдруг что – выслушай его со всей серьёзностью.

– Ясно, Швейк мексиканского разлива.

Объяснять не пришлось – Гашека, как выяснилось, знают и в Испании. По крайней мере, леваки.

– Боюсь представить наших агрономов, – протянул Зак, – или как главные специалисты называются?

– А какая у них сельскохозяйственная техника, – закатываю я глаза. Головорезы откровенно скалят зубы, видя что наниматели не против пошутить, – пошли, парни – покажу.

Прогулка впечатлила компаньонов крепко.

– Да... – протянул Берти, – серьёзная у нас... плантация. Случись что, оборону против полка держать можно.

– Местного? Запросто, даже парочке противостоять сможем.

– Думаешь, дойдёт до такого, – откровенно мандражирует Зак.

– Вот чтобы не дошло, здесь и нужны такие парни, – отвечаю чуть-чуть вскользь. Проба нас на прочность весьма вероятна, боевые действия между компаниями в Латинской Америке не редкость, да и правительственные войска применять не стесняются. Бывает и так, что командиры разных полков воюют за разные кампании... Но это если в стране вообще уж бардак, нам это не грозит.

– Сложно было? – Интересуется Берти. Пожимаю плечами... ну как сказать, сложно или нет? Для меня сложно, но выполнимо – знаю местные условия, куда обратиться... Местным уроженцам было бы и вообще плёвым делом, а Заку и Берти – невыполнимо, несмотря на все родственные связи. Сопляки они ещё, не заматерели – видно это, оттого и отнеслись бы к ним наплевательски.

– А ну как тянуть время начнут с покупкой? – Прикусывает Зак губу, – Мы такое... такой сельскохозяйственный батальон долго содержать сможем? Заблокируют территорию, да начнут давить.

Вижу условленный знак рукой от Берти и ухмыляюсь, говоря нарочито громко – специально для шпиона.

– Блокировать? Ну-ну... Здесь только треть специалистов по сельскому хозяйству, начнут давить, так вышки в округе запольхают!

Несколько минут ведём разговоры на эту тему, потом Зак

расслабляется.

– Всё, ушли.

– Вот это дельце, – в один голос говорят компаньоны и переглянувшись, смеются.

Смеюсь и я... шпион? Возможно, я по своей привычке усложнил задачу, даже скорее всего. Шпион тщательно отобранный и протасченный в лагерь, несмотря на препоны. Задача у него двойная – поторопить заинтересованных лиц с покупкой нефтеносного участка и... дать Берти и Заку возможность поучаствовать в Приключении.

На первый взгляд звучит это нелепо, но одно дело – парни придут на готовенькое, вложившись исключительно финансово и отчасти – связями. И совсем другое, когда они прочувствуют интригу, понюхают порох... да в моей компании!

Совсем другие отношения будут. Не просто компаньоны с общим бизнесом, а друзья, пережившие вместе опасные приключения. Переигравшие вместе финансовых воротил. Вырвавшие зубами прибыль – вместе со мной. Совсем ведь иное отношение...

Глава 26

Зак с автоматом смотрелся смешно и противоестественно, как котёнок с сигаретой. Среднего роста, довольно-таки худой и узкоплечий, с большой кудлатой головой, выглядел он воинственным одуванчиком. Гелем, как большинство мужчин в этом времени, мазать голову Зак перестал, взяв пример с меня. Стригся бы ещё покороче... Он вообще начал потихонечку перенимать мои привычки, явно взяв за образец для подражания.

Берти чуть органичнее – по крайней мере ясно, что человек держал в руках оружие. Немного позирует с карабином, будто перед фотографом, но видно – умеет, оружие для него привычный инструмент.

– С детства стрелять любил, – довольно сказал он, поймав мой взгляд, – с отцом на ранчо часто на сусликов охотились.

– А Зак?

– Кузен? А... мамаша его, между нами, та ещё штука. Вечно в астрале – то мистикой какой увлечётся, то ещё чем. Ну и сына в том же духе воспитала, оторванным от мира. Он даже в школу не ходил, дома занимался.

– А отец что? Насколько слышал, он тот ещё...

– Второй брак, – усмехнулся Берти кривовато, – наследники уже есть, разница в возрасте с супругой больше двадцати лет, скорее даже под тридцать. Вот и махнул рукой. От

первого брака у него трое и все хваткие. А Зак так... щеночек. Наследство в фондах, не промотает.

– Знакомо, – усмехаюсь чуть, не продолжая разговор. В двадцать первом веке таких щеночков с избытком.

– Команданте¹⁰⁸! – Прибежал взволнованный Пепе Маленький, двенадцатилетний племянник одного из бандитских вожakov, с малолетства приставленный заботливым дядюшкой к делу, – радист кричит, что есть сигнал!

Срываюсь с места, придерживая тяжёлый карабин. Грязь под ногами скользкая, растительность выбита тяжёлыми армейскими ботинками и сапогами.

– Ну!

– Есть, сеньор команданте! – Частит радист, улыбаясь щербато и блестя возбуждённо глазами. Нервничающий технарь, старающийся не высовываться из полутёмной хижины и с опаской поглядывающий на вооружённых головорезов, наконец-то смог подтвердить свою пользу!

– Повтори! – Выслушиваю кодовую фразу внимательно, – никаких искажений?

– Нет, сеньор команданте! – Звучит уверенный ответ с нотками еле уловимой обиды.

– Общий сбор! – Рываю Пепе Маленькому и тот, лихо приложив руку к обвисшему выцветшему берегу, уносится

¹⁰⁸ Воинское звание в испаноязычных странах (также означает в ряде случаев «комендант», «командир», например, командир воздушного судна). В испанской армии звание считается равнозначным званию майора, в венесуэльской армии – званию подполковника.

прочь. Беретом мальчишка дорожит – что с того, что подарок одного из бойцов изрядно обветшал? Зато пробит настоящей, всамделишной пулей! Счастливый берет, вот!

– Общий сбор! Сеньор команданте сказал общий сбор, – разносится на весь лагерь его звонкий голос. Через несколько минут перед штабом, служащим также жилищем мне с компаньонами, построились нанятые головорезы.

Время реагирования... смотрю на карманные часы со вздохом – более пяти минут. А деваться некуда, это далеко не советская армия, где одевались, пока горит спичка. И не армия бундестага, и... в общем, сброд как есть, пусть и опасный. Нет других в Латинской Америке, просто нет!

Ситуация усложняется тем, что между некоторыми отрядами существует напряжение – вплоть до вспыхивающих драк и поножовщин. Нанимал с учётом личной неприязни, стараясь не брать вовсе уж враждующие банды. Но и так...

Они себя позиционируют как ЧВК¹⁰⁹, но бандиты по сути, с неизменными делёжками территорий, нанимателей и прочего. Пришлось развести их подальше друг от друга, отсюда и результат.

– Воины! – Начал я, заложив руки за спину и прохаживаясь вдоль криво составленного строя. Военная форма без знаков различия, широкополая шляпа с заломленными полями, огромный Маузер на правом боку и сабля на левом – всё как и положено по здешним канонам. Вожаки банд на

¹⁰⁹ Частные Военные Компании.

такое великолепие аж слюной капают. Вождь!

– Настал тот час, ради которого мы здесь собрались. Люди с горячими сердцами и крепкими руками, привычные держать оружие и не боящиеся никого, кроме Бога!

Речь написана заранее – в здешних вкусах и с учётом психологии высокопримативных¹¹⁰ особей. Отрепетирована потихонечку и кажется, не зря! Головорезы полны энтузиазма и потрясают оружием, а всего-то на деле – будет стычка, по результатам которой отличившиеся получают премии.

– Фотография на память! – Громко объявил Зак, вытаскивая огромный фотоаппарат на треноге. Потратив с полчаса на фотографии всех наёмником вместе и разных банд по отдельности, ещё немного подняли энтузиазм головорезов. Отличившимся обещают индивидуальные фотографии, с надписями на память – что-то вроде благодарственных грамот.

Шаг нехитрый, но в здешней глубинке одна-единственная фотография на стене – уже признак если не роскоши, но где-то рядом. Зажиточность, намёк на зажиточность будущую или хотя бы тень благополучия былого.

Проследив, чтобы отряды заняли оборону, удаляемся в штаб.

– Ф-фу... – с облегчением скидываю пропотевший китель, – Зак, полей воды на спину! Ох, хорошо...

¹¹⁰ От слова «примат», то есть люди, близкие к первобытному, живущие эмоциями. Слово ненаучное, но вполне ходовое. Так же можно перевести как «отморозки».

Компаньоны следуют моему примеру, пропотевшие кителя отправляются на вешалки, просохнуть на сквозняке.

– Сильная речь, – одобрительно говорит Берти, вытаскивая сигару, – как здешние...

Жестом показываю ему захлопнуть рот и он проделывает это с лязгом.

– Виноват. Забыл, что и у стен есть уши, – покаянно говорит компаньон тихонечко, – ну и как тебе наши храбрые... эээ, воины?

Пожав плечами, откидываюсь на спинку плетёного кресла-качалки, начиная тихонечко раскачиваться.

– Ожидаемо. Даже чуть лучше ожидаемого. Мои люди наняли действительно лучших.

– А твои люди, это кто? – Не понял Зак момента, – я всё время то спросить забываю, то Берти меня перебивает.

На наших с Берти лицах мелькнули одинаковые улыбки.

– Опять что-то не то сказал? – Тоскливо протянул Одуванчик, выдыхая, – и что на этот раз?

– Мои люди, Зак. Мои. По разным причинам они хотят иметь дело только со мной.

– Понял, что ничего не понял, – подытожил Зак грустно, как никогда напоминающий маленького щеночка, наделавшего лужу на ковре и не понимающего, за что же любимый хозяин ругает его?

– Я тебе потом растолкую, – вздохнул кузен.

– Буду благодарен, – просиял Одуванчик совершенно дет-

ской улыбкой.

* * *

– Сделал, – устало доложил невысокий баск, потирая ноющее запястье, – дорога заминирована, бочки с нефтью расставлены. Такая пакость получилась, что аж самому страшно. Полыхнёт... как бы ответка нам не прилетала, Хосе.

– Не прилетит, – уверенно ответил Родригес, скрестив под столом пальцы, – На нефтеносный участок выдвинулись боевики, а не представители компании.

– Боевики... уже лучше, – устало отозвался баск, – ладно. Хитрый у тебя план, брат! Брать деньги у одних капиталистов для уничтожения других капиталистов!

– Слишком хитрый, – ворчливо сказал другой анархист, – так и запутаться немудрено. Я мыться и спать, будить только в случае нападения!

Родригес только вздохнул, провожая взглядом галдящих соратников. Видит бог, он настоящий анархист до мозга костей! Но как же не хватает порой его товарищам дисциплины, принятой у троцкистов и коммунистов советского толка¹¹¹!

Не хочется врать товарищам, но приходится. Многие не

¹¹¹ Видов коммунизма много, в Европе их принято уточнять. Далеко не везде и не всеми считалось (и считается) что коммунизм = советский. Так, многие считают Ленина не «настоящим» коммунистом, а социал-демократом.

умеют держать язык за зубами, да в большинстве своём и не считают нужным. Храбрецы, готовы отдать жизнь ради торжества анархии... но болтливы. А если вовсе уж откровенно, то зачастую и не слишком умны.

* * *

Заполошная стрельба с запада сменилась взрывами гранат, и атака наёмников Рокфеллера на наш лагерь сорвалась.

– Больше тридцати трупов, команданте! – Радостно доложил гонец, – мы сражались как львы!

– Наших сколько полегло? – Хмурю брови, изображая волнение за своих парней.

– Двое, сеньор, – принимает гонец опечаленный вид. Зная латиноамериканские реалии – потери наступающих семьдесят человек, включая тяжелораненых или тех, кого сочли таковыми, да двое убитых у нас и бог весть сколько погибнет от ран чуть погодя.

Киваю благосклонно и достаю бутылку кофейного ликёра, всю в золотых выставочных медалях. Налив гонцу и себе по небольшой рюмке, предлагаю тост:

– За храбрых парней и скорую Победу!

Гонец, гордо расправив сивые усы, бережно принимает ценный напиток здоровой рукой и цедит с видом знатока. Знаю уже, что будет потом рассказывать своим.

– Пил с самим сеньором дорогуший напиток. А вкусный

какой! Вы, парни, такого и не нюхали, ну может сеньор капитан... так на то он и капитан!

Причём независимо от того, понравился ли ему ликёр или нет! Главное здесь – ОН пил, а ВЫ – нет. Элита, избранный – пусть и на минутку.

Едва гонец вышел, компаньоны заулыбались, но от комментариев воздержались. Выплёвываю ликёр на земляной пол и полощу рот – гадость, но вот поди ж ты, для местных за элитное считается. Приходится соответствовать.

Анархисты Родригеса сорвали атаку ЧВК Рокфеллеров, превратив дорогу к нефтеносному участку в дорогу смерти. Почти полторы сотни отборных наёмников погибло жутко, inferнально. Но остались и местные головорезы, классом пониже.

Атака продолжается третий день и скоро должна прекратится – так или иначе. Ещё день-два и власти Венесуэлы не смогут делать вид, что ничего не происходит, больно широко разошлись слухи. До бесстыдства американского Госдепа двадцать первого века здесь далеко, приходится соблюдать хотя бы видимость приличий.

За эти три дня пришлось с десяток раз посетить линию фронта, воодушевляя бойцов речами и личным участием. Ничего такого, если честно – просто пафосные речи, да несколько раз посылал пули в темноту, лёжа в кустах.

Сомневаюсь, что кого-нибудь убил и не уверен даже, что в той стороне вообще кто-то был... Но парни воодушевились,

для них я теперь настоящий команданте. Не просто наниматель, а предводитель, пусть и не Вождь. Меньше мыслей о предательстве...

... но главной гарантией от смены стороны для бандитских главарей служат анархисты. Никто из бандитов не знает, что за страшные и таинственные у меня союзники и сколько их – Родригес нанимал бандитов по своим каналам, а кто и как ему помогал... Честно, даже не подозреваю.

Среди местной аристократии, особенно молодёжи, полно анархистов, а возможность укунить Рокфеллеров может соблазнить и представителей старшего поколения. Есть у последователей Кропоткина¹¹² и проверенные связи с военными, полицейскими, чиновниками. Анархисты участвуют в каждой заварушке, так что в вечно беременной революции Латинской Америке они свои.

Таинственных союзников бандиты боятся, впечатлившись огненной смертью рокфеллеровского ЧВК донельзя. Смерть от пули и ножа головорезов не особо страшит, а вот такая, да ещё неведомо от кого... Главари подозревают, что в их отрядах есть мои глаза и уши, и к слову – подозревают правильно.

Бандиты рангом пониже считают, что среди моих союзников не только люди, но и духи – суеверий здесь полно и связь

¹¹² Князь Пётр Алексеевич Кропоткин (9 декабря 1842, Москва – 8 февраля 1921, Дмитров) – русский революционер-анархист, учёный географ и геоморфолог. Исследователь тектонического строения Сибири и Средней Азии и ледникового периода. Известный историк, философ и публицист, создатель идеологии анархо-коммунизма и один из самых влиятельных теоретиков анархизма.

с духами считается чем-то совершенно естественным.

Хвастаются подобными вещами многие, и что самое интересное, сами же в это верят. Испанский фольклор тесно переплелся с местным, индейским, и породил массу новых, подчас необычайно интересных баек. Народ здесь всё больше неграмотный, в лучшем случае читать-писать умеют – самое то для распространения суеверий.

В хижину влетел камешек, обёрнутый бумагой.

– Стоять! – Змеёй шиплю на Зака, бросившегося подобрать. Разворачиваю записку палочкой, корявыми буквами В доме не ночевать. Чиркнув зажигалкой, поджигаю бумагу.

– Покушение, парни, – тихонечко сообщаю компаньонам.

– Хм... может, на позиции? – Предлагает Берти неуверенно, – да каждый из нас в разные отряды.

– Дельно, – киваю одобрительно, – так и поступим.

– Я бы телохранителей из разных отрядов набрал, – неожиданно добавляет Зак, – Что?! Вроде как гвардия. За день-два они договориться не успеют, так что если предатели и попадутся, вряд ли у них что выйдет.

– Великолепно! – От избытка чувств Берти хлопает кузена по плечу, – идея, достойная самого Макиавелли¹¹³! Тогда давай кости подбрасывать, чтоб на волю случая.

– Не пойдёт! – Оспариваю его, – лучше именно гвардию,

¹¹³ Никколо Макиавелли, итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель. Прославился написанным трудом «Государь», в котором оправдывал применение любых средств ради сильной государственной власти.

то есть лучших. Даже если предатель и попадётся, остальные-то на премию будут рассчитывать, бдить!

Вечером разошлись на самые ответственные участки, мне по жребию выпал отряд Хименеса. Капитан его, молодой ещё мужчина, выглядел польщённым, особенно после совместного распития спиртного.

– Вы хороший боец, сеньор, – начал он дипломатично, – но парни у меня хорошие, а лезть вперёд...

– Не буду, – заверил его, – мне присмотреться хочется к твоим парням. Возможно, потом будут ещё дела – не на постоянной основе и не обязательно со мной...

Хименес отреагировал на лесть, как моряк Папай в мультиках на съеденный шпинат. Развив бурную деятельность, он моментально вспотел от волнения.

– Не волнуйтесь, капитан, – говорю как можно мягче, – мне нужно посмотреть, как ваши люди взаимодействуют между собой в сложной обстановке.

Главарь притормозил на несколько секунд, переводя мысленно слишком сложную для себя словесную конструкцию, и немного успокоился.

* * *

– ... власти Каракаса на нашей стороне, – уверенно говорит напористый, молодой ещё адвокат Энтони Мур. Несмотря

ря на молодость, законник излишне упитан, потлив, одышлив и выглядит заметно старше своих лет.

Широко зеваю в ответ и молчу, поуютней устроившись в кресле с кружкой кофе. Прошедшая ночь прошла без сна, пришлось пострелять и поползать по кустам. Отбились без особых потерь, кроме трёх убитых... но лично меня беспокоит больше припухшая после укуса сороконожки левая рука.

– Не стоит, мистер Мур, – я откровенно зеваю, прерывая речь. Зак, отвечающий у нас за медицинскую часть, перестарался и вколол мне морфин. Не заторчал... уже хорошо, но вместе с обезболивающим эффектом пришло равнодушие. Мне сейчас действительно плевать на представителя Рокфеллера.

– Мистер Ларсен, вы не понимаете...

– Это вы не понимаете, – отвечаю, разглядывая ставшие необыкновенно интересными ногти, – вспомните гибель вашей гвардии. Неприятно, правда? Представьте теперь сюрпризы такого рода на нефтяных месторождениях.

Снова зевок...

– Не стоит давить, мистер Мур.

– Мистер...

– А мистер Рокфеллер прекрасно понимает фразу Ничего личного, только бизнес, в ином случае его фамилия звучала бы не так громко. Не пострадал никто из его родственников, не пострадал его бизнес и репутации. Мы всего-то хотим по-

лучить за свою землю достойные деньги.

При слове достойные Мур оживился, услышав возможность торга. Всё-таки достойные деньги звучит немного не так, как реальная стоимость.

– Пять миллионов долларов, – в очередной раз повторил Берти, – Пять! Миллионов! Долларов! Вложить эти деньги с умом и можно не думать больше, что я из младшей ветви семьи.

Не отвечая, поднимаю стакан и опиваю. Выгорел. Несколько недель отчаянной аферы, принёсшей богатство, принесло и... Не знаю, нервное истощение, наверное. Третий день плывём в первом классе роскошного пассажирского парохода и ничего, никаких эмоций, только страшное опустошение внутри. Потом эмоции наверняка появятся, а пока... тянусь за бутылкой.

Глава 27

Неделя новичков в университет Нью-Йорка началась традиционно – с экскурсий и обзорных лекций. Несмотря на то, что с университетом знаком уже не понаслышке, посещаю мероприятия с удовольствием.

– Эрик! – машет профессор Шарнье, – рад тебя видеть! Решил всё-таки поступать?

– Ну а как же, – не обращая внимания на прислушивающихся к разговору студентов, обвожу руками, как бы охватывая территорию кампуса, – кто хоть раз побывал здесь, разве может отказаться от мечты?

Немного пафосно, но хорошо соответствует моменту, ну и небольшой плюстик в копилку отношений с профессурой университета не помешает. Да и кто сказал, что я вру? Нью-Йоркский университет прекрасен, что подтвердит каждый, кто хоть раз видел его!

– На кого учиться решил? – Интересуется Шарнье, – так и не определился?

– Разрываюсь, проф! Написал список интересных для меня профессий, сел вычёркивать – знаете, как адвокат дьявола¹¹⁴. То не то и то не это... так всё равно больше десятка

¹¹⁴ Со времен средневековья в католической церкви существует такой обычай. Когда церковь решает канонизировать, то есть признать нового святого, устраивается диспут между двумя монахами. Один всячески восхваляет умершего "му-

позиций осталось. Сел тогда по профессорам, и знаете... – развожу руками, – ничего вычеркнуть не удалось!

– Загляни потом ко мне, – профессор кладёт ладонь на предплечье и заглядывает глаза, добавляя громким, театральным шёпотом, – с парой бутылочек токайского. Мы с Ланцером попробуем помочь твоей проблеме, вместе поработаем адвокатами дьявола.

– Спасибо, проф!

– Семья? – Негромко поинтересовался черноволосый худой парнишка, когда профессор отошёл.

– Нет, личные знакомства.

– С профессурой? – Парнишка слегка приподнял бровь, явно сомневаясь, что столь приятельские отношения у будущего студента с профессорами могли эволюционировать без посторонней помощи. Кастовость американского общества куда мягче европейского, но и здесь есть деление не только по имущественно-сословному признаку, но и возрастному.

Приподнимаю слегка бровь в ответ, но отвечать даже не собираюсь. Постояв немного, парнишка вспыхивает и отходит.

Жёстко? Враг на ровном месте? Нет... просто нежелание тратить время впустую. По одежде и по манерам это выхо-

ченика" или "угодника"; это – "адвокат божий" ("адвокат" – от латинского слова "адвокаре": призывать на помощь). Другому же поручается доказывать, что канонизируемый немало грешил и недостоин такого высокого звания. Этот-то спорщик и называется "адвокат дьявола". То есть ГГ выискивал негатив в списке профессий.

дец из средне-низшего класса – мелкие клерки, учителя не самых престижных муниципальных школ и так далее.

По обрывкам разговоров, которые чутко ловлю, при-
творяясь беспечным наблюдателем, чернявый намеревает-
ся пойти по стопам родителей, став школьным учителем.
Не совсем понятно, зачем ради карьеры школьного учителя
рваться в далеко не дешёвый университет, когда достаточно
провинциального колледжа... ну да это его дело. Возможно,
мечтает получить место в школе классом повыше или иметь
шанс вырасти до директора. Неинтересно...

Воспитание у меня в общем-то советское, пусть и отполи-
рованное жизнью в Германии. На классовое происхождение
особо не оглядываюсь, был бы человек хороший, да воспи-
тание соответствующее.

Этот ёжик бестолково-агрессивен. Правдолюб, докапыва-
ющийся до тех, кому в жизни повезло больше – родитель-
скими ли связями и деньгами, характером, умом.

Пойти в реальную оппозицию или совершить поступок та-
ким не хватает духа, с возрастом из них вырастают желчные
сутяги, ханжи и сплетники. В Европе подобных ему более
чем достаточно... а этот чернявый – типаж ярко выражен-
ный, фактически эталонный.

В качестве врага... неинтересен, мелкокалиберный. В ка-
честве друга или хотя бы знакомца тем более.

Судя по всему, так считал не один я, среди новичков пол-
но парней за двадцать. Многие из них сами заработали себе

на учёбу, и явно предпочтительней в качестве знакомцев.

– Грей Эллиот, – минуту спустя подошёл долговязый те-
хасец с неистребимым акцентом, – в недавнем прошлом ка-
валерия США.

– Эрик Ларсен, вольный стрелок из Уругвая, датского
происхождения и гражданства, – отвечаю в тон.

– Мы тут с парнями обнюхаться малость успели, – дёргает
он подбородком на группу таких же жёстких молодых муж-
чин, – ты вроде как из нашей породы.

Ненавязчивое приглашение прозвучало, но сразу отзы-
ваться нельзя. Несколько секунд смотрю на них и наконец
улыбаюсь слегка, склоняя голову.

– Я тоже успел... обнюхаться, – говорю весело, – с осени в
Нью-Йорке, успел уже познакомиться с парнями из студен-
ческих братств и кое с кем из профессуры.

Грей с еле уловимым облегчением чуть кивает и компания
жёстких парней подтягивается к нам, негромко представля-
ясь по одному.

Момент сейчас сложный, нужно изначально поставить се-
бя как безусловного Альфу. Дать слабину, и всё – ты уже не
первый среди равных.

Не то чтобы они мне остро нужны... пока. В будущем та-
кие вот крепкие парни, прошедшие огонь и воду, могут ока-
заться кстати. Не знаю пока, зачем... но команду формиро-
вать нужно уже сейчас.

Согласившись на знакомство и озвучив, что в Нью-Йорке

не новичок, я косвенно предложил им покровительство. Это не отменяет возможную дружбу, но дружба – это когда-нибудь потом, может быть. А отношения в стае лучше выстроить сразу, чтобы не было недопониманий в дальнейшем.

* * *

– В команду пробоваться будешь? – Поинтересовался Берти вечером, когда мы встретились в небольшом ресторанчике перед походом в театр, – парни в курсе, что ты в полиции борьбу преподавал, интересуются.

– Куда? – Вяло ковыряя бифштекс вилкой, интересуюсь у приятеля.

– А куда угодно! – Смеётся тот, – про полицию они и раньше в курсе были, ты ж особо не скрывал, да и с нами не раз пил. Команда по борьбе¹¹⁵ в тебе точно заинтересована.

– Не... рефлексы другие, – отвечаю так же вяло, – я скорее в стиле джиу-джитсу, бокс немного.

– Я так и сказал, – заулыбался Берти, отпивая вина, – но всё равно зайди, ладно? Им любопытно твои ухватки на себе ощутить, а тебе что – лишними такие знакомства кажутся? Кстати, что вялый такой? А... девица небось горячая попалась!

– Если бы. Перестрелка вчера была на Манхеттене, слы-

¹¹⁵ В США если после слова борьба не следует уточнения, подразумевается всегда борьба вольная.

шал?

– Все газеты... погоди-ка, ты каким боком?!

– Да никаким! Миссис Рошаль из девятой, дай ей бог здоровья и главное – ума побольше, решила почему-то, что сейчас беспорядки в городе начнутся. Вроде как по образцу знаменитых беспорядков времён Гражданской во время призыва. Дура-то она дура... но громкая! Не только меня с мистером Коэном подняла, но и половину жильцов. Они-то ладно, а я вот с оружием в холле сидел полночи, чтоб им спалось спокойней.

– В который раз уже? В третий?

– Третий после приезда, – уточняю, – думаю съезжать к чертям. Деньги есть...

– Погоди ты с деньгами! – Перебил меня Берти, задумавшись, – слушай... идея на миллион! Ты ж спортсмен не из последних, так? В университете тебя уже знают немного, я кое-что поведаю о нашей Латиноамериканской эпопее – своим разумеется, не всем подряд. Сюда же спортивные таланты и я не я буду, если за тобой братства не выстроятся.

– Братства, это конечно здорово, – тяну я в сомнении, – но думал присмотреться сперва и может быть – на будущий год вступать. Да и как мои жилищные проблемы связаны с Братствами?

– Дома Братств, – удивился Берти чуточку напоказ, – как же ещё? Сам же жаловался, что пристойное жильё за разумные деньги не найти. То просят слишком много, то соседи

сомнительные, то далеко... А поживёшь у нас в Братстве, так и квартиру поищешь заодно. Ты не думай, у нас хорошо! Комнаты у каждого своя... нормально! Да и знакомства другие, может кто из парней чуть погодя сам тебе квартиру предложит.

– Гм... – кусаю губу, – так-то не против, но есть одно большое Но.

– Испытания новичков? – Понимающе заулыбался Берти, – не переживай! Ты что думаешь, мы к каждому с одними мерками подходим? Одинаково? Одно дело ты, привыкший первым делом бить морду и тянуться за пистолетом...

– Ножом, – поправляю его, – сперва нож, потом пистолет, а кулаки так... на ринге разве что.

– Тем более! И другое – Зак...

– Он что, тоже в Братстве?!

– В этом году будет вступать, – кивнул собеседник, – уже малость освоился в нормальном обществе. Видишь, какие люди разные в Братствах? Тебя вот на излом попробуешь, так и схлопотать по морде можно... если не ножом по горлу! А Зака так и сломать можно. Нет... у нас толковые Старейшины, к новичку каждому индивидуальный подход!

* * *

– Сразу оговорюсь, парни, – объясняюсь с борцами, разминаясь одновременно, – всё это лучшее-худшее единобор-

ство считаю бредом. К борьбе лично я отношусь очень уважительно, она и как спорт хороша и на улице, случись что, выручит.

– Сам-то тогда зачем этими... – покрутил кистью здоровяк Мэттью, – штучками.

– Мне в юности не до спорта было, а все эти штучки, они как раз прикладные – для улицы и войны.

Кивают понимающе, американцы в этом времени в большинстве своём драться умеют и ничуть не боятся. Едва ли не любой мальчишка, за исключение редких тепличных особей вроде Зака, десятки и сотни раз дрался один на один и толпой – банда на банду. Драки и жестокие подростковые разборки с делением на своих и чужих – важная часть культуры.

– Многие приёмы у меня жёсткие, такие в спортивной схватке не применишь, – продолжаю объяснять, – так что давайте покажу сперва их, а потом обговорим правила.

– Всё понятно – пробасил Мэттью десяток минут спустя, – до первого удачного касания работаем. В торе ты меня не особо пробьёшь, а вот в горло или в коленку удивить можешь.

Полчаса спустя полицейскую систему рукопашного боя из двадцать первого века признали годной, лучше всяких там джиу-джитсу.

– Сразу видно, европеец придумал, – одобрительно гудел Мэтт, заботливо прикладывая к моему глазу завёрнутый в

полотенце лёд, – никакой мистики хреновой, всё по делу. На ковре так не лучше борьбы или бокса, но на улице я бы на тебя поставил. Так, парни?

Парни отозвались одобрительным гуденьем, новую для себя систему оценили достаточно высоко.

– Да борьба и на улице немногим хуже, – с некоторым сомнением отозвался тяжеловес Рой, – не против ножа, понятно...

– Это тебе лучше, – задиристо сказал Ларри, – а мне с весом мухи самое то! И заметили, парни? Здесь не нужно быть силачом, этой... системой и в сорок лет заниматься можно, когда совсем уже стариком станешь!

– Ничего так, – вынес вердикт заглянувший на шум тренер Келсо, – для улицы годится. А ты... Эрик? Пройдём на стадион, глянуть хочу, на что ты способен.

Выразительно дотрагиваюсь до фингала, намекая на состоявшийся нокдаун и не лучшую форму для занятий лёгкой атлетикой, но тренер неумолим.

– Бегунами Маккормик занимается, но проверить тебя и я могу. Давай! Ясно, что на рекорды ты сегодня не пробежишь, потенциал глянуть хочу.

– Теперь с места, – без тени эмоций сказал Келсо, записав результаты забегов в блокноте. Подойдя к прыжковому сектору, пробую ногами поверхность – не скользит ли? Лёгкой атлетикой особо не увлекался, но когда всю сознатель-

ную жизнь занимаешься спортом, сложно не нахвататься по верхам.

Ноги для меня важнее всего – хоть в цирковой период, хоть позже – в период активных занятий единоборствами. Да и позже, когда единоборствами стал заниматься исключительно для поддержания формы, пришло увлечение паркуром¹¹⁶. А там и бегать, и прыгать...

– Одиннадцать футов без двух дюймов¹¹⁷, – странным голосом говорит тренер, – ещё.

Прыгаю снова и сам вижу, что результат сравним, пусть и чуть меньше первого.

– Занимался лёгкой атлетикой?

– Так... – пожимаю плечами, – немного. Всё больше единоборствами да паркуром.

– В футбол играл?

– Конечно! А... американский... нет, только в европейский. В регби ещё, но нечасто. Я больше в баскетбол.

– И хорошо?

– Тренер, – опускаю чуть голову набок, – я так понял, что впечатлил?

– Более чем, – вздыхает Келсо, ероша остатки волос на

¹¹⁶ Искусство рационального перемещения и преодоления препятствий с использованием прыжковых элементов, как правило, в городских условиях. Красивости, это уже фриран.

¹¹⁷ Приблизительно 3 м. 29 см.

голове, – Ты хоть знаешь, что прыгнул почти на рекорд¹¹⁸?

Открыв было рот, медленно закрываю его... вот так и проваливаются шпионы. То, что было едва ли не нормой для хорошо тренированного физкультурника в двадцать первом веке – рекорды начала века двадцатого.

– Ты подумай, – продолжил тренер, не подозревающий о моих метаниях, – быть в команде университета – очень престижно. Конечно, заниматься нужно с отдачей, но и от университета отдача будет, ты уж поверь! Спортсменов знают и любят, им куда проще войти...

Мотнув головой вверх, Келсо замолк, глядя выжидающе. Дилемма... спорт будет отнимать время, нужное для учёбы и вранья в местное общество, зато и вранье это будет идти значительно проще. Вроде как. Или нет?

– Я... мне нужно подумать, тренер.

¹¹⁸ На Олимпиадах с 1904 по 1908 год включительно была такая дисциплина, как прыжок в длину с места. Рекорд – 3,47 см. Современный рекорд – 3,73 см. Но не стоит считать ГГ выдающимся атлетом – так, современные штангисты, не увлекающиеся вообще-то прыжками, нередко «вылетают» за пределы расстояния в 3,40 см.

Глава 28

Братья Алиевы зажали нас в районе Ораниенбургской улицы в центральном районе. Туристы, бродящие здесь стадами, ничуть не смущали турок. Район этот, несмотря на туристическую популярность, достаточно криминальный, случаев ограбления, а то и изнасилований среди бела дня предостаточно.

Сперва турки, а потом и выходцы из Африки приучили местных, что спешить на помощь нельзя! Для выходца из какого-нибудь Марокко сдвинутые понятия чести, вынесенные из провинциальной глубинки полудикой страны, куда важней европейских законов. Отсидка в комфортабельной немецкой тюрьме, да с поддержкой землячества... курорт!

Вот и привыкли местные обыватели и туристы не спешить на помощь при криках помогите... Есть, конечно, отдельные храбрецы – немцы и европейцы отнюдь не такие рохли, как показывают по российскому ТВ. Но пределы допустимой самообороны в Европе ничуть не менее вывернутые, чем в России. Да и положительная толерантность к мигрантам и их потомкам на законодательном уровне сказывается не лучшим образом.

– Кино! Не мешайте, снимается кино! – орали помощники режиссёров туристам, – ведите себя максимально естественно, снимают скрытые камеры!

Не все в толпе поверили крикам смуглых помощников режиссёра, тем более акцент... но проще уговорить себя, что ты не трус, это кино!

Пробиваемся через толпу, расталкивая людей, сами туристы расступаются неохотно. Трое подростков-европейцев не внушают ни уважения, ни опаски. Другое дело, бегущие за нами откормленные боевики из спортивных мусульманских клубов.

Все как один рослые, здоровые парни, не занимающиеся ничем, кроме тренировок и таких вот... акций.

– Стой! – Слышу голос на чистом немецком, – поймаем, хуже будет.

Над головой пролетает банка с газировкой, с силой впечатавшись в стену дома.

– Мохаммед, – выдыхает Курт, – немец... обрезанный...

Ситуация страшная, такие вот омусульманенные ренегаты в Германии перестали быть редкостью. И бог бы с ними, с ценителями мирного ислама. Есть такие, есть... но есть и другие, прельщённые романтикой борьбы. В определённом возрасте людям всё равно за что бороться, лишь бы драйв, движуха...

Одни приходят к анархистам, другие к неонацистам, третьи... вот, бежит Мохаммед, белобрысый фанатик-исламист с арийскими предками. Как многие неофиты, он склонен кому-то что-то доказывать... жестокость и отсутствие тормозов поражают.

От того, что он вместе с Алиевыми, ещё страшней – отморозки ещё те. Не убьют... наверное, но фантазия у них богатая, в руки лучше не попадаться. Говорят, что татуировка шлюха на лбу Мирки из десятого – их работа. Доказать ничего не удалось, но нам и косвенных данных хватает.

– Давай! – Выдыхает Курт, сворачивая резко в сторону подворотен, – делай как я!

Один из домов в подворотне украшен многочисленными выступами и лепниной. Курт, скинув скользкие, но такие неуместные туфли, начинает восхождение вверх. Недолго думая, вместе с Лемке следуем за ним.

Основы паркура знаем, как собственно, большая часть подростков из не вполне благополучных семей. Ну а с моим прошлым тем более...

– Шайзе! – Ругнулся Лемке, когда в бок ему попал брошенный кем-то из турок кусок мусора, – чуть не сорвался!

Неожиданно открылось окно и показалась усатая физиономия.

– Давайте, парни! – Престарелый спаситель, крепко пахнувший лекарствами, помог влезть в свою квартиру, и вовремя.

– Спасибо, – выдыхаем почти одновременно, – нам скорее наружу, через крыши уйдём!

– Вам скорее сидеть, – сурово рявкает дед, шевельнув усами, – я этих ваших ушлёпков не боюсь и не боялся! На русском фронте выжил и в русском плену, а тут в родной стране

– уголовники турецкие!?! Да я лучше последние годы в тюрьме проведу за их убийство, чем позволю преступным иностранцам преследовать наших ребят!

Достав ружьё впечатляющего калибра, старик споро зарядил его и засуетился.

– Полицию я уже вызвал, давайте пока чаю. Вот... конфеты есть...

Герр Мюллер суетился и хлопотал вокруг, а я не мог отделаться от странного ощущения, будто в мире что-то пошло не так...

* * *

– Факультет искусств... хм, – покусав губу, – всё-таки вычёркиваем. Приспичит, можно будет на лекции походить ради развития кругозора.

– Остались экономика, юриспруденция, химия и инженерные направления, – подытожил профессор Ланцер, кидая на кафедру влажную тряпку, – по юриспруденции могу помочь с решением прямо сейчас.

– Весь внимание!

– Есть желание заниматься политикой или публичной деятельностью?

Отрицательно мотаю головой, на что Шарнье смеётся, оставив бокал в сторону.

– Минус, – произносит Ланцер, выводя его мелом на дос-

ке. Заниматься юридической практикой? Тоже нет? Тогда зачем тебе может понадобится юриспруденция, поясни.

Задумываюсь, произвольно сложив ладони домиком. А действительно, зачем? Честно наград... добытые деньги ныне в Швейцарии. Фонд, который купил другой фонд, который купил частный банк... Схема запутанная, но достаточно надёжная, выйти на владельца, то есть меня, проблематично даже Рокфеллеру.

Не то чтобы у того нет возможностей... есть, ещё как есть! Просто в финансовом мире не принято слишком пристальное внимание к таким фондам. Нехорошо это, не по правилам.

Крупный капитал часто балуется подобным образом. Уход от налогов, возможность иметь средства, движение которых не смогут проследить конкуренты и так далее.

Имея собственный банк, можно продолжить потихонечку инвестиции в месторождения. Осторожно, не привлекая внимания... запутаю следы – благо, знаю как. Имея большие средства, можно влиять на политику и экономику в больших масштабах. Если всё пройдёт удачно, году этак к тридцать третьему¹¹⁹ получится стать песчинкой...

Инженерные специальности интересны, но... возиться в мастерских и лабораториях самому, имея масштабный фи-

¹¹⁹ Год прихода к власти Гитлера. К слову, насквозь незаконный – с использованием административного аппарата, подтасовок и прямого устранения конкурентов.

нансовый инструмент, попросту глупо. Это эскапизм¹²⁰ какой-то, а не попытка изменить хоть что-то в надвигающейся Мировой Бойне! Проще нанять специалистов, указав им нужную дорогу.

Ковыряться в мастерской, пытаясь получить новый двигатель, кубик рубика или более подвинутую версию акваланга, особенно не будучи технарём по образованию и имея только самое приблизительное понимание как оно должно получиться... глупо. Интересно, но глупо. В конце-концов, можно выбрать это в качестве хобби.

– Экономика. Спасибо, господа.

Профессора переглядываются и смеются:

– Знал бы ты, как часто мы помогаем молодым людям сделать нужный выбор! – С ностальгией говорит Ланцер и они снова смеются.

* * *

Герберт Херман вышел из больницы и подставил лицо под дождь. Капли воды, смешавшись со слезами, стекали по его щекам на воротник дешёвого пиджака. Только что в бесплатной больнице Нью-Йорка умерла дочь, маленькая Эва...

Мысли в голове самые безрадостные, жить не хочется.

¹²⁰ Эскапизм, эскепизм, эскейпизм (анг. *escape* – убежать, спастись) индивидуалистическо – примиренческое стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий.

Мигрант, в поисках работы перебравшийся после поражения Германии в США, он так и не прижился здесь.

Жена умерла от туберкулёза два года назад, а сегодня и дочка... Машина одного из приближённых Меера Лански сбила девочку на тротуаре. Тощая пачка денег на лечение, тут же вытащенная из кармана бандитом, не помогла ребёнку выжить.

А пока дочка лечилась, Герберт всеми правдами и неправдами добывал средства. Бандитская подачка быстро закончилась, да и было их... так, карманные деньги не слишком крупного бутлегера¹²¹. Средства быстро закончились, а из имущества остался только дешёвый костюм да древний револьвер с двумя патронами. Только застрелиться...

Нащупав в кармане револьвер, мужчина усмехнулся криво.

– Удачно... – негромко сказал он, вытаскивая оружие и приставляя к виску, – всё меньше работы служителям морга.

– Лучше бы с пользой, – донёсся равнодушный голос на немецком.

Повернув голову, Херман увидел пожилого мужчину с явственно офицерской выправкой, кричащей о поколениях прусской муштры.

– Да что вы знаете... – вырвалось у Герберта, на что офицер только усмехнулся криво уголком рта.

¹²¹ Подпольный торговец спиртным во время действия Сухого закона в США в 1920-е – 1930-е самогонными спиртными напитками.

– Знаю? Знаю, что если люди начнут не стреляться и травиться, а уходить из жизни, забрав с собой обидчика, мир станет намного чище.

Двадцать минут спустя Герберт сидел с дешёвой закуской и рассказывал прусскому офицеру историю своей жизни.

– Люди Лански? – Нахмурился пруссак, – и здесь он... Может, это и к лучшему. Хотите уйти пусто или как воин?

Заданный в лоб вопрос заставил мужчину опешить замешкаться, глаза офицера давили.

– Как воин, – медленно сказал наконец Херман, решив для себя всё. Благодарю, герр...

– Без чинов! – Прозвучал ответ, уверивший бывшего ефрейтора, что перед ним как минимум отставной майор, – кем на фронте?

– Пулемётчик, – сидя выправился немец. Офицер сжал тонкие губы в полоску.

– Что ж... тем лучше. Тем лучше...

Старый, но вполне надёжный пулемёт Максим у окна квартиры, пять тысяч патронов в лентах к нему, запасной ствол, вода в кожаном. Усмехнувшись, Герберт погладил пулемёт ласково, как бывало, гладил свою таксу.

Карабин Манлихера в углу, патронов почти две сотни. Люгер с двумя обоймами, гранат пять штук. Дюжина банок консервов, вода в канистрах.

Всё, как тогда, на войне. Долговременная огневая точка. С такими запасами... Предусмотрительный герр майор... настоящий немец! Не понадобятся запасы, но... а вдруг!? Порядок прежде всего!

Прильнув к биноклю, мужчина уселся на стуле, поглядывая на дверь клуба. Сухой закон породил множество химер, и одна из них – вроде-как-тайные-клубы, в которых можно получить выпивку не в чайных и кофейных чашках, а как положено – в стаканах и бокалах.

О существовании клубов знают все, и где они находятся – тоже. Но правила игры диктуют своё и клубы вроде как скрываются, переезжая время от времени.

Вот и этот, излюбленный Лански, расположен в не самом презентабельном спальном квартале. В нормальном районе попробуй пронести пулемёт, пусть даже и в разобранном виде, без габаритного противоположного щитка! А здесь всем наплевать, а если кто и заметит, то боязливо закроет глаза, ведь все знают, что этот район держит Лански и соответственно – это его люди. Ну а кто ж ещё!?

– Зашевелились, – пробормотал немец, напрягая зрения, – кто... нет, мимо пока. Подождём...

Постоянно грызя зёрна кофе, спать мужчина не хотел, а сердце колотилось, как после пробежки к вражеским окопам. Ждать пришлось почти до самого утра, но вот наконец и Лански... это лицо сложно перепутать.

Выйдя из клуба, один из влиятельнейших мафиози нена-

долго стал на тротуаре, что-то с улыбкой рассказывая красивой женщине. Слова его прервала тяжёлая пуля, попавшая прямо в голову, а затем короткие очереди прошли по всем, стоящим у входа.

Меньше тридцати секунд понадобилось пулемётчику на уничтожение почти полутора десятка человек. Небольшой перерыв... и пулёмёт застрекотал снова, разнося неподвижные тела в клочья.

Замолк... минута, другая... и вот из бара выскакивают служители и бандиты, крича что-то на нескольких языках. Херман опознал итальянский, идиш и... русский? Ах да, Лански русский еврей...

Дождавшись, пока у входа накопится должно число людей, немец дал длинную очередь и, выждав немного, кинул из окна гранату. Как раз должны подбежать бандиты к подъезду...

* * *

– Неслыханная бойня! – Первое, что я услышал, выйдя из парадного. Заметив мой интерес, мальчишка-газетчик подбежал, тараторя быстро на плохом английском, – неизвестный пулемётчик уничтожил более полусотни мафиози!

– Давай, – протянув ребёнку доллар, отмахиваюсь от сдачи, и тот убегает ошарашенный. Первую полосу газеты занимает статья о случившейся бойне и фотографии тел –

ярко, броско, со всем подробностями...

Штраф за подобную чернуху внушительный, но и эффект каков! Готов поспорить, что сегодняшний номер разойдётся невиданным тиражом. С некоторой тревогой ищу имя исполнителя... ага...

– Взорвал себя гранатой при попытке ареста. Хорошая смерть, Херман...

Глава 29

– Добро пожаловать в Фи Бета Каппа, кандидаты, – вещал с балкона общежития президент братства выстроившимся перед домом новичкам, – этот день вы запомните навсегда! Кто-то будет вспоминать его с ностальгией, ну а другие – как самое больше разочарование в своей жизни! Хочу предупредить, что не все из вас пройдут испытания и потому запомнят эти месяцы как самые унижительные и неприятные в своей жизни. Месяцы, которые не хочется вспоминать... месяцы, которые потратили зря.

– Здесь и сейчас вы можете отказаться, – вступил старейшина, – и у вас не будет пяти месяцев унижений и неприятностей. Многие успешные политики и предприниматели нашей страны не были членами Братств...

Старейшина неожиданно заржал, чуточку напоказ.

– Хотел соврать ради спокойствия слабаков, но не вышло. Мало таких, парни... мало!

– Испытания могут показаться вам бессмысленными, жестокими и унижительными, – снова президент, – и я хочу уверить вас... что так оно и есть!

Действительные члены братств засмеялись и заулюлюкали, всячески развлекаясь за наш счёт.

– Так оно и есть, парни! Но одновременно мы будем смотреть – как вы справляетесь в сложных ситуациях. Насколько

вы находчивы, смелы, готовы выручить члена братства.

– Хочу напомнить, – подхватил старейшина, – что все здесь присутствующие прошли через испытания. Прошли их большинство президентов, сенаторов, конгрессменов, успешных предпринимателей, инженеров и учёных. А успешными они стали во многом потому, что взобраться наверх помогли им старшие члены братств, которые помнили их новичками. Помнили как людей находчивых, смелых... Как своих братьев!

– Станете ли вы нашими братьями, увидим через пять месяцев, – подытожил президент, нехорошо усмехнувшись.

Слова Берти о переезде в дом братства оказались несколько... преждевременными. Комфортабельный особняк с прислугой предназначался исключительно действительным членам братства, новички сюда попадали исключительно для развлечения старших.

Впрочем, всё это я знал заранее, так что особо не расстраивался. Да и проходил уже схожую программу в Берлинском университете... но в ежедневнике записал Отомстить Берти по-крупному. Забыть и отомстить ещё раз. Такую рассеянность нужно наказывать.

Берти, оказывается, отвечает в братстве за набор перспективных новичков, вот и нашёл перспективного меня. Уважаю такую преданность братству... но мы-то в недавнем прошлом компаньоны, которые прошли через реальные опасно-

сти и заработали большие деньги! Вместе.

Так что... преждевременных выводов делать не буду, но для Берти братство однозначно важнее меня. Галочку в мысленном ежедневнике...

– Жаба! – Прохаживающийся вдоль ряда из одиннадцати новобранцев старейшина вглядывался в лица и давал клички.

– Опоссум!

– Сопля! – Это Зака...

– ... Команч¹²²! – Это меня так припечатали, по мнению старейшины – метко и обидно... немного смешно.

Теперь, согласно законам братства, нужно представляться не как Эрик Ларсен, а как Команч Эрик Ларсен. Да-да... при знакомстве с девушками тоже, и преподавателям представляться именно так.

Прикрепив жетон новичка к шляпе, жду дальнейших указаний. Не мелочь, нет... новичок должен быть виден издалека, чтобы его можно окликнуть и послать за поручением. Или покуражиться перед девушкой, не без этого.

– ... пей, пей, пей! – Скандировала толпа и я пил. Одно из испытаний братства, да... Проверка – сколько ты можешь выпить не теряя человеческого облика? Сколько вообще? И

¹²² Напоминаю, толерантностью тогда и не пахло, по тем временам прозвище звучит достаточно унижительно.

шантаж, не без этого.

Выпив порядка трёх литров пива, пьяненько улыбаюсь и воплем, – Вау! – раскидываю руки с оттопыренными большими пальцами в стороны.

– Ты так? – Подошёл улыбающийся Берти, внимательно заглядывая в глаза.

– Нормально, дружище, – показываю чуть большую степень опьянения, чем есть на самом деле. Не скажу, что очень уж устойчив к алкоголю, но как и любой студент со стажем, знаю массу мелких хитростей, позволяющих пьянеть не так сильно. Ну и свою дозу знаю, не без этого.

– Замечательно, – и тут же, без перехода, – а теперь танцуют все новички!

Очень театрально члены братства начали расступаться волной, открывая ровную площадку и стоящих рядышком улыбающихся чернокожих музыкантов. Повинуясь взмаху рукой, музыканты заиграли чарльстон, и Берти толкнул меня на площадку.

Наверное, выпитое пиво оказалось с добавками, и как я позже догадался, не совсем алкогольными. Так или иначе, но тело задвигалось под быструю музыку, и это однозначно не был чарльстон.

– Вот Команч даёт! – Одобрительно выкрикнул через полминуты худенький парнишка в сдвинутой на затылок шляпе, – не знал, что дикие аборигены могут так дрыгать ногами!

После слов комментатора послышался хохот, но вполне

одобрительный. Танец пусть и не был знаком членам братства, но движения его вполне укладывались в существующую ныне танцевальную культуру.

– Силён! – Восхитился президент, – ну а чарльстон?

Киваю пьяненько (и чего это меня так ведёт?!) и показываю движения чарльстона. Не сказать, что я прямо-таки мастер, но в двадцать первом веке был завсегдаем клубов, не пропускаю танцы и здесь. Больше года в этом времени, была возможность научиться!

Дальнейшее видел уже будто со стороны, с трудом контролируя тело-марионетку. Если бы не опыт медитативных практик, даже не знаю, как далеко бы зашло... тело.

– Вставай, – растолкал меня Зак, сонный и взъерошенный, со слипающимися глазами, – тебе к Маккормику сегодня.

– Твою... – начал было ругаться я, но компаньон сунул мне в рот тост с поджаренным яйцом и пихнул в спину.

– Ванна там. Братство вызвало такси¹²³, машины будут через десять минут. Давай!

Душераздирающе зевнув, Зак обдал меня непередаваемым ароматом перегара и нечищенных зубов и отправился будить остальных.

– Я всю ночь не ложился, – доложил он мне зачем-то, –

¹²³ Вечеринки братств могли (и могут) быть совершенно непотребными, но традиции требуют, чтобы новички (если это только не часть испытания) вовремя являлись на занятия.

моё задание на сегодня – разбудить и доставить вас на учёбу и стадионы.

* * *

– Братство? – Понимающе хмыкнул Маккормик, завидя мою помятую физиономию в строю будущих спортсменов, – ты не рухнешь на бегу от сердечного приступа?

– Не... – вяло мотаю головой, – ток разомнись.

Похмелье потихонечку проходило, спасибо выпитым таблеткам от головной боли и главное – фляжке с коньяком. Окосел немного на старые дрожжи, ну да ничего, прорвёмся!

Проведя тщательную разминку, на которую некоторые спортсмены посматривали с пренебрежением, собрался. Испытания пока простые – прыжки с места в длину, метание копья и диска, прыжки в высоту и в длину с разбега, забеги на короткие дистанции... всё, что можно сделать быстро и оценить подготовленность спортсмена в общем.

– Силён, – задумчиво проговорил тренер, меряя рулеткой результаты прыжка, – мне Келсо говорил, да признаться, не поверил ему. В команду по футболу пойдёшь?

– В этом году точно нет.

– Братство, – понимающе кивает Маккормик, чуть скривив упитанную усатую физиономию, – да... времени у новичков оно много отнимает. Ладно, не буду настаивать. Но в сборную по лёгкой атлетике я тебя записываю, и не возра-

жай!

* * *

Максим напивался – медленно, но методично. Пил он третий день, не в силах соотнести заскорузлую реальность с романтическими мечтаньями.

Детство его пришлось на конец восьмидесятых и начало девяностых. Время, когда героями становились бандиты, белогвардейские офицеры и антисоветчики. Белогвардейщина Парахина не зацепила, а вот антисоветчина прошла по краешку души, приняв образ ленинской гвардии.

Прадедушка-революционер, репрессированный в страшных тридцатых, считался в семье безусловно романтическим героем. Родственник всё-таки. Соответственно – невинная жертва, оклеветали...

Аппарат Коминтерна, в коем и работал Прохор Семёнович до ареста... работает сейчас... выглядел в глазах Максима таким блистательным Молохом Революции.

Сотрудники его сплошь Че Гевары и Фидели, такие романтические барбудос¹²⁴. Подготовка революций в других странах, добыча ценных разведанных с риском для жизни... Люди, безусловно смелые и благородные, не думающие о себе.

¹²⁴ Бородачи. Так называли партизан Фиделя.

Жизнь в спортивной школе-интернате, армия и зона романтический флёр ленинской гвардии даже не приглушили – задавили! Да и бандитская жизнь не способствует поискам справедливости для всех, а не для избранных.

Попадание в эти романтические времена всколыхнули воспоминания детства. Когда Максим созрел для поисков агентов, ожидания его были теми – детскими.

Реальность же оказалась куда прозаичней. Прежде всего, выйти на след коминтерновцев оказалось до обидного просто. Они даже не скрывались...

Совершённая в тысяча девятьсот двадцать третьем году попытка переворота в Германии, в которой Коминтерн принимал самое деятельное участие, казалось бы, обязывал коминтерновцев к тщательно маскировке.

Но нет... они спокойно посещали отделения коммунистической партии Германии, митинги социалистов и, вот уже верх идиотизма – праздновали в ресторанах дни рождения и другие знаменательные даты. Вместе!

А ещё почти были если не родственниками, то близкими друзьями или как минимум хорошими знакомыми¹²⁵... Да быть такого не может, чтобы агенты спецслужб не переписывали участников таких вот посиделок! Достаточно установить слежку за единственным коминтерновцем и он приве-

¹²⁵ Желаящие могут поискать сами, информация эта не секретная. Даже съезды Коминтерна описываются как встречи хорошо знакомых людей, да и про разветвлённые родственные связи упоминается, хотя почему-то мельком.

дёт тебя к остальным.

Вот и как верить потом детским воспоминаниям о ленинской гвардии? Если только о гвардии, как о янычарах... гвардии Российской Империи образца восемнадцатого и начала девятнадцатого века, без которой не обошёлся ни один переворот или цареубийство! Каста.

Тронь одного и получишь всеобщий бунт, к которому присоединятся придворные – как же, родственников обижают! И улыбаются натужно императоры выходкам пьяных¹²⁶ гвардейцев, а знаком высочайшего неудовольствия остаётся ссылка в родное поместье.

Исправно идут чины, выслуга лет с пелёнок, премии... за лояльность! За отсутствие бунта вот прямо сейчас, за спокойствие императорской семьи...

– Блять! – Гранёный стакан полетел в стену, оставив влажную вмятину на обоях и разлетевшись на осколки, – да что же это за хрень!? Какие, на хрен, разведданные?! Либо пиздёжа много про ценные источники из Коминтерна, либо данные так же свободно текут и от Коминтерна... по родственному, блять!

Трясущимися (от злости, исключительно от злости!) руками мужчина налил себе грамм пятьдесят крепкого спирта

¹²⁶ В дневниках императоров и членов их семей описаны случаи, когда приходилось снимать часовых во дворце по причине того, что они не могли стоять на ногах. Никаких последствий шалунам. После подавления восстания декабристов гвардию слегка приструнили. Пить на посту (до отключки) они практически перестали, как и участвовать (явно, напоказ) в политических заговорах.

ного напитка на горных травах и выцедил через плотно сжатые зубы, пролив добрую половину.

– Это что получается, – вслух рассуждал Максим, – там же агентуры вражеской должно быть немеряно, при такой-то работе! Вербуй, не хочу... А раз агентуры, то организовать обмен данных несложно... непонятно, правда, в чью пользу¹²⁷. И что-то мне говорит, что ни хера не в пользу СССР! Раз уж так начало войны встретили... И дед...

В стену полетела стопка, а мужчина сел, обхватив голову руками. Когда ломаются детские представления о чём-либо, больно и обидно. Но вдвойне обидней, когда кумир детства, героический прадед, оказывается то ли приспособленцем и подлецом, то ли прекраснодушным идиотом...

¹²⁷ По самым приблизительным подсчетам за первые десять лет своего существования Коминтерн получил 30 млн бумажных рублей, более 31 млн золотых рублей, ценностей на 63 млн рублей, две сотни миллионов марок, десятки миллионов лир и крон, около миллиона долларов. Колоссальные по тем временам суммы, особенно для нищей страны. Отдельно (как минимум в сравнимых величинах) шли иные ценности – меха, дефицитные продукты, выделялись и строились здания для нужд Коминтерна. Деньги тратились в основном на хорошую жизнь деятелей Коминтерна, жили они на широкую ногу.

Глава 30

– Никак не могу привыкнуть к твоим переодеваниям, – хмыкнул Родригес, разглядывая меня, – такой ашкеназ¹²⁸ получился, на загляденье! Кем в следующий раз предстанешь?

Пожимаю плечами, я и сам не знаю, да и... надо ли? Хосе могут вести и не учитывать возможное наличие заинтересованных наблюдателей просто глупо. Под маскировкой даже анархист узнаёт меня только по росту да условленным знакам.

Возникнут вдруг сомнения, так пуцу вперёд с полдюжины мужчин моего роста и типажа, ФБРовцы или мафиози не смогут не среагировать нужным образом. Благо, при наличии денег это несложно, прикормил уже с десятков парней – инкогнито, разумеется.

Подкидываю изредка деньжат, да прошу то мелькнуть где-то, то припугнуть кого. Планово-убыточное предприятие ради успокоения паранойи. Но... я не я буду, если они мне ещё и прибыль приносить не начнут!

Сам же Хосе... так-то всё может быть, но недаром он носит с собой яд. Что уж там было в его прошлом, не знаю, но тюрем и плена боится с тех пор панически – настолько, что готов покончить жизнь самоубийством. Не лучшая характе-

¹²⁸ Ашкеназы (ивр. אַשְׁכְּנַזִּים, ашкеназім; ед. ч. ашкеназі) – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся в Центральной Европе.

ристика с точки зрения психолога, но для Бондианы – самое то.

Заурядное забегаловка, полупустая по рабочему времени. В углу для не белых¹²⁹ сидит парочка уставших чернокожих мужчин, вяло жующих оладьи и обсуждающих боссов. Полицейский шутит за стойкой с продавцом – зашёл получить привычную дань в виде бесплатной булочки и кофе.

Мы с Хосе выглядим как два мелких торговца, явление насквозь знакомое и понятное. Для достоверности выкладываю на обшарпанный стол дешёвый чемоданчик с образцами канцелярской продукции. Анархист очень серьёзно перебирает их со скептическим видом прожжённой канцелярской крысы.

– Что за дело-то? Неужто предложишь канцелярские скрепки распространять?

– Большое, – с излишне дружелюбной улыбкой типичного коммивояжёра протягиваю интересный образец шариковой ручки, – нужно устроить войну между ирландской и еврейской группировками мафии.

– Что?!

– Ладно, на пять процентов дешевле! – Нивелирую домашней заготовкой выкрик Хосе, – если будете брать большую партию, то на десять! Но учтите, партия должна быть

¹²⁹ Расовая сегрегация в то время соблюдалась в Штатах довольно строго. В некоторые заведения чёрных (китайцев, индусов) не пускали вообще или же для них предусматривалась отдельная от белых зона.

серьёзной!

Полицейский теряет интерес, смерив напоследок ироничным взглядом мой слегка засаленный от долгой носки костюм.

– Объяснять, зачем нужна эта война, нужно?

– Нет, – Родригес начинает перебирать образцы продукции более интенсивно, – когда итальянская и еврейская мафия нашли общий язык, независимые профсоюзы первыми почувствовали негативный эффект такой смычки. Будет в Штатах не единая мафия, а пять-шесть враждующих, профсоюзам и социалистам станет жить немного проще.

– Сто тысяч фунтов¹³⁰, – выкладываю козырь, – при необходимости добавлю.

– Сто... – Хосе откидывается на спинку стула, – солидно.

– Не сразу, – уточняю на всякий случай, – сперва десять тысяч, а как докажете свою возможность решать проблемы, так последуют дальнейшие вливания. Сразу говорю – не буду требовать отчёта досконально, только в общих чертах. Нужно – подкупай, переплачивай в два-три раза за услуги.

– Сложно... сложно, но реально, – задумчиво ответил анархист, – Меер твоя работа? Хотя нет, не отвечай! Не важно, ты ли это начал или намереваешься только подхватить знамя... берись!

¹³⁰ Примерно 500 000 долларов. ОЧЕНЬ большая сумма по тем временам. Покупательская способность по отношению к доллару современному примерно 1 к 25, а местами и выше. Это при том, что уровень жизни тогда был значительно скромнее.

– Отлично. Теперь другое... посмотрел я недавно на скаутские лагеря, и грустно стало... Капиталисты нашли возможность работать с молодёжью, формируя мышление в нужном ключе.

– Мы работаем...

– Знаю, знаю! А как ты смотришь на то, чтобы расширить охват? Представь себе лагеря по образцу скаутских, только что не дети, а молодёжь студенческого возраста. Лет хотя бы...

– От шестнадцати, – подхватил анархист, – а я сам в четырнадцать идеями социализма заинтересовался, но это редкость. А в шестнадцать самое то, ребята к этому времени успевают поработать и понять, какой же несправедливый мир вокруг.

– Тебе видней, – спорить нет желания. Привитые в двадцать первом веке убеждения кричат, что в этом возрасте они ещё дети, что нужно учиться и развиваться... Но время сейчас другое и реалии немного не те. Да и сам...

– Лагеря, где молодёжи будут разъяснять немного политику – не анархизм! Социализм вообще, заработай себе и анархическому движению немного очков в глаза приверженцев других социалистических идеологий.

– Не анархизм, но лагерь от анархистов? – Хмыкнул Хосе, – это само по себе будет отменной агитацией.

– На то и рассчитано. Курс – недели три, как и положено нормальному скаутскому лагерю. Бокс, борьба... тут указы-

вать не буду, кто из хороших тренеров под рукой окажется, того и берите. Всё равно за такое короткое время серьёзных бойцов не сделать. Так... самооценку немного поднять.

Протягиваю листочек с начерно набросанным планом.

– Здесь вкратце. Физическая подготовка по большому счёту не нужна, но важна как часть подготовки психической.

– Это ясно, – пробормотал Хосе, бегло пробегая строки глазами, – тяжёлые переходы, физкультура до обморока... Самоуважение само проклёвывается – я смог! Проще потом смотреть страхам в глаза и ставить для себя куда более значимые цели.

– Да. Ну и всего по мелочи – горная или лесная подготовка – от местности, сам смотри. Стрельба, основы сапёрной подготовки, ножом немного работать, автомобиль водить, слежку вести и слежку замечать, как освободиться от наручников и верёвок, вскрывать замки.

– За такое время только азы... но понял – лучше, чем ничего, а там и присмотреться можно. А требование тайны зачем?

– А зачем посторонним знать, что анархисты готовят потенциальных боевиков? Так вы набрали молодёжь... кого в скаутские лагеря, кого на работы краткосрочные завербовали. Здесь главное – по рекомендациям. Живут где-то твои товарищи и не могут не видеть, что вокруг есть достойная смена. Заводить разговоры рискованно хотя бы потому, что возраст такой – проболтаться могут от глупости молодой. Ну

или просто выдадут себя... знаешь, у причастных к тайне в этом возрасте даже походка меняться может.

– Да уж знаю, – усмехнулся Родригес криво, явно вспоминая что-то своё.

– Прекрасно. Главное здесь – тайна. Свои имена говорить нельзя, имена инструкторов неизвестны, лица неплохо бы закрывать. Ну и своих товарищей в эти лагеря можно – из тех, кто молод, да проверен. Или молодо выглядит, это уж сами сообразите.

– Вроде как студенты, но изнутри будут приглядывать? Интересно... с двух сторон пригляд.

– Главное – никаких постоянных лагерей! Подготовили группу молодняка, сняли ферму там старую или вовсе – палатки на природе. Погоняли несколько недель, да и свернули деятельность.

– Каждый раз заново?

– По ситуации. Если власти в районе вовсе уж мышей не ловят, то можно и на пару месяцев, но дальше всё – опасно. Кто-то проболтается непременно, ну а если и нет, так углядят недозволенное. Не стоит рассчитывать на идиотизм властей.

– Ещё можно с вербовкой на работу интересно сделать, – воодушевился Родригес, – предприятие какое-нибудь небольшое, да на нём и готовить парней. Полдня работают, полдня учатся, даже на самоокупаемость можно поставить.

– Можно и так, вполне дельно. Но это, мне кажется, скорее

для проверенных товарищей – из тех, кто уже доказал свою стойкость, но ничего пока не умеет.

– Или в горах где-нибудь, – продолжил Хосе, делая пометку в блокноте.

– Тоже вариант. Отдалённая ферма, где нет возможности вести нормальную слежку со стороны или если вдруг окажется внедрённый провокатор – передать донесение. Несколько месяцев поучатся, да все под псевдонимами и легендами, а потом бах – предприятие закрылось, рабочих распустили...

– Всё-таки настаиваешь на легендах? – Хмыкнул анархист, – параноик.

– Зато вы не параноики, – отвечаю ядовито, – вообще о понятии тайны слышать не хотите. И много наработали? Не отвечай... знаю, что немало! Но скорее громко, чем много, очень уж многие твои товарищи жизни отдают в борьбе – просто потому, что не привыкли язык сдерживать!

Хосе вздохнул, не споря – дисциплина у анархистов и правда неважная. Вожаков у них... делением размножаются! С одной стороны плохо, серьёзные дела так не делаются, а с другой стороны, властям и прижучить особо некого. Нет Центра!

– Легенда, Хосе! И чтоб каждый из молодняка свято уверовал, что это только он такой особенный, потому как надеются на него в будущем.

– Вскроется...

– Не везде и не сразу, зато хоть какие-то представления

о конспирации получают на практике. Ну и присмотритесь заодно, кто язык держать на привязи может, а кто так... хлопшки одноразовые.

– На дело их нужно будет кинуть сразу после учёбы, – начал рассуждать Хосе, – чтоб не перегорели и самодеятельностью заниматься не вздумали. Кинуть на акцию или серию, да чтоб подальше от родных мест – меньше шансов, что опознают.

– И убрать на пару-тройку месяцев, – подхватываю я, – да чтоб с пользой время провели. На судно устроить можно на несколько рейсов. Случись что серьёзное, так шанс появится из страны морем уйти – если знать будут, как там всё устроено.

– Суда, порты, железные дороги... да, пригодится. И связи какие-никакие могут появиться.

– Самых перспективных можно пропаровозить, – и видя непонимание у собеседника, поясняю, – акция или серия акций – на судно. Акция – на железные дороги или в порт. С рабочими прощё общий язык будет находить, да и случись что – уходить от властей такому проще. Знать будут, как в порт или на вокзал проникнуть, как местным работником притворить, как на борт проникнуть. И учить! Книги нужные подкидывать, с умными людьми сводить.

– Масштабно, – с сомнением высказался Хосе, – на годы рассчитано.

– На годы, – соглашаюсь с ним, – здесь и сейчас от тебя

только война мафий, столкни их лбами! И учти, здесь ни ты, ни социалисты вообще засветиться не должны! Повторюсь: переплачивай, работай чужими руками... Даже своих когда подрывать будешь, они должны быть свято уверены, что их мафиози наняли. Работают же ваши анархисты на сторону иногда?

– Не так всё просто, но... а, чёрт, да можно! Вроде как мститель наймёт, а от него провести ниточки к конкурентам... Да, можно и так.

– Отлично! А вот лагеря уже сам, от своего имени. Единственное, что прошу – обставь так, чтобы со мной не связали. В Каракасе ты слегка засветился, при серьёзной работе выйдут на меня. Если что, то обо мне ты догадался потом, но не уверен – наниматель Хесус Герреро.

– Тот бандит? Он вроде как революционера изображает?

– Он самый. Прирезали его недавно, так что следов не найдут. Я с Герреро контактировал, но кто, чего... пусть ко мне подходят, найду что ответить. А с лагерями... дескать, первые деньги от Хесуса, а потом... Если сильно настойчиво спрашивать будут...

– Найду что ответить, – перебил Хосе, – есть у меня старые задумки. Пушу по ложному следу, заодно и правительственных агентов выявить можно будет.

Взяв чемоданчик с образцами продукции, Хосе протянул мне руку, скрепляя сделку рукопожатием.

– Удачно? – С лёгкой усмешкой уверенного в завтрашнем

дне государственного служащего, поинтересовался коп.

– Очень, – раздуваясь от важности, отвечаю мужчине, – считайте, тридцатку уже заработал, а при удаче и побольше!

Глава 31

Братья Алиевы стали первой ласточкой, за нас взялись уже не подростки, а взрослые турецкие националисты и исламисты. Показательно. Администрация школы и полиция разводили руками – положительная толерантность по отношению к национальным и религиозным меньшинствам действовала. Всё, что можно сделать по закону – сделано.

– Как дома, – сцепив зубы, злился отец, – когда убьют, тогда и приходите, прям родная милиция.

– Здесь повежливей, – для порядка возразила потерянная мать, прижимая к груди сумочку.

– Действительно, – едко согласился отец. До дома шли в молчании, думая о своём. Если уж пришлось подключать тяжёлую артиллерию в виде родителей... хреново в школе, совсем хреново.

Кое-что школа могла сделать: к наиболее отпетым прикрепили психологов, а в личные дела метки о неблагонадёжности. Некоторых это и правда охолодило, большинство турчат скорее играли в националистов и ярых мусульман, чем являлись ими на самом деле. В других условиях они бы стали футбольными фанатами или нашли другой способ сбрасывать подростковую агрессию.

В школе восстановили относительный порядок и ученики-европейцы свободно вздохнули.

А вот потерпевшие унижительный (максимально жёсткое задержание полицией) проигрыш братья Алиевы с арийцем-ренегатом сочли себя оскорблёнными. Сами они, получив штрафы и неприятные судебные предписания, отошли в сторону, но... друзей, родственников и единомышленников у них оказалось с избытком.

До чего-то серьёзного пока не дошло, но слова шлюха у Мирки на лбу помнили все... Татуировка оказалась такой глубокой, что кожу пришлось пересаживать. Говорят, через пару лет лоб станет таким же гладким, как раньше...

Отец на полном серьёзе готовился покупать ружьё и говорить по-мужски, трактуя человеческие взаимоотношения в духе СССР. Дескать, не совсем же они подонки? Поговорить по-человечески, да пригрозить.

– ... не надо, пап, не надо! – В очередной раз уговариваю я, – нелюди это понимаешь? Считай их нелюдями, чтоб тебе понятней было!

– Выход должен...

– Да есть выход, есть! Гадкий. Поганый, но есть!

Родные замолчали и не разговаривали со мной почти неделю. Знаю только, что за эти дни они много консультировались с адвокатами и те в один голос предлагали им переезд.

С переездом не складывалось и постаревший на полтора десятка лет отец дал наконец добро.

– Делай как знаешь, – тускло сказал он, – дед бы тебя не

понял.

Я и сам не понимаю, но... потомок победителей пошёл на поклон к ультра-правым.

* * *

– Кандидат в Фи Бета Каппа Команч Эрик Ларсен! – Представляюсь, выходя в доске. Профессор не реагирует, привык к традициям студенческих братств. Среди студентов прокатились смешки, кожей ощущаю заинтересованные взгляды.

На первом курсе такие вещи ещё могут вызвать интерес, ну а потом привыкнут. Странноватых социальных и этнических групп в университете великое множество, да и одиночных чудиков предостаточно.

Благополучно ответив на не самые сложные вопросы, возвращаюсь на место.

– И как оно? – Интересуется ненавязчиво сидящий рядом Дэн Раппопорт, – кандидатом?

– Так себе, – отвечаю честно. С Дэном мы не то чтобы приятели, но хорошие знакомые. Выходец из белорусского местечка¹³¹ на редкость адекватный парень, что не часто встречается у провинциальных евреев. Вечно они что-то кому-то

¹³¹ Один из типов населённых пунктов на территории Речи Посполитой – то есть современной Польши, большей части Украины и Белоруссии, части Прибалтики и западной России. Чаще всего под местечком подразумевается поселение, в котором высока доля жителей еврейского происхождения.

доказывают и комплексуют по поводу и без.

Дэн абсолютно адекватный и совершенно не заморачивается религиозными и расовыми глупостями, привычными в этом времени. Учится на экономиста, занимается борьбой и потихонечку подыскивает девушку – нравятся светленькие и кареглазые, и главное (!) не еврейки.

О семье предпочитает не распространяться, отмалчиваясь и уводя разговоры в сторону. Знаю только, что семья у него ультра религиозная и Дэн – белая ворона, порвавший все отношения с ними. На университет заработал сам как журналист, сотрудничает с полудюжиной газет, пишёт в основном на политические темы.

Взрослый, но в то же время не постаревший духовно, удивительно лёгкий на подъём. Один из немногих в этом времени, в котором чувствую ровню. Мы отчасти похожи – воспитанием, лёгким космополитизмом¹³² и умеренно-социалистическими взглядами. Но дружить... рано пока, несмотря на всё вышеперечисленное, Дэн довольно тяжёл в общении и в больших дозах невыносим.

– Считай, как в армии новобранцем, – чуть задумавшись, стараюсь подобрать близкие аналогии, – и вокруг сплошные капралы и сержанты, дрючащие тебя по любому поводу. Единственное – здесь можно уйти в любое время.

¹³² Космополит – сторонник идеи мирового гражданства, тот, кто считает весь мир своим отечеством, ставит общечеловеческие интересы и ценности выше интересов отдельной нации или отдельного государства.

– Уйти пока нет желания?

– Пока нет, – пожимаю плечами, – если не наживу недоброжелателя, то переживу этот период без особых проблем.

– А если...

– Тогда и погляжу.

– Твои, – Дэн показал глазами куда-то вбок. И точно...

Срываюсь с места и подбегаю к членам своего братства.

– Кандидат в Фи Бета Каппа Команч Эрик Ларсен! – Пожимая им руки. Правила... и не мне их критиковать – пусть и выглядит это глупо и местами унизительно, но чему-то подобному в двадцать первом веке продвинутые компании обучают перспективных сотрудников. Более упорядоченно, но суть та же.

Учат заводить разговор на улицах с незнакомыми людьми, мочиться в общественных местах (без эксгибиционизма, но не всегда!), говорить речи в поддержку геев-пингвинов, просить милостыню... Программ такого рода много, и по одной из них учили меня.

* * *

Прощанье с мистером Коэном получилось недружественным. Домовладелец хватался за сердце, пытаясь обвинить меня в чёрствости.

– Эрик, мальчик мой, – я же протянул тебе руку помощи в трудную минуту?! – патетично восклицал он, – как ты мо-

жешь бросить меня в такой момент! И это твоё братство...

– Мистер Коэн, когда вы сдавали мне квартиру по сниженной цене, вы не сказали мне, что среди ваших жильцов каждый второй – параноик с манией преследования, минимум раз в неделю долбящийся ко мне в дверь с требованием выйти и разобрать со скрипом под кроватью! Не говорили о том, что по вашему мнению, я должен сидеть ночами в холле с дробовиком и револьвером, охраняя покой жильцов.

– Мальчик мой...

– Мистер Коэн, не надо... с таким обращением к человеку, не являющемуся родственником, можно заподозрить в вас гомосексуалиста.

Взгляд старого еврея метнулся в сторону, и мне стало весело – надо же, в точку попал! Не давая опомниться, давлю дальше:

– И зачем мне квартира, если половину ночей я просизиваю в холле, а вторую половину вскакиваю по три раза за ночь, потому как одному из жильцов не спится! Наймите лучше отставных полицейских, а квартиру сдайте.

Домовладелец дёрнул себя за бороду, ища аргументы. Я прекрасно понимаю, что полицейские или наёмные охранники в холле – совсем не то, что проживающий в том же доме студент престижного университета. Прежде всего, они обойдутся дороже...

Юноша из приличной семьи, который врукопашную голыми руками убил двух вооружённых бандитов (про случай-

ность этого события не упоминаю) и в качестве хобби преподававшего рукопашный бой тем же полицейским – это статусно и отчасти престижно. А копа в холле престижным назвать сложно, скорее громким таким звоночком, что район стал опасным.

Да и случись что, рядовой коп мало что способен противопоставить бандитам – проверено. Мелкая же шантрапа и не полезёт в богатый район.

– Всё, мистер Коэн, всего вам хорошего, – отстранив домовладельца, освобождаю проход для грузчиков с вещами. Не принято здесь самому таскать вещи представителям высшего класса.

– Контракт... – начал было мистер Коэн, но махнул рукой и побрёл к себе, шаркая ногами. На минуту его стало немного жаль, но чувство это быстро прошло. В конце-концов, он мне не друг и не родственник!

– Гринвич-Виллидж¹³³! – Кидаю шофёру грузовика, усаживаясь в такси. Надо, кстати, купить наконец свою машину... или подождать окончания новичкового периода? Угробят ведь авто!

– Вот, – показал рукой Зак, – мой дом. Располагайся, свободных комнат пять. Единственное...

¹³³ Престижный (один из старейших) район Нью-Йорка, расположенный на западе Нижнего Манхэттена. С начала двадцатого века стал пристанищем богемы и радикальных политиков. Здесь же находится главный кампус нью-йоркского университета и целый ряд престижных учебных заведений.

Он замялся, мучительно краснея.

– Непотребных девок не водить, – понимающе киваю.

– Да! – Зак закивал быстро-быстро, – это мой дом, я его купил, ну... тогда.

– После приключений в Латинской Америке, – продолжаю за него, уже привыкнув к своеобразной манере разговора – с подтормаживанием.

Зак кивнул уже спокойней.

– Всегда хотел дом в этом районе, люди здесь хорошие. Мы с родителями жили здесь, пока я маленький был. Снимали. Потом всё... отец в основном в Вашингтоне, лоббирует¹³⁴ всякое там... Мать то в Вашингтоне живёт, то в Лос-Анджелесе, а мне ни там, ни там неуютно.

– Не переживай, – чуть напоказ вздыхаю, – боюсь, нам в братстве такая весёлая жизнь светит, что не до девиц будет.

– Согласен, – стараясь казаться взрослым, кривовато усмехнулся Зак, – начали братья резво, я после той прогулки позапрошлой ночью, никак отойти не могу. Через кладбище-то...

– Не сталкивался с братством, что ли?

– Сталкивался, почему... просто со стороны. Берти старше меня и когда я поступил, он уже в братстве был. Так что как он кандидатом в новички был, я не застал, только весе-

¹³⁴ Лоббировать – оказывать давление на государственную власть в интересах какой-либо группы представителей экономически сильных структур, оказывающих влияние на государственную политику.

лье видел. Нет... мелькало иногда, но когда со стороны это видишь, по другому же, верно?

Выбрав одну из свободных спален, доверил разбирать вещи темнокожей служанке, перебравшись к Заку в гостиную. Переехать к нему бывший компаньон предложил сам – парень всю жизнь был при ком-то, и получив самостоятельность, в том числе и финансовую, банально растерялся.

Из всех знакомых больше всего доверия внушил почему-то я... В общем, удачно совпало.

– А Берти?

– Берти? – Задумался хозяин дома, – не знаю. Он... в братстве своём весь. Это конечно здорово, да? Но он живёт в доме братства, и предложи я ему перебраться сюда, так филиал братства будет и здесь. Он хороший, но... его много бывает иногда, понимаешь?

– А остальные ребята по команде?

– Бейсболисты? Я ни с кем близко не сошёлся, не получилось. Игрок я довольно средний и на поле редко выхожу. Меня в команду взяли потому, что отец её спонсирует – не он один, но всё же. Ну и стеснительный немного. Парни пить или ещё куда, я с ними... Но как-то получается, что всё больше в уголке сижу. В братство решил вступить потому, что психолог посоветовал.

– Знакомо! – Оживляюсь, – у меня один из родственников стеснительный был до ужаса! Умный, симпатичный... всё хорошо, но знаешь... маменькин сынок. Чуть не за ручку

мать до тринадцати лет мать водила.

– Как я, – усмехнулся Зак с горечью.

– Ты? Нет... там хуже было, поверь. Не буду говорить, что ты прям совсем нормальный... но хуже, сильно хуже. С де-вушками Алекс не мог говорить нормально, знакомые все на шею норовили залезть и не слазить.

– И как? – Подался вперёд владелец дома, расплёскивая выпивку, – что делал, чтобы стеснительность убрать?!

– Коммивояжёром работать пошёл. Сказать по правде, коммивояжёр из него получился... как из говна пуля! – Откинувшись назад смеюсь, смеётся и Зак, лупя кулаком по подлокотнику кресла и повторяя понравившуюся фразу, – но ведь помогло! Несколько месяцев поработал там... сказать по правде, он бы себя не прокормил в качестве коммивояжёра – благо, наследство имелось.

– Мой случай, – отсалютовал бокалом собеседник.

– Потом в театре любительском играл. Тоже... не блистал, роли даже не второго, а третьего плана. Знаешь – ёлочка там на заднем плане, если по сюжету сказочный лес в пьесе. А потом ничего... конференсье стал, да неплохим!

– Да ладно!?

Киваю серьёзно, случай совершенно реальный, так что и рассказ вышел убедительным. Правда, не конференсье, а КВНщиком, а после свадьбы вёл, ну так какая разница?

– Думаешь стоит?

– Не думаю, – допиваю спиртное залпом, – мы и так в

ближайшие месяцы научимся этому или вылетим к чертям!

Глава 32

Берти будто взялся мстить мне за что-то, прессингуя в братстве. Вот уж точно – не делай добра, не получишь зла! Есть такой тип людей, которые не любят тех, кто сделал им добро. И ведь спросишь, так не поймут... или начнётся – не так смотрел, делал добро без должного почтения...

Не знаю, какая уж там ситуация с Берти, да и желания узнавать нет никакого. Проглядел...

На лекциях по психологии нам рассказывали о подобных психотипах, но вот поди ж ты... столкнулся вживую и не опознал. Очень неприятно, всегда считал себя человеком прозорливым, с хорошо развитой интуицией и чуйкой. Не безосновательно.

Ошибался нечасто, всего трижды, если считать именно сознательный возраст, лет... да где-то с четырнадцати. Кураторы... но там понятно, всё-таки люди подготовленные, опытные, да и Система, а не абы кто, не мелкие мошенники с чёрного рынка.

А вот третий раз – психопат, так-то! И думай сейчас – является ли Берти особо талантливым манипулятором, прошедшим спецподготовку, или психопатом. Теоретически возможна и спецподготовка, не спорю – братство с некоторой натяжкой можно отнести к Системе.

Но... возраст у Берти для серьёзных Игр маловат. Все-

рвёт думать, что такую подготовку бывший компаньон начал проходить в детстве, категорически отказываюсь. Так-то всё может быть, особенно если вспомнить знаменитую Теорию Заговора. Все эти Правящие Миром Семьи и прочее... Но в случае такой подготовки я бы и не заметил, что пакостит мне именно Берти! Случайности, посторонние люди... кто угодно, но не он. А значит, психопат.

Насколько он вменяем, проверять не хочу, да и возможностей не хватит. Старые Семьи, это вполне серьёзно – хотя бы из-за родственных и дружеских связей. Тронь такого! Это если официально.

А если нет... как бы поганно это не звучало, но Нет человека, нет проблемы¹³⁵ подходит в данном случае идеально. В тот раз благодетельствованного мной психопата вовремя остановили, всё-таки на учёте стоял, отслеживали. Курс уколов, беседы с добрым психиатром и судебное предписание, с запретом приближаться ко мне каким-либо способом.

Перетерпеть мелкие пакости я смог бы, не проблема. Но галлюциногены в пиве... перебор, как ни крути. После таких экспериментов можно загреметь в дурку, а с учётом уровня

¹³⁵ Обычно эта фраза приписывается Сталину, но на деле известный советский писатель Анатолий Наумович Рыбаков создал роман "Дети Арбата", который был опубликован в 1987 году. С "легкой руки" писателя крылатая фраза была вложена в уста вождя. По некоторым данным, фраза эта старше и была произнесена одним из лидеров младотурков перед геноцидом армян в 1915 году. Есть данные, что фраза эта может восходить едва ли не ко временам античности и в это верится без труда. Подобные громкие, запоминающиеся фразы в те времена очень любили, да и в дух времени они укладываются более чем хорошо.

спецов там и остаться.

– Стоп! А ведь и остальные пакости такого же рода, когда окружающие могут принять тебя за психопата. Зачем?

Ловлю себя на том, что начал грызть заусенец на мизинце – старая, детская ещё привычка, появившаяся после переезда и травли в школе. Так... а вот это странно. Возможно конечно, что Берти просто зациклился именно на сумасшедшем доме. Если он сам туда попадал или имел беседы с психиатром в частном порядке, мог и зафиксироваться. А если нет? Почему тогда так настойчиво подводит меня именно к дурке? К тому, чтобы в глазах окружающих я выглядел не вполне адекватно.

Сумасшедшие дома сейчас весёлые... кастрация, лоботомия, эксперименты самого садистского толка. Особенно если опекун разре...

– Точно! – Бросаюсь перечитывать составленный перед нефтяной аферой контракт и ожидаемо не нахожу ничего интересного, – ответственность сторон, взаимные обязательства...

Переписав контракт так, чтобы оставить за скобками некоторые подробности, хватаю такси и еду в Нью-Джерси.

– ... можно трактовать и таким образом, что при вашей недееспособности компаньон станет вашим опекуном. Вы закрыли контракт официально?

Адвокат кивает с мрачным удовлетворением, читая всё по моему лицу.

– Как обычно, – саркастически произносит пожилой специалист, – ну что, расписывать ваши дальнейшие телодвижения?

– Д-да.

– Я так понимаю, всё это как бы невзначай? – Киваю мрачно, это надо же так облажаться... Но ситуации это не меняет – психопат Берти или просто сволочь, нацелившийся на деньги бывшего компаньона. Если сволочь, то... всё равно эти деньги он мысленно уже считает своими. Не простит. Не сейчас ударит, так через пять лет или через двадцать пять.

* * *

Дюк Уоррингтон будущее светило юриспруденции, в чём не сомневается ни он сам, ни окружающие. Таланты Дюка в данном случае особой роли не играют, дело в родственных связях. Отец, дед, прадед... несколько поколений Уоррингтонов заседают в Верховном Суде, служат сенаторами и конгрессменами.

Впрочем, нужно отдать ему должное, Дюк по-настоящему хорошо учится и пусть не хватает с неба звёзд, но студент он цепкий и старательный. Немалую роль в понимании законов и законотворчества даёт тот факт, что с детства он слышит разговоры юридического толка, причём не от служащих захудалых адвокатских контор, а от людей, которые эти законы и придумывают.

Единственный (простительный, как по мне) недостаток Дюка заключается в стремлении везде и всюду быть вожаком, Альфой. Вожак из него не самый плохой, альфовость вылезает у него почему-то в виде наставничества.

В социалистической системе из него вышел бы прекрасный вожатый, учитель, а чуть погодя и директор школы. Хм... или парторг.

Парень неглупый и в большинстве случаев его идеи скорее полезны... да и связи, не без того. Формирует устойчивый круг вассалов и младших друзей, обязанных ему чем-то. Настоящий политик.

Просчитать его несложно... политик в определённых ситуациях обязан соответствовать, особенно если ему лично эти ситуации не грозят подвохом.

– Контракты? – Слегка нетрезвый Дюк благодушен и его тянет на благодеяния, – а они у вас есть-то?

– Я в прошлом году бухгалтерскую поддержку обязался оказывать, – поднял руку поднявший тему Марк Ротбер, – с небольшой гостиницей контракт.

– Тащи! – Машет рукой Дюк, – все тащите, у кого что есть! На примере проще пояснять, где вы что налажали сами, где вас обвели вокруг пальца и как можно было сделать лучше.

Зака нет по семейным обстоятельствам и потому некому остановить юридическую вакханалию в доме братства.

– Закрой, – настоятельно говорит Дюк, – едва глянув в мой контракт. Берти и Зак... надо же, это ты тогда с

нефтью...

Глянув умными и неожиданно трезвыми глазами, будто заново меня оценил.

– Вот здесь, – ткнул наконец пальцев контракт, – толковать можно двояко. Случись что с тобой, так Зак и Берти станут душеприказчиками... ан нет, только Берти. Надо же...

Берти, попытавшись вильнуть, закрыл-таки контракт с приклеенной усмешечкой, что усугубило мои подозрения. Подлянки в братстве не прекратились, но приняли характер нормальных студенческих глупостей.

... но знаменитая цитата засела в мозгу. Берти хотел сделать то, что я трактую как деяние более тяжёлое, чем убийство. Запереть в сумасшедшем доме, обречь на мучения, лишить средств. Такое нельзя прощать. Убить?

Задумываюсь всерьёз над проблемами морали, понимаю, что никаких моральных препятствий не вижу. Закон, это да... а мораль закончилась в джунглях, когда я переодевал мертвеца в свою одежду.

Простить подлость могу – отойду в сторонку, дистанцируюсь, сведу общение до минимума... Но нет уверенности, что Берти не продолжит операцию, а значит – никаких сомнений испытывать нельзя. Берти должен умереть.

Новый, тысяча девятьсот двадцать девятый год принёс проблемы психологического характера. В голову всё время лезли мысли о приближающейся Великой Депрессии. Почему-то казалось, что вот-вот... хотя ведь твёрдо помнил, что тогда она началась в августе двадцать девятого.

Это если не ошиблись Максим с Аркадием Валерьевичем... Да и ситуация могла измениться в корне, бывший чиновник не из тех, кто останется в сторонке при каком-никаком, но знании будущего. Удивительно ещё, что в Нью-Йорке его нет, но сильно подозреваю, что когда-нибудь мы всё-таки встретимся.

Желание заработать по – настоящему большой капитал на Депрессии не пропало – благо, Валерьевич многократно расписал колебания рынка и возможные ходы для наиболее быстрого обогащения. Акции, облигации, деривативы... чинуша, поблёскивая очками и потея от возбуждения, расписывал перед нами воздушные замки, заодно набивая себе цену.

– Рискнуть? – Начал я рассуждать вслух, – или не стоит? Не эксперт всё-таки, да и сколько бабочек мы в процессе подавили, большой вопрос. Одно только явление посланца Махатм могло качнуть весы, теперь-то понимаю.

– Покупать-продавать акции, ориентируясь на здоровый

смысл и воспоминания Аркадия Валерьевича? – Прикусив губу начинаю вспоминать информацию о Депрессии, полученную НЕ от чиновника-попаданца.

Информации много, даже слишком. Но всё какая-то обрывочная... ну не интересовался я темой! Зато всплыло в голове слово Сговор.

– Сговор, сговор, – верчу на языке в надежде, что произнесённое слово как-то простимулирует мысли, – ну точно, ФРС! Именно после депрессии банкиры в США стали важнее промышленников, захватив власть!

Два дня потратил на чтение газет с подобранной библиотекарем (отдельная плата) информацией. В общем-то не ошибся – ФРС как система уже существовала, причём лет пятнадцать как, но прочитанная информация помогла уложиться в голове разрозненным знаниям.

Итого – сговор всё-таки был или лучше сказать – есть. Под шумок пройдёт делёжка собственности, во время которой с земли стонят мелких фермеров законными и незаконными методами.

Надеяться в биржевой игре на свой интеллект экономисту-первокурснику, пусть даже и вооружённому обрывками сомнительных знаний из будущего – глупо. По крайней мере, в котировках ценных бумаг, где могу иметь место сговоры, а раз могут... я параноик.

– А заработать всё-таки хочется, – произношу по-датски,

откладывая газету.

– Простите? – Раздался за соседним столиком голос, говорили на русском. Делаю непонимающее лицо, повторили на немецком.

– Заработать хочется, – вежливо перевожу фразу на английский.

– А... вы извините, – отчаянно смущаясь витийствовал типичный русский интеллигент чеховского образца, отчаянно смущаясь и одновременно наслаждаясь звуками собственного голоса, – мне показалось, что вы сказали на немецком, но я почему-то не понял, на каком именно диалекте немецкого было сказано. Видите ли, я специалист...

Интеллигент одет небогато, скорее даже бедно, но с дурной претензией на хороший вкус. Шейный платок вместо галстука, но жилет под пиджаком явно с чужого плеча, да и лацканы у рубашки грязноваты.

Типаж, насквозь знакомый и привычный что для Германии, что для России, но очень нетипичный для США. Образование вроде бы есть, а к делу это образование никак не пристроишь. На иную должность идти гонор мешает, а на иную – непрофессионализм... не берут. Ни сочувствия, ни жалости к таким типам не испытываю.

Отвернувшись, вчитываюсь в газету, даже не пытаюсь изображать вежливость. Интеллигент по инерции пытается общаться, но замолкает и уходит, собрав вещи со стола нервными движениями подрагивающих рук.

– Не любишь русских? – Интересуется Треверс, такой же новичок-на-испытании, как и я. Только если я пришёл в публичную библиотеку по доброй воле, то Эллиота нагрузили поручением от братства – сделать подборку по спортивным играм, проходившим в Нью-Йорке. Братья поспорили, кандидатам отдуваться...

– Не слишком, – брезгливо морщась, поддерживаю имидж русофоба и антикоммуниста. Намереваюсь даже выучить русский, потому как Врага нужно знать в лицо!

– Зря, – Треверс охотно отвлекается от скучного поручения, – среди них и нормальные есть. Этот уж точно не коми!

Эллиот заразительно смеётся, я смеюсь вместе с ним. Хороший парень... хоть и нацист, только что американский.

– Да ну этих русских! – Морщу нос, – ты видел, как он одет? Человек претендует как минимум на уровень среднего класса, образование соответствующее... и так одет!?

– Обстоятельства, – вяло (всё лучше, чем копаться в старых газетах и журналах!) препирается возможно-будущий-брат.

– Обстоятельства, – фыркаю презрительно, – обстоятельства – это когда твой отец умер, не успев дать тебе образование. Или полученное на войне ранение, туберкулёз наконец! А эти? В России правящим классом были – помнишь же небось, как скверно страна управлялась?

– Ха! – Оживился Эллиот, – мой дядя во время русской

Гражданской в Архангельске высаживался¹³⁶, как же! Говорил, что нигде так дурно не управляли, даже в английских колониях.

– Ну вот! О чём можно говорить с такими людьми, – поднимаю руки в виде наконец-то понятого грешниками проповедника. Жест узнаваем и потому Эллиот снова негромко смеётся, – комми, конечно, та ещё сволота, но ведь народ на ровном месте не поднялся бы!

– У нас это невозможно! – Уверенно отвечает студент, стучая кулаком по столу – слегка, – управленцы... Ааа! Действительно, нужно постараться, чтобы сперва довести народ до такого состояния, чтобы они в революцию ввязались, а потом ещё и не удержать власть! Тут согласен, а одежда при чём? С работой сейчас туго, даже коренным янки тяжелова-то.

– Пф! Он же вроде как специалистом представился? Был бы хоть немного толковый, в университет пристроился. Нет, так в школу взяли бы преподавать – в глубинке любят таких – пусть хоть бестолочь совсем, но с учёной степенью! В колонии, наконец!

– У России нет колоний, – заученно произносит Треверс.

– У Дании тоже, – повожу плечами, – и что? Родители мои основали вполне успешную ферму и если бы не несчастный

¹³⁶ Интервенция в Россию во время Гражданской (с безоговорочной поддержкой белых!) приняла самые масштабные размеры. США, Англия и доминионы (включая Индию), Китай (!), Япония, Польша, Сербия, Греция, Италия... всего 14 государств.

случай... Но всё равно они успели дать мне образование и воспитание. Я себя сделал!

– Согласен, – одобрительно кивает Эллиот. Он искренне уверен, что если вдруг что, то сумеет всплыть на самый верх не хуже меня, – а офицеров у них сколько? Чиновников бывших? В колониях таким были бы рады, так ведь нет, готовы хоть таксистами работать!

– Скорее – НЕ работать, – произношу брезгливо, после чего оба смеёмся удачной шутке.

Из библиотеки перекочевал в бар, замаскированный под чайную. Полоская рот бренди из чайной чашки (остро требовалось после произнесения речей в духе фашизма и социал-дарвинизма¹³⁷), думал. Заработать деньги на Депрессии... не прощу себе, если не выйдет. Что я, хуже Аркадия Валерьевича?!

Как назло, в голову лезли схемы всё больше спекулятивного характера. Не хочу...

Выйдя из бара, глянул на морозящий дождик и натянул шляпу поглубже, подняв заодно воротник пальто. Засунув руки в карманы, медленно бреду, мыслей никаких... так, мелькают в голове образы непонятно чего.

¹³⁷ Социальный дарвинизм (социал-дарвинизм) – социологическая теория, согласно которой закономерности естественного отбора и борьбы за существование, выявленные Чарльзом Дарвином в природе, распространяются на отношения в человеческом обществе. Социал-дарвинизм пользовался особой популярностью с конца XIX века до окончания Второй мировой войны.

– ... ночлежка, – улавливаю разговор двух бедно одетых мужчин впереди меня, – клоповник настоящий. Бельё на койке грязное, клопы, вши...

– Выбора у бедняков нет, Джорджи, – смиренно ответил собеседник, – так-то понятно – я б тоже на чистой простыне, да за пару центов! Откуда только благодетель возьмётся, чтобы такую гостиницу построить!

– Хостел!

– Чего!?! – Оборачиваются бродяги.

– Спасибо за идею, парни, – не скупясь, вытряхиваю из кошелька по двадцатке и даю вместе с визитками, – завтра придёте, найду вам работу!

Глава 33

Безработные мялись неподалёку от дома Зака с самого утра, держа визитки как щиты и нервно показывая их всем проходящим. Помылись где-то, почистились... серьёзные парни, не опустились. Молодые ещё, и тридцати нет. Но битые жизнью... ой как битые!

– Мистер, – нерешительно начал Джорджи, заведя меня на крыльце.

– Помню, как же. В дом, парни! Я как раз завтрак приготовил и что-то перестарался, помогите одолеть.

Нерешительно поглядывая друг на друга, мужчины вошли в дом, наткнувшись на зевающего Зака в халате.

– Твои друзья? – Ничуть не удивился он, – заходите.

– Давай на кухню, в столовую неохота тащить.

– Да я обычно там и ел, – отозвался Зак, зевая ещё раз, – горничную никак не могу найти, как ту черномазенькую за воровство уволил. То вертихвостка, у которой в глазах читается Хочу забеременеть от хозяина и подать на алименты, то суровая бабища, которую сам боюсь.

– А с рекомендациями?

– Да все с рекомендациями, – ответил тот с досадой, усаживая за стол на огромной кухне, – опять яичница?

– Ещё оладьи, – начинаю раскладывать по тарелкам, – нет у меня талантов к готовке! В отличии от тебя, к слову!

– Ты ж знаешь, я поздно встаю, – отмахнулся Зак, осторожно тыкая вилкой яичницу. Не то чтобы совсем не умею готовить... но не слишком хорошо, это точно. Да и привык всё больше к полуфабрикатам, к рецептам с тостером и микроволновкой.

– Я могу, – осторожно подал голос второй бродяга.

– Ты...

– Генри, Генри Морган, мистер.

– Громкая фамилия, – хохотнул Зак, просыпаясь потихонечку.

– К сожалению, только однофамильцы, – криво усмехнулся Генри, – я раньше на юге, в Джорджии, ресторанчик держал – маленький такой, семейный. А как народ начал разоряться, так и мне конец...

– Ресторан? – Оживился Зак, – ну-ка... кухня в твоём распоряжении! Южные блюда умеешь?

– Да, мистер...

– Закария Мартин. Ну так готовь, мы пока... – с сомнением оглядев оладья, – кофе попьём.

– А ты кем работал? – Спрашиваю у Джорджи, застеснявшегося от такого внимания и начавшего прятать за спиной большие, разбитые руки человека, тяжело работающего с самого детства.

– На все руки, мистер Ларсен – по мелочи всё умею, но в основном по строительной части. Сперва как подсобник начинал, значит... Потом водопроводчиком заделался, в элек-

трике кое-что понимаю.

– Ну-ка, – Зак решительно поднял его со стула, – в ванной у меня...

– Считай, приняты на работу, – сообщаю крутящемуся на кухне Генри, у которого от такой новости аж руки задрожали, – я Зака знаю, он для себя всё уже решил. Мы в братство испытания проходим, так что надёжные люди на подстраховке нужны. Иначе, сам понимаешь, несладко придётся.

– Наслышан, мистер Ларсен, – выдохнув с нескрываемым облегчением, кивает Генри, что-то взбивая в глубокой миске, – привезти, отвести, что-то купить по-быстрому... и язык за зубами.

– Верно. Ну а потом пьянки-гулянки, уже как полноценные члены братства... здесь не горничные или суровые домоправительницы нужны, а крепкие мужики. Чтобы если что – вытурить излишне наглых гостей, да дотащить кого до такси. Так что на ближайшие пару лет работа вам обеспечена, а потом видно будет. Район наш интересный и если покажешь себя, без работы всяко не останешься.

Предсказание моё сбылось, парни остались при Заке на правах скорее вассалов, а не прислуги. Он будто даже повзрослел в одночасье, солидным стал...

Но Генри и правда хорошо готовит, а проблема с ванной решена. Поскольку семьями они ещё не обзавелись, жить будут здесь же, в полуподвале. При ненормированном рабочем

графике так даже удобней. Не нужно тратить деньги на съём жилья, да и покатушки туда-сюда время отнимали бы. Жильё, конечно, не очень... ну так бесплатно!

* * *

В своё время довелось ночевать в десятках хостелов, а кое-где и подрабатывать. Европа, США, Канада, Индия, Юго-Восточная Азия... всё знакомо! Везде свои особенности, но есть и общие черты, которые требуется свести воедино и главное – приспособить к реалиям начала двадцатого века.

– Пылесосы? Не стоит – дорого пока, да и не слишком надёжны. В дешёвой гостинице такая техника не окупится. Ручками? Да, проще дать некоторым постояльцам оплатить свой постой работой, а не деньгами.

Потираю подбородок (бриться пора!) и вспоминаю реалии Великой Депрессии, озвученные Аркадием Валерьевичем и виденные в старых фильмах. Толпы людей на улицах, дети беспризорные...

– Уборщицы и горничные не нужны, – решительно вычёркиваю их из списка, – хотя может, одну оставить? Вроде как старшая, будет заодно присматривать за работающими постояльцами? Пожалуй.

Условия хостела получались жёстковатыми, любой правозащитный коммунист обвинил бы меня в грабеже бедноты и

был бы прав... и не прав одновременно. Дешёвых ночлежек полно, и всем давным-давно известно, что окупаемость у них крайне высока. Как в анекдоте – у бедных денег мало, зато бедных до хрена!

В пересчёте на метраж дешёвая ночлежка в несколько раз доходней пятизвёздочной гостиницы, если не считать вовсе уж помпезные отели. Не новы двухэтажные кровати, комнаты на десять-двадцать постояльцев.

А вот чистота и порядок, отсутствие воровства или сведенье его к статистическому минимуму – ново и непривычно. Отсутствие вшей, клопов... последние, к слову – настоящий бич в гостиницах США, даже самых престижных.

– Значит, дизайн помещений с минимум тканей и щелей, – бормочу вслух, – чтоб не прятались. Прачечная... да, при каждом хостеле непременно, для себя всё равно стирать придётся. Столовые...

Здесь серьёзно задумался – с одной стороны столовые Армии Спасения будут повсюду, с другой... а почему бы и нет? Возможность получить лишний цент.

Стыдно ли мне, что собираюсь зарабатывать на бедных? Не слишком, откровенно говоря. Дешёвые гостиницы-общаги с почти стерильной чистотой точно во благо. Меньше болезней, больше выживших.

Прибыль предполагается небольшой и огромной одновременно, порядка пяти, ну может десяти процентов... каждый день. Звучит чудовищно, но деньги нужны не только для рас-

ширения сети хостелов, но и как запас прочности. Пожары, вымогательства рэкетиров, взятки... проблем предвижу великое множество.

Нет никакой уверенности, что хостелы принесут мне прибыль. Вначале несомненно, а чуть погода возникнут проблемы в виде мафии и прочей нечисти, ну и в финале наступит черёд финансистов. Не смогут они пройти мимо столь вкусного куска!

Развить сеть хостелов и заработать на этом, помочь беднякам во время Депрессии и... вовремя слить налаженный бизнес, продав его магнатам. Разыграю всё как по нотам – увеличу состояние минимум в три раза. Нет... не факт, что останусь хотя бы при своих.

* * *

В Нью-Йорке потихонечку разгорался новый виток мафиозных войн. После гибели Лански вместе с десятком влиятельных представителей еврейской мафии, позиции их сильно просели.

Гибель Лански дала неожиданный эффект – сместили Лаки Лучано. Он первый среди итальянцев пошёл на контакт с преступниками иных национальностей, этакий интернационалист от мафии. А раз идея провалилась, то вместе с ней провалился и инициатор.

Смычка мафии еврейской и итальянской в лице Лански и

Лучано не прошла, как и целый ряд совместных проектов. Лучано понизили, а потом кто-то из своих же недоброжелателей убрал Счастливого ¹³⁸.

Убийство почему-то замолчали, не став раздувать – хотя казалось бы, какая удача для репортёров! Понятно только, что ситуация там явно не тривиальная и стоило бы покопаться в грязном белье... но вряд ли получится.

У итальянцев победу одержали традиционалисты, начав сгоряча чистить ряды от недостойных иных национальностей, взятых Лучано. Не желая умирать, те разбежались, но не все забились по щелям. Хватило желающих пойти на сотрудничество с полицией, хватило и тех, кто пошёл к ирландцам и евреям.

В короткие сроки Коза Ностра лишилась значительной части своего влияния, зато осталась традиционной. Передел власти приободрил ирландские банды, совсем было потерявшие влияние. Воспряли духом и чернокожие, ранее действовавшие почти исключительно на подхвате.

Прокатившись по Нью-Йорку, мафиозные войны перекинулись на все города Восточного побережья, а незадолго перед новым годом выстрелы начали звучать и в Сан-Франциско, на побережье Западном.

Родригес честно написал, что ещё не успел поучаствовать в веселье, но уже к концу зимы начал присылать отчёты. Анархисты действовали точечно, стараясь не столько уни-

¹³⁸ Лаки (счастливчик) Лучано.

чтожить одиозных мафиози, сколько плеснуть бензину в разгоравшийся костёр войны. Поскольку им по большому счёту абсолютно всё равно, против кого воевать, получалось в общем-то удачно.

Несколько раз мне удавалось подкидывать им ценные сведения, полученные в основном из студенческих кругов. Народ в братстве всё больше из хороших семей, и между своими ведут порой достаточно откровенные разговоры, хвастаясь уровнем знакомств, родственных связей и личной осведомлённости.

Дети, внуки и племянники судей, прокуроров, совладельцев адвокатских контор, они приносили порой пусть и обрывочные, но удивительно глубокие сведения. Не каждый лейтенант из мафиозной семьи владеет такой информацией.

Единственной проблемой был анализ, свести воедино кучу разрозненных и порой противоречивых фактов оказалось непросто. Поневоле пришлось влезть в эту компостную кучу, разгребая информацию.

Работёнка не самая интересная и уж точно не самая приятная, но справляюсь потихонечку, и даже лучше, чем ожидал. Оно, пожалуй, и к лучшему – умение ориентироваться в бандитском мире пригодится, если я не хочу стать законченным обывателем. А я не хочу... ладно, чего уж врать... хочу!

Только вот выбор передо мной простой – стану обывателем, пущу ситуацию на самотёк, и повторится история Второй Мировой. С учётом иных попаданцев – не факт, что из-

менившись к лучшему.

Да и... кто сказал, что в прошлое попали только мы трое? Не исключено, что по миру бродят выходцы из двадцать первого века. И куда они пойдут...

– Убит случайный прохожий, – зачитывает вслух утреннюю газету Зак, прерывая мои размышления, – Барни Сильвер...

– Это не тот упитанный мальчишка, у которого сестричка ещё такая... доступная? – Интересуюсь вяло.

– Он, – машинально отвечает Зак, усмехнувшись похабно и тут же спохватываясь, – Эрик, как ты можешь! Погиб человек, которого мы знали!

– Можем на похороны сходить, – не понимаю причину волнения. С Барни я лично не знаком – так, пухлая физиономия в толпе, которую окликнули по имени. Несколько раз пересекались на вечеринках, да кивали друг другу, когда встречали в коридорах института. Раза два, кажется...

– Да, сходить надо, – грустно говорит Зак.

– Сестру утешить... что!? Я по-христиански!

– Сочувствую вашему горю, – говорю после похорон Марте Сильвер, – хороший был парень.

– А она ничего так... пухленькая немного, но вполне, вполне... Да и глаза блядские, недаром парни говорят – та ещё штучка! Не то чтобы парней как перчатки, но если уж дала, то – ух! ВСЁ в постели делает. Может, подкатить?

Голос приобретает хрипотцу, а участия чуть больше, чем следует.

– Спасибо, мистер Ларсен...

– Эрик, просто Эрик, – а вот это уже флирт.

– Эрик, – повторяет она, стрельнув глазами, – мы с Барни сводные и никогда не были близки, но всё же родня.

– А это значит да...

– Сочувствую вашему горю, – погладить по руке, властно и уверенно. Не отнимает...

– Всё-таки хороший ты парень, – подошёл ко мне после похорон расчувствовавшийся Зак, в глазах у которого ещё виднелись невысохшие слёзы, – хотя и притворяешься за-чем-то чёрствым. Но я понял – ты же в Латинской Америке вырос, ты не умеешь по другому!

Вздыхаю чуточку напоказ – дескать, раскусил, на самом деле я чувствительный и сентиментальный, готов всплакнуть над судьбой Оливера Твиста¹³⁹, пока никто не видит. Приятель доволен своей проницательность и я добиваю его:

– Пройдусь наверное, тяжело как-то.

– Револьвер с собой? – Тревожно интересуется Зак. Вместо ответа хлопаю по кобуре под мышкой.

– И на щиколотке ещё.

Времена сейчас такие, что без оружия никуда. Гангстерские войны по какой-то причине всколыхнули низы обще-

¹³⁹ Персонаж Чарльза Диккенса, ребёнок-сирота с несчастливой судьбой.

ства, убивают сейчас удивительно легко.

Убийство Сильвера не затронуло ничего в моей душе, но натолкнуло на идею. Вопрос с Берти нужно решать, не слишком затягивая, так почему бы и не сейчас? Под шумок...

Глава 34

Мэнни по прозвищу Большой не слишком удивился записке, найденной в кармане пальто после прогулки по Бродвею. Чернокожий бандит слышал пару раз о подобных случаях, и обычно они предвещали серьёзное дело.

– На прогулке подкинули, значит... Кто бы это мог быть? – Низкий лоб громилы пошёл морщинами от непривычных усилий – Мэнни думал. Едва грамотный, дураком он себя не считал, и не без оснований. Другое дело, что с детства привык больше полагаться на силу и чудовищную, совершенно животную интуицию.

Интуиция молчала и потомок африканских рабов с изрядной примесью крови белых господ, решил пойти на встречу в одиночку.

– С парнями-то оно конечно безопасней, – бормотал он, одевая стёганный жилет из хлопка, способный задержать револьверную пулю. В комплекте к жилету шли два револьвера сорок пятого калибра и изукрашенный индейскими орнаментами серебряный кастет чудовищного веса – едва ли не фунт! – Но так и спугнуть клиента можно. Центральный парк... ага, ага...

Ещё раз продравшись глазами через печатные буквы записки, запомнил-таки условленное место и вышел. Прохожие расступались перед могучей фигурой, шествовавшей с

неотвратимостью ледокола.

Рост свыше шести с половиной футов¹⁴⁰, плечи едва ли не в половину роста, бочкообразная грудь и внушительный живот. Венчала сооружение голова, череп которой антропологи могли бы признать переходным звеном между обезьяной и человеком. Сходство с гориллой поразительное, лет тридцать назад Мэнни могли бы с некоторым успехом демонстрировать в цирке, как полубезьяну.

Даже белые джентельмены из южных штатов, приехавшие в Нью-Йорк по делам, торопливо уступали дорогу хтоническому¹⁴¹ существу. Потом белым становилось неловко от собственного неподобающего поведения... и они предпочитали не вспоминать о воплощении Первобытной Африки.

В парк Мэнни пришёл к условленному времени, когда уже начало смеркаться. Усевшись на скамейку, чёрный широко раскинул руки. Не то чтобы прохожие горели желанием подсесть к нему, но вдруг найдётся какой-то неадекват?

– Ты и правда Большой, – послышался голос из-за стояще-

¹⁴⁰ Шесть с половиной футов – 198,12 см. Соответственно, рост Мэнни свыше 2 м.

¹⁴¹ Хтонические существа (от греч. χθών «земля, почва») или хтонические чудовища во многих религиях и мифологиях – существа, изначально олицетворявшие собой дикую природную мощь земли, подземное царство и т. д. Среди характерных особенностей хтонических существ традиционно выделяют[кто?] звероподобие, наличие сверхъестественных способностей, органично сочетающееся с отсутствием созидательного начала, и оборотничество.

го рядом со скамейкой большого дерева, – не оборачивайся!

Мэнни отвернулся, успев заметить южный горбоносый профиль. Большого разглядеть в надвигающейся темноте не получилось.

– Евреи или итальяшки, – мелькнули мысли, и негр насторожился. Влезать в мафиозные войны желания не было... с другой стороны, именно сейчас можно сколотить капитал и обрести какую-то известность. Сейчас, пока они заняты междоусобными разборками, маленькая рыбёшка имеет шансы откормиться без пригляда хищников покрупней.

– Человечка надо одного наказать, – без обиняков начал южанин, – насмерть.

– Почему я? – Спокойно поинтересовался Мэнни, – в жизни не поверю, чтобы у вас не имелось своих специалистов!

– Есть, – ответил собеседник и замолчал так, что даже в молчании чувствовалось раздражение, – но так получилось, что и нет! Все эти поцы заняты сейчас такими важными делами, как игра в войнушку с мальчишками с других улиц! Некогда им отвлекаться на нужды маленьких людей, а мы тем временем терпим убытки.

– Подождать никак?

– Я так понимаю, тебе не нужны триста долларов, – язвительно поинтересовался еврей, – мне пойти-таки к другому гангстеру?

Но уходить, вопреки словам, не спешил, пояснив несколько нехотя:

– Время. Поц этот взял денежки, чтобы слить матч и не слил. Ладно, бывает... простили, тем более пообещал слить следующий матч. Дали ещё денег, так он снова нас кинул! Нет, ты понимаешь?!

– В итоге поцы теперь вы, – хрюкнул смешливо Мэнни, хлопнув в восторге ладонями по спинке скамьи, отчего та жалобно загудела.

– Понимаешь... – печально согласился наниматель, – и ладно бы... Студент этот из хорошей семьи, отошли бы в сторону, не стали бы связываться. Ну... всё равно предъявили бы счёт к оплате, только позже. Нашли бы, на чём подловить – чисто из принципа.

– Это правильно, – закивал запутавшийся негр, – ну так..?
– Болтать начал, – уныло сказал еврей, – пока в своём кругу, но язык распустил сильно. Если эти мальчишки будут считать, что смогут кидать букмекеров и им за это ничего не будет, нашему бизнесу конец. И возвращать позиции придётся большой кровью – не одного обнаглевшего студента наказывать, а десятки.

– Раз! И всё, – закивал Мэнни понимающе, – эт правильно! Я всегда говорил, что лучше пару раз жёстко поработать, потом проблем меньше будет. Чтоб боялись! Пятьсот долларов, говоришь?

– Не мог я такое сказать! – Возмутился наниматель, – Да не оборачивайся ты! Триста, и то потому, что доплата за срочность!

- Это несерьёзно, – Мэнни сделал вид, что приподнимается со скамьи, приподняв массивный зад.
- Несерьёзно?! – Возмутился горбоносый, – вы его послушайте – триста долларов ему несерьёзно!
- Кто этот меня слушает? – Насторожился чернокожий, хватаясь за револьвер.
- Никто, молодой человек, никто! – Нервно успокоил его еврей, – присказка это такая.
- Аа... а то глядите!
- Хорошо... триста пятьдесят, из них сто пятьдесят авансом. И револьвер. Чистенький, мексиканский, даже номеров нет¹⁴²!
- По твоему, револьвер стоит сто пятьдесят долларов? – Возмутился Мэнни, – четыреста пятьдесят!
- Может и правда другого исполнителя найти? – Вроде как про себя сказал еврей.
- Четыреста и это моё последнее слово! – Твёрдо отрезал негр, напрягшись опасливо. Он согласился бы убить и за вдвое меньшую сумму... но раз уж прёт!
- Эх... ладно! Тогда пулю ему в голову и... язык отрезать – за болтовню, да руку – потому что деньги брал, а отрабатывать не хотел!
- Сперва пулю или язык? – Деловито осведомился черно-

¹⁴² В Мексике довольно много оружейных фабрик и значительное число единиц огнестрельного оружия изготавливаются на них «мимо кассы». На таком оружии не выбивают серийных номеров и потому отследить их происхождение невозможно.

кожий.

– Пулю, молодой человек! Конечно пулю! Нам не помучить его, а просто предупреждение вынести слишком наглым мальчикам.

– Даже так? – Приятно удивился Мэнни, – это несложно.

– Угу... вот досье...

– Что?

– Досье, говорю. Фотография парня, где живёт и всё такое.

– Аа... давайте. Ишь ты, досье!

– И это, Мэнни, – горбоносый слегка задержал пакет, – ты после акции поберегись. Получишь вторую часть суммы, как договаривались, тут не переживай... Просто сам видишь, некому сейчас работать, войнушкой мальчишки заняты! Что-то мне подсказывает, что услуги решительного и неглупого парня понадобятся нам не раз. Адрес оставишь... не хочешь? Ну просто как связаться, если понадобишься.

– Гы! Идёт, – польщено согласился негр, приглашённый в серьёзную лигу.

Еврей с шуршаньем скрылся в кустах, с треском проломившись сквозь растительность, стряхивая с веток подтаявший снежок. Мэнни засмеялся негромко, прислушиваясь к удаляющемуся шуму и сдержанным ругательствам.

И почему он раньше евреев не любил? Нормальные же ребята, без гонора. Понадобился серьёзный парень для серьёзных дел, так ему подошли! Понятно, что сперва к своим... но такой подход негр одобрял. Всегда сперва к своим нуж-

но! Это уже потом, если некому или дельце вонючее шибко, можно и чужаков пригласить – с опаской да оглядкой.

Выждав несколько минут, чернокожий встал и подошёл к дереву. Шляпа еврея аккурат у этого сучка...

– Пять футов и где-то десять дюймов, – пробормотал он оценивающе, – может даже девять, если шляпа на самой макушке. Обувь... ага.

На сырой земле отчётливо выделялись следы подошв, и Мэнни замерил их отломанной палочкой, отломив её по мерке и спрятав в карман. Дураком он никогда не был... подстраховался на свой лад.

Проломившись через кусты, оставил чёткий след и вышел на аллею, где уже загорелись фонари. Сбросив след, снова в кусты, переобуть слишком тесную обувь – шутка ли, меньше на два размера! Вроде бы и недолго гулял, а стесал ноги так, что кровь выступила через носки. Постоять в полуприседе несколько минут для тренированного человека несложно, а вот обувь маленького размера... жуть как есть!

– А ведь завтра бегать... эхе-хе... Может, больным сказаться? Не... тренер меня тогда с говном съест, злопамятная скотина. Ладно, помучаюсь...

Поменял несколько деталей в гардеробе и любой прохожий, считающий себя наблюдательным, уверенно опознает во мне южную кровь. Не итальянец или испанец, но возможно, возможно... или может быть, джентльмен из южных шта-

тов, из креольской семьи? Ничего общего с недавним еврейским персонажем, а все-то несколько деталей.

Домой... к Заку пришлось возвращаться через съёмную квартиру, у меня таких две. Одна почти официальная – для любовниц из тех девушек, что боятся быть скомпрометированными. О её существовании знает Закария Мартин и парочка ребят из кандидатов вроде как догадываются.

Я им проговорился о существовании берлоги, о которой не знают старшие члены братства. С учётом психофизического прессинга новичков козырь немаловажный – скрывается иногда там, где тебя точно не найдут. Убежище... пусть скорее в теории, толку от него мало, но всё же.

Заодно посмотрю, что из моих будущих братьев умеет держать язык за зубами. Каждому проговорился по-дружески... половина проболталась. Остальные пока держатся и... будем поглядеть. Даже если кто и проговорился, со счетов не сбрасываю. Мало ли, в пиво что-то подлили или ещё что.

Есть квартира и на подставную личность, и это уже вполне серьёзно. Можно нанести и снять грим, хранить кое-какое оборудование.

Домовладелец нарочито нелюбопытен, за что и получает за аренду несколько больше реальной стоимости квартиры. А если вдруг что... трюк старый – пара меток, свидетельствующих о том, что квартиросъёмщик то ли гомосексуалист, то ли трансвестит... но однозначно поганый извращенец!

Наткнувшись на тщательно скрываемую тайну и убедив-

шись в собственной проницательности, мало кто полезет дальше. Ну а на этот случай другие метки, говорящие о том, что квартиросъёмщик мелкий аферист.

* * *

Не успели мы попроситься под крылышко ультра-правых, как нами тут же заинтересовалась полиция. Шить дело не стали, но поставили на учёт как трудных подростков и взяли под крылышко, оберегая от опасных наци.

– Уроды, – зло смеялся Курт сквозь набегающие слёзы, когда мы сидели у него в комнате под Рамштайн, – на хрен не нужны были, когда нас мусульмане травили, а как к радикалам пошли, так сразу же нарисовались!

Пожимаю плечами, к полиции изначально настроен скептически, имел печальный опыт общения с полицией российской. Но и в Германии, зная на что смотреть... Коррупции много меньше, а профессионализма много больше, это да. А в остальном всё та же хрень – подчинение политикам, причём не отечественным, а заморским.

– Взгляни на это с положительной стороны, – нарочито цинично говорю другу, – теперь, когда нами заинтересовалась полиция и поставили штампик трудные подростки в личном деле, исламисты будут обходить стороной.

– Штампик, – горько усмехается Курт, – знал бы ты, сколько судебных он поломал.

– А сколько вывел в люди... не знал? Если карту разыграть правильно... ну, оступившиеся подростки, юношеский максимализм, раскаявшиеся... Можно попасть под патриотические программы. Государственные чиновники любят вывести таких в люди, демонстрируя успехи как собственные, так и системные.

– А потянем? – Друг полон скепсиса, – психологи всё-таки недаром хлеб едят. Многократное тестирование никто не отменял, да и беседы вести они умеют.

Вместо ответа начинаю смеяться, – изучал этот вопрос ещё в Москве, не бросил и при переезде.

– Недаром? Ох, Курт... в то-то и дело, что в большинстве своём даром! Кто из психологов пограмотней, те всё больше при университетах подвизаются, да частной практикой занимаются. В корпорации идут, тренинги проводят. Кто на госслужбу пойдёт? Неудачники!

– Не скажи! – Курт уже забыл недавнюю истерику, вскочив с пола и яростным воробьём прыгая передо мной, – на госслужбе оклады неплохие, пенсии.

– Никакого творчества, – продолжаю в тон, – и главное – на поток всё поставлено.

– На поток? Гм... – друг сел, задумавшись.

– Думаешь, они будут нас как шедевр воспринимать? Возиться? Ха! Очередные мальчишки, коих множество. Первичное тестирование – галочка поставлена. Проведена беседа – галочка поставлена. Положительные результаты – галоч-

ка поставлена.

– С этой стороны да, сложности сами себе создавать никто не любит.

– А я о чём?! Если серьёзный психолог возьмётся, то расколет, конечно. Но кому мы нужны?! Да и по большому счёту, к радикалам мы пришли от безвыходности, верно? Так что несложно будет показать раскаяние и прочее... я тебе покажу потом, как это делается.

– А шероховатости?

– Что шероховатости? Ну, углядят... и что? Мелкие нестыковки в любом случае идут, это ж не идеальное уравнение из учебника. Держи хвост пистолетом, дружище! Вангую, мы с тобой ещё попадём в летние военно-спортивные лагеря, а там...

Подмигиваю, и Курт смеётся уже искренне, без надрыва. Оба мы парни спортивные, не понаслышке знакомые с рукопашкой и лёгкой атлетикой, да и от учёбы не отлыниваем. Даже если и оступились, качнувшись в правую сторону, то и оправдание хорошее. Не по дури юношеской, а в поисках защиты!

На фоне малолетних преступников, наркоманов и депрессивных фриков, коих подавляющее большинство в таких вот лагерях, показать себя молодцами несложно. Неуставняк? Вот уж чего не боюсь!

В таких лагерях отставных военных, полицейских и воспитателей-гражданских едва ли не столько же, сколько и под-

ростков. А редкие стычки... пф! Вот уж ерунда!

Глава 35

– Команч! – Сломя голову бегу наверх, чтобы пожать руку ухмыляющемуся брату. Едва спустившись, новый крик и бегу уже в другой корпус. Традиции... приближается адская неделя, во время которой отсеивают выдержавших испытания новичков, и некоторые члены братства начали издевательства заранее.

Пока бегал, девушка ушла, на что только пожал плечами. Не жалуясь на женское внимание, совсем не...

Дело даже не в деньгах, некоторые студенты ничуть не беднее меня. К тому же деньги у них старые. Это важно, поскольку старые деньги подразумевают прекрасные связи с властью имущими – как родственные, так и дружественные.

Не в высоком по здешним меркам росте, не в подтянутой фигуре. Не в корректном поведении – американцы из этого времени знакомы с этикетом, пусть и поверхностно на европейский взгляд.

Я просто разговариваю с женщинами без снисходительного тона. Они здесь привыкли к безусловному подчинению мужчинам, а меня иногда корёжит от этого. Сексизм процветает! Не то чтобы большой сторонник толерантности, но это... Женщинам в принципе отказывают в наличии интеллекта и других интересов, кроме кухни, детей и убажания мужа.

И гигиена, да. Мыться в большинстве случаев мужчины моются, но... не каждый день. Принять ванну раз в неделю считается достаточным. Каждый день? Что с тобой не так?! Курят поголовно, жрут всё подряд... воняет изо рта у каждого второго так, что рот кажется выгребной ямой! К слову, это не считается каким-то недостатком и вообще не принято обращать внимание.

Лишь недавно начали активно продвигать ополаскиватель для рта от дурного запаха. Ситуация потихонечку меняется... поскорей бы!

Привык уже не обращать внимание на запах изо рта собеседника, на запах застарелого пота, на постоянный табачный перегар. А вот женщины, оказывается, не хотят привыкать. Терпят, но не хотят.

Поначалу из-за чистоплотности и ухоженности принимали за представителя сексуальных меньшинств, но это ещё до поступления в университет. Объясняться пришлось не раз, ныне всё благополучно, но картина кадрящего меня мужика засела в памяти и не желает убираться прочь.

Теперь, с проявившимся интересом дам, меня начали принимать за такого бабника с повышенным либидо. Дескать, ну а зачем иначе так стараться?!

Либидо у меня вполне обычное для здорового молодого парня, ничего выдающегося. Да и в постель каждую встречную не стремлюсь затащить, но подыгрываю иногда, пусть...

– Команч! – Бегу трусцой в новый корпус, пожимать ру-

ку...

* * *

– Адская неделя начинается! – С пафосом объявил президент братства, подняв вверх руки, и братья отозвались торжествующим воем, не слишком умело имитируя волчий.

– С этого дня вы не можете выходить из дома, – подхватил старейшина, – вам нельзя спать, переодеваться и мыться.

В глазах братьев светились предвкушающие огоньки, а вот у нас энтузиазма не наблюдалось...

– Опоссум и... Жаба! – Выкрикнул один из братьев. Кандидатов усадили на стулья спинами друг к другу и начали шлёпать по голове – не сильно.

– Клятва настоящего джентльмена из устава братства, – объявил президент, – по слогам!

– Я, – начал Жаба.

– Кля... – подхватил Опоссум.

– ... нусь...

Сбились они быстро и на ошибившегося Опоссума вылили ведро воды со льдом, после чего развлечение продолжилось. Помимо шлепков, кандидатов сбивали с толка выкриками и сигаретным дымом в лицо.

– Команч!

– Я!

– В каком году было основано наше братство!?

Отвечаю, отвечаю... но один из вопросов с подковыркой, за что мне приказывают съесть ложку кошачьего корма. Ситуация несколько раз повторяется, но братья разочарованны реакцией.

– Неужто вкусно? – Интересуется неверяще Альфред-Заноза, пробуя ложку, – буэ... тьфу, тьфу!

– А по мне нормально, – пожимаю плечами, облизывая ложку.

– Что за дрянь жрут в вашем Уругвае? – Поражается Альфред.

– Джунгли, – снова пожимаю плечами, – я с индейцами не раз неделями шатался, жрал то же, что и они.

– А они, по-моему, даже гусениц жрут, – с ужасом проговаривает Заноза.

– Ага, – на лицо выползает мечтательная улыбка. Вспоминаю не о гусеницах, понятное дело...

– Оо... парни, Команча мы этим не пройдем, – подытоживает Заноза. Берти хохочет в сторонке, делясь выдуманностями подробностями моих гастрономических привычек. Киваю с улыбкой – дескать, так и есть, я настоящий дикарь... Антуража ради добавляю гастрономических подробностей из выживальческих передач двадцать первого века. Парочка особо впечатлительных явственно зеленеет, один свешивается с балкона, второй удобряет кадку с фикусом.

– Да ну тебя! – Заноза вручает банку корма и я её доедаю.

Не совсем по уставу, но развлечение братьям обеспечил – кто хохочет, кто смотрит с ужасом.

Меню кандидатов рацион всю адскую неделю состоит из одного продукта. В нашем случае это разваренная до лохмотьев треска, которую заливают то пивом, то майонезом. Не отравишься, но кошачий корм вкусней.

– Обалдеть, – Джереми, бывший в отъезде по семейным обстоятельствам и потому не принимавший участие в травле новичков, растерянно ходил вокруг нас в дорожной одежде, поставив чемоданы на пол, – Что-то парни в это раз перестарались.

Молчим, переглядываясь, не слишком-то доверяя Скунсу.

– Но ведь он почти не издевался над нами, – мелькает мыслишка, и похоже – не у меня одного.

– Не спать неделю – ладно, – продолжает тот, распаяясь всё больше, – испытание духа и всё такое... Полезный опыт, во всех братствах такое практикуется, да и в мистических обществах, как наши предки... Но это?!

Скунс потряс жестяной облупленной тарелочкой (ещё одно унижение-испытание), в которой плавала варёная треска, залитая на сей раз патокой с майонезом – для разнообразия. Еда получилась такой рвотной, что даже у меня не получилось затолкать её в себя.

– По-моему, братья перестарались, – подытожил Джере-

ми, покачав головой, – Эх... не хотел, но ладно.

Открыв саквояж, он достал завёрнутый в бумагу домашний пирог с черникой и посудину с паштетом.

– Тётушка передала, – пояснил он, – ешьте! Хотел братьев угостить, ну... ладно уж, будущие братья. Только помалкивайте, хорошо?

Запах еды убрал тормоза и пирог с паштетом съели за пару минут, честно поделив на всех.

– Раз такое дело, – обвёл нас взглядом Скунс, – то я вроде как и не заезжал, ладно? Пирог с паштетом уже обещал парням, ну да бог с ними, поеду в ресторане закажу.

Брат удалился, а через пару минут Жаба сказал растерянно:

– Что-то брюхо крутит, – и убежал в туалет.

– Ой, – сказал я, заняв второй.

– Пусти! – Долбились в дверь кандидаты. Ответом были совсем немзыкальные звуки из кишечника.

– Скунс! Ну говорящее ведь прозвище! – Стонал я в голос, – надо же было так облажаться. Мне! Слышал ведь о таких подлянках, а попался, как последний поц!

Слабительное, да ещё и в совершенно слоновьих количествах, стало финальным аккордом нашего испытания. Двери туалетов мы сломали, да и то... не всегда и не все успевали добежать.

Наиболее находчивые использовали в качестве горшков добытые с боем кастрюли с кухни и кажется – какой-то ку-

бок.

– Это вам последний урок, парни, – спокойно объяснил Скунс, стоящий рядом с президентом, покачиваясь на носках лакированных туфель, пока мы драили последствия нашего... забега, – доверять можно только своим. Вашим братьям.

Скунс жёстко усмехался и теперь было видно, что несмотря на невысокий рост и непрезентабельную внешность, парень... да какой там парень! Мужчина! Жёсткий мужчина, умный, кручёный жизнью.

– Пока вы не прошли испытания и вас не приняли в свой круг как равных, доверять нельзя, – говорил он, заложив руки за отвороты спортивного пиджака и прохаживаясь между нами, – иначе в последний момент ждите пирога со слабительным!

– В братстве мы научим вас, как распознать – приняли ли вас на равных или нет, – подхватил президент, выглядящий в этот момент как нельзя более величественным, – если конечно захотите. Ваши испытания окончены и те из вас, кто не передумает, придут в дом братства через неделю. А пока – по домам! Отсыпаться.

* * *

Как пассажир первого класса Аркадий Валерьевич благополучно избежал таможенного досмотра в порту Нью-Йорка.

Отойдя от причала, вздохнул полной грудью морской воздух, в котором смешалась океанская свежесть и запахи многомиллионного города.

– Воздух свободы! – Пафосно произнёс он и закашлялся, отхаркиваясь и сплёвывая на бетон.

– Масса? – Нарисовался молоденький негритёнок, почти-тельно взирая на немолодого белого господина и его внушительные чемоданы, – если массе будет угодно, я вызову такси.

– Господи, как же хорошо! – Умилился бывший российский чиновник, вытирая платком рот, – масса... знают пока своё место, собаки чёрные! Не то что наши сиволапые... нет, зря крепостное право отменяли, зря! Вызывай... ниггер!

Если чернокожий и обиделся, то данный на чай доллар утешил его, а странноватый мигрант оказался забытым в тот же день.

Аркадий Валерьевич ехал по Нью-Йорку, узнавая знакомые места. Он бывал здесь как турист... раньше. Да и фильмы, сериалы, телепередачи... куда ж без них современному человеку.

– Это будет мой город, – шептал он, сам того не замечая, – мой и моих детей. Пусть не одиночно, пусть с другими... но я стану магнатом! Великая Депрессия впереди и я вынырну из неё обладателем многих миллионов. А там... пока можно приобрести долю в киностудиях, можно с ноля со-

здать телевиденье, заняться рекламой... Фамилию Постников будет знать каждый!

Почти тут же он замолк, шевеля губами и глядя на проплывающий за окном индустриальный пейзаж.

– Или изменить? Постникофф... Поглядим, такие вещи с бухты-барахты не решаются.

Таксист поглядывал изредка на странноватого пассажира, ничуть не заинтересовавшись маниакальным поведением. Много таких среди приезжих... сколотят капиталец, да думают приумножить его в мировой финансовой столице в десятки и сотни раз.

Чаще всего разоряются и уезжают, но бывает, пропадают с концами. Прыг с моста... кто будет искать разорившегося мигранта всерьёз?

Бывает, что и преуспевают, но нечасто, ох нечасто... Он, Коста Ставродакис, много людей повидал.

* * *

– Мистер Ларсен! – Слышу сквозь сон и отмахиваюсь – зовут какого-то Ларсена, а я Браун, – мистер Ларсен!

– Что тебе, Джорджи? – С трудом приподнимаю голову от подушки и гляжу на часы.

– Часов шесть всего прошло, как я вернулся с адской недели! Смотри, если там не потоп или что равнозначное...

– Полиция, сэр, – испугался слуга, – настойчиво хотят

войти.

– Полиция? – Сажусь на постели, потирая глаза, – ладно, впускай.

– Они уже в холле, мистер Ларсен, – повинился Джорджи, – я счёл неуместным биться с ними на кулачках. Редкостно наглые типы!

– Готовь кофе...

– Уже, сэр. Генри сразу пошёл на кухню, как услышал про полицейских. Сказал, что кофе вам понадобится не один галлон.

– Ладно, спускаюсь... Зак им нужен?

– Да, сэр. С вашего разрешения, пойду его будить.

Зевая и потягиваясь, спустился по лестнице на первый этаж, в халате поверх пижамы. Да, привык к пижаме... сыро здесь и прохладно, а топить жарче Зак не привык. Ну а поскольку дом его, то и правила устанавливает Мартин.

– Господа, – приветствую полицейских в гостиной, тут же плюхаясь в кресло и наливая себе кофе из стоящего на столе серебряного кофейника. Полицейские уже сидели с полными чашками напитка и грызли печенье.

– Лейтенант О'Хара, – представился темноволосый крепыш лет сорока.

– Детектив Майли, – представился светлый здоровяк чуть за двадцать.

Они молчали, не заводил разговор и я – слишком устал, глаза закрываются. Через пару минут спустился Зак, такой

же сонный и зевающий.

– Что вы знаете об убийстве Берти Кроуфорда, – резко спросил Майли.

– Берти убили?! – Вскочил Зак, – когда?! Где!? Вы должны найти негодяев!

– Берти, – моя реакция куда боле вялая, – его убили?

– Где вы были в момент убийства? – Насел на меня Майли.

– Кого? А, Берти... нет, господа, не издеваюсь. Адская неделя, слышали? Братство Фи Бета Каппа. Только-только закончилось, мы не спали...

– Пойдём, Майли, – встал лейтенант с кресла, – всё ясно. Сам в своё время... не могли они, это точно. А расспросы...

Он окинул нас взглядом и вздохнул.

– Раньше чем через сутки вообще можно ничего не спрашивать.

Перевожу взгляд на Зака и киваю. Тот спал, пускаю слюни, а на щеках виднелись мокрые дорожки от недавних слёз. Какой там допрос...

* * *

– Странное какое-то дело, сэр, – сказал детектив лейтенанту, когда они вышли из дома, – вот поверьте моему нюху, они как-то замешаны в убийстве!

– Брось, Том, – отмахнулся начальник, – всё тебе заговоры мерещатся. Если что и было, то максимум выяснение по-

зиций в стае, не больше. Это я тебе как член братства скажу. Берти смог заработать с помощью Ларсена, то есть вроде как младший в стайной иерархии, понимаешь?

– А в братстве он старший, потому и придирки, – понял детектив, – просто строил новичка, сэр!

– Именно, Майли, – уверенно кивнул лейтенант, вкусно затягиваясь папиросой и поглядывая на синее апрельское небо, – именно. А убийство странное, тут ты прав. Записка плати по долгам и слушок, что он связался с букмекерами? Не верю я в это, не те люди, не то воспитание.

– А если разборки старых семей, сэр? – Загорелся детектив, – решили пустить по ложному следу.

– Может быть, Майли, может быть...

Глава 36

Нервно сжимая погасшую трубку и не замечая подпалин от просыпавшегося пепла на старом ковре, Петер Ларсен снова и снова перечитывал письмо, покусывая кончик длинного уса.

– Мать! – Позвал наконец супругу, – поди сюда! Что-то мне кажется, глаза подводить стали или выпил вчера с парнями что-то не то. Новости больно хорошие, всё поверить не могу, что не сплю.

– Руки сполосну, – отозвалась женщина из кухни, – погоди. Что тут?

Петер протянул ей письмо и Тильда охнула, схватившись за сердце и оседая на потёртый, набитый конским волосом диван.

– Тысяча долларов, – сказала она благоговейно, часто моргая, – это хватит не только на учёбу Олаву, но и... Погодь! Давай-ка в банк сбегаете! Начали планы строить, а там мало ли как обернётся.

Наспех одевшись, супруги поспешили в банк и через полчаса стояли перед служащим, неловко переминаясь с ноги на ногу на потёртых мраморных плитах.

– Да, – подтвердил благожелательно клерк, подняв бумаги, – ещё в прошлом году Эрик Ларсен открыл счёт для учёбы ваших детей. Тогда было положено триста крон, а бук-

важно вчера сделан перевод на тысячу долларов.

– Тысячу, – выдохнула Тильда таким голосом, которого Петер не часто слышал и в постели, – да на такие деньги...

– Это ещё не всё, – перебил клерк, – при успехах в учёбе мистер Эрик Ларсен гарантировал оплату университета – здесь, в Дании, или же в США. Не только Олаву, но и всем вашим детям.

Назад супруги шли, взявшись под руки и не ощущая под ногами каменной мостовой.

– Хорошо, – выронил тяжеловесно Петер, пыхнув дымком и улыбаясь в прокуренные усы.

– Домик в собственности, будущее детей обеспечено Эриком, – отозвалась Тильда, прижимаясь боком, – может, ещё парочку сделаем, а? Раз уж деньги будут...

* * *

Потихонечку скупаю здания, которые можно перестроить под гостиницы. Задача выглядит тривиальной, но увы – только выглядит.

Казалось бы, ну что может быть проще – скупай себе дома в бедных районах, да перестраивай потихонечку под хостелы! А вот хрена – приходится учитывать интересы местных мафиози и политиканов, да и настроения местных жителей нельзя сбрасывать со счетов.

С итальянской и еврейской мафией решил не сотрудничать, они ныне недоговороспособны, продолжая увлечённо, резать, стрелять и взрывать друг друга. И если в мирное время можно договориться с мафией еврейской, но сейчас рискованно.

Итальянцы, с их недоверчивостью к чужакам, если и не попытаются перехватить бизнес, то по меньшей мере воткнут туда своих людей. И будет у меня не сеть дешёвых, но вполне приличных гостиниц-ночлежек, а очередные притоны со скупкой краденого, проституцией и прочими нехитрыми промыслами обитателей трущоб.

С мафией еврейской та же история – рядовые члены их банд обычно выходцы из представителей других народов, сами же иудеи не спешат вербоваться в боевики. Особенно сейчас, в военное время. Под пули за чужие капиталы?! Ищите дураков не в синагоге!

Представители других народов, не без помощи Родригеса с его анархистами, решили отойти от евреев и замутировать свои, национальные банды и бандочки. Пока большие воюют, маленькие имеют все шансы подрасти.

Кадровый голод у евреев жесточайший, людей не хватает отчаянно. Удержаться в такой ситуации от использования хостелов они не смогут. При необходимости будут нарушены любые договорённости и мои гостиницы станут вербовочными и опорными пунктами одновременно.

Есть ещё немцы... но там ушки спецслужб торчат так,

что бандитам осталось только погоны навесить. Значительная часть в не таком уж давнем прошлом имела звания, а ныне поддерживаются излишне крепкие связи с организацией Стальной Шлем¹⁴³. А оно мне надо, иметь дела с чёрным¹⁴⁴ рейхсвером¹⁴⁵?

Чернокожие и латинские банды имеются, но выполняют скорее карнавалы функции и отчасти – что-то вроде этнической милиции. Расизм в настоящее время принимает порой очень агрессивные формы.

Остаются только ирландцы, занимающие почётное третье место в списке мафиозных структур. Они ныне возвращают позиции, просто оставаясь в стороне от войны.

Без крыши? Увы... действительность в США конца двадцатых годов двадцатого века очень близка к России девяностых. Наглухо отмороженные бандиты, коррумпированные чиновники... Единственное преимущество серьёзного,

¹⁴³ «Стальной шлем, союз фронтовиков», – немецкая правоконсервативно-монархическая политическая и боевая организация в 1918–1933 гг. Созданная в декабре 1918 года в Магдебурге реваншистски настроенными офицерами после поражения Германии в Первой мировой войне. Евреям и социалистам членство в организации было запрещено.

¹⁴⁴ Тайным.

¹⁴⁵ Рейхсвер – вооружённые силы Германии в 1919–1935, ограниченные по составу и численности условиями Версальского мирного договора 1919 года. Вербовались по найму (115 тыс. человек и ограниченное число кораблей). По закону об обороне страны, который был принят Рейхстагом 23 марта 1921 года, германские вооружённые силы (Reichswehr) подразделялись на сухопутную армию (Reichsheer) и военно-морской флот (Reichsmarine).

не замешанного в грязных делишках игрока – сниженные тарифы.

Именно поэтому действую не напрямую, от своего имени, а через свой швейцарский банк и дальше через парочку фондов. Но деваться некуда, похищение ради выкупа едва ли не национальная забава, Нью-Йорк этим особенно славится. Выкуп, заставить переписать на другое имя какие-то активы...

Я и сейчас не в безопасности, несмотря на весомый авторитет братства – копать землю, если что, будут люди очень серьёзные. Для этого и вступал.

Лежащие где-то там, в Европе, капиталы, заставляют отводить от меня глаза подавляющее большинство потенциальных похитителей. Наличие границ заметно осложняет жизнь гангстеров – время на улаживание формальностей понадобится нешуточное. Отжать капиталы, лежащие в банках других стран, почти невозможно.

А хостелы – вот они, готовый бизнес. Бери и отжимай! Оформлены в США, а значит – меньше банковских и таможенных формальностей, проще подкупить чинушу или политикана, взять полицейских на зарплату в конце концов!

Неудобно управлять разворачивающимся бизнесом при столь длинном плече, но пока так спокойней. Позже, когда пройдёт самый известный финансовый кризис двадцатого века, ситуация может быть изменится... а может быть и нет.

– Боксёрский матч? – Приподнимаю слегка бровь, – да ещё между братствами?

– Неформальный, – успокоил меня Давид Андерсон, – только действительные члены братств нью-йоркского университета. В твоей весовой категории у нас нет достойных боксёров. Ливски разве что, но это вовсе уж крайний случай, полгода всего занимается – когда не пьянствует...

Представлять братство на ринге честь немалая, и от того, что поединки вроде как неформальные, честь только выше. Только свои – будущие политики высокого уровня, воротились с Уолл-стрита, топ-менеджеры крупных корпораций, крупные учёные.

– Конечно согласен, – отвечаю не раздумывая, – только мне в таком случае не до учёбы в ближайшие две недели будет. Прикроете?

– Конечно, – с лёгкой укоризной отвечает Давид. Действительно, что это я... Братство всегда выручает своих, а уж если президент сам подошёл к тебе, то можно и не спрашивать, – Тренер нужен?

– Посоветовать... хотя нет. Давид, такое дело – боксёр я неплохой, но бокс для меня вторичен, всё больше рукопашкой по типу джиу-джитсу занимался. Привык в итоге смешивать связки и работать грязненько по спортивным

меркам. Тебе как нужно, чтобы я дрался – чисто или грязно?
– Задача... – Давид задумчиво пригладил тонкие усы, – сумеешь предельно грязно, но в рамках правил? Покажем на турнире разные школы бокса.

– Тогда тренер нужен из бывших профессионалов – не обязательно чтоб блистал в прошлом. Лучше грамотный профи среднего уровня, но чтоб на ринге лет двадцать провёл.

– Мастер по подлянкам, – понимающе кивнул Андерсон, – да, это интересно может быть.

– Соперники сильные ожидаются?

– Откуда? – усмехнулся собеседник, – спортсменов в братствах немало, но в основном футболисты, бейсболисты и легкоатлеты. Редко-редко борцы. Если все братства нашего университета взять, то парочка интересных ребят-супертяжей есть, да среди мухачей несколько. Остальные так... А что, есть какая-то идея?

– Есть, но не уверен пока, что получится, так что обещать не могу. Тренер... знаешь, я наверное найму. Есть возможность закрытый зал арендовать?

– В университете нет, но неподалёку можно, – оживился президент.

– Да, парням тоже буду рад, – понял невысказанное я, – можно будет и не одного тренера нанять. Один с академической техникой, другой спец по грязной игре. Врача непременно, массажистов парочку.

– Масштабно, – присвистнул Давид, доставая портмоне.

– Я плачу. Не возражай!

– Не буду, – засмеялся Андерсон, пряча портмоне в карман, – я недавно хорошо потратился, выручал одного балбеса из некрасивой истории.

– Мюриэль?

– Слышал уже... – расстроено протянул Давид, – мда... некрасиво вышло.

– Не расползлось, – понимаю переживания президента, – у меня свои источники.

– Полиция?

– Они. Связь с парнями поддерживаю, лишней не будет.

В общем, подвели Мюриэль...

– Так, – нехорошим голосом протянул Давид, – невинная жертва насилия, значит?

– Дослушай! Подвели, но девица не причём, обычная наивная дурочка, которыми легко манипулируют. Есть моменты настораживающие, капитан мне передал свои пометки. Да, позже отдам. В дела братства полиция лезть не стала, раз уж мы дело замять решили, но несообразности отметили.

– Свои? – Выдохнул Андерсон в бешенстве.

– Может и чужие, – развожу руками, – но как минимум вхожие. Полиция... сам понимаешь.

– А мы бы и внимание не обратили на несуразности, – кивнул президент, – благодарю, Эрик. Буду должен.

– Вот, – провёл рукой пожилой мужчина, показывая запылённый спортивный зал, – когда-то сам занимался, но лет десять не могу на ринге прыгать. Спина, чёрт бы побрал то купанье в ледяной воде...

– Вам не тяжело будет выносить общество шумных и порой наглых студентов в своём особняке, мистер Бёрджес? – Интересуюсь для порядка.

– Сынок, – старик похлопал меня по плечу, – если я задеру штанину, на моей щиколотке будут видны инициалы нашего братства, в коем полвека назад я стал президентом! Вынести полтора десятка молодых парней из моего же братства в течении двух недель? Чёрт подери, да мне будет приятно вспомнить молодость!

Оглядываю зал... очень недурён! По меркам века двадцать первого нашлось бы немало замечаний, а по нынешним меркам, так и придраться не к чему. Боксёрский ринг, борцовские маты в углу, есть турники и шведские стенки, гири и штанги... живём!

– Сам составлял, – с гордостью сказал владелец трёхэтажного особняка.

– Гм... мистер Бёрджес, а вы бы не хотели заняться этим для университета? – Спрашиваю без обиняков. Видно, что старик застоялся, – у вас как бы не лучше, чем у университета скомпоновано.

– Давненько я туда не заглядывал, – удивлённо сказал старик, – что, совсем бедно?

– Скорее бестолково! – Отзываюсь в сердцах, – вроде всё есть, но куча лишнего барахла, а действительно важных мелочей не хватает.

– Понял, сынок, – оживился мистер Бёрджес, – загляну! Походу, попечители мимо тренеров лезут с помощью, есть такие умники... да, непременно загляну!

– В доме братства можно сделать всё тоже самое, – проворчал один из спортсменов, затаскивая чемодан в спальню, – ещё и делить комнату с двумя парнями! Ад!

– Нельзя, – отвечаю, распаковывая вещи, – глаз вокруг слишком много. Заниматься самостоятельно ещё смогли бы, но тащить в дом братства тренеров, массажистов и спарринг-партнёров, это уже слишком!

– Знаю, – вздохнул Ливски, клятвенно пообещавший похудеть за ближайшие две недели, – это я так... Настроение портится, как представляю свою диету на ближайшие дни. Шпинат и прочая гадость...

– С чего ты взял?

– А разве не так? – Интересуется Тревор, – я вот что-то не помню вкусной, но лёгкой еды.

– В европейской кухне её и правда мало, – соглашаюсь с легковесом, – так что у Ливски будут недели азиатской кухни! И будь уверен, Джок – вполне вкусной еды.

– Знакомьтесь, парни, – говорю на правах капитана ко-

манды, выстроив парней в одну шеренгу в спортзале, – на ближайшие дни вы попали под командование этим милым людям.

Милые люди улыбаются улыбками щербатых аллигаторов. Бывший боксёры, а ныне не слишком-то преуспевающие тренеры (профессиональные качества не причём – кризис на дворе) похожи, как родные братья. И пусть у одного кожа чернее кирзового сапога, а второй белокож и отчаянно рыж, роднят их физиономии профессиональных бойцов.

Множественно сломанные носы и уши, мелкие шрамики от рассечений на лицах. Разбитые руки с узловатыми, навечно припухшими, приплюснутыми суставами. Движения опасных хищников, текуче-плавные, с постоянным удержанием всего и вся в поле зрения.

– И за спину никого не допускают, – отмечаю мысленно, – похоже, не только на ринге кулаками действовали. Банды? Скорее всего, как ты их не называй.

– Физическую подготовку буду вести я. Не удивляйтесь! Вспомните, что вхожу в сборную университета по лёгкой атлетике с первого курса и регулярно занимал призовые места, несмотря на все сложности бытия кандидатом в братство. Так что понимаю кое-что в атлетике!

– Знаем, – проворчал один из братьев, – помним, что ты полицию тренировал. Капитан Скотт из двадцать восьмого мой двоюродный дядя, он о тебе очень лестно отзывался.

– Прекрасно, – ухмыляюсь отрепетированной акульей

улыбкой, – побежали по залу! А теперь на пяточки, руки вверх... тянемся, тянемся...

Незамысловатые упражнения из боксёрской разминки некоторым явно в новинку, что удивительно. Впрочем, всё развивается...

Тренеры по договорённости пока не вмешиваются, наблюдая за физической формой братьев. Только черкают что-то в больших блокнотах. Позже информация пойдёт в специальные журналы, заведённые для каждого спортсмена.

Как проявил себя на конкретной тренировке, самочувствие, сила воли, общая тренированность, физические особенности... Геморно, но учитывая, сколько тренерам платят... будут вести журналы без писка.

– Лучше б я сдох! – Простонал Ливски час спустя, когда мы начали заминку.

– Не сложней адской недели, – философски заметил Тревор, которому физуха далась значительно легче.

– Что-то мне подсказывает, выдавил толстяк Ливски, косясь на меня, – что через две недели ты будешь говорить иначе.

Что сказать... хорошая интуиция у Ливски.

Глава 37

Кружимся по рингу с четверокурсником из Альфа Тау Омега, осыпая друг друга ударами и уходя от них. Поединок принципиальный, бой идёт за второе место.

Первое место в нашей весовой категории уверенно занял долговязый потомок шотландцев из Бета Тета Пи, работающий кулаками со скоростью швейной машинки. Не будь у меня за плечами кандидатства и адской недели, изрядно подточивших здоровье постоянным недосыпанием и питием, мог бы и поспорить с шотландцем... увы.

Противник мой плотный крепыш, ниже почти на голову, но длиннорукий, как орангутанг. Удары мощные, акцентированные, да и выносливость неплохая. Единственный недостаток – думать не умеет во время боя. Столкнувшись с неправильным поведением соперника, теряется, останавливаясь или начиная бестолково размахивать руками.

Будь у меня форма чуть получше, четверокурсник лёг бы ещё на втором раунде. К сожалению, не хватает... а лезть под тяжёлые удары ради шанса ударить покрепче самому не тянет. Бокс для меня, это искусство наносить удары, не получая их.

Взято из фехтования, но мне нравится. Никогда не понимал любителей мясорубок. Нет, если надо, могу... но если не надо, то зачем?

– Майки! – надрываются на стороне противника, – левой-левой, потом правой! Потом уклон вправо, влево, по ли-веру снизу и боковые!

Майки на несколько секунд останавливается и послушно следует инструкции, вызывая у меня невольную усмешку. На тренировке такое уместно, а в бою выглядит смешно. Впрочем, уровень соревнований не то чтобы высок...

Технически у меня твёрдый второй разряд, ближе к первому, причём было это давно и неправда. Потом боксёрская техника изрядно замусорилась техниками сторонними, и две недели активных тренировок ситуацию не слишком-то исправили. И ничего, один из лучших боксёров турнира!

Левый-левый от Майки принимаю на перчатки, одновременно отступая слегка – ровно настолько, чтобы не спугнуть, чтобы не начал атаку заново.

–левой-левой, – читаю по губам противника, – правой.

Перчатка впечатывается в мою, прижатую к подбородку, качаю корпусом назад, показывая – достал, добивай... Обрадованный Майки делает положенные уклоны, левой в ли-вер...

... которой я блокирую скручиванием, потом резким ударом локтя по перчатке отбрасываю руку в сторону. Бок Майки открыт и тут же наношу туда два удара и третий – боковой по челюсти!

Качнувшись, Майки пытается обхватить меня и войти в клинч. Ухожу под руку вправо, воткнув левую в солнечное

сплетение, и оказавшись чуть сбоку – в челюсть. Противника разворачивает слегка на меня, и на всякий случай вбиваю левую снизу в подбородок. Всё, чистая победа!

Вижу размахивающего руками судью и отхожу в свой угол, только сейчас замечая, что дышу как запалённая лошадь. Нет, надо приводить себя в форму... бегать в ровном темпе ещё могу, но рваный ритм не выдерживаю совершенно. Жуть! Меньше ведь года назад мог продержаться двенадцать раундов! Не в серьёзном бою, а в лёгком спарринге, но всё-таки. Раундов шесть в нормальной схватке точно продержался бы.

– Ты как? – Интересуется подскочивший Зак.

– Надо меньше пить, – вылетает с языка.

– Тебе по голове прилетело? – Встревожился Мартин, – покажи зрачки!

– Нет, нормально всё...

Меня потащили на ринг, задирая руку. Серебро моё!

– Надо будет повторить в том году, – предлагаю Андерсону, подскочившему обниматься.

– Надо, надо! – Смеётся тот, – вот тебе и отвечать, раз уж сам захотел!

– Интересные бои, – подошёл ко мне президент Зета Пси на последовавшей после боёв вечеринке.

– Мне тоже понравилось, – улыбаюсь в ответ.

– Новый коктейль? – Принюхивается Джером к моему бо-

калу.

– Сок, просто сок.

– Губы разбиты?

– Немного... да это ерунда. Просто если по голове прилетело хоть чуть-чуть, алкоголь вообще нельзя.

– Не знал, – удивляется тот, на что пожимаю плечами – информация не секретна.

Джером тем временем заводит разговор – кто я, откуда... В общих чертах это общеизвестно, но познакомится с перспективным студентом всегда полезно. А что я перспективный, никто уже не сомневается.

Участие в легкоатлетической сборной, тренировка полицейских, бокс. И главное – заработанный на нефтяной спекуляции капитал.

Когда со всем этим грузом я прошёл испытания в старейшее студенческое братство Северной Америки¹⁴⁶, причём на первом курсе и будучи гражданином другой страны, новые друзья начали появляться будто методом деления.

* * *

Экзамены благополучно сданы и даже (вот чудо!) очень недурственно. Знаний, правда, от этого не прибавилось...

¹⁴⁶ Общество Phi Beta Kappa (англ. Phi Beta Kappa Society) – старейшее почётное студенческое общество (изначально – братство) в Соединенных Штатах Америки, основанное 5 декабря 1776 года.

Ну что поделывать, в братство шёл как раз за связями, они порой полезней знаний. Ничего, подучусь и догоню.

– Есть планы на лето? – Поинтересовался Зак.

– Миллион и одновременно никаких, – отвечаю легковесно, – так что если есть предложения, готов их выслушать.

– Отец тобой заинтересовался, приглашает недельку в Вашингтоне погостить.

– Почему бы и нет? Заодно и Капитолий повидаю.

– Да хоть президента, – отмахивается Зак и до меня доходит наконец – в какие же верха я влез! Для Зака президент старый знакомый семьи – немолодой дядька, который не раз бывал у них в гостях и качал маленького Закарию на коленке. Собственно, как и добрая половина крупных политиков, независимо от политических пристрастий. Родня, члены братств, партнёры по бизнесу... а чаще всё одновременно.

– Я слышал, тебя ребята из братства хотят пригласить к себе, с семьями познакомиться.

– Только за. Давай со мной? Ты почти всех этих людей знаешь, так?

– Так.

– Ну вот, мне полегче малость, да и ты проветришься. Я так понимаю, по всей стране покатаемся?

– Не по всей... но да.

– Не самый худший способ провести лето, – подвожу итог, – путешествие, знакомство с новыми людьми. Навер-

няка всё больше в летних домах гостить будем?

– Где ж ещё? – Удивляется Зак, у семьи которого с десятков резиденций по стране, – иногда в городских домах, но это если в театр сходить захочется.

– Ещё и на природе... парни! – Ору истошно братьям, – мы с Заком решили по стране покататься! Если кто хочет пригласить нас погостить, только за будем! От себя обещаю байки про Южную Америку и свободные уши для ваших отцов и дедушек. К сестричкам обещаю не подкатывать, но не обещаю соблюдать обеты целомудрия, если подкатывать будут они!

Парни посмеялись, хлопая меня по плечу, но приглашения получил почти от каждого. Некоторые собирались провести лето в Европе, от них получил на Рождество.

Понятно, что посетить дома более чем сотни братьев за лето невозможно, но хоть что-то! Очень нужно знать, как живёт и чем дышит элита США.

* * *

Глубоко вздохнув, Максим шагнул к выходящему из ресторана нетрезвому сотруднику советского торгпредства¹⁴⁷ в Берлине.

– Ну что же вы, товарищ Лейба, – укоризненно сказал он,

¹⁴⁷ Торгового представительства.

подхватывая сотрудника под локоток и будто продолжая беседу, – так подвести Исаака, ай-яй-яй...

– Кто вы? – Вяло отреагировал гражданин СССР, пьяненько икнув.

– Кто, вас не касается, – с пафосом особо важной персоны сказал бандит и тут же смягчил тон, – могу сказать лишь, что ревизор. Это вас устроит? Не смотрите на меня с таким ужасом и не пытайтесь узнать – маскировка, знаете ли.

– Я не...

– Мы знаем, что вы не, – передразнил его Максим, усаживая в арендованный на чужое имя автомобиль, – не беспокойтесь, у вас достаточно родственников и друзей в Москве, чтобы прикрыть ваши не. А вот кое-кто из ваших старших товарищей забыл более старших товарищей и излишне обнаглел.

– Николай Николаевич?

– Ну вот, вы и сами всё понимаете, – хмыкнул Парахин, вырывая на трассу, – заигрался товарищ Крестинский¹⁴⁸ и утратил чувство меры, вместе с чувством благодарности.

– Но у него... – Лейба повёл глазами вверх.

¹⁴⁸ Крестинский Николай Николаевич, старый большевик. В описываемое время полпред (посол) в Германии. Человек крайне нечистоплотный финансово, увлекающийся политическими и экономическими махинациями. Сторонник Троцкого. В 1938 году осуждён (связи с Германской разведкой, Троцким, подготовка партийного террора) и расстрелян. В 1963 реабилитирован, но скорее всего – зря. Впрочем, при Хрущёве реабилитировали всех жертв Сталина скопом, без особого разбора на невинных и виноватых.

– Покровители? Знаем, знаем... Ничего по-настоящему серьёзного Николаю Николаевичу не грозит, но показательная порка в узких рядах всё же предстоит.

– Я бы не хотел ввязываться во всё это, – нерешительно начал Лейба, потя от страха.

– Поздно, батенька, – усмехнулся Максим под гримом, сворачивая в сторону небольшого посёлка, где снял небольшой дом, – вы уже ввязались. Если вы думаете, что своим молчанием спасёте от порки Крестинского, то зря. А вот сами влетите... родственники и друзья заступились за вас, но мы пошли им навстречу только при учёте вашего с нами сотрудничества. Нет? Не сядете, не волнуйтесь... просто проедете на Крайний Север, заведовать крохотным магазинчиком. Хотите?

– Н-нет, – испугался сотрудник торгпредства, – очень не хочу. Но...

– Узнает? Если вы будете молчать, то и не узнает. Вернётся в Москву товарищ Крестинский и получит своё... вы о том скорее всего и не узнаете. Говорю же – порка будет проходить в узких кругах. При всём моём уважении, для вас высокомерно. Впрочем, и для меня. Специалист я хороший, скажу даже – местами уникальный. Но до кремлёвской верхушки не дотягиваюсь и вряд ли дотянусь.

Прекратив забалтывать собеседника, подъехал к дому и задом зарулил в полутёмный гараж.

– Пройдёмте, товарищ, – сказал бандит, – алкоголя не обе-

щаю, уж не обессудьте. Но думаю, вам и так уже хватит. А вот кофе напую отменным, научился.

– Я в Батуми пил по-турецки, – подсказал осмелевший Лейба, проходя за Парахиным на кухню.

– По-турецки? Недурно... но знаете, удивлю-ка я вас! Несколько рецептов из Южной Америки в голове засели, оцените как раз. Сомневаюсь, что в Союзе вы такой где-нибудь попробуете, да и в Европе знатоков немного. Это, знаете ли, рецепт напрямую от плантаторов, а уж они знают, как правильно потреблять производимый продукт! Да и на экономию оно глядеться не нужно – своё же.

Сидя на кухне и наблюдая за умелым священнодействием агента, Лейба одновременно нервничал и пребывал в восхищении. Крестинский всё-таки фигура... с другой стороны – не он, так кто другой, да и зарвался Николай Николаевич, откровенно говоря.

Настолько зарвался, что и контакты с германской разведкой могут обнаружиться. Никаких расписок, упаси боже! На таком уровне иначе действуют – немного шантажа, немного взаимовыгодных интересов...

Да и агент... откажи такому, попробуй! Рослый, атлетичный, с уверенными движениями профессионального боевика, он явно ещё и эрудирован, оперируя в разговоре незнакомыми самому Лейбе понятиями.

Явно волкодав высшего класса, как бы не из той, старой

гвардии, оставшейся от царских времён. Да... по возрасту подходит! Кадровая разведка, много их тогда перешло на сторону большевиков, после отречения царя и вторжения войск Антанты на территорию России.

Южная Америка, Аравия, Африка... не представившийся агент мимоходом сыпал географическими понятиями, и ясно было – не из книг информация, бывал он там. Это... внушало.

Подобная география пристала скорее представителю высшего общества, путешествующего от скуки. Или... агенту высочайшего класса, который выполняет невыполнимые поручения.

В груди представителя торгпредства разлилось чувство обречённости и одновременно облегчения. Играть против такого... да никогда!

Максим, священнодействуя с кофе, поглядывал время от времени на клиента, давая подобранными фактами и мелкими подробностями. Созрел...

– Не тревожьтесь, – участливо сказал он, разливая кофе, – останетесь живы и даже здоровы. Легенда вам уже заготовлена, будьте готовы к лёгкой нахлобучке за аморалку. Ну да не впервой, верно? Тем более – человек вы взрослый, неженатый... да и по легенде – не к проститутке заехали, а сумели очаровать милую девушку-студентку. Голову намылят, но скажем так – с чувством некоторой зависти и отчасти даже

восхищения.

– А девушка? – Брякнул Лейба и тут же смутился.

– Интересно стало? – Хмыкнул Максим, – в спальне. Приняла снотворное, чтоб не мешать разговору. Хотите глянуть?

Текучим движением встав из-за стола, поманил мужчину за собой и провёл в спальню. На большой двухспальной кровати спала миленькая девушка – как раз такого типа, что любил Лейба. Рослая, светловолосая и светлокожая валькирия.

– Всё, хватит любоваться... – Максим выставил его из спальни, – девушка честная, но несколько авантюрная, так что шансы у вас есть. Намекнёте на причастность к тайнам... ну да не мне вас учить.

Лейба закивал – знакомо! Что в Союзе, что в Германии девушки любят некий флер загадочности. Приправить это небольшими подарками и хорошо подвешенным языком...

– Что ж... вижу, вы в порядке?

Лейба закивал, сваренный агентом кофе взбодрил его и протрезвил необыкновенно.

– Замечательно. Раз так, пишите – сперва по Крестинскому вчерне, потом по его сторонникам, противникам.

– Зачем, позвольте полюбопытствовать? – Насторожился Лейба, – вы же всё знаете, кроме разве что деталей.

– Мы, – подчеркнул голосом Максим, глядя на него с лёгкой насмешкой, – знаем если не всё, то многое. Интересует ваша откровенность.

– Понял, простите...

– На первый раз прощаю, – серьёзно сказал Парахин, оставляя чашку, – а ещё открою вам небольшой секрет. Не исключено, что поможет в будущем. Описывая вроде бы хорошо известное, вы прежде всего структурируете свои мысли. Такие подробности из памяти вытащить можно, что удивитесь...

– Следователи! Точно! – Хлопнул себя по лысоватому лбу Лейба.

– Положим, не только следователи, – благосклонно кивнул Максим, – но мысль вы уловили. Так что пишите, Лейба, пишите...

Глава 38

Резиденция Мартинов в Вашингтоне не впечатляла ни размерами, ни хорошим вкусом. Двухэтажный особнячок поразительно безлик снаружи, сливаясь с сотнями таких же стандартных особняков столицы США.

Внутри особняк сдержанно помпезен и официален, всё здесь призвано подчеркнуть старые деньги семьи. В общем-то получается, но нарочитая правильность одновременно даёт понять, что несмотря на допуск в политическую элиту США, позиции Мартинов далеко не на вершине Олимпа.

– Интересно, – разглядываю фотографии, прохаживаясь вдоль стен. Люди, в которых отчётливо проглядывалось семейное сходство с Заком, позировали с крупными политиками и предпринимателями.

– Так себе, – равнодушно отозвался Зак, – на втором этаже и в кабинете у отца есть по-настоящему интересные фотографии, а это так... стандартный набор. Показать?

– Будь добр.

Поднявшись на второй этаж, следующий час мы посвятили экскурсии в прошлое Мартинов.

– ... это дедушка, – небрежно-равнодушно бросил Зак, – с Мак-Кинли¹⁴⁹ после охоты, приятельствовали. Тафт¹⁵⁰... хо-

¹⁴⁹ 25-й президент США.

рошо его запомнил, он на дне рождения у отца выпил крепко. Ну а я маленький совсем, на глаза ему попался – в воздух подбрасывал.

– ... братья сводные. Вуди в Мировой¹⁵¹ успел поучаствовать, лейтенантом. В России шрам заработал... ага, в Архангельске. Русских не любит после этого... зато капитал как раз в России первый и заработал.

– Помимо наследства?

– Да. Наследство ещё попробуй получить, – Зак скривился, – таким количество условий иной раз обставляют, что проще родню послать куда подальше, да своим умом жить. А Вуди сам... на спекуляциях с продовольствием заработал. Меха оттуда вывез!

Медленно выдыхаю воздух... Зак не виноват, что его сводные братья участвовали в интервенции Антанты в Россию. С роднёй общается на грани приличий – семейные праздники, открытки, дежурные письма время от времени, да такие вот встречи по окончании учебного года.

По косвенным данным, Зак решил не получать свою часть наследства, настолько всё сложно. Не пропадёт... детям перейдёт. Фонды, пакеты акций...

Мартинов сложно винить в бедах России или Германии. Не любить, это сколько угодно, но винить... Они не русские

¹⁵⁰ 27-й президент США.

¹⁵¹ Первую Мировую называли в то время просто Мировой Войной, иногда Великой.

и не немцы ни по крови, ни по духу, ни по гражданству, да и никогда ими и не были.

– Наслышан, наслышан, – чуточку снисходительно пожи-
мает руку Теодор Мартин.

– Не докажете, – отшучиваюсь в ответ, едва обозначая
улыбку. Теодор хохочет уже более живо, такое поведение он
понимает.

Среднего роста, погрузневший, с обвисшими брылями
щёк и пышными усами, отец Зака не производит впечатле-
ния хищника. Нет огонька в глазах, впечатляющего боевого
прошлого и бойцовского духа. Обыватель, которому повезло
родиться в правильной семье, не более.

Теодор не подвёл родителей, пройдя по проторенной
предками дорожке, но и никаких свершений за ним нет.
Знаю уже, что в молодости вроде как участвовал краешком
в одной из войн с Мексикой, пару раз плавал в Европу и Ла-
тинскую Америку как представитель деловых кругов и пре-
зидентской администрации, и на этом всё.

Обычная биография для представителей старых семей –
из тех, кто без особых талантов. Есть поводы для самоуваже-
ния, но и гордиться по большому счёту нечем. Под старость
лет открыл в себе талант лоббиста, но как мне кажется, тут
помимо семейных и дружеских связей репутация нейтрала
работает. Скорее посредник, чем реальный профи.

Зак, при всей его вялости и ведомости, уже успел повто-

рить основные достижения отца. Заварушка с нефтью (формально он там воевал и даже стрелял куда-то в кусты), на которой он заработал, братство, участие в спортивной команде.

А приглядеться... не будь у него связей, то дальше провинциального колледжа, карьеры школьного учителя и редких поездок в соседние штаты Заку не светило бы. При всей моей симпатии к нему.

Вуди, тот самый участник интервенции в Россию, производит куда более серьёзное впечатление. Хищник... пусть даже мелкий. Под сорок, среднего роста и вполне благообразный, на меня он произвёл впечатление самое серьёзное, но... отталкивающее. Чувствуется подлинка.

– Миссис Мартин, – целую руку женщине, – очарован.

Вру... жеманная особа чуть за сорок из тех, что считают себя вечными девочками. Голосок потоньше, то и дело надувают губы и строят глазки, охотно позируют и старательно хихикают. Профиль несколько сорочий, со слегка вытянутым носом и скошенным подбородком.

Серьёзных денег и связей за ней нет, обычная провинциальная кокетка из приличной семьи, в юности очаровавшая серьёзного немолодого человека, бывшего проездом в глуши. Интеллектом похвастаться не может, равно как и хорошим вкусом... впрочем, откровенным безвкусием не страдает.

В молодости была этакой девушкой-девочкой, таким вечным подростком. Стареющим мужчинам часто нравится та-

кой типаж. Подростковая внешность в сочетании с подростковой же бестолковостью кажется иным очаровательной в своей простоте и непосредственности. Сомнительная партия для Олимпийца, пусть даже из второго дивизиона. Но поскольку брак у мистера Мартина повторный (он вдовец) и наследники есть, к браку отнеслись снисходительно.

– Прошу к столу, – зычно сказал глава семьи, и мы принялись чинно рассаживаться. Помимо меня в доме присутствовало ещё с десятков людей на правах гостей. Дальние родственники Мартинов, парочка друзей-политиков главы семьи, студенческие друзья старших сыновей.

– ... ягнятина сегодня удалась...

– ... безе чудное...

Позвякивание столовых приборов о фарфор и негромкие разговоры ни о чём, за едой не принято говорить о чём-то, способном испортить настроение.

– Вы датчанин? – Задаёт риторический (в письмах Зак писал обо мне) вопрос Фелиция Мартин.

– Да, миссис Мартин, – отвечаю негромко – так, чтобы не помешать беседам остальных, – по крови датчанин. Подданство двойное – Дании и Уругвая.

– А Уругвая-то зачем? – Изумляется женщина, – паспорт Дании пользуется уважением во всём мире. Не США и не Англия, уж не обижайтесь...

– Зачем-то обижаться? – Улыбаюсь слегка, – вы правы. Но

и в Англии помнят датские деньги¹⁵²!

– Bravo, – Фелиция пару раз обозначила аплодисменты, – достойный ответ.

Кланяюсь слегка, тема о датских деньгах экспромт из тех, что заготовливают загодя, у меня таких не один десяток припасён.

– США и Англия... да и Германия вкуче с целым рядом стран имеют больший вес, – продолжаю пояснять, – но в некоторых делах порой выгодней быть обладателем не столь гордого, зато нейтрального паспорта.

– В Южной Америке янки не любят, – задумчиво сказал Зак, прислушивавшийся к разговору с матерью.

– А я датчанин, – развожу руками, – но при этом ещё и гражданин Уругвая. Для представителей тамошей знати...

Нарочитая пауза не осталась незамеченной, послышались смешки. Ну правда, знать в Южной Америке... смешно! Кому какое дело, что там родословные порой тысячелетние? Всем же известно, что настоящая знать только германская¹⁵³!

– ... я свой. Не скажу, что это чувство обоюдно, – снова смешки, – но вести дела очень удобно.

¹⁵² «Датские деньги» (или данегельд; др. – англ. Danegeld) – поземельный налог в средневековой Англии, введённый в 991 г. для уплаты выкупа датским викингам. Первоначально взимание «датских денег» было чрезвычайной мерой, однако в начале XI века этот платёж приобрёл характер всеобщего налога на финансирование организации обороны страны. После нормандского завоевания Англии практика сбора «датских денег» была сохранена и стала регулярной.

¹⁵³ Англосаксы, как и датчане, относятся к германским племенам.

– Интересно, – остро глянул Вуди, – я так понимаю, у вас там есть связи?

– Разумеется. Правда, предпочитаю работать не напрямую, а через посредников... но есть возможности.

Вуди кивает так, что ясно – позже состоится разговор и достаточно серьёзный.

Судя по всему, отборочный тур у Мартинов я прошёл на отлично. Количество последовавших приглашений так велико, что в иные дни посещал три-четыре встречи.

– Приглядываются, – уверенно сказал Зак, исправно таскавшийся со мной повсюду, – недаром тебя в старейшее братство страны рекомендовали. Нормально себя покажешь и...

Рукой Мартин сделал странноватый спиральный жест вверх.

– Кровь иногда разбавлять нужно, – закончил он, опрокидывая остатки виски в рот.

Вздыхаю... с одной стороны, оно вроде как и здорово, войти если не политическую, то финансовую элиту самой могущественной страны мира. Пусть даже как небожитель второго ранга.

Судя по тому, как дела шли в двадцать первом веке, зацепившись здесь, я обеспечиваю будущее себе и потомкам. С другой... мне очень не нравится это будущее, где отчётливо маячит кастовое общество с немногочисленными избранными

ми и рабскими бараками.

В детстве я зачитывался Дюма, а чуть позже и фэнтези, да непременно чтоб аристократия... Голову кружили титулы, тем более дворянство в нашей семье старое, что как бы подтверждало избранность и помогало в преодолении подростковых комплексов.

Чуть позже с некоторым разочарованием понял: при феодальном обществе развитие замирает. Замерло оно и при обществе капиталистическом, откатившись назад.

Ресурсы человечества тратились на яхты и дворцы для немногих избранных. На дорогих блядах, профессиональных спортсменов.

Хочу хотя бы в глубокой старости услышать новости об освоении Луны и терраформировании Марса... А при капитализме это невозможно. Вот и думай... стать частью элиты или космос...

* * *

Здоровенный албанец доставал нас с Куртом не первый день.

– Далмат, – брезгливо сказал Курт, – вот же имечко говорящее¹⁵⁴!

– Такой же упёртый, – соглашаюсь с другом, – слушай!

¹⁵⁴ Далмат (албанское имя) переводится как баран.

Мне одному кажется, что ему ни хрена не пятнадцать?

– Не меньше восемнадцати! – Категорично отрезал тот, – скорее всего, родные документы подправили, чтоб можно было не бояться сесть за наркотики. Они же беееженцы... нехорошие сербы заставили их бежать, заставили страдать... нужно верить людям... Ну почему как албанец, так бандит!?

Отвечать на риторический вопрос не стал, тем более ушей рядом нет и играть в толерантность не нужно. А проблема с Далматом вставала всё острее.

Албанец достаточно умён, чтобы не лезть в открытое драки, но... Свободных от наблюдения местечек в лагере для трудных подростков оказалось более чем достаточно. Не зря же – у семи нянек дитя без глаза...

Власти то ли недоглядели, то ли по каким-то своим соображениям, но свели в один лагерь как бойцов за справедливость, вроде нас с Куртом, так и откровенных бандитов вроде Далмата и домашних мальчиков. Здесь полно таких – тех, кто оступился случайно, по дурасти.

Далмат прессовал домашних психологически, мастерски чередуя приёмы психологического давления с нечастым физическим насилием. Простейший трюк – пакет на голову и держать, пока жертва не начнёт задыхаться, и так несколько раз. А следы... какие следы, если помощники держат аккуратно, за одежду?

Не буду врать, лично не видел, но... верю рассказам. Атмосфера в лагере самая поганая, домашние мальчики боят-

ся... а девочек у нас нет. И всё идёт к тому, что Азиз-марокканец, правая рука Далмата, начнёт тут гарем собирать. Из мальчиков.

Беженцы они, понимаешь ли... С хрена ли только собирать в одном лагере случайно оступившихся домашних мальчиков с беженцами? Не исключено, что некоторые из понаехавших прошли подготовку в исламистских лагерях. А если и нет, то насмотрелись и навидались всякого. Теперь вот самоутверждаются при попущении чиновников и бессилии полиции.

– Карела повёл, – слышу задыхающийся голос Освальда, сунувшего голову в открытое окно, – Далмат.

Переглянувшись с Куртом, срываемся с места, давно уже хотим подловить албанца. Освальд и ещё несколько парней с нами, противостояние вышло в острую фазу.

Мы, немцы, держимся вместе, без разделения на борцов за справедливость, националистов и всяких там наркоторговцев. И как-то так вышло, что главными стали мы с Куртом.

Кто-то из парней знал нас по спортивному клубу, у других на слуху наше противостояние с турками в школе, третьи знают нас по лагерю правых, где мы тоже успели засветиться. В общем, скорее нейтральные кандидаты, чем реальные лидеры. Но ничего, держим власть... а куда деваться? За неимением лучших приходится нам.

Душевые штурмовали по всем правилам военного искусства. Складные металлические лестницы разбили окна под самым потолком и потому беженцы сгрудились под окнами, выставив ножи и заточки.

Пластиковая скамейка, используемая вместо тарана, выбила двери душевых и раскидала парочку чернокожих, стоявших рядом.

– Не останавливаться! – Орёт Курт, – вперёд!

Скамейка врезается в толпу, Азиз-марокканец падает, и мы пробегаем по нему. Но ходу пинаю его в ключицу и слышу дикий вопль. Перелом...

Далмат выставил руки как борец-вольник, ох он и здоровый, зараза! Взрываю вверх, целя коленом в подбородок... и ожидаемо попадаю в борцовскую хватку. Вот только удар коленом в голову только для отвлечения внимания, а реальная цель – свалить эту албанскую сволочь с ног.

С опозданием в пару секунд Курт подкатывается в ноги к Далмату и заплетает их. Албанец тяжело падает на спину, опрокинув двоих подельников. Ударом стопы толстый Готлиб отправляет его в нокаут.

Драка жестокая, беженцы и натурализовавшиеся мусульмане-албанцы размахивают ножами, мы всё больше подручными предметами.

– Сука! – Орёт Войтек, – подрезали меня, парни!

Выкатившись из драки, он зажимает располозованное

плечо, из которого хлещет кровь.

– Что смотришь?! – Рывкает поляк на голого Карела, – перевязывай давай!

Чех, глядя на всё отрешённым взглядом аутиста (и как его психологи в лагерь пропустили!?), перевязывает Войтеку плечо своей майкой.

– Одолеваем! – Ору, отмахиваясь от ножа африканца дубинкой. Черномазый яростно раздувает ноздри и машет руками, как пропеллером, но уже поглядывает по сторонам. Ломаю наконец руку и коленом в рожу... ещё!

– Прекратить! – В душевые врываются сотрудники лагеря с пожарными шлангами, окатывая нас водой, – прекратить!

Напор воды сбивает с ног и драка прекращается.

Растащив по разным помещениям, нам наскоро оказали первую помощь. Ждём приезда полиции, дело обещает быть резонансным.

– Не боишься? – Негромко интересуется Войтек, отказавшийся уходить в лазарет без нас.

– Не очень, – подмигиваю слегка и показываю глазами вверх, на камеры, – среди нас немцы, русские немцы, чехи, поляк... Представь, какой шум поднимется? Администрация сама заинтересована быстро уладить дело, ведь это они облажались!

– Они тут социальные эксперименты проводят, собаки свинские, – сказал Готвальд, – ради социализации беженцев

нас с ними свели.

– Так что, парни, – киваю толстяку благодарно, – не бойтесь! Пугать вас могут, бумажки совать всякие... на хер посылайте! Администрация обосралась жидко, сейчас свою вину на нас будут пытаться переложить.

Глава 39

Человек серьёзный и жёсткий, внешне президент Гувер до странности напоминал знаменитого в будущем комика Бени Хилла. Знакомство с ним прошло буднично, на одном из приёмов меня подвели к группе немолодых людей и сказали:

– Мистер Гувер, позвольте представить вам Эрика Ларсона, гражданина Дании и Уругвая, а ныне студента университета Нью-Йорка и члена братства Фи Бета Каппа.

Президент внимательно поглядел на меня, улыбнулся слегка и пожал руку, сказав несколько нейтральных слов. Через пару дней мы пересеклись ещё раз, и он спросил о ситуации в Южной Америке. Видно было, что интересуется человек не столько ситуацией, сколько моей осведомлённостью, умением анализировать и облекать мысль в слова.

Судьбоносной встреча не стала и вряд ли станет, президента просто познакомили с интересным молодым человеком, членом старейшего студенческого братства США. Таких встреч у него не один десяток в месяц, но формальности соблюдены.

Не впадая в грех гордыни могу уверенно сказать, что братство очень влиятельно, а в нынешнем поколении я стану не последним человеком в нём. Не самое бесполезное знакомство даже для президента.

С бесчисленными приёмами и вечеринками задержались в Вашингтоне дольше, чем рассчитывали, до самого конца июня.

– Я тебе должен, – благодарно говорю Заку, когда мы наконец сели в поезд, ведущий к Лос-Анджелосу.

– Брось, – отмахивается приятель вымученно, – после Венесуэлы и нажитых капиталов? Но что уезжаем отсюда, рад до одури! Ненавижу этот город!

С силой рванув галстук, Мартин стянул его через голову, раздражённо бросив на сиденье.

– Дела, дела, дела... ни одного движения просто так сделать нельзя, всё какие-то ходы. Пукнешь случайно, так через час все знать будут и думать – а случайно ли ты пукнул? Что ты этим имел в виду, хотел ли кого-то обидеть?

– Писать не пробовал? – Перебиваю Зака, заинтересованно подавшись вперёд, – нет, правда! Речь у тебя образная и яркая – сочная такая, литературная и при этом живая, народная. Когда стесняться перестаёшь и в ражходишь, слушать тебя одно удовольствие!

– А...

– Попробуй, – давлую настойчиво, загоревшись идеей, – рассказы, романы, пьесы... сценарии, в конце концов!

– Сценарии... – усмехнулся Зак, – сколько раз читал книгу и думал, что сам бы сделал иначе.

– Вот и попробуй! Те же Три мушкетёра взять, сколько там моментов, когда губы кусаешь и хочешь, чтобы всё иначе

вышло.

– Подумаю, – отмахнулся приятель, но видно – заинтересовался. Человек он творческий, ярко выраженный гуманистарий, а место в жизни не нашёл. Пусть самоутверждается. Да и в самом деле интересно было бы почитать рассказы от Зака.

* * *

Голливуд конца двадцатых годов умилил, так всё... провинциально. Знаменитые особняки, бульвары и прочее великолепие уже начало появляться, но пока что это скорее наброски, штрихи будущего шедевра. О какой Фабрике Грёз можно говорить, если кино до сих пор по большей части немое!?

– О, глянь-ка на эту! – Оживился Стивен, один из братьев в нашем лимузине, тыкая пальцем через окно в эффектно одетую, ярко накрашенную девицу, – хорошенькая какая! Тормознём? Романчик неплохо бы закрутить – кажется, славная девушка!

– Не... – тяну лениво, поглядывая на черноволосую особу, – это актриска.

– С чего ты взял?

– Одета, поведение вульгарное.

– Да? – Оживился Стивен, – вульгарная, говоришь? Тем лучше!

– Боб! – Орёт Ливски, стуча в перегородку к шофёру, – тормози!

Выскочив из машины, Джек бросается к девице, на ходу срывая шляпу с набриолиненных волос.

– Мисс, прошу прощения, – чуточку картинно кланяется он, – у нас с друзьями возник спор – актриса вы или нет? Я утверждаю, что актриса, потому как лицо ваше слишком знакомо мне. И если оно не встречалось в фильмах, то значит – в снах о богинях Олимпа!

Вывалившиеся из лимузина братья поддерживают Джока и девица, мило смущаясь, приняла игру.

– Начинаящая, – с наигранной робостью отвечала красотка, – снялась в нескольких фильмах, но пока в эпизодах.

– Пока в эпизодах, – голосом выделил Стив, пытающийся перехватить инициативу у Джока и называющий целый ряд нашумевших шедевров, призванный польстить девице.

Разумеет, не угадал... фильмы из категории Б, да и девица... Ещё раз смотрю на неё и пожимаю плечами – лично мне она напоминает персонажа фильма В джазе только девушки. Как там его... ну, мужик, который ещё в бабу переодевался!

Типаж один в один, так и тянет проверить наличие яиц у девушки. Успокаиваю себя тем, что в этом времени трансвеститов немного и пластическая хирургия только начала развиваться. Да и не спать же мне с ней, в конце концов! А нет, похоже спать...

Всё так же смущаясь, девица села в лимузин к пятерым

парням, от которых несло деньгами и похотью. Сценарий уже знаю... пьянка и групповуха. Тот самый случай, когда не хочется, но отказаться нельзя – братство! Свинья Кэмерона¹⁵⁵ не на пустом месте появилась.

* * *

Поездка по Европе по окончании школы завершилась в Москве. Сашка встретил на вокзале, привычно балагуря по поводу и без. Старый КВНщик, играет с седьмого класса, мечтает пробиться в профессионалы. Получается, если честно, так себе – кузен не всегда понимает, какие шутки уместны в быту, а какие на сцене.

– Это весь багаж? – С удивлением тыкает такает пальцами в висящую на боку сумку, – не мало?

– Достаточно.

– А, ну да... ты ж богатый, новое купишь, если что!

– Саш... вот не знал бы тебя с детства, подумал бы, что завидуешь.

– Опять перестарался с шуточками, – виновато вздыхает он, – извини. Я в ВУЗ поступал и... сам знаешь, учусь я

¹⁵⁵ В студенческие годы Дэйв Кэмерон (премьер-министр Великобритании в 2010–2016 гг.) был членом престижного, хотя и одиозного студенческого сообщества «Пирс Гэвестон», названного так по имени любовника короля Эдуарда Второго (король Англии 1307–1327 гг.). Но чтобы попасть туда, ему пришлось пройти через обряд посвящения, который требовал от него поместить интимную часть тела в голову мертвой свиньи, отделенную от туловища.

так себе, всё больше как общественник. Прошёл, но именно как КВНщик, скоро опять поеду. Пока Премьер-лига, но всё впереди!

Пожимаю плечами, да и что тут ответить? Неглупый парень, но вот вбил себе голову цель – пробиться на ТВ, и лезет.

– Э! – Издали заорал Сашка, завидя у отцовской машины каких-то смуглых людей, – хорош, мужики! Это мой батя, а не таксист!

При виде нас кучка южан ретировалась неторопливо, вразвалочку, презрительно сплёвывая на землю и бормоча что-то явно нелицеприятное в наш адрес. Дядя Ваня только тяжело посмотрел вслед, снимая кастет.

– Развелось тут... – зло сказал он, – привет, Тох! Нормально долетел? Ну и славно...

Не прислушиваясь ко мне, вырулил на трассу, продолжая рассуждать о южанах. Только и слышалось, что заполонили и понаехали.

– Ну да у вас ещё хуже, – уверенно сказал он, – по телевизору показывают, какие там жути творятся!

Вздыхаю, скрывая улыбку. Сушковы почему-то очень ведутся на пропаганду – что старший, что младший. Только если старший смотрит исключительно Киселёва и искренне уверен, что в Европе едва ли не постоянно гей-парады проходят и мигранты немом скопом насилуют, то у Сашки ситу-

ация с обратным знаком.

– У нас остановишься, – уверенно приказал дядя Ваня, – всё не в гостиницах жить! Знаю я эти гостиницы! Цены ломовые, а сервис поганенький.

Снова вздыхаю, родственник искренне уверен, что стоящий в зале промятый диван в качестве кровати много лучше койки в хостеле. И мыться из ковшика – самое то, у них сейчас как раз сезон отключения горячей воды... Зато подомашнему, с роднёй!

Неудобства это в общем-то мелкие, несколько дней можно потерпеть неудобную ночёвку и вечные разглагольствования Сушковых на тему Европу. Один с апломбом о гей-парадах, второй о путешествующих по миру европейских пенсионерах. Родня всё-таки...

– ... ну ещё блинчик! Так мало съел!

– Не могу, тётъ Марин, тороплюсь! – Выскакиваю за дверь толком не обувшись и обуваюсь уже там, прыгая на одной ноге.

Сашка выходит, посмеиваясь, южное хлебосольство матери, уроженки одной из станиц Краснодарского края, переходит порой все границы. Она искренне уверена, что я там в Европах одними полуфабрикатами питаюсь да дрянью пластмассовой, и полное впечатление – хочет меня накормить за все годы недоедания.

Сашка пока ещё не расплылся, но животик намечается со-

лидный. В мать пошёл.

Да и тётя Марина... помню её ещё тонкой и звонкой, реально красивой ведь женщиной была. Не модель, но на фотомодель вполне тянула, только б ноги чуть длинней. Лицо сердечком, удивительно чистая и гладкая кожа, зелёные глаза и медно-рыжие волосы.

А сейчас? Жопа и отсутствие талии – ладно, кому что нравится. Но вот лицо... точёное сердечко осталось, только вот к нему щёки приделали. Смотрятся они как-то отдельно и необыкновенно карикатурно, неприлично даже – будто человеческое лицо из задницы выбирается.

Впрочем, не осуждаю, это их жизнь. Дядя Ваня и на улицах взглядами провожает таких разъевшихся, что на их фоне его супруга прямо-таки фитоняшка! Да и вес свой она носит легко, не жалуясь ни на сердце, ни на суставы.

– Ну что, по местам боевой славы? – Громко интересуется Сашка, тяжело отдуваясь у подъезда.

– Спортом пора снова заниматься, – тыкаю его в надувшееся после сытного обеда брюхо.

– Некогда, – кисло ответил кузен, лениво отмахиваясь, – знаешь, сколько времени КВН занимает? А я ведь ещё учусь сам. Ну... по своей специальности, как экономист. Всякие там этнографии как КВНщик, оценки ставят, а сам даже на лекциях не бываю. Ха! Даже преподав некоторых не знаю, как зовут!

– Хоть пробежки, – говорю уже мягче, – КМС ведь по

дзюдо, и куда всё ушло!?

– Пробежался тут, – хмыкнул Сашка, наклоняя голову и показывая шрам на затылке, – видишь? Аккурат на второй раз и подловили. В полиции даже заявление брать не хотели – дескать, а не сам ли ты поскользнулся?!

Открываю было рот... и тут же закрываю его. О полиции российской и немецкой я знаю много, но знания эти несколько специфичны, объясняться никакого желания.

Потусовались с Сашкой, но через пару дней он уехал на сборы... или как там у КВНщиков?

Ашот изменился мало, разве что чуть постарел, да ещё больше раздался вширь. Кафе его на старом месте, что для Москвы кажется удивительным, особенно при Собянине. Так, слегка разве что облагородилось, да ремонт богатый, по восточному пышный, на грани кича и безвкусицы.

Слегка прикрыв глаза, наблюдаю за владельцем заведения, вспоминая досье.

Пятьдесят восемь лет, вдовец, шестеро детей, четырнадцать внуков. Официально – владелец кафе, неофициально один из авторитетных людей армянской общины Москвы. Не законник, а посредник и иногда решала.

– Ашот-джан, – окликаю армянина, проходящего мимо столика, – барев дзес¹⁵⁶, дорогой!

– Барев дзес, – поворачивается тот, улыбаясь. Глаза на-

¹⁵⁶ Приветствие на армянском.

стороженные, внимательно шарят по моему лицу.

– Антон-джан, дорогой! – Узнал наконец меня, – сколько лет, сколько зим! Какой большой стал, настоящий мужчина! Где пропадал, дорогой!? Старый Ашот волновался за тебя.

– Какой же вы старый, дядя Ашот? – смеюсь я, выдернутый из-за стола и прижатый к жирной груди крепкими руками, – вы же армянин, долгожитель по определению! Что такое пятьдесят восемь лет для вас? Фу... дым! Дунул и нет! Так, юность только-только кончилась!

Смеётся, выпуская наконец из объятий.

– Сам-то где, дорогой? – Голос полон искреннего участия и радости встречи.

– В Германию уехал, – не думаю скрывать, – и вовремя, сами знаете.

– Да, да, – кивает тот головой печально, – нехорошо тогда с мальчиками... Но что говорить, муслимы все такие!

– Не все, дядя Ашот, – улыбаюсь.

– Ты ж немец теперь, – смеётся тот залиvisto, – вам положено быть толерантными!

– Не без этого, дядя Ашот, не без этого, – смеюсь в ответ.

– Фрунзик! – Орёт владелец заведения, – стол накрывай, еду-вино неси! Гость ко мне пришёл, радость у меня!

Посидели неплохо, перезнакомился с массой родственников Ашота, в основном улыбчивыми крепкими парнями с цепкими взглядами бывалых вояк. Подозреваю, что большая

часть если и родственники, то колена этак в двенадцатом... Хотя кто знает, как там у армян? Никогда не интересовался.

– Как там наши в Германии, сталкивался с армянской общиной? – Интересуется один из родичей.

– Сталкивался... – делаю вид, что спохватываюсь, – дядя Ашот, Ваник из Берлина привет вам передаёт. Он сказал, что вы знаете старого хромца.

– Ваник? – Ашот замер на секунду, заледенев глазами, но почти тут же отмер, – а... хромой. Знаю, знаю. Говоришь, привет передаёт? Где познакомились-то?

– Случайно в общем-то. Я русский немец, он русский армянин, земляки практически! Языками зацепились, в свою фирму зовёт.

– В фирму? Тут подумать стоит, – показалось, что в голосе у Ашота мелькнуло предостережение.

* * *

– Неплохо, – отозвался наконец куратор, закрыв компьютер, – очень даже... Криминальное детство и неформальное сотрудничество с полицией может быть полезным. Достаточно грамотная работа для новичка... Браун!

– Я! – Вскрываю со стула.

– Принят, – кидает куратор, – Добро пожаловать в БФФ¹⁵⁷,

¹⁵⁷ Федеральное ведомство по охране конституции (БФФ) БФФ – внутренняя спецслужба Германии. В его задачи, помимо прочего, входит сбор и анализ ин-

стажёр!

формации о действиях и намерениях, направленных против конституционного строя ФРГ. Сюда относится также обеспечение безопасности федеральных учреждений и предотвращение деятельности, угрожающей безопасности страны, в т. ч. разведывательной деятельности в пользу «иностранных держав». Это могут быть, например, экстремистские действия партий и группировок, как немецких, так и зарубежных. Кроме того, БФФ старается разоблачать шпионов иностранных государств, оперирующих в Германии. Несмотря на название внутренняя, БФФ действует и за рубежом.

Глава 40

Хью Лонг, губернатор Луизианы и один из самых скандальных политиков США в настоящем времени, давно привлек моё внимание. Если верить школьным учебникам истории, это беспринципный популист, построивший свою карьеру на демагогии и шантаже. Если верить кинематографу... да тоже самое!

Только вот реальность немного не совпадала с историческими сведениями.

– В самом деле, историю пишут победители, – говорю вслух, откладывая материалы на губернатора в сторону, – какой ужасный человек, право слово! Сторонник прогрессивного налогообложения, при котором бедные не платят налогов вообще, а богатые платят за себя и за бедных. Негодяй! А ещё ведь с корпорациями борется... каков подлец?!

Не в первый раз убеждаюсь, что немецкие учебники истории, составленные под чутким руководством американских кураторов, мягко говоря привирают. То битву при Эль-Аламейне¹⁵⁸ называют важнейшей в истории Второй Миро-

¹⁵⁸ Эль-Аламейн находится в Египте, в 106 км. от Александрии. Собственно битв было две и происходили они между немецко-итальянскими войсками под предводительством англичанами с колониями и союзниками. Второе сражение при Эль-Аламейне считается решающей битвой на Североафриканском театре военных действий Второй мировой войны. Однако союзники (прежде всего англичане) упорно навязывают всем свою точку зрения – они самые важные, они

вой, то высадка в Нормандии у них образец военного искусства¹⁵⁹.

– Популист? Да, но что в этом плохого?! Человек реально занимается делами – строит больницы и школы, борется за права рабочих, помогает фермерам. Ведь именно к такому итогу пришли в конце концов не только в Европе, но и в США после войны...

– Вот оно! – Вскликаю и начинаю расхаживать по гостиничному номеру, – после войны! План Маршалла¹⁶⁰! Когда начали тянуть деньги из Европы и европейских колоний,

внесли решающий вклад в Победу.

¹⁵⁹ Более бездарно проведенной десантной операции, при полном попустительстве противника, трудно себе представить. Да, критики скажут, что масштаб высадки небывалый, но и бардак при этом такой же. Даже согласно официальным источникам, небоевые потери! составляли 35 %!!! от общих потерь! 156 000 (195 700 моряков поддерживающих пехотинцев считаются отдельно!) союзников против 10 000 немцев (почти исключительно из «инвалидных команд»), размазанных по территории почти 80 км. 11 590 самолётов союзников и 6939 кораблей (многие с артиллерией на борту) и судов против 0 самолётов и 0 судов у немцев. Причём союзники помимо морского десанта высаживали ещё и воздушный 24 000 человек в тыл врага! Основные небоевые потери произошли из-за трусости моряков, высаживавших десантников в полном снаряжении ещё на глубине, и потере управления с первых минут боя.

¹⁶⁰ План Маршалла подразумевал экономическую помощь европейским государствам, в обмен на фактический отказ от суверенитета и вытеснение из политической и общественной жизни стран крайне популярных (!) тогда коммунистов. Американская помощь заключалась в основном в затоваривании Европы своими товарами и денежными знаками. Одновременно шла покупка заводов и производственных мощностей, зачастую за символические суммы. При покупке действовали как аргументы тяжелейшего послевоенного кризиса, так и банальный шантаж – в том числе и военной силой.

из Латинской Америки... вот тогда-то и пришлось пойти на смягчение условий в своей стране! Да и деваться особо им было некуда – на фоне Союза, с его благами и растущей экономикой. Растущей быстрее, чем на Западе!

– Но это не значит, что они полюбили или хотя бы простили инициатора. Так... когда его убили? – Роюсь в памяти, вспомнить не получается – вроде бы тридцатые, но когда именно... нет, не помню. – А если поддержать его?

Открываю дешёвый блокнот и начинаю делать пометки За и Против, ставя заодно понятные только мне знаки и слова-якоря. Закупаю такие блокноты десятками, сжигаю потом собственноручно.

– ... называли правым и даже фашистом... ну, ярлык приклеить можно любому, а вот насколько он действительности соответствует, другой вопрос.

Делаю пометку – проверить Лонга на фашистские взгляды, нацизм? Перекликаются идеи с Гитлером, расходятся кардинально? Штрассер? Свой путь?

– ... диктатура? Маловероятно, скорее Гражданская... но что если и диктатура, чем это грозит миру? – Пометочка, – проанализировать диктатуру Лонга.

– ... гражданская? – Откладываю блокнот и задумываюсь всерьёз. Гражданская в США – розовые мечты российских патриотов, Сашкин отец мне все уши прожужжал при встречах.

Патриоты немецкие настроены не столь оптимистично и

понимают, что в случае Гражданской в США, достанется прежде всего странам-сателлитам с компрадорскими политиками, подконтрольными Вашингтону. Германия с американскими базами подпадает под это более чем полностью, но и Россия местами очень даже...

– Ладно, в сторонку фантазии... чем будет грозить Европе, а в частности – Германии и Союзу, гражданская война в США в ближайшие годы? Зараза! Если в начале тридцатых, на фоне Депрессии и не пришедшего ещё к власти Адольфа в Германии – один сценарий. По окончанию кризиса, когда у людей появится надежда на лучшее, но Гитлер у власти – другой. Вот же...

Родригес отозвался через неделю, оторвав меня от очередных братских приключений. Как обычно, встретились со всеми средствами предосторожности.

Нужно что-то делать, чтобы исключить в дальнейшем такие встречи. Доверенное лицо какое-то требуется, верный как пёс человек. Причём верный лично мне, а не каким-то идеалам. Поискать кого-то, вроде того пулемётчика? А это мысль...

– В глубинке был, – объяснился Хосе, усаживаясь напротив, – лагеря молодёжные налаживал. Был бы хоть какой-то связной...

– Будет. Что там с лагерями?

– Всё хорошо, – подал плечами анархист, открывая ме-

ню, – даже более чем. В нашей среде много таких, кто потерял своё здоровье, но не боевой задор. Бороться активно они не могут физически, а вот передавать свой опыт молодёжи хватит и сил, и энтузиазма. По деньгам...

– Пока хватает? – Перебиваю его, – Ну и славно. Говорил уже, что не надо мне никаких отчётов, говорю ещё раз. Если тебе захочется снять виллу с прислугой – снимай!

– Я не коминтерновец¹⁶¹, – брезгливо отозвался испанец, – а если бы мне хотелось жить на вилле с прислугой, не уходил бы из дома. Но я понял твою позицию – дело прежде всего, а как оно будет сделано, тебя не волнует.

– Верно, – улыбаюсь, черпая ложечкой мороженое – по летнему времени встретились в кафе, – ещё одно дело появилось. Хью Лонг, слышал о таком?

– Как же... убрать нужно? Тип мутный, что-то вроде Муссолини в начале карьеры – вроде как и социалист, но оказавшийся фашистом. Душок от Лонга нехороший.

– Пока нет... но человек интересный и нужно бы за ним присмотреть.

– Внедрить людей в его окружение? – Родригес прикусил костяную ложечку, – Если прямо сейчас, то проблемно – человек не слишком доверчивый.

– Не горит. Сперва в Луизиану вообще, а потом уже подводить к Лонгу. Как сторонников идеи, боевиков, любов-

¹⁶¹ На Коминтерн уходила весьма существенная часть бюджета СССР, и вели себя коминтерновцы зачастую очень по-барски, живя на широкую ногу.

ниц... всё равно. За полгода-год справишься?

– Вполне, – уверенно подтвердил испанец, – много надо людей?

– Человек двадцать профинансирую, – Хосе присвистнул еле слышно, – считаю его интересным... направлением. Если получится, можно будет расшевелить всю Америку. Ну а нет... тоже расшевелим, просто иначе.

– Интересно, – отмер наконец анархист, – двадцать человек если внедрять, то со всех сторон его охватить можно. Прислуга, охрана, секретариат...

– По возможности со всех сторон и желательно с дубляжом. И... пожалуй, не нужно, чтобы они знали друг о друге. Координатора в сторонке поставь, помощников парочку к нему. И так всё, чтоб никто в лицо других не знал.

– В лицо? С этим сложнее, но в принципе решаемо. Но зачем такие сложности?

– Харизматичный мужик, вдруг да кто и купится на речи? Дескать, настоящий социализм ещё когда будет, а идеи Лонга могут улучшить жизнь здесь и сейчас!

– Маловероятно, – хмыкнул Хосе, глядя на меня как на несмышлёныша, – ты просто не знаешь социалистов. Ну да ладно – ты платишь, ты и музыку заказываешь.

– Здесь, – подвигаю ему бумажку с написанными цифрами, – счёт на предъявителя. Пятьдесят тысяч долларов для начала. Операция долгосрочная, так что если понадобится, будет ещё.

Отдав Родригесу деньги Сталина, распрощался, покинув кафе. Стряхнув возможные хвосты, снял грим в гостиничном номере и ополоснулся под душем. Грим в этом времени не хрена не гипоаллергенный, кожа от него так и зудит. А тут ещё всевозможные накладки на фигуру, сделавшие из меня упитанного крепыша с заметным брюшком и задницей. Классический итальянский типаж солидного мужчины, только что несколько крупнее обычного.

Смыв грим и пот, сделал воду попрохладней и с минуту постоял под ней, чувствуя, как в сток уходит усталость и нервозность.

– Оп-па... – звякнул колокольчик, ниточка от которого вела к двери. Трюк старый, но всё ещё работающий. Оставив воду включённой, моментально вылетел из воды, схватив пистолет.

– Лицо, – пришла умная мысль, – вдруг это горничная? Да и расспросить если придётся...

Взяв носок, одним движением обмотал вокруг головы, зацепив сзади прищепкой и чуть морщась от запаха. Собравшись уже было выходить, но что-то меня остановило, и вместо этого распластался на полу в углу, наискосок от входа.

Несколько выстрелов прозвучали приглушённо, прибив дверь в ванную.

– Итальянская сука! Сдохни, тварь! – Влетевший крепыш с Кольтом оказался хорошей мишенью и пуля из моей Берет-

ты с лёгким хлопком прошила ему голову. Не вставая, яще-рицей метнулся из ванной, сбивая с ног рослого ашкеназа.

– Не... не надо! Напугано начал шептать он, глядя на меня. Бля... он же не пистолета боится, а голого меня! Что уж там в его детстве, какая травма... хотя я бы тоже испугался, чего уж там.

– Сколько вас?! – Рычу через носок, искажая голос.

– Двое, сеньор... двое нас! Вы не подумайте, мы ничего не имеем против гомосексуалистов, сеньор! Это всё Марк, он приказал!

– Чего?!

Дальнейший допрос показал, что мою упитанную итальянскую ипостась приняли за итальянского гангстера, очень уж уверенно я держался. Гангстеры еврейские решили уничтожить чужака превентивно, не дожидаясь одобрений от руководства.

Ну а меня-без-грима приняли за любовника меня-толстого... такая вот странноватая история. Бандит тем временем винился:

– Я не знал, что вы не бандит, сеньор! Все знают, что итальянские мафиози не любят го... людей утончённых, при-верженцев греческой любви. Вы не подумайте, сеньор!

В полном обалдении выслушиваю то ли реальную, то ли выдуманную историю подросткового гомосексуализма допрашиваемого. С двоюродным братом, между прочим. С трудом удаётся сперва заткнуть его, а потом перевести раз-

говор в другое русло.

Обычная мелкая бандочка, вот только этот Леви не абы кто, а двоюродный племянник Луиса Майера – того самого, кто Метро-Голдвин-Майер! Не совсем понятно, что племянник такого большого человека делает в банде... хотя чего там непонятного?! Карьеру!

Палец задержался на курке – может, как-то использовать бандита? Он же вроде как дал материал для шантажа...

– Раздевайся, – глаза Леви расширяются, но в них одновременно и облегчение, – лезь в ванну.

Он послушен...

– Только не убивайте, только не убивайте, сеньор... я всё сделаю, всё!

Пуля из трофейного кольта прошивает голову, потом ещё, ещё и ещё, пока не заканчивается обойма.

– Похоже на то, что один из них застал другого в компрометирующей ситуации, да не одного? Ревность, все дела... Блин, вот когда пожалеешь, что не интересовался этой субкультурой! В двадцать первом веке был в теме даже без желания, а сейчас... Да хрен его знает, что там у педиков принято! И как там у евреев... знаю, что итальянские мафиози очень не жалуют гомиков, но мафиози еврейские, да после услышанного...

Тщательно протираю все поверхности, которых мог касаться, а потом – которых и не мог, на всякий случай. Любопытных горничных или вызова полиции не опасуюсь, оба пи-

столета снабжены глушителями. И пусть они не делают выстрелы вовсе уж бесшумными, но радио играет что-то джазовое, а в полусотне метров проходит линия железной дороги.

Отельчик из тех, где любят останавливаться неверные супруги, дельцы с сомнительными проектами и мелкие гангстеры, жизненные обстоятельства которых свернули куда-то не туда. Вход-выход чёрный, парадный, пожарная лестница и...

– Вот блядство, ведь как нарочно!

– ... широкий парапет, по которому можно прогуляться к углу, а там прыжок метра на два-два с половиной, и пожарная лестница соседнего дома. Чуть-чуть рискованно, всё-таки третий этаж, но всё лучше, чем выходить без грима. С гримом... увы, накладную жопу залила кровь убитого, а я не то чтобы брезглив... Хотя кого обманываю, брезглив! Проще по парапету.

– Подарочек напоследок оставить? Что-то не внушают мне доверия мои таланты уборщика. Хм...

Одев перчатки, роюсь в номере и нахожу несколько огрызков свечей. Расставив их по импровизированным подсвечникам, расставляю сердечком.

– Раз уж любовное гнездышко... чтоб ещё?

Раскидываю одеяла и подушки, они ватные и должны хорошо тлеть. Потом верёвочку к свече... старый приём, многократно описанный как в художественной литературе, так и

в учебниках по оперативной и диверсионной работе. Через некоторое время свеча догорит до нужного места, пережжёт верёвку, опрокинется всё что нужно и начнётся пожар.

Минут пятнадцать спустя прыгаю на лестницу с парапета, до боли вцепляясь в неё руками. Переведя дух, быстро поднимаюсь вверх, решив уйти по крышам.

Из переулка через несколько домов выхожу чуть ссутулившись и косолапя, низко надвинув шляпу. Грима на мне минимум, большую часть должна взять на себя походка и манера держаться.

Через пару кварталов, свернув в переулок, вытаскиваю руки из карманов и снимаю перчатки, сняв летний плащ и повесив на руку. Заодно изменил походку и манеру держаться.

Ещё через пару кварталов захожу в переулок и полив перчатки бренди из нагрудной фляги, стираю грим. Вот теперь вроде бы всё. Ах да, плащ ещё выкинуть...

В условленном месте забираю пакет и вскрываю, не вытаскивая содержимое. Полицейский значок на месте, бумаги... ага, вот где Я играл в карты с копами, выиграв значок. В качестве завуалированной взятки проиграв предварительно триста долларов... Ну да ничего, за такие деньги потерпят выволочку от начальства за утерю значка.

Зато задание братства выполнено – добыть значок полиции, покупать нельзя. Я и не покупал, а почти честно выиграл. Какой же удачной всё-таки оказалась идея прикармли-

вать двойников! Деньги не самые большие, а алиби обеспечено не абы кем, а копами.

В ближайшее время полицейские ещё могут зацепиться за мелкие несоответствия меня и двойника, но всегда можно будет отговориться попыткой замаскироваться для приключения. А через месяц-другой шероховатости в памяти сгладятся и проблема решится сама собой.

Глава 41

К компании отдыхающих студентов Франц прицепился как-то незаметно, став этаким слугой двух господ¹⁶² в кубе. Услужливый парень лет двадцати пяти, образованный весьма поверхностно, но очень широко.

Договаривается с девочками, полицейскими и швейцарцами, улаживая мелкие неприятности и бытовые неудобства. Подобные ему кружат около богатых и влиятельных людей, как рыбы-прилипалы подле акул.

Люди такого сорта бывают порой полезны знанием dna общества, делая неплохую карьеру в качестве доверенного лица одного из магнатов. Этакая прокладка между людьми приличными и низами общества.

Лично мне такие люди неприятны. Понимаю, готов терпеть неподалёку... но раздражают. Какая-то нарочитая подлинка, готовность к грязной игре на благо хозяина. Могу понять и принять верность самурая своему господину, но в США такой тип вассалов как-то не прижился. Только с подлинкой.

Франц, по-видимому, чувствует это и старается держать

¹⁶² «Слуга двух господ» – комедия Карло Гольдони. Написана для труппы Медебака, которая представила комедию в Милане в 1749 году. В ней повествуется о ловком пройдохе, ухитряющемся служить сразу двум господам, не забывая своих интересов.

на некотором расстоянии.

– По девочкам? – Интересуется Треверс, повязывая перед зеркалом галстук.

– С Дэном Раппопортом договорились встретиться.

– А... еврейчик этот, – фыркает Эллиот, на что пожимаю плечами. Дэн неплохой журналист с отменной чуйкой, настырностью и неплохим слогом. Не сегодня и не завтра, но вырастет из него достаточно крупная акула пера, да и человек он в общении достаточно симпатичный.

В Голливуде мы зависаем третью неделю, турне по США прервалось по независящим от меня причинам. Лето, запланированное под знакомства с нужными людьми, превращалось в одну большую вечеринку братства.

Планировал поездку в компании Зака, да и тот был нужен исключительно для респектабельности, как член одного из старых семейств.

А дальше как снежный ком – братья-новички, прицепившиеся к нам вроде как временно. Голливудский отрыв с доступными звёздочками... и вот во все концы страны летят телеграммы – Брат, приезжай, здесь весело!

Не успел я оглянуться, как обнаружил, что обеспечиваю отрыв едва ли не полусотне членов братства. Совсем не то лето, на которое я рассчитывал, но и не самый плохой вариант. Знакомство с влиятельными отцами братьев можно и отложить. Тем более, после такого отрыва отзывы отпрысков обо мне будут самыми восторженными.

Попытки некоторых потенциальных Альф поставить меня на своё место – место условного тамады, провалились. Играю по свои правилам, обеспечивая веселье, но сам чаще наблюдаю за ним со стороны, не скрывая ехидства и регулярно вытаскивая парней из мелких неприятностей.

Прилипал вроде Франца вокруг нас с полдюжины, плюс за некоторыми студентами чувствуется присмотр от доверенных слуг семьи – со стороны, не навязчивый. Присматривают и за мной вполглаза, так что проворачивать дела достаточно проблемно.

Пришлось снять два этажа в одном из крупных отелей. Ох и вечеринки же здесь проходят... материал для шантажа отменный.

На выходе из отеля машу рукой швейцару, и тот понятливо вызывает такси. Если срезать через дворы, то тут идти-то пять минут, но не принято ныне джентльменам по задворкам шастать.

Не то чтобы вовсе уж неприлично, просто могут принять за гангстера, а вляпываться в историю со стрельбой или с полицией нет никакого желания. Стреляют нынче легко, без раздумий, будто тормоза у людей сломались.

Получив на чай, бородач кланяется слегка и возвращается к беседе с Франком. Они вроде как приятельствуют, объединяет как схожесть лакейских профессий, так и немецкое происхождение.

– Кафе Ласточка, – говорю таксисту, садясь в машину, – это...

– Знаю, мистер, – отвечает тот с кинематографической улыбкой, – если только не появилось другое кафе с таким же названием за последние пару дней.

В Голливуде полно мелких актёров и актрис, готовых буквально на всё ради своего кусочка славы и денег. На фоне приближающегося кризиса, не чувствуют которого только записные оптимисты, дураки да политики (последние по должности), тревога за своё будущее в общем-то понятна.

Порой эта готовность принимает гротескные, а то и вовсе неприятные формы. Проституция? Да не каждая проститутка пойдёт на то, на что идут иные актрисы и актёры!

И совершенно неисчерпаемый ресурс в виде таких вот кинематографических таксистов, официантов, продавцов и коммивояжеров. Свистни только!

Вот и таксист – ухоженный лощённый красавец, одетый слишком богато для такой незатейливой профессии. Готов поклясться, что все свои средства человек вкладывает в имидж, ютясь в какой-нибудь каморке с полудюжиной таких же претендентов на славу.

А глаза собачьи...

– Глаза!

– Мистер?

Отмахиваюсь, и таксист замолкает, следя за дорогой. У всех прилипал, да и большинства голливудских звёздочек,

глаза дворняжек. Равно готовы как к пинку от прохожего, так и подставить живот при малейшем намёке на ласку.

Франц же домашний пёсик, уверенный в хозяйском благоволении. За ним стоит очень крупный магнат, либо прилипала представитель Системы, да не удивлюсь, если и звание имеет.

– А не принимаю ли я желаемое за действительное? – Вытащив по привычке блокнот, начинаю записи, – Может, характер у человека такой? Нужно притворяться типичной прилипалой, чтобы зарабатывать, вот и притворяется. Не исключено, но маловероятно.

– Приехали, мистер, – прервал размышления таксист. Расплатившись, зашёл в кафе, Дэна ещё нет. А... я раненько приехал, подожду.

– Пока кофе, заказывать всерьёз буду, когда подойдёт мой приятель.

Отхлёбывая безвкусный, типично американский кофе, делаю пометки. И так... возможно ли, что кто-то из магнатов подвёл своего человечка к братству? Вполне – охрана наследника, шантаж...

Впрочем, непохоже. Охрану можно осуществлять и другими методами, Франц вроде как размыт по всему братству, кого так охранишь?

Материал для шантажа? Ну... не то чтобы мимо, но человек из старых семей, который и сам прошёл братство, просто не нуждается в этом. Старшие братья всегда могут надавить

на младших, недаром же новичковый период подразумевает от претендентов участие во всяких гадостях. По цепочке вниз... Нет, человек из Общества в таком Франце не нуждается.

Даже если понадобится подвести куда – то или к кому-то своего человека, методы используются другие. Рекомендации и прочее.

– Государство или мафия. Государство... – кусаю кончик ручки – привычка из тех, что старательно усваиваются для полноты новой личины, – вот же, и не знаю, как ныне действует государство!

ФБР и прочие спецслужбы второй половины двадцатого века и дальше, это очень серьёзно. Нынешние спецслужбы США – контора исключительно любительская, переиграть их может и талантливый одиночка, что вообще-то великое позорище. Себя к таковым не отношу, не к тому готовили... да и недоучка я, стажёр и есть.

– Если спецслужбы пока любительские, то остаётся мафия? Стоп! А почему я заикнулся на спецслужбах США? Неужели тем же Германцам было бы неинтересно подвести своего человека к братству? Как ни крути, но лет через десять-двадцать они начнут активно участвовать в бизнесе и политике отнюдь не на рядовых должностях. Да и сейчас через детей можно подобраться к отцам. Логично? Вполне.

Сделал пометки и как раз успел отложить блокнот, когда вошёл Раппопорт.

– Как дела в братстве, – поинтересовался он после приветствия, с шумом отодвигая стул и усаживаясь, обмахиваясь свёрнутой газетой.

– Неплохо, – отвечаю подчёркнуто-безразлично. Дэн понятливо не стал переспрашивать, переключившись на местные новости, а с них на голливудских старлеток¹⁶³.

– ... Сандра Ли, – говорил он с лёгким придыханием, – сама невинность!

– Кха-кха! – Раскашлялся я, – чего!?! Дэн... мой совет тебе на будущее, не относись к этому голливудскому отребью, как к нормальным людям. Шлюхи в борделе чище и честней.

– Ты что-то знаешь? – Расстроился Дэн.

– Надеюсь, ты не влюблён в неё?

– Так... просто милашка. Знаешь, очень удачный образа соседской девчонки, только что поухоженной.

– Хочешь переспать с ней?

Глаза Раппопорта округляются, он оглядывается по сторонам.

– Ты что...

– Так хочешь?

¹⁶³ Старлетка Старлётка (англ. starlet – звёздочка, «star» – звезда и «-let» – уменьшительный суффикс) – подающая надежды молодая актриса, восходящая кинозвезда. Старлётка (англ. starlet – звёздочка, «star» – звезда и «-let» – уменьшительный суффикс) – подающая надежды молодая актриса, восходящая кинозвезда. Обычно старлетка – это молодая, алчущая успеха и денег актриса, готовая на всё, чтобы привлечь внимание маститых режиссёров или продюсеров, которая если и становится известной, то, в первую очередь, благодаря своей сексапильной внешности, а не таланту.

– Ну... да!

Пишу записку на вырванном из блокнота листе и поды-
ваю официантку.

– Есть шустрый мальчик, сбегать недалеко?

– Как же, – улыбается миловидная брюнетка с избытком
веса и косметики, слегка поплывшей от жары, – Томас у две-
рей дежурит, сейчас передам.

Чернокожий парнишка лет десяти, получивший вместе с
запиской четвертак, сверкнул улыбкой и убежал. Дальней-
шая беседа не задалась, Дэн сидел как на иголках и только
нервно ел заказанные сладости.

Старлетка вошла в двери кафе всего через двадцать ми-
нут, вглядываясь в лица посетителей. Привстав, привлекая
её внимание и юная особа, улыбаясь необыкновенно искрен-
не, продефилировала к нашему столу.

– Мисс Ли, – представил я их, – мистер Раппопорт.

Оставшись с ними минуту, чтобы у Дэна прошла нелов-
кость, прощаюсь. Наклонившись к приятелю, чуть сжимаю
плечо и улыбаясь улыбкой Змия сообщаю, не слишком по-
нижая голос:

– Можешь вести её в отель, дружище – уплачено!

Мальчик с запиской бегал к отелю, в котором мы сняли
два этажа. Юная и свежая мисс Ли, эта соседская девчонка,
как раз гостила в номере у одного из братьев. За деньги.

Вернувшись отель, не стал подниматься наверх, решив по-

читать свежую прессу в прохладе холла. Наверху-то живо загрузят проблемами братства!

Диван около входа и через слово доносится разговор Франца со швейцаром. Беседуют на немецком, что в общем-то нормально для встретившихся земляков. Нормально и то, что у каждого из них свой диалект, свой акцент – в Германии диалектов ни много, ни мало, а порядка двухсот пятидесяти!

... а что-то всё равно царапает уши.

– Язык! Один в один Юрка Тимофеев! Да и не только он, почти все наши пацаны в Казахстане так по-немецки говорили на уроках! Литературно-правильно, но произношение некоторых слов, построение фраз и другие мелочи. А не ошибаюсь ли я, выдавая желаемое за действительное?

– Понаблюдать? К чёрту! Буду из-за мелкой рыбёшки нервы трепать...

В холле поинтересовался у консьержа детективным агентством попрличней и позвонил, не медля.

– ... прикрывать парней, – ставлю задачу детективу, – молодёжь, в голове пока маргарин вместо мозгов, чудить могут по-всякому. В отель лезть не надо, просто дежурьте рядышком, прослеживайте чужаков.

– Сразу видно понимающего человека, – уважительно кивнул глава агентства, – наверняка уже крутится всякое отребье рядышком.

– Того и опасуюсь, – привстав с кресла, наливаю детективу выдержанного бурбона на два пальца. Мясистый нос собеседника шевелится, улавливая запахи, прожилки выдают давнюю привычку к алкоголю.

– Как же, как же, – взяв стакан, закивал глава агентства, выбранный за былую службу в полиции.

– Этих особенно тщательно. Ну и вообще всех, кто поближе подбирается к нам. Даже... знаете, вплоть до жестов характерных, сможете?

– Мистер Ларсен, – толстяк выпятил грудь, – мне ли не знать, что мафиози эти проклятые жесты используют!? Зная жестикуляцию, можно понять, из какой они банды!

* * *

Отставной полицейский оказался дельным профессионалом, несмотря на хронический алкоголизм. Всего за три дня он собрал внушительно досье на всех приближённых ко двору. Информация небезынтересная, нужно сказать... а главное, мои подозрения оказались не признаком паранойи.

Читая перечисление характерных жестов Франца, улыбался зло. Жестикуляция есть у всех народов, и она закономерно отличается. Русские и немцы иначе передают воздушный поцелуй, иначе подзывают человека... очень многое делают иначе.

– Органы... ОГПУ или Коминтерн? Подвели человечка

присмотреться к отпрыскам влиятельнейших семей США, понятно. Только что за агент такой, что его вычислить можно на слух? Скверно работаете, товарищи чекисты, непрофессионально... Операция Трест¹⁶⁴ проведена блестяще, а здесь преференции можно получить никак не меньшие, и такой позор... Что же с вами делать?

¹⁶⁴ Операция «Трест» – контрразведывательная операция Государственного политического управления (ГПУ) Советского Союза, проходившая в 1921–1926 гг. В её ходе была создана фальшивая организация антибольшевистского подполья «Монархическое объединение Центральной России» (МОЦР), чтобы помочь ГПУ (ВЧК) выявить настоящих монархистов и антибольшевиков. Вошла в легенды, в том числе потрясающими по красоте и профессионализму операциями ОГПУ.

Глава 42

Полномасштабная рецессия¹⁶⁵ началась в июле двадцать девятого, наложившись на очередное обострение в гангстерской войне. Безработные вышли на демонстрации, но правительство Гувера решило поиграть мускулами, сочтя уступки или хотя бы миролюбивую риторику неуместными.

На улицы вывели полицию, а местами и войска, на что рабочие ответили повсеместными стачками и стычками. Дав задний ход и назначив стрелочника, Гувер сделал ход конём, натравив на активистов рабочего движения гангстеров.

Лидеры банд в большинстве своём охотно пошли на сотрудничество с властями и стоящим за ними крупным капиталом. В обмен полицейские стали закрывать глаза на действия гангстеров, если те не переходили дорогу властям.

Активистов запугивали, избивали и убивали, порой вместе с семьями. Убийства порой были так жестоки, что волосы дыбом вставали от одного только прочтения газетных статей.

Одним из способов расправы с наиболее популярными активистами стал огонь. Поджигали дома, обливали бензином

¹⁶⁵ Рецессия (от лат. *Recessus* – отступление) – в экономике (в частности, в макроэкономике) термин обозначает относительно умеренный, некритический спад производства или замедление темпов экономического роста. Спад производства характеризуется нулевым ростом валового национального продукта (ВНП) (стагнация) или его падением на протяжении более полугода.

людей прямо на улицах, устраивали настоящие аутодафе в средневековом стиле – с судьями и палачами в масках¹⁶⁶.

Такие случаи встречались нечасто... или если верить слухам, нечасто попадали в газеты. Где-нибудь в глубинке, для небольшого количества зрителей, особо предупреждённых о молчании... Под власть бандитов попадали целые округа.

Волну протестов удалось сбить, но это явно временное явление. Сейчас, в начале кризиса, полностью отчаявшихся людей мало. Большинство ещё надеется на что-то, да и в семье обычно имеется хоть один работающий. В крайнем случае подъедаются накопления.

Что будет через полгода-год, когда на улицах выстроятся километровые очереди за бесплатной похлёбкой, сказать сложно. Люди, которым нечего терять и которые увидели отношение правительства к себе, могут пойти на крайние меры.

Протесты подавили, но активизировались радикалы, ранее не слишком-то популярные в рабочей среде. Сравнительно немногочисленные, они занимались агитацией и проводили громкие, пусть порой и бестолковые акции. Теперь

¹⁶⁶ Желаящие могут посмотреть историю Джесси Вашингтона, к примеру. За убийство белой женщины 17 летний чернокожий в 1916 году был приговорён судом Линча к сожжению, что и произошло при 15 000 зрителях. Открытка с обгорелым телом Джесси долгое время была очень популярна в США. Наказания за самосуд никто не понёс, в то время суд Линча был в США вполне законным – неотъемлемое право граждан, так сказать. Есть примеры и более поздних (после ВМВ) судов Линча, ничуть не менее жестоких, при многочисленных зрителях.

же у них появилась масса горячих сторонников.

Неожиданный эффект дало вмешательство гангстеров. Раньше в народе относились к ним скорее с симпатией, воспринимая едва ли не как народных заступников. Далёко не все банды поддерживали имидж заступников и правдолюбцев, но доля истины в таком отношении имелась.

Банды в большинстве своём расположены на строго определённых территориях, там же набирая новых рекрутов. На своей территории они отлёживаются, пользуясь какой-то поддержкой снизу. Решив поправить свои дела сотрудничеством с властями, они выиграли тактически, но вот выиграют ли стратегически... вопрос не самый простой. Поддержки снизу они начали лишаться почти сразу.

Еврейские банды почти в полном составе пошли на сотрудничество с правительством, вызвав озлобленность рабочих. Антисемитизм в рабочих кругах стал едва ли не признаком хорошего тона¹⁶⁷.

Итальянцы раскололись на традиционалистов и лоялистов, но до междоусобной войны пока не дошло. Скорее всего, времени до этого события не больше двух трёх месяцев,

¹⁶⁷ В те годы антисемитизм являлся частью национальной политики США – вплоть до официальных квот для евреев в колледжах и университетах. В ответ американские евреи часто вели себя вызывающе и провокационно, не отождествляя себя с американским народом. Именно поэтому обращение властей к еврейским гангстерам могло состояться – чтобы в дальнейшем свалить на них всю вину за излишества. И именно поэтому гангстеры могли легко пойти на сделку с властями – голодающие безработные были для них враждебными чужаками.

но пока тишина.

Ирландцы в большинстве своём опираются на рабочие кварталы и откровенные трущобы. С властями они не слишком-то ладили ранее и не поладили сейчас. Демонстративная нелояльность стала причиной массовых арестов, но дала взамен приток рекрутов.

Правда, качество этих рекрутов... выходцы из рабочих кварталов горят жаждой мести и справедливости, а не личной наживы. Для войны такие идеалисты хороши, но вот крышевать публичные дома или нагибать лавочников нужны совсем другие люди...

Происходящее меня откровенно пугает. Рецессия должна была начаться в августе, это я помнил точно. Да и Валерий Аркадьевич с Максимом называли август.

Возможно ли, что наше появление сдвинуло какой-то камушек в катящейся лавине? Спекуляция с нефтяными участками вряд ли заметно отразилась на истории, а вот переданные мной адреса месторождений – вполне.

Какие там камушки сдвинули другие попаданцы, не имею ни малейшего понятия. Может, их уже нет в живых, а может, активно чем-то занимаются.

В той истории СССР весьма активно сотрудничал с США до войны, само окончание Великой Депрессии стало возможным во многом благодаря заказам из Страны Советов. Покупали станки, автомобили, пароходы и целые заводы... да

и сейчас основной объём закупок идёт через Штаты. Экономическая и политическая целесообразность тому причиной, или засевшие в Кремле агенты влияния, как уверяли некоторые конспирологи в двадцать первом веке, не знаю.

Благодаря данным о месторождениях, сотрудничество это могло чуть-чуть сократиться. Не нужно закупать хром и молибден – больше свободных средств на что-то другое. Качество стали вырастает, а вместе с ней вырастает качество двигателей, а двигатели на автомобилях и тракторах проработают дольше.

Не знаю, насколько это поможет индустриализации. Не удивлюсь, если значительная часть сэкономленных денег пойдёт на содержание Коминтерна и личные счета старых революционеров в иностранных банках. Грызня в Союзе сейчас нешуточная, те ещё пауки.

Проигравшие нередко вылетают из рядов, приземляясь за границей. Для своих правила игры в этой среде пока мягкие, либеральные. Неудачники отходят в сторонку, ворча и заливая раны на второстепенных постах – вкусных, жирных, но с меньшим влиянием.

Непримиримые или (что чаще) оттоптавшие мозоли слишком многим и не имевшие многочисленной и влиятельной родни¹⁶⁸ в этой специфической среде, покидали страну. А за границей хотелось продолжать такую же безбедную

¹⁶⁸ Существовали целые кланы потомственных революционеров, с запутанными и разветвлёнными семейными связями в этой же среде.

жизнь, как и в СССР, компенсируя отсутствие прежней власти большей роскошью.

Оказавшись за пределами Советов, некоторые хотели сохранить тень былой власти, подкармливал менее удачливых товарищей, обеспечивая себе сторонников и шанс на возвращение. Бывало, и получалось...

* * *

Отделение РОВС в США даже не пыталось играть в независимость, полностью приняв американские спецслужбы как безусловно старших партнёров. Какие-то игры между белогвардейцами и янки велись, но скорее за близость к трону, чем по принципиальным вопросам.

Аркадий Валерьевич безусловно осознавал это, поглядывая на белую кость с лёгким чувством превосходства...

– Да что себе врать-то! – Мысленно хохотнул бывший чиновник, – выше я теперь, выше! Что, благородия, не получилось загнать в свои дурно пахнущие ряды?! И не выйдет, имел я вас во всех позах, козлы помойные!

Местное отделение РОВС вышло на него по указке берлинских эмигрантов, но Аркадий Валерьевич не стал вытягиваться во фронт. Благородия, попытавшиеся было мобилизовать гражданина Германии в свои ряды, надавив начальственным тоном, без обиняков были посланы по известному адресу.

Попытки РОВС надавить через каналы покровителей провалились с треском. Бывший чиновник в аппаратных играх легко могут дать фору здешним бюрократам, и дал... Знание правил игры плюс материальчик для шантажа, и вот... стоят благородия перед дверью.

– Аркадий Валерьевич, – вежливо начал давешний хам, неделю назад брызгавший слюной в лицо и пытавшийся орать. Вот, даже синяк на скуле не прошёл!

На него-то и уставился бывший чиновник, откровенно скалясь. Почему некоторые идиоты считают, что если у человека есть талант делать деньги и думать, то он автоматически лишается умения бить морды?! А если при этом предприимчивый делец не слишком молод, то он едва ли не инвалид.

Разряд по рукопашке не хотите?! И в спортзале до сих пор фору многим молодым дать может – не только штангу тягает, но и по груше стучит. Вот и дал тогда... троих благородий отмудохал, молодость вспомнил. Ну, грязненько... а давить троём на одно чистенько?

– ... потому РОВС нуждается в ваших услугах, – закончил тем временем речь отставной полковник. Замолчав, он уставился чуть выше головы Аркадия Валерьевича, всем своим видом изображая, как тяжело общаться ему с хамом.

– Да? – Попаданец вытащил зубочистку, по прежнему не выпуская белогвардейцев в номер отеля, начав ковыряться у зубах, – я прослушал. Не могли бы вы повторить?

Скрип зубов бывший чиновник услышал отчётливо – музыка! Белогвардеец повторил...

– Завтра подходите в холл отеля, – небрежно бросил чиновник, закрывая дверь.

– Поручик, уберите револьвер! – Услышал приглушённый голос, – нам он нужен! Сволочь, но...

Голоса стали удаляться и Аркадий Валерьевич отошёл от двери, оскалившись. Реплики за дверью дорого обойдутся РОВС!

Сволочь, понимаете ли... а ничего, что он привёл РОВС к потерянным документам и заработал для них свыше полутора миллионов долларов? Не считая ценнейших бумаг, которые для людей умных много дороже денег!

Обиделись, потому как не захотел сотрудничать... Да кто бы в здравом уме захотел на таких-то условиях?! Деньги добывает он, а распихивают их себе по карманам полковники и генералы, с треском проигравшие Гражданскую. Полководцы херовы, лидеры Белого Движения!

А ему, значит, вместо денег предлагалось получать невысокое довольствие и радоваться, что господа офицеры соизволяют беседовать с ним через губу. Как же, он не один из касты! Не служил, не воевал, не занесён в Бархатные Книжки¹⁶⁹.

И вообще... подозрительный тип! Уж не большевички ли его подослали? Проверить надобно! Проверяли? Ну... всё

¹⁶⁹ То есть не имел среди предков родовитого дворянства.

равно жид поганый, пусть радуется, что приличные люди с ним за одним столом сидят!

Прошедший через армию ещё во времена Союза, Аркадий Валерьевич прекрасно видел подоплёку происходящего. Все эти шепотки, разговоры сквозь зубы... по большей части обычное психологическое давление на новичка.

Сперва показать место, а потом, когда он осознает своё ничтожество, подтянуть потихонечку до своего уровня. Добывший место у очага с превеликими трудностями, человек обычно начинает ценить те мелкие привилегии в стае, хотя за пределами стаи жить можно сытнее и безопасней, да и стайные привилегии в обществе не нужны и не действуют.

Но как же... он выстрадал их, добыл с боем, это важно! Как это, уйти из стаи? А зачем он тогда жилы рвал, пытаясь влиться в коллектив?!

Работало это в советской армии, с её духами, черпаками и стариками... работает и в других случаях. Старо как мир.

Только вот кто сказал, что тёртый немолодой мужик будет играть по чужим правилам?

– Недопёски, – пробормотал бывший чиновник, подходя к бару, – Ничего, я их ещё на кукан натяну...

* * *

– Пропавшее золото Колчака при некотором желании проследить нетрудно, – вещал Аркадий Валерьевич, лениво ко-

выряясь в тарелке. Высокопоставленные члены американского РОВС, внимали, обратившись в слух, – но вот надо ли?

– Да я... начал подниматься почтенный генерал, опасно побагровев и сжимая вилку в мосластом кулаке. Попаданец окинул его пренебрежительным взглядом, особо остановившись на внушительном отвислом брюшке, и немного напояказ согнул свою вилку пальцами одной руки.

– Сядьте, – господин генерал, – придержал вскочившего другой белогвардеец, помоложе и поспокойней, – собеседника нужно прежде всего выслушать, вскакивать вы можете и потом.

– Единства в рядах не наблюдается, – отметил бывший чиновник, отвешивая спасителю слегка ехидный поклон.

– Как вам Свердловы? Один брат член революционного правительства большевиков, второй французский офицер и представитель Франции при Колчаке. И наконец, третий – американский банкир.

– Вениамин Свердлов разорился ещё до переворота, – поморщился тот, что помоложе, – да и байки эти протухли много лет назад. Сейчас Вениамин всего лишь член президиума ВСНХ¹⁷⁰, заведует там научно-техническим отделом. Не самый мелкий чиновник, но не более.

– Байки? – Аркадий Валерьевич усмехнулся жёстко и промокнул рот салфеткой, – пусть даже и разорился, хотя...

¹⁷⁰ Высший Совет Народного Хозяйства, именно из ВСНХ отпочковались наркоматы.

неважно. Связи-то остались, да и трио это inferнальное, со связями по всему миру. А главное... вы никогда не задумались, почему его на такую должность посадили? Должность, которая требует держать руку на пульсе хозяйства в СССР и постоянно быть на связи с Западом? Куратор он, господа, куратор... именно он продавливал концессии¹⁷¹ для американцев и присматривает за капиталами семьи изнутри.

Аркадий Валерьевич некогда живо интересовался историей Революции, пусть в несколько скандальном варианте, в духе Фоменко и Носовского¹⁷². Не крепко, но неподготовленным к такому белогвардейцам хватило. Поплыли.

– Так-то, господа, – подытожил попаданец, выложив информацию и вставая из-за стола, – я к таким людям не сунусь, а вы – думайте сами.

– Сделал гадость, на сердце радость, – ядовито подумал бывший чиновник, выходя из ресторана и ловя такси. Он не

¹⁷¹ Иностранные концессии в СССР – коммерческие предприятия с иностранными инвестициями (полными или частичными), которые существовали на территории Советского Союза с 1920 года по середину 1930-х гг. Договоры о торговых концессиях заключались на год и позднее возобновлялись, а договоры о промышленных концессиях могли заключаться на несколько десятилетий.

¹⁷² «Новая хронология» (сокращённо НХ) – псевдонаучная теория радикального пересмотра всемирной истории, созданная группой под руководством академика РАН, математика А. Т. Фоменко. Отвергнута научным сообществом как противоречащая установленным фактам, а её методы и гипотезы были опровергнуты. В частности, против «Новой хронологии» выступили историки, археологи, лингвисты, математики, физики, астрономы и представители других наук. С другой стороны, академик с последователями часто поднимают неудобные официальные историкам вопросы. Небезынтересное чтение.

сомневался, что речь широко разойдётся в узких кругах, но о последствиях не волновался.

Если безумная идея верна, то неведомые Хозяева Мира оценят грамотный анализ и демонстративный отказ от дальнейшего расследования. Если же нет, то опасаться и вовсе нечего.

Эпилог

Георг Штрассер не привык рассчитывать на спонсоров. Предводитель социалистического крыла НСДАП опирался на рабочих, а не на капитал. Сложно найти спонсоров, когда ты призываешь не только к национальной, но и к социальной революции, открыто признаваясь в симпатиях к большевистской России.

Рабочие оказывали Штрассеру скорее моральную, чем финансовую поддержку. Но чем дальше, тем больше власть перехватывало правое крыло НСДАП, выражающее интересы капитала. Считалось, что национального...

Капитал постепенно побеждал и НСДАП становилась всё менее социалистической, и всё более националистической партией. Сознательные рабочие пока идут за Штрассером, но много ли их?

Вождь правых, Гитлер, и стоящий за ним крупный капитал, дают потихонечку, подминая партию под себя. Через них идёт финансирование...

Мысли отставного капитана, кавалера Железного креста второго и первого класса мрачные, едва ли не пораженческие. Чем дальше, тем больше НСДАП становится чужой партией, и уж точно не партией рабочего класса!

Помощи ждать неоткуда – Россию замкнул на себе Тель-

ман, спонсорская помощь и информационная поддержка Советов идёт лидеру коммунистов. Обращаться к большевикам бессмысленно, у них свой фаворит, а ставить на двух лошадей русские не станут, они для этого слишком бедны.

Идти на союз с Тельманом... парни не поймут. Эрнст для многих предатель, именно коммунистов фронтовики винят в развале Германии, в её бедственном положении. Да и подчеркнутый интернационализм вождя германских коммунистов пугает многих... особенно учитывая количество евреев вокруг Тельмана.

Не простили ему и попытку захвата власти в двадцать третьем. И ладно бы сам, но участие советников из СССР даже не скрывалось!

Доставленный пакет не вызвал особого интереса, известному политику такие приходят десятками. Распечатав начал читать и... застрял надолго.

Неизвестный доброхот прислал интереснейшие материалы на политических противников и сторонников Штрассера. Отдельно собраны факты, отдельно версии...

– Интересно, – пробормотал Георг, промокая платком вспотевший от волнения высокий лоб, – кое-что совпадает с моими данными, но может быть и грандиозная провокация. Так... а вот и на немецких политиков, промышленников... Кусками-то почему? На одних чуть ли цвет детского горшка описывают, а других контурно.

Чек на сто тысяч марок, лежавший в отдельном конверте, ввёл политика в ступор. Сумма не самая крупная, особенно если сравнивать с суммами, проходящими через правое крыло НСДАП... но и не мелкая, совсем не мелкая!

– Вот теперь посмотрим, Адольф, чья возьмёт, – сказал Георг, зло улыбнувшись и погладив папки в материалах. Немного смущала неровность присланных материалов, но ничего... Главное, теперь у него появились реальные шансы на Победу.